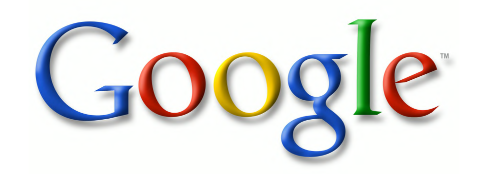
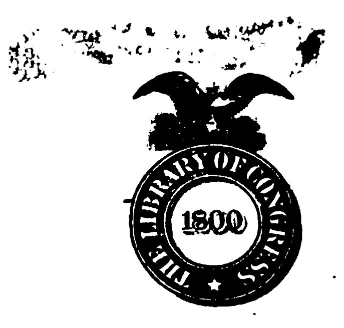
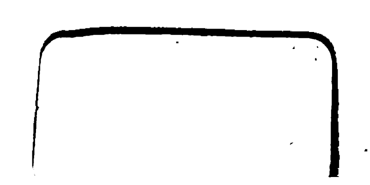

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Осада и сдача

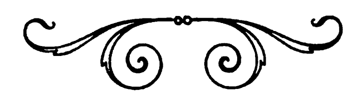
крѣпости

П.-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

Генералъ-маіоръ

М. И. Костенко.

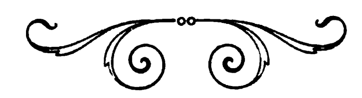
КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Банковая ул., д. № 11.
1906.

Осада и сдача крѣпости П.-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

Генералъ-маіоръ

М. И. Костенко.

КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Банковая ул., д. № 11.
1906.

Предисловіе.

Буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если изданная мною книга «Осада и сдача крѣпости П.-Артуръ» хотя немного приподниметъ предъ русскимъ обществомъ ту таинственную завѣсу, за которой скрывались причины нашихъ фатальныхъ неудачъ въ кровавой борьбѣ съ японцами. Оставляя на обязанности военнаго историка изслѣдовать детально ходъ сраженій, защиту крѣпостей, фортовъ, укрѣпленій,—я поставилъ для себя цѣлью, на сколько позволяли личныя наблюденія, сообщенія очевидцевъ и оффиціальныя данныя, нарисовать картинку нашего общественнаго нестроенія на Дальнемъ Востокѣ передъ войной, состояніе органовъ правительственной власти, ихъ недостатки и достоинства, нашу неподготовленность къ войнѣ; на общемъ же фонѣ осады крѣпости—указать и оттѣнить тѣ обстоятельства, которыя не могли не привести къ нашему пораженію.

Начиная съ неустройства крѣпости, недостачи боевыхъ припасовъ и провіанта, отсутствія способныхъ начальниковъ и оканчивая сдачей ея генераломъ Стесселемъ, не пожелавшимъ считаться съ закономъ и поставившимъ свое *личное усмотрѣніе* выше закона, я при помощи фактовъ старался указать на нашу крайнюю распущенность и, если можно такъ выразиться,—на наше «*самоуправство*» въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ. Грустно и тяжело, но необходимо сознаться, что чувство законности и порядка чуждо еще русскому человѣку; даже въ военномъ дѣлѣ, гдѣ каждый шагъ, каждое дѣйствіе регламентированы закономъ, къ сожалѣнію, многое зависитъ отъ *личнаго усмотрѣнія* военныхъ начальниковъ, не привыкшихъ считаться съ законами. Многіе изъ нихъ, а въ особенности выдвинутые протекціей на высокіе посты, готовы сказать вамъ строго и внушительно: «*Что?... Я вамъ законъ, а потому прошу васъ не указывать мнѣ на законы*».

Такой характеръ дѣйствій болѣе всего воплотился въ личности генерала Стесселя, не пожелавшаго считаться ни съ «Положеніемъ о

крѣпостяхъ», ни съ постановленіемъ Совѣта въ крѣпости 16 декабря 1904 года, ни съ общественнымъ мнѣніемъ и даже выразившаго дерзкое намѣреніе отмѣнить Высочайшее повелѣніе о назначеніи Коменданта.

Одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ на вопросы по поводу неустройства крѣпости и фортовъ, недостачи того или другого матеріала и припасовъ—«*не открытъ кредитъ за недостаткомъ въ казнѣ денегъ*»—ставилъ меня положительно втупикъ, при шальномъ бросаніи денегъ тутъ же на устройство съ невиданными фокусами ненужнаго намъ гор. Дальняго и даже звѣринца въ немъ, поглотившихъ собою совершенно непроизводительно нѣсколько десятковъ милліоновъ народныхъ денегъ. Очевидно, здѣсь играло роль то же *личное усмотрѣніе,* то же *мелкое самолюбіе* поставить себѣ при жизни «*нерукотворный памятникъ, къ которому не заростетъ*», но не «*народная тропа*», а «*народное презрѣніе*».

Будемъ же надѣяться, что только правда, одна истинная правда всегда и при всякихъ обстоятельствахъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, о нашихъ недостаткахъ, безъ всякой лжи и притворства, послужитъ къ нравственному перерожденію насъ самихъ, къ развитію въ каждомъ изъ насъ чувства *патріотизма и полнаго уваженія къ закону*.

М. И. Костенко.

Осада и сдача крѣпости Портъ-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

I.

Война!... Сколько съ этимъ маленькимъ словомъ соединено горя, слезъ, неожиданно разбитыхъ надеждъ, безвременно погибшихъ молодыхъ жизней! Сколько возносится къ Престолу Всевышняго самыхъ горячихъ молитвъ о спасеніи, пощадѣ, дарованіи жизни дорогимъ людямъ и сколько проклятій выливается по адресу виновниковъ войны! Тѣмъ не менѣе, ни одно общественное, скорѣе— міровое явленіе не обновляетъ въ такой степени организма народной жизни, какъ война. Охватывая одновременно общество сверху до-низу, она разомъ объединяетъ чувства и страданія всего народа, побуждая его жить въ періодъ войны одними впечатлѣніями, однѣми радостями, тревогами, муками. Такое объединеніе духовной жизни народа, возбуждая въ сильной степени его жизнедѣятельность, ведетъ за собою сознаніе своихъ ошибокъ и заблужденій, обновленіе его идеаловъ, улучшеніе условій жизни (реформы). Моровая язва, чума, холера, наводненіе,—всѣ эти явленія большей частью мѣстныя, задѣваютъ интересы не столь значительные и не большой группы лицъ, почему не возбуждаютъ того общаго подъема духа, той энергіи и высшей степени напряженія умственныхъ и матеріальныхъ силъ всего народа, какъ это въ состояніи сдѣлать только война. Соприкасаясь близко съ жизненными интересами каждаго отъ мала до велика, она, съ другой стороны, содѣйствуетъ и умственному развитію членовъ общества: если кому либо не приходилось серьезно

думать впродолженіе всей своей жизни, то въ такомъ «шкурномъ» вопросѣ какъ война каждый по необходимости начинаетъ шевелить мозгами, невольно принимая участіе въ обсужденіи хода событій войны, отдѣльныхъ эпизодовъ ея, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, установленія ихъ достоинствъ, недостатковъ, ошибокъ, несовершенства отдѣльныхъ органовъ, цѣлой системы, знакомясь въ то же время съ характеромъ международныхъ отношеній и жизнью другихъ націй. Способствуя, такимъ образомъ, и быстрому политическому воспитанію народа,—трудно исчислить полезность войны также и съ точки зрѣнія внесенія въ народную массу новыхъ понятій, представленій, опредѣленій, объединяющихъ мысли совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ. Вдумываясь въ эти благодѣтельныя послѣдствія войны, душею присоединяешься къ слѣдующимъ «Мыслямъ кстати*)», высказаннымъ съ объявленіемъ ея: «То, что не могли пробудить самые краснорѣчивые витіи въ дни мира, оказалось въ наличности, поднялось и залило Россію свѣтомъ въ пять-шесть дней войны—національное самолюбіе, чувство единства, осуществляемаго въ церковно-государственной и сословно-земской организаціи народа. Сбѣжала вся муть, вся наносная плѣсень, тина и обнаружилась цѣлина дѣвственная, здоровое ядро народнаго духа. Такъ-то при потеряхъ и жизнями человѣческими и казной золотою «война плоды свои ростить». Послѣ того, что все русское общество, молодежь, всѣ мы пережили за эти нѣсколько дней, не только возвратъ къ недавно насъ интересовавшему невозможенъ, но все это—декаденщина, марксизмъ, босячество вмѣстѣ съ денаціонализаціей и безнародничествомъ сплеснуло съ поверхности, какъ грязную накипь съ клокочущаго котла... Молодежь выросла и возмужала за нѣсколько дней... Словно мы вышли изъ душной, гадкой, закоптѣлой, пропитанной *людскими испареніями* конуры—въ открытое поле, подъ ясное солнце, полной грудью вдохнули кислородистую атмосферу, а намъ предлагаютъ вспомнить о томъ испорченномъ воздухѣ, который остался въ мѣстѣ нашей ночевки... Совершилось! Душа поднялась въ обществѣ. Проснулось русское

*) Новое Время 10029.

чувство и разомъ опрокинуло весь наплывъ, весь муссоръ,—вышло къ свѣту на вольную волю и скоро начнетъ свою обновительную работу. Скоро начнется возрожденіе русской мысли, литературы, науки. Такъ было всегда и у насъ, и у всѣхъ народовъ»!

Могучъ и счастливъ тотъ народъ, душа котораго поднимается при такомъ міровомъ бѣдствіи; великъ и силенъ онъ, если, начавъ свою обновительную работу, цѣлесообразно используетъ уроки войны, которая по своему значенію равносильна генеральной уборкѣ квартиры отъ накопившейся впродолженіе многихъ лѣтъ грязи. Не въ этомъ ли заключается всеобщность и необходимость войны во-вѣки вѣковъ!

Уѣзжая изъ Россіи на Дальній Востокъ, я хотя и далекъ былъ отъ мысли, что въ ближайшемъ будущемъ мнѣ пріидется быть не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ кровавыхъ событій, которыми сопровождается война; тѣмъ не менѣе, вопросы о томъ, насколько эта окраина защищена, насколько являлась подготовленной къ войнѣ, а также,—каковы тѣ люди, на которыхъ была возложена обязанность охранять государственные интересы, и какъ вообще поставлена жизнь на востокѣ,—меня чрезвычайно интересовали.

Пріѣхалъ я съ семьей въ г. Владивостокъ изъ П...ой губерніи въ концѣ мая 1902 года. Давно уже манилъ меня къ себѣ Уссурійскій Край; но то, что я увидѣлъ при въѣздѣ въ него, прямо таки поразило и очаровало меня. Никогда я не предполагалъ найти въ немъ тѣхъ чудныхъ красотъ природы, тѣхъ тоновъ свѣта и тѣни, какіе представились въ дѣйствительности. Только познакомившись съ нимъ лично, я понялъ, почему многіе, побывавшіе въ немъ, съ грустью уѣзжаютъ изъ него, тоскуютъ по немъ и нерѣдко, при первой же возможности, вновь возвращаются въ этотъ богатый грустно-задумчивый уголокъ Сибири. Прежде всего бросается въ глаза волнистый характеръ мѣстности, состоящій изъ ласкающихъ глазъ долинъ, холмовъ и горъ, въ иныхъ мѣстахъ очень высокихъ; горы, а отчасти и долины покрыты тайгой или рощами, которыя издали кажутся совершенно изумрудными. Нигдѣ зелень не

выступаетъ такъ рѣзко на фонѣ мѣстности, какъ здѣсь. Расчищенныя отъ тайги горы и долины покрыты густой сочной травой съ массой пестрящихъ цвѣтовъ: въ дикомъ видѣ піоны, тюльпаны, розы перемѣшиваются съ фіалками, ландышами и другими мелкими полевыми цвѣтами, чрезвычайно красиво оживляющими весь пейзажъ. Цвѣты очень душисты и на каждомъ вокзалѣ продавцами протягиваются къ вамъ въ окна вагоновъ огромные букеты изъ нихъ.

Въ иныхъ мѣстахъ долины перерѣзываются глубокими рѣчками, горными ручьями, быстро несущими свои мутныя воды между зелеными берегами въ р. Уссури или же прямо въ Тихій океанъ; присоедините къ этому голубое небо, яркое палящее солнце, щебетанье многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ породъ птицъ и вы дорисуете въ воображеніи всю эту богатую картину Уссурійскаго Края. Не успѣете вы схватить всей чарующей прелести этого вида, какъ поѣздъ вноситъ васъ въ просѣку густой, непроглядной тайги, которая такъ таинственно, такъ задумчиво глядитъ на васъ и сразу смѣняетъ ваше веселое, радостное настроеніе на жуткое чувство страха, въ ожиданіи чего-то тяжелаго, опаснаго.

Но вамъ нѣтъ времени вполнѣ разобраться въ вашихъ ощущеніяхъ, такъ какъ поѣздъ мчится уже въ выемкѣ горы и вы видите въ окно вагона скалы и груды камней, слышите сразу ошеломляющій васъ гулъ среди горныхъ породъ. Овладѣвающее вами тоскливое чувство однако непродолжительно, такъ какъ поѣздъ, перескочивъ мостъ, несется уже по долинѣ, пестрящей тѣми же чудными цвѣтами и густыми рощами; вдали, на берегу рѣки или же на опушкѣ тайги вы видите сиротливо пріютившееся малороссійское поселеніе съ его традиціонно бѣлыми стѣнами и соломенными крышами, съ бродящими около него коровами, овцами и свиньями. Подъѣзжая къ Владивостоку, рощи становятся рѣже, но на смѣну имъ являются новыя красоты—Тихій Океанъ съ его чудными заливами Золотого Рога и Амурскаго. Первоначально, на очень значительномъ разстояніи, поѣздъ проноситъ васъ по берегу послѣдняго, то приближаясь, то удаляясь отъ него, проскакивая каменистыя выемки въ горахъ и проходя мимо расположенныхъ по берегу этого же

залива чудныхъ дачныхъ мѣстъ—Хилково, Сѣданки, Первой Рѣчки; наконецъ незамѣтно вноситъ васъ въ городъ, пересѣкаетъ главную Свѣтланскую улицу, идетъ незначительное разстояніе по берегу Золотого Рога и плавно подходитъ къ расположенному тутъ же вокзалу.

По характеру мѣстности, Владивостокъ очень напоминаетъ Севастополь: городъ также расположенъ на горахъ, тянется вдоль бухты (Золотого Рога), которая величаво раскинулась между двухъ высокихъ параллельно идущихъ холмовъ, соединяющихся между собою въ такъ называемомъ «гниломъ углу». Масса китайскихъ джонокъ и «шампунекъ» (лодокъ) на бухтѣ, длинный рядъ торговыхъ судовъ различныхъ націй, присутствіе военнаго флота, бѣгающіе и свистящіе паровые катера и пароходики,—все это переполняетъ жизнью этотъ уютный уголокъ, приподнимаетъ нервы, возбуждаетъ силу и энергію; хочется самому сейчасъ же, сію минуту окунуться въ эту кипучую дѣятельность, непосредственно принять въ ней участіе, размять свои уставшіе члены отъ долгаго сидѣнья въ вагонѣ. Послѣ Иркутска, впродолженіе десятидневнаго путешествія, впервые какъ бы неожиданно наталкиваешься на этотъ уголокъ, кипящій жизнью. Впослѣдствіи, ознакомившись съ этимъ мѣстомъ и увидѣвъ Дальній и Артуръ, я невольно задумывался надъ вопросомъ, что насъ тянуло туда, въ этотъ дикій непріютный край, состоящій изъ голыхъ скалъ, населенный враждебно относящимися къ намъ китайцами и японцами, при косыхъ взглядахъ на наши захваты со стороны иностранныхъ державъ. Тѣ сотни милліоновъ, которые убиты нами на эти города, превратили бы Владивостокъ въ Звѣзду Востока, если бы были употреблены на устройство послѣдняго съ его чудными бухтами, способными вмѣстить весь флотъ міра. Сторонники захвата Квантуна старались увѣрить всѣхъ въ непригодности Владивостока, благодаря замерзаемости его бухтъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ для порта всемірной торговли; но, по собраннымъ мною даннымъ и личнымъ наблюденіямъ, а въ особенности въ самую студеную зиму 1903—1904 года, оказалось, что въ среднемъ бухты эти покрываются льдомъ на два съ половиною мѣсяца, именно—съ начала

декабря до половины февраля; да и въ этотъ періодъ ледъ по толщинѣ своей не превышаетъ шести вершковъ, благодаря чему съ дробленіемъ его каждую зиму справлялся весьма успѣшно нашъ маленькій ледоколъ «Надежный»; онъ же съ объявленіемъ войны въ одну ночь прорѣзалъ широкій каналъ до моря для выхода эскадры; два же такихъ ледокола, какъ «Байкалъ» и «Ангара», не только могли бы поддерживать выходъ въ море торговыхъ пароходовъ прорѣзываніемъ каналовъ, но безъ особаго затрудненія очищать отъ льда весь Золотой Рогъ и даже Амурскій заливъ. Я устанавливаю пока тотъ фактъ, что за мое пребываніе во Владивостокѣ, благодаря работѣ одного только «Надежнаго», пароходство поддерживалось круглый годъ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно празднымъ является споръ о замерзаемости его бухтъ и неспособности къ міровой торговлѣ впродолженіе круглаго года; напротивъ, Дальній, благодаря свойству его бухты, дѣйствительно оказался непригоднымъ для этой цѣли. Оборудовавъ, такимъ образомъ, Владивостокъ, какъ портъ на Тихомъ Океанѣ и обезпечивъ проходъ нашего военнаго флота черезъ Корейскій проливъ пріобрѣтеніемъ острова Цусимы, мы пріобрѣли бы громадныя выгоды: направили бы торговый путь черезъ наши колоніи, обогативъ величественный Уссурійскій Край и даже всю восточную Сибирь, которая по своимъ лѣснымъ и горнымъ богатствамъ стоитъ гораздо выше западной ея части; владѣли-бы морями Японскимъ и Желтымъ, благодаря свободному выходу военнаго флота; съ другой стороны, проведя желѣзную дорогу вдоль Амура, отъ Срѣтенска до Хабаровска, мы совершенно закончили бы гигантскую работу культивированія и колонизаціи Сибири, этой издревле русской земли. Напротивъ, проведя дорогу по Манчьжуріи, мы обогатили только иностранцевъ, такъ какъ рабочими при постройкѣ ея были только китайцы, а пользоваться услугами дороги, благодаря незначительности нашей торговли, будутъ тѣ же китайцы и японцы, и то только для мѣстной торговли; что же касается транзитной міровой торговли, то, благодаря дешевизнѣ морского пути, послѣдній все таки останется главнымъ, что и оказалось на самомъ дѣлѣ въ отношеніи

Дальняго. По этому вопросу мнѣ приходилось лично и много говорить съ стоящими у власти лицами и общій отзывъ ихъ былъ такой: только лютый врагъ Россіи могъ натолкнуть насъ на Манчьжурію и занятіе Квантунской Области; на постройку же Дальняго смотрѣли какъ на дорогую игрушку и самую дикую затѣю; да и въ иностранной прессѣ злорадно подсмѣивались надъ искусственнымъ устройствомъ Дальняго, удивляясь богатству Россіи, бросавшей безплодно десятки милліоновъ; причемъ, къ сожалѣнію, даже архитектура этого города, кромѣ русскихъ денегъ, ничего общаго не имѣла съ Россіей. Не могу здѣсь не привести донесенія генерала Ф.... адмиралу Макарову по поводу его распоряженій съ началомъ военныхъ дѣйствій относительно порта Дальняго и его построекъ: «Мною сдѣлано распоряженіе, при наступленіи или высадкѣ непріятеля, взорвать молъ и портъ, а также городъ, и взорвать такъ, чтобы не только вторично не могъ быть построенъ городъ, но чтобы никому изъ русскихъ и въ голову не пришло строиться тамъ вторично».

Владивостокъ—городъ складовъ и казармъ. Самыя видныя зданія въ немъ—казармы Сибирскаго экипажа и при нихъ офицерскіе флигеля; далѣе—казармы восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, бывшихъ крѣпостныхъ; изъ остальныхъ зданій выдѣляются магазины фирмы «Кунстъ и Альберсъ», «Чурина и К°», Восточный Институтъ, Военно-Окружный Судъ, вновь выстроенная женская гимназія, русско-китайскій банкъ, гостинницы Grande Hôtel, казармы штаба крѣпости и законченный постройкой въ 1903 году домъ «Золотой Рогъ», въ которомъ помѣщается общественное собраніе и драматическій театръ; изъ складовъ наиболѣе обширны морского и таможеннаго вѣдомствъ; все остальное рухлядь, представляющая изъ себя систему барачныхъ построекъ, проницаемыхъ для вѣтра, дождя и снѣга.

Не могу здѣсь не указать на одно очень важное въ жизни окраины обстоятельство, это—квартирный вопросъ. Являясь мучительнымъ даже въ лучшихъ нашихъ городахъ, онъ прямо таки становится болѣзненнымъ на окраинѣ; между тѣмъ, въ зависимости

отъ удобствъ и обезпеченности квартирой находится качество работы, спокойствіе и обдуманность въ дѣйствіяхъ, да и дешевизна стоимости служащаго. Лично я согласился бы перенести всѣ другія невзгоды, чѣмъ испытать знакомую большинству погоню за квартирой, всегда мало увѣнчивающуюся успѣхомъ. Морское вѣдомство вполнѣ оцѣнило значеніе этого важнаго вопроса, почему и позаботилось устроить рядъ чудныхъ, даже роскошныхъ флигелей для офицеровъ и служащихъ; то же сдѣлала и фирма «Кунстъ и Альберсъ», выстроившая для своихъ приказчиковъ прекрасное зданіе на Свѣтланской улицѣ. Въ морскихъ флигеляхъ, напр. даже семейному мичману отводится помѣщеніе въ каменномъ зданіи изъ четырехъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ, съ платой отъ 18—25 рублей съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Къ сожалѣнію, болѣе ни одно вѣдомство не позаботилось о членахъ своей корпораціи; всѣмъ другимъ служащимъ, какъ и мнѣ лично, приходилось нанимать квартиры въ указанныхъ выше баракахъ, за три-четыре комнаты въ которыхъ, почти на окраинѣ города, взималась плата не ниже 65 рублей, а нерѣдко доходила до 100—150 въ мѣсяцъ; и это безъ воды, отопленія, освѣщенія и безъ всякихъ положительно удобствъ при квартирѣ, даже безъ сарая для дровъ или угля, что обыкновенно складывалось возлѣ квартиры и бѣшено расхищалось китайцами въ ночное время. Температура въ такихъ квартирахъ, при самой усиленной топкѣ, не шла дальше $8^0—10^0$; но благодарили судьбу, что находили и такую квартиру, такъ какъ рисковали остаться и вовсе безъ нея. Кому же изъ служащихъ была охота бросать лучшія условія жизни въ Россіи и идти на встрѣчу мучительнымъ заботамъ по устройству квартиры и дороговизны послѣдней. Неудивительно, что каждый нетерпѣливо ожидаетъ истеченія обязательнаго срока пребыванія на окраинѣ, чтобы возвратиться въ Россію. Совершенно иное получилось, если бы служащій былъ обезпеченъ казенной квартирой: казна, взимая плату за наемъ ея, не несла бы тѣхъ убытковъ, которые получаются при частой смѣнѣ служащихъ; государство же пріобрѣтало бы на окраинѣ контингентъ вполнѣ способныхъ и дѣятельныхъ органовъ. Спросите лю-

бого изъ служащихъ о причинѣ обратнаго отъѣзда въ Россію и получите одинъ и тотъ же отвѣтъ, что онъ такъ измучился тревогой и заботами о наймѣ квартиры, такъ истерзалъ свои нервы и озлобился подъ вліяніемъ страха остаться съ семьей на улицѣ, что выносить болѣе такого положенія не можетъ.

Устранивъ же это главное неудобство, кому бы пришло въ голову покинуть этотъ чудный, богатый природою край! Доказательствомъ этому служитъ продолжительность пребыванія на окраинѣ всѣхъ тѣхъ, кто обезпеченъ квартирой. Къ сожалѣнію, квартирный вопросъ, очень жгучій даже въ Россіи, совершенно игнорируется не только въ Сибири, но и во всѣхъ нашихъ окраинахъ, и нигдѣ,—въ видахъ чисто государственныхъ интересовъ,—не требуется его столь быстрое и удовлетворительное разрѣшеніе, какъ именно здѣсь, въ восточной Сибири.

Въ такомъ же печальномъ видѣ представляются и обитатели этого уголка. Во главѣ управленія городомъ стояли три власти—губернаторъ, комендантъ крѣпости и командиръ порта. Были они совершенно независимы другъ отъ друга, подчиняясь какой-то фикціи, гдѣ-то тамъ очень далеко живущему начальству. Независимость эта была очень нездорова для обитателей города, такъ какъ, благодаря постоянному столкновенію этихъ органовъ,—вела къ большой медленности въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые, въ интересахъ обитателей, должны быть разрѣшаемы быстро и немедленно. Для примѣра привожу слѣдующій курьезный случай: на одномъ изъ угольныхъ пароходовъ Компаніи Маковскаго, поставлявшаго въ портъ каменный уголь съ Сахалина, при разгрузкѣ угля, въ искусственно образованныхъ угольныхъ ямахъ, были открыты три человѣка, оказавшихся ссыльно-поселенцами, бѣжавшими съ Сахалина. Очевидно, что эти люди, при нагрузкѣ угля въ Дуэ (угольныя копи вблизи поста Александровскаго), зарылись въ устроенныя ими же ямы, съ цѣлью достигнуть давно желанной свободы, въ этихъ импровизированныхъ каютахъ проведя безвыходно свое пятидневное путешествіе до Владивостока. Извлечены они были оттуда почти полумертвыми и обезумѣвшими отъ страха.

Маковскій немедленно телефонировалъ въ городскую полицію, прося взять ихъ. Казалось бы, что полиція должна была немедленно же командировать полицейскаго чиновника съ нижними чинами и забрать этихъ несчастныхъ, для передачи въ руки судебной власти. Но на самомъ дѣлѣ это оказалось не такъ просто: возникла обширная переписка о томъ, вѣдѣнію какой именно — морской или городской полиціи подлежитъ арестованіе ихъ. На второй день открытія бѣглецовъ я былъ у Маковскаго, который въ это время настоятельно уже требовалъ о снятіи ихъ съ парохода. На вопросъ Маковскаго мнѣ: «Какъ вы думаете, что мнѣ съ ними дѣлать, такъ какъ задерживается пароходъ отправкой на Сахалинъ»,—я, смѣясь, отвѣтилъ, что выпустилъ бы ихъ на свободу. Чѣмъ окончилась эпопея этихъ несчастныхъ, не знаю.

Военный губернаторъ К.... прибылъ въ началѣ 1903 года, смѣнивъ Ч.... блестящаго кавалера, рьянаго дамскаго поклонника, прославившагося только своими роскошными раутами. Наслѣдство было принято К.... въ самомъ печальномъ видѣ, запущенное и распущенное. Состоявшія при Областномъ Управленіи Общества— Изученія Приамурскаго края, Географическое, Краснаго Креста, Собиранія и Изученія Древностей, Благотворительное—существовали только на бумагѣ; старые отчеты переписывались на новый ладъ чисто и обстоятельно. Обладая живымъ, энергичнымъ характеромъ, К.... занялся созданіемъ проэктовъ улучшенія экономической жизни Края и сельскаго хозяйства, къ поддержанію крупнаго землевладѣнія, къ развитію коннозаводства и скотоводства, къ расширенію и объединенію быта казачества (онъ же былъ и атаманомъ Уссурійскихъ казаковъ), къ упорядоченію переселенческаго вопроса; но осуществить эти проэкты не удалось за наступленіемъ военныхъ дѣйствій, да и по своему характеру всѣ эти проэкты были такъ разнообразны и такъ безсистемны, что могли свидѣтельствовать только объ энергіи чиновника. Къ несчастью К...., у него не было также и настоящихъ помощниковъ, живыхъ, энергичныхъ, знающихъ Край. Хотя вице-губернаторъ П.... и состоялъ при Управленіи болѣе двадцати пяти лѣтъ, но былъ такъ глубоко

погруженъ въ бумажное дѣло, что изъ-за него ни Края, ни дѣйствительной жизни въ немъ не зналъ. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ въ совершенствѣ зналъ свое бумажно-канцелярское дѣло.

Полиціймейстеръ А.... прибылъ въ 1902 году и также мало былъ знакомъ съ условіями жизни города и полицейскими въ немъ порядками, почему всѣ дѣла были возложены на приставовъ. Кстати, составъ полиціи, какъ и вездѣ въ нашихъ городахъ, былъ очень незначителенъ и ненадеженъ.

Комендантъ В...., смѣнившій собою въ 1902 году С...., былъ большой добрякъ и человѣкъ отзывчивый, но, къ сожалѣнію, былъ очень мало знакомъ съ военнымъ дѣломъ и условіями благоустройства крѣпости, которая страдала многими недостатками, исправленными только съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. В.... хотя и былъ офицеромъ генеральнаго штаба, но не былъ военнымъ; онъ много любилъ говорить по вопросамъ исторіи, литературы, обществовѣдѣнія, политики и даже художества, но ровно никакой иниціативы и знаній не проявилъ въ благоустройствѣ крѣпости.

Совершенно инымъ былъ командиръ порта Г...., обрусѣвшій нѣмецъ, взглядъ котораго всѣмъ и каждому выразительно говорилъ: «Вы не троньте меня; я изъ васъ никого не трогаю». Большой хлѣбосолъ, любитель винта,— онъ исключительно являлся только представителемъ своего вѣдомства, забывая о томъ, что онъ хозяинъ многомиліоннаго портового имущества и что у него масса подчиненныхъ. Въ обществѣ онъ былъ чрезвычайно остроумнымъ и отличался простотой въ обращеніи съ людьми ниже его стоящими. Къ сожалѣнію, страсть его къ винту мѣшала ему не только въ управленіи портомъ, но и въ воспитаніи часто собиравшейся у него молодежи изъ моряковъ, такъ нуждавшейся въ этомъ на далекой окраинѣ.

Эти три представителя высшей власти въ городѣ, незнакомые съ управленіемъ, очень мало были освѣдомлены и въ отношеніи политическихъ обстоятельствъ на Дальнемъ Востокѣ; почему всякій симптомъ, тревожный въ этомъ отношеніи, встрѣчался ими съ

усмѣшкой и съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило каждому, что они знаютъ нѣчто такое, чего другіе, непосвященные въ это дѣло, никогда и не узнаютъ. Эти люди и мысли недопускали о близкой войнѣ, почему завѣдомо пренебрежительно относились ко всему, что указывало или клонилось къ уясненію тайныхъ плановъ и намѣреній нашихъ будущихъ враговъ—японцевъ.

Населеніе города состояло въ большинствѣ изъ военныхъ и морскихъ чиновъ, чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, изрѣдка попадались купцы, желѣзнодорожники и лица другихъ спеціальныхъ профессій; многіе изъ служащихъ попали сюда на лучшія мѣста по протекціи, другіе явились только для выслуги амурской пенсіи или же за невозможностью получить соотвѣтствующее мѣсто въ Россіи для производства въ штабъ-офицерскій чинъ; многихъ соблазнила поѣздка сюда изъ-за большихъ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ; встрѣчалось не мало и такихъ, которые по своей неспособности и сомнительнымъ нравственнымъ качествамъ не могли продолжать службы въ Россіи и имъ предложено было перевестись на далекую окраину и пополнить недостающій комплектъ служащихъ. Тутъ только, всматриваясь въ послѣднюю категорію лицъ, я оцѣнилъ значеніе знакомаго многимъ приказа: «Скажите такому-то, чтобы онъ подавалъ въ отставку или же немедленно просилъ о переводѣ его на Дальній Востокъ». И этотъ жалкій Востокъ, такъ богатый своей природой, но бѣдный хорошими работниками, наполнялся элементомъ бездарнымъ, лѣнивымъ и неспособнымъ къ работѣ, ненаходившимъ себѣ мѣста въ Россіи. Невольно припоминались при этомъ слова англійскаго министра Розберри, сказанныя имъ при произнесеніи политической рѣчи въ Австраліи, что заслуги и достоинство Англіи заключаются въ томъ, что въ колоніи она посылаетъ лучшихъ своихъ членовъ, для немедленнаго устройства и организаціи тамъ правильной жизни.

Между членами этого разношерстнаго общества положительно не было никакихъ общихъ интересовъ, кромѣ винта, выпивки и ѣды; не было общихъ стремленій, идей, которыя связывали бы работниковъ въ одинъ общій кружокъ; каждый творилъ работу неза-

висимо отъ работы другого, благодаря чему распоряженія одного учрежденія иногда становились въ полнѣйшее противорѣчіе съ распоряженіями другого (распоряженіе Коменданта о выѣздѣ изъ кр. Владивостока всѣхъ китайцевъ и японцевъ и обращеніе губернатора къ нимъ же сохранить спокойствіе и не покидать города). Не лучшій порядокъ наблюдался и въ составѣ городского управленія, благодаря чему жизнь во Владивостокѣ страдала неустройствомъ и недостатками. Вопросы о личной и имущественной безопасности, эти главные факторы общественной жизни, были разрѣшены наиболѣе слабо: убійства, разбои, грабежи, кражи были заурядными и даже не возбуждали особаго интереса. Субъектами нарушенія покоя города являлись преимущественно сахалинцы и, къ сожалѣнію, матросы. Въ бытность начальникомъ Сибирскаго экипажа капитана 1-го ранга Б...., разнузданность матросовъ доходила до крайней степени; въ одиночку и кучками они болтались по городу часто впродолженіе цѣлой ночи, предаваясь разгулу и грабежу; не рѣдки были случаи нападенія даже на офицеровъ и самаго крупнаго нарушенія дисциплины въ казармахъ и на улицахъ, изъ-за чего Б.... и былъ смѣщенъ. Въ праздники пьяныхъ матросовъ по улицамъ было такъ много, что иные, а въ особенности дамы,—избѣгали выходить изъ дому.

Изъ разговора съ офицерами-моряками по этому поводу, оказывалось, что они сами боятся встрѣчаться не только ночью, но и днемъ съ своими подчиненными; нѣкоторые изъ нихъ оправдывали эту распущенность очень строгой дисциплиной на судахъ во время плаванія. Съ этимъ доводомъ я, однако, не соглашался, такъ какъ дисциплина не менѣе строга и въ казармахъ сухопутныхъ войскъ; съ другой стороны, найболѣе опаснымъ элементомъ являлись матросы Сибирскаго экипажа, постоянно жившіе на сушѣ, почему приписывалъ все это полнѣйшему отсутствію офицерской работы въ смыслѣ воспитанія матросовъ, а также снисходительности ихъ къ безшабашному пьянству, которому они предавались и которое влекло за собою большой процентъ преступности. Съ уходомъ Б... и назначеніемъ капитана I ранга П..., положеніе сразу измѣнилось: пре-

ступность понизилась, матросы на улицахъ стали болѣе благопристойными и пьяные попадались значительно рѣже; а вѣдь отданъ былъ всего такой приказъ: пьяныхъ немедленно забирать подъ арестъ, а блуждающихъ ночью отводить въ помѣщеніе и сдавать начальству ихъ; за всякое непристойное поведеніе матросовъ и самовольный уходъ изъ казармъ отвѣчаютъ ближайшіе ихъ начальники. Къ сожалѣнію, управленіе П... было не продолжительно, дезорганизація же проникала такъ глубоко, что исправить матросовъ одними приказами было трудно. Прекратить грабежи сахалинцевъ, съ которыми матросы иногда дѣйствовали за одно, не удалось, благодаря незначительному контингенту полиціи и ея ненадежному составу, пополнявшемуся тоже изъ сахалинцевъ, дѣйствовавшихъ иногда за одно съ грабителями.

Не смотря на все это, ни одинъ городъ въ мірѣ не живетъ такъ весело, какъ Владивостокъ. Кутежи съ «дамами полусвѣта» въ отдѣльныхъ кабинетахъ «Тихаго Океана» являлись такой приманкой, что не было силы, которая могла-бы удержать кого-либо отъ этого; тамъ въ одну ночь ухлопывалась не только ежемѣсячная получка (жалованье), но иногда и всѣ свободные наличные капиталы и сбереженія. По разсказамъ, ихъ установили блаженной памяти инженеры, строители китайской желѣзной дороги, которые пріѣзжали покутить и развлечься, оставляя въ одинъ вечеръ по пяти-десяти тысячъ! Дѣло доходило до оргій, въ видѣ купанья нимфъ въ ваннахъ, наполненныхъ шампанскимъ, и въ разбиваніи зеркалъ и дорогихъ фонтановъ-купидоновъ; бросались прямо-таки бѣшенныя деньги, полученныя путемъ только по отчетамъ выстроеннаго желѣзнодорожнаго зданія, оказавшагося впослѣдствіи также по отчетамъ разрушеннымъ или сожженнымъ хунхузами. Бѣдные хунхузы, сколько на ихъ неповинную голову сваливалось такихъ преступленій, которымъ они совершенно непричастны! Къ моему пріѣзду остались только сладкія воспоминанія о кутежахъ инженеровъ и подрядчиковъ, и считалось болѣе или менѣе выдающимся событіемъ, если кутежъ влеталъ въ 300—500 рублей. Благодаря такому истощенію кармановъ любителей сильныхъ ощущеній, про-

горѣлъ главный ресторатор Шупнъ, въ концѣ концовъ бѣжавшій отъ долговъ. Но жизнь и при мнѣ по прежнему централизовалась въ «Тихомъ Океанѣ», гдѣ рѣдкій вечеръ обходился безъ скандаловъ; азартная игра велась на глазахъ всѣхъ и этого никто не замѣчалъ; все шло обыкновеннымъ семейнымъ порядкомъ и о происшедшихъ скандалахъ въ обществѣ разговора не возбуждалось; всѣ къ нимъ привыкли.

Единственными мѣстами, гдѣ можно было съ семьей провести время, были морское и гарнизонное собранія; къ сожалѣнію, вечера въ нихъ устраивались очень рѣдко, да и молодежи собиралось очень мало; невѣроятно, но послѣдняя, въ особенности моряки, стремилась также въ мѣста сильныхъ ощущеній; иногда-же собирались компаніями у своихъ, гдѣ дѣло доходило даже до оргій, оканчивавшихся иногда очень печально (самоубійство мичмана съ крейсера «Россіи» Б....). Знакомства и здѣсь въ большинствѣ случаевъ были только случайныя, построенныя на выпивкахъ и ужинахъ: собрались, покутили, разошлись до возможности вновь сойтись при такой же обстановкѣ. Преимущество всегда и во всемъ отдавалось морякамъ; виноваты въ этомъ были, конечно, дамы, симпатіи которыхъ склонялись преимущественно на сторону моряковъ, какъ наиболѣе воспитанныхъ и элегантныхъ.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, это почти раболѣпнаго преклоненія предъ иностранцами, а въ частности консулами или скорѣе коммерческими агентами Китая и Японіи. Первый изъ нихъ—Ли былъ хотя человѣкъ добродушный, женолюбивый, какъ китаецъ, благодаря чему не рѣдко угощавшій дамъ шампанскимъ; второй же держалъ себя сдержанно, и, какъ японецъ, былъ надутъ и угрюмъ. Тѣмъ не менѣе, это не охладило къ нему симпатій со стороны русскихъ, допускавшихъ съ нимъ дружескія, даже панибратскія отношенія (трепленіе по плечу, поясницѣ); въ ударѣ нерѣдко, по добродушію, сообщались ему и такія свѣдѣнія, которыхъ онъ не долженъ былъ бы знать. И это было даже наканунѣ войны, когда японскій консулъ собирался покинуть городъ. Мало того, ему, уѣзжавшему изъ Владивостока за недѣлю до от-

крытія военныхъ дѣйствій, были устроены проводы; причемъ однимъ изъ видныхъ административныхъ дѣятелей, въ видѣ напутствія, была сказана трогательная рѣчь, отъ которой произносившій ее чуть самъ не прослезился; злые языки утверждаютъ, что ораторъ, вынувъ въ концѣ своей рѣчи носовой платокъ и, снявъ пэнсне, протеръ глаза. Между тѣмъ, въ это время всѣ уже иностранныя газеты трубили о войнѣ; только мы одни не предвидѣли ее. Не будь мы поглощены такъ сильно мелкими личными интересами и гипнотизированы мыслью, что Японія никогда не осмѣлится объявить войну Россіи, такой сильной и могущественной державѣ; будь мы хотя нѣсколько наблюдательны и понимали бы проходившія предъ нашими глазами событія, мы не дались бы въ обманъ и японскій консулъ уѣхалъ бы безъ проводовъ и слезъ. А событія были таковы: за двѣ—три недѣли до объявленія войны, хозяева японскихъ магазиновъ быстро начали ликвидировать свои торговыя дѣла и уѣзжать въ Японію; вещи продавались за такой безцѣнокъ, что всѣ поражались этимъ и считали ихъ глупцами, убоявшимися призрака войны. Вслѣдъ за купцами также быстро произвели свои разсчеты японцы—мастеровые и прислуга, прощанье которой со своими господами и дѣтьми было очень трогательное. Это массовое бѣгство дополнили китайцы, которые также начали быстро продаваться и бѣжать въ Чифу. Всѣмъ намъ угрожала опасность остаться безъ прислуги; въ особенности оказались въ тяжеломъ положеніи неимѣвшіе казенной прислуги. Лично я считалъ войну также призракомъ, но въ свое оправданіе могу сказать одно, что такая моя убѣжденность явилась результатомъ частыхъ сношеній съ оффиціальнымъ кругомъ, въ которомъ преобладалъ полнѣйшій оптимизмъ, откуда я и заразился послѣднимъ; эта убѣжденность еще болѣе подрѣплялась личными впечатлѣніями, вынесенными изъ артурской жизни, гдѣ, по моимъ служебнымъ дѣламъ, пришлось провести ноябрь и декабрь 1903 года. Здѣсь не только въ обществѣ, но даже въ кругу Намѣстника царило глубокое убѣжденіе, что японцы никогда не посмѣютъ объявить войны Россіи; иниціаторами въ этомъ дѣлѣ можемъ быть только мы, а что если японцы шумять теперь, то съ цѣлью

добиться отъ Россіи уступокъ; притомъ, такое бряцаніе оружіемъ со стороны Японіи повторяется уже шестой годъ зимою или ранней весною. Артурская пресса, представляемая газетой «Новый Край», была также не на высотѣ своего положенія и также не съумѣла оцѣнить свѣдѣній и извѣстій иностранныхъ газетъ; да и времени для этого не имѣла, такъ какъ всецѣло была поглощена описаніемъ придворной жизни Намѣстника, картинно рисуя балы во дворцѣ и въ садахъ (разставленные въ вазонахъ цвѣты въ уголкѣ двора), которые сравнивались съ садами Шехерезады, а самъ хозяинъ величался бояриномъ; большой отдѣлъ также занимали пышные выѣзды Намѣстника въ Область, красота и грозное величіе флота. Совершенно справедливо отмѣтило «Новое Время» (№ 10035), что въ то время какъ «Новый Край», издаваемый въ П.-Артурѣ, относился оптимистически къ русско-японскому конфликту, владивостокскій «Дальній Востокъ» уже «въ началѣ января начинаетъ отмѣчать надвигающуюся грозу, пользуясь для этого мѣстными иностранными газетами, которыя неизбѣжно должны были являться важными показателями». Къ сожалѣнію, какъ я указалъ уже выше, ни мѣстныя власти, ни общество во Владивостокѣ и Артурѣ незамѣчали этихъ показателей, а если и замѣчали, то не умѣли оцѣнить ихъ въ должной мѣрѣ. Между тѣмъ, дѣйствительно, какъ на это указываетъ «Новое Время», въ газетѣ «Kobe Chronicle» было оповѣщено, что военный и морской департаменты въ Японіи издали постановленіе для всѣхъ мѣстныхъ газетъ о печати, основанное на 22 ст. Закона, воспрещающее публиковать о движеніи военныхъ судовъ и войскъ; газета «Ници-Ници» въ своей передовой статьѣ «Какъ обращаться съ Россіей» прямо требовала предъявленія Россіи ультиматума; Токійская газета «Кокуминъ» шла еще далѣе: она находила даже лишнимъ посылать ультиматумъ; отвѣтомъ должны быть «желѣзо, огонь, кровь». Все это мы прозѣвали; мы не придали этому значенія, видѣли только угрозу ребенка, благодаря чему жестоко впослѣдствіи поплатились.

Всѣ мои впечатлѣнія и наблюденія привели меня къ одному глубокому убѣжденію, что не только мѣстныя, но и столичныя

власти были въ глубокомъ чаду самообольщенія и увѣренности, что японцы достаточно напуганы нашимъ «бряцаніемъ» оружія и фиктивной нашей силой на Востокѣ; что благодаря этому ослѣпленію, никто изъ русскихъ не предвидѣлъ близкой войны съ Японіей; что она дѣйствительно застала врасплохъ не только мѣстныхъ дѣятелей, но и всю Россію, почему на первыхъ порахъ и произвела такое ошеломляющее дѣйствіе, въ особенности на обитателей Артура, гдѣ разыгралась прелюдія къ ужасной драмѣ.

Трудно передать то чувство негодованія и горя, которое овладѣло многими при полученіи изъ Артура 27 января телеграммы о нападеніи японцевъ на нашъ флотъ и о пораненіи нашихъ лучшихъ судовъ «Ретвизана», «Цесаревича». Слезы невольно лились изъ глазъ; для меня же эта потеря тѣмъ болѣе была чувствительна, что въ ноябрѣ 1903 года я былъ свидѣтелемъ прихода красавца «Цесаревича» въ Артуръ, любовался имъ, гордился этой будущей славой и честью нашего флота. То душевное страданіе, которое было мною пережито по поводу полученнаго извѣстія,—пережито было всей Россіей, всѣми истинно русскими людьми. Вотъ что я прочиталъ въ письмѣ брата моего отъ 1 марта, полученномъ мною уже въ Артурѣ: «Теперь возвращаюсь къ прошлому и хочу нарисовать тебѣ слабую картинку нашихъ ощущеній и дѣйствій со времени 26 января. Когда мы прочитали первую телеграмму Алексѣева о раненіи трехъ лучшихъ нашихъ судовъ, мы не могли говорить ни о чемъ; потомъ испытали состояніе: или выйти на улицу и кричать отъ боли, или напиться пьянымъ и на время забыться. Тутъ была смѣсь различныхъ чувствъ: горькая обида, неувѣренность, что моряки были на своихъ мѣстахъ и т. д. Спасибо выручила толпа, психологія которой нашла выходъ: соорудивъ знамена, захвативъ факелы, она пошла по улицамъ въ Харьковѣ днемъ, а въ Бѣлгородѣ вечеромъ и начала пѣть гимнъ «Боже царя храни». Ты понимаешь, что это былъ выходъ изъ того гнетущаго состоянія, въ которомъ мы находились и эта демонстрація—это былъ адресъ правительству въ довѣріи къ нему и въ требованіи смыть этотъ позоръ. Сегодня уже 1 марта и въ Россіи царитъ глубокое

убѣжденіе, что Японія будетъ раздавлена, а потому нервность замѣнилась какимъ-то удивительнымъ спокойствіемъ и необычайнымъ патріотическимъ подъемомъ».

Несомнѣнно, исторія въ будущемъ укажетъ намъ виновниковъ преступнаго бездѣйствія, послѣдствіемъ чего было нечаянное, неожиданное нападеніе на нашъ флотъ и поврежденіе его. Только благодаря этому,—Японія сразу захватила иниціативу дѣйствія на морѣ, а нашъ флотъ заставила бездѣйствовать во все время кампаніи, причинивъ намъ впослѣдствіи неисчислимыя бѣдствія и громадныя потери деньгами и людьми. «С.-Петербургскія Вѣдомости», разсматривая вопросъ о томъ, какъ могло случиться, что мы *прозѣвали* неожиданное нападеніе на наши суда, очень ядовито отмѣчаютъ слѣдующее: Русская публика «почти не оцѣнила стоической простоты донесеній Намѣстника, вселяющей вѣру въ каждую букву, а находятся уже охотники критиковать безъ основанія его дѣйствія.—Какъ прозѣвали японскія миноноски?—Какъ прозѣвали,—очень просто; ихъ сторожили цѣлый годъ и устали сторожить. Человѣческое вниманіе подвержено такимъ же физическимъ законамъ, какъ и другія человѣческія отправленія. Сторожевое напряженіе безъ войны такъ долго длилось, что не могло не изсякнуть. Попробуйте заставить человѣка сохранить не годъ, а хотя бы недѣлю безъ перерыва молитвенное настроеніе: развѣ это возможно»? («Новое Время» № 10028).

Извѣстіе о пораненіи нашихъ судовъ, а вслѣдъ затѣмъ объявленіе войны—произвели сильное впечатлѣніе на владивостокское общество, очутившееся въ положеніи городничаго при извѣстіи о пріѣздѣ настоящаго ревизора. Всѣ были захвачены врасплохъ, всѣ на первыхъ порахъ онѣмѣли отъ неожиданности. Къ счастью русской натуры, это продолжалось недолго; скоро «очухались» и все пришло въ движеніе, все засуетилось и принялось за настоящую работу; гдѣ взялись сила и энергія, куда пропали безслѣдно лѣнь и апатія. Такъ какъ неожиданное нападеніе сулило въ близкомъ будущемъ быстрое и энергичное наступленіе непріятеля, то прежде всего бросились провѣрять средства обороны. Съ этой стороны об-

наружились большія прорѣхи: форты оказались далеко не такъ вооруженными, какъ это слѣдовало бы,—а нѣкоторые и не выстроенными и именно тамъ, гдѣ они были необходимы; напр. со стороны залива Амурскаго, гдѣ тянется по берегу желѣзная дорога, а также со стороны Уссурійскаго залива. Эти форты, какъ мнѣ передавали впослѣдствіи, были устроены во время войны. Эскадра наша, состоявшая изъ судовъ «Россіи», «Громобоя», «Богатыря» и «Рюрика», несмотря на объявленіе ее въ плаваніи за недѣлю до начала войны, также оказалась не подготовленной; не хватало много необходимаго для немедленнаго выхода въ море и все это приходилось пополнять изъ складовъ и свозить на суда ночью. Миноносный отрядъ былъ еще въ болѣе худшемъ положеніи, такъ какъ не былъ даже вооруженъ; говорили, что недостаетъ минъ, что бухту нельзя заминироватъ не только по случаю зимняго времени, но и по недостатку минныхъ загражденій; тѣмъ не менѣе, въ ночь на 28 января, въ страшную пургу, эскадра вышла въ море. По возвращеніи ея 30 или 31 января оказалось, что одна изъ башень «Рюрика» неворочается, за недостаткомъ какого-то зубчатаго колеса и что нужно дѣлать исправленія, которыя, правда, считались ничтожными.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, пошли фабриковаться различные слухи, которые сильно тревожили общество; такъ, будто бы слышали отдаленные пушечные выстрѣлы, а также подземный стукъ въ крѣпости, изъ чего заключили, что ведется подкопъ подъ батарею, для взрыва послѣдней. Слухъ этотъ подтвердили мнѣ лично въ штабѣ крѣпости. Разнеслась также вѣсть, что въ Гензанѣ высадились японцы и что съ часу на часъ нужно ожидать появленія японской эскадры предъ Владивостокомъ. Все это произвело такой переполохъ въ обществѣ, что трудно описать: всѣ бросились бѣжать,—кто въ Никольскъ-Уссурійскъ, кто въ Хабаровскъ, а кто прямо въ Россію; поѣзда брались публикой съ боя, причемъ не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ (задушеніе на вокзалѣ мальчика), благодаря чему были приняты мѣры военной охраны на вокзалѣ.

Самая картина бѣгства была найболѣе удручающей: вотъ мчится на извозчикѣ къ вокзалу несчастная мать съ дѣтьми, растерявъ свои вещи; дѣтишки ежатся отъ холода и съ испуганными лицами, недоумѣвая, что̀ произошло въ дѣйствительности; тамъ слышенъ раздирающій душу крикъ «извозчикъ»; вотъ плетется цѣлый обозъ съ багажемъ; тамъ, по колѣни въ снѣгу бредутъ на тотъ же вокзалъ мущины, женщины, дѣти; лица у всѣхъ растерянныя, озабоченныя. На вокзалѣ незамѣчалось прежняго элегантнаго отношенія мущинъ къ дамамъ, преобладало только право сильнаго. Въ два—три дня городъ почти опустѣлъ; я, жившій на многолюдной Пушкинской улицѣ, оказался въ своемъ кварталѣ только одинъ съ семьей. Тяжела была въ ночное время эта мертвящая тишина, ненарушаемая ни лаемъ собакъ, ни проѣздомъ экипажей; если добавить къ этому дѣйствительную возможность бомбардировки и повальнаго грабежа со стороны охотниковъ до чужой собственности, которые, казалось, выжидали только этого момента, то душевное настроеніе было не изъ-завидныхъ. Я засыпалъ только къ утру и каждый ночной шорохъ или стукъ вызывалъ непріятное нервное состояніе. Ко всему этому присоединилась другая бѣда: зима вступила въ полный разгаръ и въ ночь на 29 января городъ буквально былъ засыпанъ снѣгомъ. Такой снѣжной и суровой зимы никто не запомнитъ изъ стариковъ Владивостока. Мнѣ лично съ своими поваромъ и бойкой пришлось на другой день прорывать траншеи въ ростъ человѣка, чтобы только выйти изъ квартиры; вслѣдъ за пургой установились почти 20° морозы съ вѣтромъ, положительно обжигавшіе лицо. Успокоивъ кое-какъ семью, я рѣшился выждать дальнѣйшихъ событій, такъ какъ отпускать ее въ Россію съ больнымъ груднымъ ребенкомъ и шестилѣтнимъ сыномъ, при такомъ массовомъ бѣгствѣ и въ такую жестокую стужу, положительно было невозможно. Такое выжиданіе оказалось весьма благоразумнымъ, такъ какъ впослѣдствіи я узналъ, что на ст. Манчьжурія, за недостаткомъ подвижнаго состава на Забайкальской дорогѣ, скопилось около 2 тысячъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, которые по два—три дня ожидали отъѣзда дальше, буквально сидя на снѣгу,

а дороговизна продуктовъ доходила до невѣроятныхъ размѣровъ; такъ, по разсказамъ, стаканъ молока стоилъ 50—60 коп.; селедка —1 р., булка 30—40 коп. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ купцовъ начали повышать цѣну на продукты и во Владивостокѣ, а хозяева квартиръ засуетились объ уплатѣ денегъ за будущее время. Съ началомъ войны я былъ назначенъ въ П.-Артуръ, куда и выѣхалъ 12 февраля.

Поѣздъ отходилъ въ 8 часовъ утра и я успѣлъ только вздремнуть; проснулся въ 6 часовъ и мы начали тотчасъ же собираться, чтобы по раньше пріѣхать на вокзалъ и заблаговременно успѣть сдать вещи въ багажъ. Помню это раннее морозное утро, еле начинавшійся разсвѣтъ и нашъ маленькій поѣздъ изъ двухъ парныхъ извощиковъ, съ трудомъ двигавшихся на вокзалъ по сугробамъ едва разъѣзженнаго снѣга; морозъ положительно обжигалъ лицо и мы всѣ пріѣхали на вокзалъ окоченѣвшими. Къ нашему пріѣзду собрались уже на вокзалѣ нѣкоторые изъ знакомыхъ проводить меня, что чрезвычайно порадовало, такъ какъ это вниманіе свидѣтельствовало о томъ, что семья моя не будетъ забыта и одинока. Смотря на жену, дочь и сына, провожавшихъ меня, я никогда еще въ своей жизни не испытывалъ такого сильнаго чувства любви, состраданія и волненія, какъ въ этотъ моментъ разлуки; слезы наполняли глаза, готовы были брызгнуть, но приходилось сдерживать себя, чтобы окончательно не разстроить милыхъ, дорогихъ людей. Мысль, что можетъ быть эта разлука на-всегда, что можетъ быть никогда больше не увижу этихъ близкихъ мнѣ существъ,—тяготила ужасно.

Я въ то время былъ въ какомъ-то безпамятствѣ и если бы меня спросили, простился-ли я съ женой и дѣтьми предъ отходомъ поѣзда, то право не припомнилъ бы этого обстоятельства, до того мною всецѣло овладѣла мысль о вѣчной разлукѣ; помню, что сквозь слезы я пристально всматривался въ дорогія лица и долго въ дверь вагона махалъ фуражкой своимъ милымъ, стоявшимъ плотной кучкой среди окружавшихъ ихъ знакомыхъ; помню также, что и они махали своими платками, пока не скрылся поѣздъ.

II.

Кто, проѣзжавшій Харбинъ, незнаетъ его вокзала и кто дастъ ему это названіе? Но на-вѣрное никто не чувствовалъ къ нему такой непріязни, какъ лично я, просидѣвъ однажды въ немъ около часу и окоченѣвъ до того, что схватилъ лихорадку. Это былъ деревянный баракъ или скорѣе сарай, раздѣленный на три части: правая со стороны перона была предназначена для интеллигентной публики, а лѣвая для служащихъ; среднее же помѣщеніе для сообщенія перона съ подъѣздомъ,—сквозное, холодное и продуваемое вѣтромъ отъ постоянно открывавшихся наружныхъ дверей,—было предназначено для простой публики, которая, за неимѣніемъ сидѣнья, толклась съ ноги на ногу.

Въ мой пріѣздъ утромъ 13 февраля, это отдѣленіе буквально биткомъ было набито народомъ, стоявшимъ плотной толпой съ своимъ убогимъ багажемъ, который или валялся подъ ногами или же висѣлъ на плечахъ. Толпа эта, иззябшая и голодная, состоявшая изъ зипуновъ, полушубковъ и военныхъ шинелей различныхъ частей войскъ,—ожидала по нѣсколько часовъ въ такомъ положеніи приказанія садиться въ вагоны; но видъ у всѣхъ былъ бодрый, взглядъ полный энергіи и какого-то великаго, торжественнаго настроенія; замѣтно было, что каждый изъ этой толпы сознавалъ важность и серьезность минуты и все его существо было проникнуто этимъ великимъ историческимъ моментомъ. Пробившись черезъ эту плотную массу, я вошелъ въ отдѣленіе для «чистой» публики, гдѣ положеніе было не лучше; тутъ къ мужскому элементу, состоявшему изъ военныхъ различныхъ родовъ оружія, чиновниковъ и вольныхъ лицъ, въ изобиліи былъ примѣшанъ женскій элементъ съ дѣтьми и нянями; въ углахъ и вдоль стѣнъ, въ видѣ пирамидъ, возвышались узлы съ вещами, чемоданы и коробки, а у основанія этихъ пирамидъ, за недостаткомъ сидѣнья, въ видѣ бордюра, одни стояли съ поникшими головами, а другіе сидѣли на вещахъ или полу, утоляя свой голодъ закусками или же согрѣваясь чаемъ. За общими столами не было свободныхъ мѣстъ и нужно было ожидать

очереди, чтобы захватить стулъ и приняться за ѣду или чай. Въ залѣ стоялъ какой-то непрерывный гулъ, разрываемый изрѣдка рѣзкимъ дѣтскимъ крикомъ или же звонкомъ швейцара, объявлявшаго мѣсто отправленія поѣзда. Несмотря на массу курящихъ, въ залѣ былъ сравнительно чистый морозный воздухъ. По счастью, мнѣ удалось скоро занять мѣсто у стола; вскорѣ возлѣ меня занялъ освободившееся мѣсто высокій плотный генералъ Г..., оказавшійся командиромъ бригады, прибывшей еще въ 1903 году изъ Россіи. Познакомившись, я отъ него узналъ, что онъ выступилъ съ бригадой изъ Хабаровска въ Манчьжурію, но безъ обоза, который не взятъ изъ Россіи и котораго онъ поджидаетъ въ Харбинѣ; полки его хотя и пополнены запасными, но невооружены за недостаткомъ ружей, неимѣютъ также и теплой одежды; что одного изъ офицеровъ онъ посылалъ на Байкалъ розыскать обозъ, но пока безъ всякаго успѣха.

Согрѣвшись и окончивъ чай, я отправился въ городъ увидѣться съ товарищами А.... и П...., пріѣхавшими раньше меня въ Харбинъ; но это оказалось не такъ легко: прежде всего дала себя знать стоявшая въ то время страшная стужа; морозъ былъ адски жестокій и улицы буквально были засыпаны снѣгомъ; вечеромъ же около 10-ти часовъ до-того развилась сильная вьюга, слѣпившая глаза и наметавшая новые сугробы снѣга, что разыскивая П...., жившаго въ одномъ кварталѣ съ А...., я предварительно блуждалъ по городу около часу. Положеніе путниковъ было просто таки трагическое. Добравшись до квартиры П...., я съ удовольствіемъ узналъ отъ него, что онъ также ѣдетъ со мною до Мукдена, такъ какъ былъ назначенъ состоять при штабѣ Главнокомандующаго (Намѣстника).

Около часу ночи мнѣ былъ указанъ вагонъ, прицѣпленный къ воинскому поѣзду, въ которомъ я, измученный въ продолженіе дня усталостью, съ истерзанной тяжелыми думами душею, устроился въ отдѣльномъ купе и заснулъ крѣпкимъ сномъ, проснувшись на другой день уже въ пути къ Артуру.

Чрезвычайно однообразна и томительна дорога отъ Харбина до Мукдена; лѣса́ совершенно отсутствуютъ; кое-гдѣ, да и то рѣдко,

попадаются китайскія деревни; общій видъ не разнообразится даже горами или холмами: сплошная однообразная равнина на протяженіи почти 500 верстъ! Она не оживляется даже присутствіемъ птицъ, которыхъ я на этомъ протяженіи не встрѣчалъ ни лѣтомъ, ни зимой. Подъѣзжая же къ Мукдену, общій видъ рѣзко мѣняется: рощи встрѣчаются почти на каждомъ шагу, между которыми пестрятъ въ изобиліи деревни, окруженныя чудно распаханными полями; здѣсь природа очень напоминаетъ милую Малороссію съ ея вишневыми садами и уютно устроенными огородами. Такой характеръ мѣстности тянется почти до-границы Квантунской области (станція Пулондянъ), гдѣ рѣзкій переходъ къ высокимъ совершенно безлѣснымъ горамъ и скаламъ, наполняющимъ вплотную весь полуостровъ Квантуна до самого Артура.

По дорогѣ я замѣтилъ стоявшія на мостахъ пушки. Это была для меня новость, такъ какъ при проѣздѣ въ 1903 году я не видѣлъ ихъ. Отъ офицера пограничной стражи, ѣхавшаго со мной въ одномъ поѣздѣ, я узналъ, что хотя пушки и поставлены, но стрѣлять изъ нихъ нельзя, такъ какъ при ихъ спѣшной высылкѣ, замки были перепутаны и присланы отъ другихъ орудій; оказалось, что пушки были высланы изъ Владивостока. Дорога и мосты охранялись стражей; вездѣ стояли часовые и ходили патрули. Тяжесть дороги отчасти сокращалась милымъ обществомъ П.... и полеваго контроля, ѣхавшаго со мною въ одномъ вагонѣ въ Ляоянъ.

Вечеромъ 15 февраля мы прибыли въ Мукденъ, въ которомъ еще въ 1902 году мнѣ пришлось прожить около шести мѣсяцевъ. Проѣзжая въ 1903 году, я видѣлъ на вокзалѣ массу китайцевъ и китаянокъ, продававшихъ бездѣлушки собственнаго издѣлія; теперь же тамъ было совершенно пусто и станція высматривала угрюмо. На пути, около станціи въ вагонѣ, временно проживалъ Намѣстникъ, окружаемый непроницаемой стражей. Нашъ поѣздъ остановился вдали отъ станціи, но это не помѣшало мнѣ отправиться на вокзалъ въ надеждѣ, не встрѣчу-ли кого-либо изъ знакомыхъ; но тамъ было также совершенно пусто; кромѣ буфетчика и нѣсколькихъ служащихъ, я никого не нашелъ, почему немедленно же

возвратился въ вагонъ; вскорѣ двинулся поѣздъ и мы поѣхали далѣе на югъ.

По мѣрѣ приближенія къ Артуру, сердце невольно сжималось; съ каждымъ шагомъ впередъ чувствовалось, что приближаешься къ тому мѣсту, которое пришло уже въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, становишься съ нимъ лицемъ къ лицу и гдѣ ежеминутно рискуешь жизнью. Вдоль полотна желѣзной дороги стража стояла гуще; на вокзалахъ и разъѣздахъ посты были усилены отъ пѣхотныхъ частей войскъ. Тревожное настроеніе увеличилось еще болѣе слухами о появленіи японцевъ на рѣкѣ Ляохе и что высадка ихъ съ минуты на минуту ожидается вблизи Артура, такъ какъ главная задача непріятеля сосредоточена на занятіи послѣдняго. Что дѣлалось въ Артурѣ, никто на станціяхъ не зналъ; по пріѣздѣ же въ Ляоянъ, всѣ мы были встревожены разнесшимся слухомъ, что Артуръ взятъ японцами и поѣзду придется возвратиться обратно. Впослѣдствіи только, по пріѣздѣ вь Артуръ, объяснилось, что этотъ слухъ былъ основанъ на хлёсткомъ приказѣ генерала Стесселя, отданномъ по войскамъ Артурскаго гарнизона. Приказъ этотъ, надѣлавшій такъ много шума въ Россіи и за границей, произвелъ на гарнизонъ очень тяжелое впечатлѣніе выраженіемъ, что «крѣпость окружаетъ съ трехъ сторонъ вода, съ четвертой суша и что гарнизону остается на выборъ одно—побѣдить или умереть». Всѣ какъ-то пріуныли подъ вліяніемъ этого приказа и онъ впослѣдствіи имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ смѣлости и боевой отваги солдатъ и офицеровъ, надъ которыми тяготѣлъ этотъ преждевременный и неосторожный приговоръ*). Около 2-хъ часовъ ночи на 18 февраля поѣздъ пришелъ въ Артуръ. За позднимъ временемъ, всѣмъ намъ разрѣшено было переночевать въ вагонахъ.

Артуръ!.... Если гдѣ-либо и выказывалось особенное пренебреженіе къ интересамъ пріѣзжающей и уѣзжающей публики, то это именно въ Артурѣ. Поразительно, несмотря на громадныя деньги,

---

*) Къ сожалѣнію, впослѣдствіи генералъ Стессель первымъ измѣнилъ своему слову, чѣмъ каждаго защитника убѣдилъ въ томъ, что приказъ этотъ былъ простой съ его стороны рекламой.

расходовавшіяся на постройку Китайской Восточной дороги, Артуръ не имѣлъ не только вокзала, но хотя бы временнаго помѣстительнаго барака, въ родѣ Харбинскаго, гдѣ публика могла-бы выждать въ ненастную погоду или въ зимнюю стужу отходящаго поѣзда или же укрыться тамъ съ дѣтьми и багажемъ до отъѣзда въ городъ, Пассажиры буквально выбрасывались изъ поѣзда на мостовую, гдѣ и должны были подвергаться экспериментамъ въ зависимости отъ погоды. Такое отношеніе къ публикѣ можно поставить въ большой упрекъ администраціи дороги.

При въѣздѣ въ городъ, онъ поражалъ своей тишиной и пустотой; зіявшія безъ стеколъ оконныя рамы зданій, выходившихъ на набережную, производили удручающее впечатлѣніе; многіе дома были заколочены на глухо, магазины закрыты; прохожіе и проѣзжіе были въ какомъ-то подавленномъ состояніи; попадавшіеся на каждомъ шагу вооруженные разъѣзды и патрули давали понять, что здѣсь дѣйствительно осадное положеніе; на бухтѣ тишина и стоявшія на немъ суда высматривали угрюмо; ихъ темная окраска придавала имъ еще болѣе печальный отпечатокъ; надъ городомъ красиво и весело высматривала только вершина Золотой Горы, блестя въ лучахъ солнца тѣлами своихъ стальныхъ орудій.

Такъ какъ я горѣлъ нетерпѣніемъ лично осмотрѣть суда, а также услышать разсказъ отъ очевидцевъ о событіи 26 января, всколыхнувшаго всю необъятную Россію какъ одного человѣка, то, послѣ необходимыхъ представленій, я прежде всего отправился въ портъ. Подойдя къ доку, въ которомъ въ то время стояла «Паллада», я ужаснулся, увидѣвъ пробоину, зіявшую глубокой раной на ея лѣвомъ борту, ближе къ носу. Раньше пробоину эту я представлялъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, но она оказалась около трехъ сажень длины и двухъ высоты; снятыя съ пробоины листы желѣза, лежавшія тутъ же около дока, были смяты какъ листы бумаги и во многихъ мѣстахъ имѣли трещины и отверстія; около пробоины возилось нѣсколько рабочихъ-китайцевъ, постукивавшихъ молоточками, отчего работа нисколько не подвигалась впередъ. Общимъ своимъ видомъ «Паллада» производила очень тяжелое впе-

чатлѣніе, благодаря безпорядку на палубѣ и массѣ приставленныхъ лѣстницъ и лѣсовъ къ корпусу ея. На вопросъ,—скоро-ли окончатся работы, я получилъ самый неопредѣленный отвѣтъ, хотя увѣряли, что къ Пасхѣ будетъ готова; между тѣмъ, это далеко не оправдалось, такъ какъ она вышла изъ дока около половины апрѣля и то благодаря прiѣхавшимъ изъ Петербурга рабочимъ-мастеровымъ. Подавленный видомъ «Паллады», я пошелъ по направленiю къ западному бассейну; тамъ въ числѣ другихъ судовъ стоялъ какъ-бы съ поникшей головой «Цесаревичъ»; всматриваясь издали въ его громаду, мнѣ казалось-былъ слышенъ крикъ его истерзанной души: «Смотри, что со мной и не по моей винѣ сдѣлали»! Съ грустью я смотрѣлъ на него и невольно угнетала мысль,—да и въ самомъ дѣлѣ,—были-ли на своихъ мѣстахъ тѣ, кому была ввѣренна охрана и честь этого богатыря. Отсюда, сѣвъ въ лодку, я поѣхалъ къ выходу изъ порта, чтобы посмотрѣть другого русскаго богатыря «Ретвизана». Подъѣхавъ къ Золотой Горѣ, я поднялся къ ея вершинѣ, по направленiю къ морской наблюдательной станцiи, расположенной ниже батареи и ближе къ выходу на рейдъ, откуда открывался чудный видъ на море, рейдъ, бухты и городъ. Интересовавшаго меня великана я нашелъ у правой стороны выхода, прислонившимся своей кормой къ Тигровому полуострову, носомъ же, почти до палубы погруженнымъ въ воду, онъ былъ обращенъ къ Золотой Горѣ. Въ то время на немъ выкачивали воду изъ трюма, проникавшую туда чрезъ проломъ у носа. Тутъ же отъ моряковъ я узналъ слѣдующее: послѣ полученiя пробоины, «Ретвизанъ» не могъ войти во внутреннiй бассейнъ, такъ какъ на ходу могъ затонуть въ самомъ выходѣ изъ бухты; съ цѣлью предупредить это, его посадили кормой на камни у Тигровки до приспособленiя кессона; хотя носовая часть его, получившая минную пробоину, осѣла такъ глубоко, что касается дна, но, по приспособленiи кессона, онъ выпрямится легко и его возможно будетъ ввести въ бассейнъ; одинъ кессонъ, сдѣланный и уже подведенный, не выдержалъ давленiя воды и разломался, почему приступлено къ постройкѣ другого, но когда онъ будетъ готовъ,—неизвѣстно.

Считаю необходимымъ дать понятіе о кессонѣ, благодаря которому явилась возможность исправлять суда безъ дока. Это-ящикъ съ закругленнымъ дномъ, имѣющій открытыми верхнюю и одну изъ боковыхъ сторонъ, размѣрами своими больше поврежденной части судна; ребра другихъ боковыхъ сторонъ его срѣзываются соотвѣтственно формѣ той части судна, гдѣ имѣется поврежденіе и на нихъ накладываются подушки изъ брезента. Въ виду сильнаго давленія воды, которое долженъ выдержать кессонъ, онъ строится изъ толстыхъ прочныхъ бревенъ со множествомъ раскосовъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Такой ящикъ боковой открытой стороной подводится вплотную къ поврежденной части судна и охватываетъ его собою; верхняя же открытая сторона этого ящика выступаетъ изъ воды; послѣ этого изъ ящика выкачивается вода и, по мѣрѣ удаленія ея, вслѣдствіе наружнаго давленія воды, онъ все крѣпче и крѣпче прижимается къ судну; когда же вода извнутри будетъ совершенно удалена, то въ немъ обнажится поврежденная часть, которая и исправляется рабочими, находящимися въ этомъ ящикѣ, какъ бы въ маленькомъ докѣ.

Впослѣдствіи, прочитавъ сообщеніе въ газетѣ о томъ, что «Ретвизанъ» отразилъ нашествіе брандеровъ своимъ адскимъ огнемъ, стоя въ ночь на 12 февраля на своемъ сторожевомъ посту у входа въ портъ,—я немного смутился; онъ дѣйствительно открылъ страшный губительный огонь по брандерамъ, стоя своимъ правымъ бортомъ ко входу, но находился здѣсь не въ качествѣ дежурнаго сторожа, а въ силу роковой необходимости. Можетъ это и къ лучшему было, иначе брандеры затопились бы въ самомъ выходѣ. Тутъ же находились и трофеи его побѣды: у Тигровки на камняхъ, у самаго выхода, съ правой его стороны, лежалъ на боку громадныхъ размѣровъ брандеръ (пароходъ), а съ лѣвой стороны, у Золотой Горы, виднѣлись только мачты другого затонувшаго брандера; носъ третьяго торчалъ изъ воды на правой сторонѣ рейда у Тигровки, противъ горы Бѣлаго Волка. Съ грустью смотрѣлъ я на этотъ броненосецъ; невольно въ воображеніи рисовалась картина: темная морозная ночь, слышенъ прибой волнъ у каменистыхъ бе-

реговъ и изъ мрака еле обрисовываются силуеты гигантовъ, стоящихъ безпечно на рейдѣ; изрѣдка ночную темноту прорѣжетъ лучъ прожектора, раздастся голосъ часового или же посвистомъ пронесется вѣтеръ; въ это же время тихо и незамѣтно къ этимъ гигантамъ подкрадываются смѣлые маленькіе миноносцы, несущіе имъ смерть; вскорѣ эта мертвая тишина оглашается трескомъ и громомъ рвущихся минъ, выброшенныхъ стремительно этими лиллипутами; въ началѣ лѣнивые повороты разбуженныхъ великановъ, а затѣмъ быстрыя, нервныя вздрагиванія, стремительная стрѣльба и удаленіе больныхъ и искалѣченныхъ въ портъ. Вслѣдъ затѣмъ рисуется другая картина: такая же темная ночь: ко входу въ портъ безшумно и плавно направляются брандеры, руководимые опытной, безстрашной рукой смѣлыхъ моряковъ, обрѣкшихъ себя смерти; вдругъ лучи прожектора обнаруживаютъ это таинственное шествіе, которое мгновенно на каждомъ шагу задерживается адскимъ огнемъ береговыхъ батарей и «Ретвизана», засыпающихъ смѣльчаковъ массой чугуна и стали; но это ихъ не останавливаетъ и еще болѣе энергично они идутъ на встрѣчу смерти; слышны крикъ и стоны раненныхъ, шумъ спускающихся съ брандеровъ шлюпокъ и спасаніе на нихъ храбрецовъ, прыгающихъ съ бортовъ; суетливая работа миноносцевъ, вылавливающихъ на поверхности воды подъ градомъ снарядовъ тонущихъ людей и затѣмъ наступившая глубокая тишина, нарушаемая только плескомъ волнъ о скалы и борты выброшенныхъ на камни брандеровъ. Сколько отваги, смѣлости и презрѣнія къ смерти было проявлено въ эту злополучную ночь!

Подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ я ушелъ съ Золотой горы и отправился къ знакомымъ на броненосецъ «Побѣду», стоявшую въ порту. Засталъ я на лице всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался еще во Владивостокѣ. Мнѣ очень обрадовались, но на лицахъ всѣхъ былъ иной отпечатокъ: не прежняго веселья и безпечности, а какого-то угнетеннаго душевнаго состоянія. Тамъ же впервые были получены мною подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ нападеніе ночью 26 января. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ какъ полученныя здѣсь, такъ и впослѣдствіи въ общемъ сводились

къ слѣдующему. Недѣли за двѣ до означеннаго числа, японцы быстро и стремительно начали ликвидировать свои торговыя дѣла и вмѣстѣ съ китайцами уѣзжать изъ Артура; словомъ, повторилось тоже, что было и во Владивостокѣ. Такое спѣшное и ничѣмъ необъяснимое бѣгство могло предвѣщать только близкую войну, на каковую тему и заговорило все общество, за исключеніемъ мѣстной власти, которая по прежнему, не допуская и мысли о войнѣ, устраивала блестящія помпы и пускала мыльные пузыри по адресу японцевъ; въ обществѣ даже пронеслась молва, что 27 января эскадра наша готовится демонстративно двинуться къ берегамъ Японіи. Между тѣмъ, благодаря правильно организованному шпіонству, японцы отлично знали не только наше дѣйствительное положеніе, количество войскъ въ Артурѣ, на Квантунѣ и въ Манчьжуріи, расположеніе нашихъ береговыхъ и сухопутныхъ батарей, количество и калибръ орудій, но даже секретные планы, обсуждавшіеся властями открыто при случаяхъ; большинство изъ нихъ состояло изъ японскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, моряковъ и офицеровъ арміи, а у Намѣстника парикмахеръ японецъ оставался до самаго открытія военныхъ дѣйствій. Утромъ 25 января Намѣстникомъ была получена телеграмма о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Японіей.

Заступившій въ то время радактора «Новаго Края» Т.... просилъ разрѣшенія Намѣстника напечатать телеграмму о разрывѣ, но послѣдовалъ отказъ, чтобы не волновать общества. Тѣмъ не менѣе, слухи о разрывѣ проникли въ послѣднее, всѣ заволновались, разговоры были только о войнѣ, а нѣкоторые даже собрали необходимыя дорожныя вещи и приготовились къ выѣзду. По примѣру прежнихъ лѣтъ, 26 января у начальника эскадры Старка былъ раутъ, по случаю имянинъ его жены. Одни говорятъ, что раутъ былъ днемъ, а вечеромъ всѣ были уже на своихъ мѣстахъ; другіе же утверждаютъ, что ночью, въ моментъ нападенія, нѣкоторые изъ офицеровъ задержались на раутѣ и не могли попасть на свои суда. Многіе высказали и такое мнѣніе, что японцы, зная по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ весело праздновался моряками этотъ

день у Старка, именно и выбрали его днемъ нападенія. Тѣмъ не менѣе, мною положительно было установлено, что раутъ окончился около 4-хъ часовъ дня, а въ 6-ть часовъ вечера состоялся совѣтъ на «Петропавловскѣ» изъ старшихъ морскихъ начальниковъ, для обсужденія мѣръ къ охранѣ флота и его дѣйствій на случай войны. На совѣтѣ принято было рѣшеніе—немедленно оградить суда сѣтками, которое, около 7—8 часовъ вечера, послано было на утвержденіе Намѣстника; послѣднимъ на этомъ постановленіи была положена слѣдующая резолюція: «несвоевременно и не политично», почему эта мѣра и не была принята. Многіе ставили непринятіе этой мѣры въ вину Старку, который, какъ начальникъ эскадры, долженъ былъ принять ее самостоятельно; загадочную же резолюцію Намѣстника объясняли тѣмъ, что точно такой отвѣтъ былъ полученъ имъ изъ Петербурга, на просьбу его прислать въ Манчьжурію сто тысячъ солдатъ. Такъ какъ войны никто не ожидалъ, то прожектора съ батарей не освѣщали моря; изрѣдка посылались лучи въ море только прожекторами судовъ, и именно съ тѣхъ, которыя оказались впослѣдствіи поврежденными, что давало основаніе заключить, что только благодаря этому непріятельскіе миноносцы навѣрняка шли параллельно посылаемымъ лучамъ въ неосвѣщенномъ пространствѣ и въ направленіи ошибиться не могли. Входившіе на рейдъ непріятельскіе миноносцы были приняты нашими сторожевыми миноносцами за свои; въ этомъ еще болѣе успокоило ихъ то, что по оклику одного изъ нихъ—«кто идетъ»,—послѣдовалъ отвѣтъ на русскомъ языкѣ: «свои». На подошедшіе миноносцы прежде всѣхъ обратили вниманіе съ «Ретвизана», который призналъ ихъ за непріятельскіе по пущеннымъ ими минамъ; но было поздно, такъ какъ мины были уже близко судовъ; тогда только началась тревога и пальба. Добавляютъ при этомъ, что стрѣляли даже холостыми зарядами, а также, что японцы отлично знали расположеніе нашихъ судовъ на рейдѣ и что «Паллада» взорвана ими случайно, такъ какъ предъ этимъ на ея мѣстѣ стоялъ «Петропавловскъ», на котораго они и мѣтили. Когда все это происходило на морѣ, въ городѣ и въ порту были увѣрены, что производится ночная тревога

и маневры; кстати, предъ этимъ по городу разнеслась вѣсть, что по тревогѣ эскадрѣ будутъ устроены ночные маневры. Нѣкоторые удивлялись удивительному сходству маневровъ съ настоящимъ боемъ. Масса любопытныхъ собралась на набережной и любовались этой картиной, дѣлая свои шутливыя замѣчанія; заявленія нѣкоторыхъ осторожныхъ людей, что это настоящій бой и что слышенъ даже свистъ снарядовъ,—встрѣчались толпой насмѣшливо и къ концу воображаемаго маневра всѣ разошлись спокойно по домамъ и предались сладкому сну. Настоящая обстановка разъяснилась только утромъ слѣдующаго дня, когда раненныя суда стояли уже въ порту. Всѣ вздрогнули при этомъ ужасномъ, невѣроятномъ событіи. Одинъ изъ офицеровъ Квантунской крѣпостной артиллеріи Страшниковъ, бывшій вечеромъ того же дня въ гостяхъ у начальника артиллеріи Бѣлаго, разсказалъ мнѣ слѣдующее: когда началась пальба и громъ выстрѣловъ долетѣлъ до слуха собравшагося общества, то дамы подняли шумъ, увѣряя что началась война; предъ этимъ только и шелъ разговоръ о послѣдней. На это генералъ Бѣлый сказалъ: «глупости, это маневры». Это было около 11 часовъ. Въ то же время по телефону командиръ одной изъ ротъ донесъ Бѣлому, что на морѣ происходитъ что-то необыкновенное и не прикажетъ-ли Бѣлый вывести людей па батарею. Тогда по телефону послѣдній запросилъ станцію Золотой Горы, откуда послѣдовалъ отвѣтъ, что на морѣ дѣйствительно стрѣляютъ, но что именно происходитъ,—неизвѣстно. Бѣлый успокоился и увѣрилъ общество, что это дѣйствительно маневры, послѣ чего всѣ около 12 часовъ ночи разошлись по домамъ. капитану Страшникову нужно было ѣхать домой на Тигровку черезъ портъ, пріѣхавъ въ который, онъ увидѣлъ около адмиральской пристани Командира порта Греве; послѣдній, былъ сильно взволнованъ и разстроенъ; въ это же время съ моря пришелъ катеръ, лейтенантъ съ котораго, взбѣжавъ стремительно на пристань, доложилъ Командиру порта о поврежденіи судовъ и просилъ немедленнаго распоряженія о высылкѣ въ море всѣхъ катеровъ и водоотливныхъ средствъ на помощь. Узнавъ объ этомъ, Страшниковъ немедленно отправился въ Управленіе крѣпостной артиллеріи и

телеграфировалъ Бѣлому о случившемся, на что Бѣлый отвѣтилъ: «Я вамъ говорю, что это былъ маневръ и глупостей прошу не распускать», послѣ чего Страшниковъ поѣхалъ къ себѣ въ роту на Тигровку. Выйдя изъ шлюпки на берегъ, онъ встрѣтилъ команду людей, идущихъ на батарею, а прибывъ домой, получилъ по телефону приказаніе Бѣлаго сейчасъ же вывести людей на батарею и быть готовымъ къ бою. Но было уже поздно, такъ какъ миноносцы ушли. По разсказамъ многихъ, Намѣстникъ не повѣрилъ лейтенанту, посланному къ нему съ докладомъ о поврежденіи судовъ, счелъ его за сумасшедшаго и приказалъ ему собственноручно изложить свой докладъ на бумагѣ; почему явилась необходимость въ посылкѣ другого съ такимъ же докладомъ, который своимъ убѣдительнымъ и смѣлымъ изложеніемъ увѣрилъ Намѣстника въ совершившемся фактѣ. Обыватели Артура еще болѣе были встревожены на другой день, около 10 часовъ утра, когда въ виду города показалась непріятельская эскадра и открыла бомбардировку. Всѣ тогда потеряли голову и началось повальное бѣгство изъ Артура. Удивительно: когда показалась на горизонтѣ непріятельская эскадра и объ этомъ доложили Намѣстнику, то послѣдній потребовалъ къ себѣ на домъ адмирала Старка, для дачи ему инструкцій; на возраженіе Старка, что онъ не можетъ оставить эскадры въ виду непріятеля, такъ какъ долженъ сняться съ якоря и построить ее къ бою, — Намѣстникъ приказалъ ему немедленно прибыть на домъ; Старкъ уѣхалъ и эскадра строилась безъ него; впослѣдствіи онъ спѣшилъ на эскадру уже во время боя. Эти обстоятельства подтверждаются почти всѣми, близко стоявшими къ дѣлу. Утверждаютъ также, что когда одинъ изъ непріятельскихъ броненосцевъ былъ подбитъ, началъ сильно парить и къ нему поспѣшили на помощь другія суда, то «Новикъ» и «Баянъ» начали преслѣдовать отступающую эскадру; готовились также къ рѣшительному удару и броненосцы, находя этотъ моментъ найболѣе удобнымъ для нанесенія существеннаго вреда непріятелю, но Намѣстникомъ былъ почему-то отданъ сигналъ «отбой» и суда возвратились обратно. Въ голосѣ и интонаціи моряковъ, передовавшихъ мнѣ объ этомъ, слышны были подавленныя слезы. Всѣ

эти дѣйствія и распоряженія начальствующихъ лицъ чрезвычайно важны и исторія не преминетъ ихъ выяснить.

Также всѣ были убѣждены глубоко, что если бы съ нападеніемъ на нашъ флотъ была высажена вблизи Артура хотя-бы одна непріятельская дивизія,—Артуръ безусловно былъ-бы взятъ; это и былъ единственный моментъ, когда японцы могли овладѣть имъ почти безнаказанно.

Вскорѣ послѣ этого, согласно Высочайшему повелѣнію, Намѣстникъ переѣхалъ въ Мукденъ, избравъ временно его своей резиденціей. Всѣ моряки вздохнули свободнѣе, такъ какъ единственно въ немъ видѣли настоящаго виновника своего позора и пораженія; флотъ же, какъ больной человѣкъ, вошелъ въ лазаретное помѣщеніе. Тяжело было смотрѣть на моряковъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ; всѣ они сильно были удручены происшедшимъ; на каждомъ шагу и при каждомъ словѣ замѣтно было угнетенное душевное состояніе, которое усиливалось еще болѣе отсутствіемъ способнаго начальника, который могъ бы зажечь искру надежды на лучшее будущее и вывести изъ этого удрученнаго состоянія; видно было, что душа горѣла святымъ огнемъ любви къ отечеству и страстнаго желанія помочь общему дѣлу въ лихую годину; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія такого человѣка, который собралъ бы обломки флота и влилъ бы въ него живую душу.

Такимъ лицемъ былъ адмиралъ Макаровъ, на котораго упалъ Высочайшій выборъ и на котораго справедливо возлагала надежду вся Россія. Опытный, честный, вдумчивый, высокообразованный и талантливый,—адмиралъ Макаровъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей флота; только онъ могъ дать и дѣйствительно далъ флоту временно живую душу, внушивъ опытному и смѣлому врагу осторожность и должное вниманіе къ нашимъ хотя теперь и слабенькимъ силамъ. Все наличное портовое начальство стушевалось передъ нимъ и представлялось такимъ маленькимъ, незначительнымъ, что совершенно не было замѣтно при этомъ величественномъ адмиралѣ. Со времени прибытія его, въ послѣднихъ числахъ февраля (24 числа), всѣ стали бодрѣе и веселѣе, воспрянули духомъ и

начала рости увѣренность въ возрожденіе нашей эскадры; явилась надежда возстановить доблестную славу его и наказать дерзость врага. Я съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ пріѣздъ къ намъ этого дорогого адмирала, при которомъ чувствовалось безопаснѣе. Часто я приходилъ въ портъ ко времени спуска флага, чтобы только полюбоваться картиной появленія этого адмирала на броненосцѣ «Петропавловскъ» къ моменту спуска: высокій, стройный, съ развѣвающейся длинной сѣдой бородой, онъ рѣзко выдѣлялся между всѣми и однимъ своимъ видомъ внушалъ глубокое почтеніе и уваженіе къ себѣ. Солдатское выраженіе «Нашъ дѣдушка» характеризовало его вполнѣ любящимъ и любимымъ дѣдомъ для всѣхъ съ первой же встрѣчи. Работа сразу закипѣла въ порту; «Ретвизанъ» въ тотъ же день былъ поднятъ и введенъ въ портъ, кессонъ исправленъ и приспособленъ; дѣло по исправленію «Паллады» также пошло быстрѣе и даже бѣдняга «Цесаревичъ» далъ сигналъ, что онъ «готовъ къ бою»; оказалось, что рулевыя исправленія были произведены на немъ поверхностно домашними средствами, почему и явилась возможность выходить на рейдъ и принимать участіе въ бою. Словомъ, все какъ-то сразу обновилось, принарядилось и овладѣло силой и энергіей; надежды воскресли въ душѣ каждаго и всѣ пріободрились.

Первое мое боевое крещеніе произошло въ ночь на 26 февраля. Эта ночь и слѣдующій день никогда неизгладятся изъ моей памяти, благодаря разыгравшимся кровавымъ сценамъ. Около 12 часовъ ночи на означенное число, когда я легъ уже въ постель и собирался загасить лампу, съ электрическаго утеса раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, наконецъ нѣсколько разомъ, отъ какого залпа задрожали стекла и двери. Я стремительно схватился съ постели при первомъ же выстрѣлѣ и началъ одѣваться. Въ это время постучался ко мнѣ въ комнату мой вѣрный компаніонъ секретарь В...., дрожащій и блѣдный, объяснивъ свой приходъ желаніемъ провести минуты бомбардировки вмѣстѣ. Я чрезвычайно ему обрадовался и на душѣ стало веселѣе, что я не одинъ. Одѣвшись на-скоро, я открылъ занавѣску окна на батарею и моимъ глазамъ

представилась такая картина: часть моря, видимая въ окно, была освѣщена бѣлымъ свѣтомъ прожекторовъ; небосклонъ почти непрерывно освѣщался молніями отъ выстрѣловъ; въ морѣ, въ полосѣ бѣлаго свѣта, также сверкали огни отъ нихъ; воздухъ былъ наполненъ страшнымъ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ и свистомъ снарядовъ; все это производило чарующее впечатлѣніе и возбуждало нервы къ гигантской борьбѣ. Вскорѣ выстрѣлы съ батарей становились все рѣже и рѣже и около 2 ч. 50 м. раздавались только съ моря. Оказалось, что стрѣльба съ батарей производилась по непріятельскимъ миноносцамъ, близко подошедшимъ къ рейду и обнаруженнымъ лучами прожекторовъ; когда они удалились, то за ними вышли въ море шесть нашихъ миноносцевъ, четыре изъ коихъ были подъ командой капитана 1 ранга Матусевича, которые и вступили въ жаркую схватку съ непріятельскими; вскорѣ за послѣдними появились непріятельскіе крейсера и наша маленькая флотилія начала отступать подъ защиту береговыхъ батарей, причемъ миноносцу «Властный», подъ командой лейтенанта Карцева, удалось таки затопить японскій миноносецъ миной Уатхейда. Около 8 часовъ утра произошло и съ нами несчастье: при отступленіи, нашъ миноносецъ «Стерегущій», подъ командой лейтенанта Сергѣева, былъ подбитъ, лишился машины и началъ тонуть; когда вполнѣ выяснилось его критическое положеніе, то адмиралъ Макаровъ тотчасъ поднялъ свой флагъ на «Новикѣ» и въ сопровожденіи «Баяна» бросился на его выручку; но было поздно, такъ какъ «Стерегущій» былъ уже окруженъ пятью непріятельскими крейсерами, къ которымъ приближалась броненосная эскадра. Сознавая невозможность спасти его, адмиралъ Макаровъ отступилъ въ портъ, миноносецъ затонулъ, а уцѣлѣвшая часть экипажа его была взята въ плѣнъ. Въ 9 часовъ утра къ Артуру подошли четырнадцать непріятельскихъ судовъ, которыя 12″ орудіями начали бомбардировку его перекидными выстрѣлами изъ-за горы Лѣотѣшана; продолжалась она до часу дня. Около 11 часовъ утра я съ капитаномъ Г.... отправился черезъ портъ на Золотую Гору; въ восточномъ бассейнѣ въ то время стояли броненосцы «Полтава», «Петропавловскъ», «Се-

вастополь», а въ западномъ «Побѣда», «Цесаревичъ», «Ретвизанъ»; крейсера были разбросаны между ними, а миноносцы стояли у береговъ частью въ восточномъ, частью въ западномъ бассейнахъ. Дойдя до половины Золотой Горы, мы остановились; отсюда открывался чудный видъ на новый и старый городъ, а также и на обѣ бухты; бомбардировка велась броненосцами по новому городу и изъ нашего наблюдательнаго пункта паденіе снарядовъ было видно ясно и отчетливо; каждый изъ нихъ, давая громадный столбъ дыму, поднималъ вмѣстѣ съ тѣмъ массу пыли и камней; вотъ одинъ упалъ у зданія русско-китайскаго банка; другой лѣвѣе его; третій взрылъ столбъ пыли у зданія Областнаго штаба; вотъ еще одинъ упалъ на площади предъ штабомъ, другой сзади его, ближе къ склону горы; всѣ снаряды ложились почти въ центрѣ города. Снарядъ, упавшій на площади предъ штабомъ, возбудилъ опасеніе относительно безопасности семьи подполковника барона Франка, имѣвшаго въ томъ мѣстѣ квартиру; но мы почему-то рѣшили, что послѣдній, на время бомбардировки, переѣхалъ въ старый городъ. Насмотрѣвшись на эту грозную картину, мы поднялись на Золотую Гору и взошли на наблюдательную морскую станцію. Видъ съ послѣдней на море былъ восхитительный, горизонтъ открывался верстъ на 50. Море было совершенно спокойно и тихо; день яркосолнечный безъ вѣтра; все располагало къ миру, тишинѣ и покою; хотѣлось, чтобы все затихло и замерло, чтобы въ нѣмой тишинѣ насладиться этой чудной живой картиной божественной природы; къ дѣйствительности, однако, возвращали продолжавшіеся выстрѣлы, которые являлись какимъ то страннымъ диссонансомъ среди этой дивной картины. Встрѣтившіе моряки-наблюдатели немедленно же вооружили насъ биноклями и я наконецъ впервые увидѣлъ нашего врага—пять непріятельскихъ крейсеровъ, стоявшихъ въ разстояніи 20—25 верстъ предъ входомъ въ портъ; нѣсколько впереди ихъ замѣтными точками чернѣли миноносцы; броненосцевъ не было видно, такъ какъ они прикрывались высокими береговыми горами Лѣотѣшана, изъ-за которыхъ и продолжали вести стрѣльбу по городу. Стоявшіе предъ входомъ въ портъ крейсера, повидимому, были наблюдательными пунктами паденія снарядовъ.

Вскорѣ показались два чудовища-броненносца изъ-за Лѣотѣшана, направлявшіеся къ крейсерамъ; они стали нѣсколько впереди ихъ, ближе къ порту. Чтобы лучше наблюдать, мы поднялись на Золотую Гору, откуда еще шире открывался горизонтъ. Здѣсь я познакомился съ однимъ изъ неудачныхъ героевъ флота, капитаномъ II ранга С...., георгіевскимъ кавалеромъ, такъ безславно бросившимъ на произволъ судьбы нарвавшійся на мину крейсеръ «Бояринъ», который послѣ этого еще два дня носился по волнамъ и его могли были бы спасти. Разсказываютъ, что японцы, предполагая на немъ экипажъ, подорвали его минами и затопили. С.... сравнительно молодой человѣкъ, лѣтъ 35, съ русыми волосами и сѣрыми красивыми глазами. За оставленіе крейсера онъ былъ только отставленъ отъ командованія судномъ, что, по мнѣнію многихъ, въ военное время равнялось почти безнаказанности.

Всматриваясь въ появившіеся броненосцы, я замѣтилъ на одномъ изъ нихъ показавшійся дымокъ, а вскорѣ просвистѣлъ снарядъ, упавшій въ портъ; за нимъ открылъ стрѣльбу и другой броненосецъ, внося адъ и смерть въ наши маленькія бухты. Снаряды большей частью падали въ воду и своимъ разрывомъ поднимали высокіе столбы ея, въ видѣ гигантскихъ фонтановъ; но вотъ одинъ изъ нихъ разорвался около «Побѣды» и осколки засвистѣли на берегъ; вотъ другой коснулся борта «Ретвизана» и видимо осколками ранилъ людей, такъ какъ на палубѣ замѣтна поднявшаяся суета. Меня поражало, съ какой точностью велась стрѣльба: пристрѣлка производилась прямо таки идеально и ни одинъ изъ выстрѣловъ не выходилъ изъ бассейновъ; причемъ, нужно замѣтить, что стрѣльба велась съ дистанціи 15—18 верстъ. Предѣльная дальность нашихъ береговыхъ орудій была $9^1/_2$ верстъ, а потому всѣ они молчали, за исключеніемъ «Пересвѣта» и «Ретвизана», которые изъ бассейна вели также перекидную стрѣльбу. Такъ какъ паденія снарядовъ сближались, то, изъ предосторожности, мы по тропинкѣ спустились внизъ къ подошвѣ Горы, направляясь въ городъ той же дорогой черезъ портъ; но тутъ неожиданно попали въ поражаемое пространство, такъ какъ въ то же время японцы обстрѣливали и восточ-

ный бассейнъ. Отступать нельзя было, но и двигаться впередъ было опасно, такъ какъ осколки ложились впереди насъ; перекрестившись и ободряя другъ друга, мы двинулись впередъ. Недоходя до мастерской, вдругъ раздался страшный взрывъ снаряда, упавшага у борта «Севастополя», находившагося отъ насъ въ разстояніи не болѣ ста сажень; осколки просвистѣли надъ нашими головами и упали около мастерской, мимо которой мы въ то время проходили; на «Севастополѣ» начали поливать палубу водой, изъ чего мы предположили, что тамъ произошелъ пожаръ. Мы прибавили шагу и благополучно выбрались изъ порта къ городскому саду—этажеркѣ; подходя ко дворцу Намѣстника, вновь раздался грохотъ разорвавшагося снаряда, какъ потомъ оказалось, у борта «Полтавы»; осколки его просвистѣли во дворъ Намѣстника. Видя, что положеніе становится очень опаснымъ и идти улицею невозможно, мы двинулись въ обходъ, прикрываясь отъ выстрѣловъ скалистой горой. Проходя тропинкой, я невольно разсмѣялся, увидѣвъ массу русскихъ и китайцевъ, пріютившихся по 2—3 человѣка за выступами скалъ и съ любопытствомъ смотрѣвшихъ изъ-за своихъ надежныхъ прикрытій въ портъ; позы каждаго изъ нихъ были чрезвычайно комичны и неудобны. Перекинувшись съ Г.... замѣчаніями, мы спустились съ горы и вышли на Широкую улицу, направившись къ почтовой конторѣ. Вездѣ было пусто; магазины оказались всѣ запертыми и если бы не стоявшій на улицѣ городовой, то можно было бы предположить, что городъ вымеръ. Подходя къ конторѣ, надъ нами вновь со свистомъ пронеслись осколки и врѣзались въ скалу сзади магазина Ауэрнгаммера. Мы невольно пріостановились въ раздумьи, идти-ли дальше, такъ какъ въ этомъ направленіи мы вновь приближались къ порту; почувствовали же себя вполнѣ въ безопасности, войдя въ контору, прикрывавшуюся скалистой горой. Захвативъ тамъ письма и газеты, мы пошли по Театральной улицѣ къ товарищу Т.... подѣлиться нашими впечтлѣніями и утолить голодъ, такъ какъ съ утра, кромѣ чаю, ничего не ѣли, а было уже около часу дня. Когда вошли къ нему въ квартиру, то стрѣльба уже прекратилась и непріятельская эскадра ушла, закончивъ свои

операціи ровно въ часъ дня. Тутъ мы узнали, что нашими снарядами значительно поврежденъ японскій крейсеръ «Такасаго» и что японцы выпустили по городу до 200 снарядовъ; по донесенію же адмирала Макарова, ихъ было выпущено только 154 изъ 12-ти дюймоваго калибра орудій, почти на сумму до ста тысячъ рублей. Это подало поводъ генералу Стесселю отдать въ приказѣ съ топорной ядовитостью о томъ, что вѣроятно у японцевъ есть «дядюшка богатый», что они не жалѣютъ денегъ, выпустивъ въ пустую снарядовъ на такую громадную сумму и не причинивъ городу никакого вреда. Однако, на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. Разставшись съ Т...., мы пошли въ портъ узнать о нашихъ потеряхъ, такъ какъ онѣ могли быть только тамъ; туда уже прибывала публика и тутъ-же въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть раненныхъ, привезенныхъ съ «Ретвизана» въ количествѣ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ убитаго на немъ часового.

Всѣ раненные до того были жалки, что глядя на нихъ, сердце надрывалось тоской; вотъ одинъ съ разбитой рукой, у другого раненъ подбородокъ; одному раздробило кости ноги и онъ безпомощно лежитъ на носилкахъ, но не стонетъ; другому, какъ ножемъ, срѣзало осколкомъ кончикъ носа; всѣ были уже перевязаны. Тяжелое впечатлѣніе произвела процессія переноски и перевозки въ госпиталь тѣхъ, которые не были въ состояніи идти; получилась длинная печальная лента экипажей и носилокъ, извивавшихся по улицѣ въ направленіи къ госпиталю и сопровождаемая толпой народа. Въ тотъ же день мнѣ пришлось пережить впечатлѣнія и по поводу жертвы бомбардировки баронессы Франкъ.

Домъ Сидорскаго, гдѣ она была убита, выходилъ окнами гостинной и спальни на площадь предъ Штабомъ, гдѣ, какъ мы и видѣли съ Золотой Горы, упало нѣсколько снарядовъ. Наружная стѣна этого дома свидѣтельствовала, что именно здѣсь произошло несчастье, такъ какъ буквально была изрыта осколками снаряда, стекла выбиты, а въ нѣкоторыхъ окнахъ разрушены и переплеты рамъ. Возлѣ дома на улицѣ стояла густая толпа народа. Войдя въ него чернымъ ходомъ, мы прямо прошли въ ту комнату, гдѣ про-

изошла катастрофа. То, что увидѣлъ я, не поддается описанію: стѣны, полъ, потолокъ и стоявшіе въ комнатѣ піанино, столъ, стулья, умывальникъ и кровать—сплошь были забрызганы кровью и частичками мозга; только въ одномъ мѣстѣ на полу стояла большая лужа крови; стѣны и печка, кромѣ того, были испещрены пробоинами; полъ въ изобиліи покрылся осыпавшейся известкой,—подъ которой лежали часы, дамскія шпильки, карамель и т. под.; за порогомъ въ сосѣдней комнатѣ я увидѣлъ сравнительно большой кусокъ мозга, влетѣвшій туда, видимо, въ открытую дверь. По прибытіи, я уже засталъ тамъ Егермейстера Балашева, который и передалъ мнѣ общія свѣдѣнія о несчастьѣ. Ни барона Франка, ни дѣтей его я въ городѣ тогда немогъ розыскать, почему съ Г.... немедленно поѣхалъ въ госпиталь, въ надеждѣ встрѣтить его тамъ. Войдя въ часовню, куда были доставлены несчастныя жертвы этой катастрофы, я увидѣлъ на столахъ три трупа: на одномъ лежалъ Сидорскій, лицо котораго было блѣдное, спокойное и онъ казался спящимъ; съ правой стороны шеи его видна была ранка, изъ которой въ изобиліи сочилась кровь; очевидно, незначительнымъ осколкомъ была разсѣчена сонная артерія, что и причинило моментальную смерть, такъ какъ по разсказу врача, на трупѣ, кромѣ незначительныхъ царапинъ, поврежденій серьезныхъ не оказалось; на другомъ столѣ лежало подъ простыней два трупа—баронессы и 18-ти лѣтней дѣвушки Валевичъ, очень красивой, съ правильными чертами лица и густыми бархатными рѣсницами; у первой совершенно отсутствовала голова и только короткій конецъ шеи, какъ бы обрѣзанный ножемъ, былъ прикрытъ не большимъ пасмомъ черныхъ волосъ; у второй на три пальца ниже правой груди, оказалась рана величиною въ серебряный рубль; по разсказу врача, Валевичъ была принесена въ госпиталь еще живой; она мало жаловалась на боль, но не переставала ругать японцевъ, которые ей причинили несчастье; вскорѣ послѣ перевязки она начала жаловаться на боль въ животѣ, послѣ чего, спустя минутъ десять, тихо скончалась; по мнѣнію врача, осколокъ снаряда, войдя въ бокъ сверху—внизъ, проникъ черезъ діафрагму въ животъ и произвелъ разрушеніе кишечника, что и

вызвало смерть. Съ тяжелымъ чувствомъ я уже вечеромъ возвратился домой и за чаемъ все подробно расказалъ В...., пріѣхавшему въ Артуръ совмѣстно со мной; выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, онъ грустно поникъ головой. Здѣсь кстати замѣчу, что В...., глубокій старикъ и больной, былъ противъ его воли командированъ въ Артуръ вмѣстѣ со мною, для исполненія обязанностей секретаря, хотя его вполнѣ безъ ущерба для дѣла можно было замѣнить другимъ помощникомъ, болѣе молодымъ и здоровымъ, но по протекціи оставленнымъ во Владивостокѣ.

На другой день утромъ баронъ Франкъ сообщилъ мнѣ, что самое несчастье произошло при такихъ обстоятельствахъ: около 10 часовъ утра, когда стрѣльба усилилась по городу, онъ предложилъ женѣ отправиться къ своему знакому прис. пов. Сидорскому, у котораго въ то время гостила барышня Валевичъ, дочь желѣзнодорожника, пріѣхавшая изъ Дальняго. Жена долго отказывалась и не хотѣла уходить, но онъ настоялъ, объяснивъ, что такія тяжкія минуты легче переживаются въ обществѣ. Взявъ дѣтей, они отправились и около 11 часовъ сѣли пить кофе въ столовой, окна которой выходили во дворъ и были защищены отъ осколковъ снарядовъ наружными комнатами, выходившими на площадь; такъ какъ въ столовой оказалось очень холодно, то они перешли въ самую теплую комнату — злополучную спальню и тамъ продолжали пить кофе и разговаривать; въ моментъ пораженія, за столомъ сидѣли онъ съ старшей дочерью, Сидорскій и Валевичъ; жена же его стояла у окна, спиной къ нему и весело разсказывала о томъ, что она вовсе не боится смерти и что на нее не производитъ впечатлѣнія бомбардировка; въ этотъ моментъ произошелъ страшный грохотъ и онъ одновременно увидѣлъ падающей свою жену и стремительно вылетѣвшую изъ комнаты Валевичъ съ крикомъ — «помогите» — «спасите», къ которой онъ и бросился въ коридоръ, съ цѣлью оказать ей помощь, неподозрѣвая, что съ женой случилось тоже несчастье; вскорѣ возвратившись въ комнату, онъ увидѣлъ жену лежащей на полу безъ головы, а Сидорскаго сидящимъ у стола и склонившимся на руку; онъ тоже былъ мертвъ; у дочери только глаза оказались засыпаны известкой.

28 февраля происходило погребеніе этихъ первыхъ несчастныхъ жертвъ войны, кромѣ Валевичъ, которая была для погребенія перевезена отцомъ въ Дальній. Въ госпитальной церкви стояло четыре гроба, изъ нихъ въ двухъ были также жертвы войны— два механика землечерпательнаго каравана, работавшихъ на «Ретвизанѣ» во время боя; баронессѣ на мѣсто головы была сдѣлана волнистая подушечка изъ бѣлаго крепа; похоронена она была на военномъ кладбищѣ, возвращаясь откуда я и не подозрѣвалъ, что вскорѣ мнѣ вновь прійдется тамъ быть и хоронить близкаго мнѣ по духу человѣка.

Эта катастрофа произвела на меня сильное впечатлѣніе; до того времени я не представлялъ сознательно картины того страшнаго разрушенія, которое могли производить снаряды и даже отгонялъ отъ себѣ мысль объ этомъ; увидѣвъ же ее въ дѣйствительности, она невольно всплывала въ моей памяти при каждомъ выстрѣлѣ. Стыдно сознаться, но я чувствовалъ, что съ этого времени начинаю бояться снарядовъ и этого чувства я долго не могъ побороть, пока не внушилъ себѣ, что «чему быть, того не миновать». На этомъ со мной вполнѣ согласился и мой пріятель В...., съ которымъ мы обстоятельно, сидя у горящей печки за стаканомъ чаю, разбирали этотъ вопросъ; въ самомъ дѣлѣ, у баронессы было предчувствіе, когда она отказывалась идти къ Сидорскому; уступая только просьбамъ мужа, чрезвычайно волновавшагося, она пошла и именно въ тотъ домъ, гдѣ должно было произойти несчастье. Находясь здѣсь, цѣлый рядъ мелкихъ случайностей приводятъ жертвы въ ту именно комнату, которая оказалась на прямой линіи поражаемаго пространства: столовая, ни однимъ осколкомъ нетронутая, оказалась холодной на столько, что нельзя сидѣть; на бѣду— самой теплой оказывается та комната, которая буквально засыпается осколками; а въ смежной съ нею гостинной—ни одного; и какая иронія судьбы: баронесса падаетъ пораженной въ тотъ моментъ, когда она высказала свою мысль, что не боится смерти и бомбардировка впечатлѣнія на нее не производитъ.

«Нѣтъ», заключилъ В...., «что ни говорите, а судьбой чело-

вѣка руководитъ фатумъ, и что предназначено ему, то должно и случиться; ничто не можетъ измѣнить этого предопредѣленія и я глубоко убѣжденъ въ послѣднемъ, хотя это и несогласуется съ христіанской точкой зрѣнія. Взять хотя бы и ваше путешествіе по Золотой Горѣ и черезъ портъ: развѣ вы не подвергались большей случайности, чѣмъ баронесса; развѣ шальной осколокъ не могъ раздробить вашего черепа; но ни одинъ изъ нихъ не коснулся даже волоска головы вашей. Отсюда я заключаю, что мы уѣдемъ изъ Артура живыми, такъ какъ еще въ Одессѣ, предъ выѣздомъ на Востокъ, я видѣлъ хорошій сонъ, какъ доброе предзнаменованіе».

Слушая В...., я невольно соглашался съ его доводами; въ послѣднемъ только ошибался бѣдняга В...., не подозрѣвая, что черезъ девять дней я буду провожать и его на мѣсто вѣчнаго упокоенія, куда сегодня была снесена нами баронесса.

Тяжелое чувство, пережитое мною съ 26 по 28 февраля долго томило меня и событія этихъ дней никогда не изгладятся изъ моей памяти. Все, чему я былъ свидѣтелемъ впослѣдствіи, не производило уже на меня того потрясающаго впечатлѣнія, которое испыталъ за эти дни. Оно и понятно: это были первыя впечатлѣнія войны, первыя видѣнныя мною жертвы ея, войны,—проклинаемой почти всѣмъ человѣчествомъ, охотно хватающимся при каждомъ удобномъ случаѣ за оружіе, чтобы размозжить голову ближнему.

Событія 26 февраля, какъ и самая бомбардировка крѣпости, сильно отразилась на В.... Хотя онъ и хотѣлъ казаться веселымъ, но замѣтно было, что въ этой веселости была какая-то натянутость, неестественность; при этомъ онъ настойчивѣе началъ увѣрять меня, что предчувствіе необманываетъ его и что мы оба останемся живы; казалось, что онъ этимъ началъ самъ себя успокаивать. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ силы оставляли этого хилаго, слабаго и больного старика; онъ похудѣлъ и осунулся за послѣдніе дни; удушья грудной жабы стали чаще и малѣйшій неожиданный стукъ производилъ на него сильное впечатлѣніе. Припадки удушья выражались въ томъ, что онъ моментально схватывался съ своего мѣста, прислонялся къ столу или же къ стѣнѣ и стоялъ непод-

вижно часъ-два, боясь повернуться въ сторону или заговорить, разсказывая впослѣдствіи, что только при этомъ положеніи, стоя совершенно спокойно, онъ легко переноситъ эти приступы и что малѣйшій поворотъ въ сторону или же разговоръ—могли бы причинить ему смерть. На день такихъ приступовъ было 3—4. Утромъ 5 марта мнѣ доложили, что секретарь В.... боленъ и не встаетъ съ постели. Я тотчасъ же навѣстилъ, найдя его просто таки ужаснымъ: лицо худое, блѣдное, глаза мутные, голова горячая, носъ заострившійся. Объяснивъ, что у него разстройство желудка и что при этой болѣзни ему неудобно оставаться въ квартирѣ, онъ просилъ меня отправить его въ госпиталь. Просьбу его я тотчасъ же исполнилъ и вечеромъ того же дня онъ былъ уже въ госпиталѣ. Помню этотъ грустный вечеръ, когда онъ зашелъ проститься со мною и пріѣхавшимъ тогда ко мнѣ генераломъ А.... Не придавая серьезнаго значенія своей болѣзни, онъ однако былъ не такъ уже самоувѣренъ въ своемъ предсказаніи остаться живымъ и вскользь высказалъ сомнѣніе въ своемъ возвращеніи обратно, послѣ чего перевелъ разговоръ на жену, которая такъ далеко и не въ состояніи помочь ему и при этомъ горько расплакался. Я и А.... начали его успокаивать, объясняя такое состояніе разстроенными его нервами, а не предчувствіемъ близкой смерти и начали даже шутить на тему о томъ, что если бы такая болѣзнь влекла за собою смерть, то до-сихъ поръ и человѣчество перестало бы существовать.

Но, видимо, утѣшенія наши были для старика неубѣдительны, такъ какъ, продолжая плакать, онъ просилъ меня выслать женѣ его все содержаніе за мартъ, которое будетъ получено 20 числа, а также добавить и имѣющіяся при немъ деньги; послѣ чего растегнулъ жилетъ и рубашку, снялъ съ шеи полотняный пакетикъ и вынувъ изъ него деньги, вручилъ мнѣ. Успокоившись немного, на прощанье онъ все таки добавилъ, что скоро вернется обратно и что предчувствіе не обманываетъ его въ томъ, что мы оба останемся живы. Послѣ этого утромъ и вечеромъ каждаго дня мнѣ давали изъ госпиталя знать о состояніи его здоровья, которое, видимо, поправлялось. Утромъ 8 марта я получилъ лично отъ него записку,

въ которой онъ извѣщалъ, что совершенно поправился и выпишется 9 или 10 марта. Я этому очень обрадовался, такъ какъ сроднился съ этимъ человѣкомъ въ обмѣнѣ нашихъ мнѣній и впечатлѣній по поводу текущихъ событій. Въ ночь на 9 марта снова повторилась бомбардировка и борьба на морѣ; первый выстрѣлъ засталъ меня за письмомъ. Такъ какъ за день я страшно усталъ, то подъ выстрѣлы и заснулъ. Утромъ громовыъ ударомъ поразило меня извѣстіе, что В.... ночью умеръ. Я тотчасъ же отправился въ госпиталь.

Здѣсь Завѣдывающій сообщилъ мнѣ, что при первомъ же выстрѣлѣ В.... схватился съ постели и у него наступилъ приступъ удушья; впродолженіе почти часа онъ стоялъ у кровати, прислонившись къ столику, послѣ чего мертвымъ упалъ на кровать. По заключенію врача, В.... умеръ отъ склероза сердца, осложненнаго удушьемъ грудной жабы, вызваннымъ сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ. Получивъ эти свѣдѣнія, я пошелъ въ часовню, гдѣ на столѣ подъ простыней увидѣлъ лежащимъ въ одномъ бѣльѣ моего милаго компаніона. Лицо его нисколько неизмѣнилось; было только болѣе серіозно, какъ бы онъ разрѣшалъ какую-нибудь трудную задачу; но губы его ввалились, благодаря вынутымъ вставнымъ зубамъ, почему онъ казался еще болѣе старымъ. Всматриваясь въ его неподвижное нѣмое и спокойное лицо, я мысленно бесѣдовалъ съ нимъ на тему о предчувствіяхъ и по поводу его увѣреній, что оба останемся живы; вдругъ въ мозгу невольно пронеслась мысль, что можетъ быть и мнѣ придется также скоро успокоиться и болѣе неиспытывать сквернаго нервнаго состоянія при первомъ выстрѣлѣ. Одна мысль начала цѣпляться за другую и я, какимъ-то невидимымъ для меня образомъ, путемъ сопоставленія событій, цыфръ и вычисленій, пришелъ къ заключенію, что ровно черезъ три мѣсяца я тоже не буду жить; число 19 почему-то стало для меня роковымъ; при другихъ обстоятельствахъ я посчиталъ бы себя за сумасшедшаго, но теперь работу своей мысли я считалъ разумной и основательной; помню, что уходя изъ часовни, я былъ глубоко убѣжденъ, что 19 числа, ровно черезъ три мѣсяца, я переселюсь къ моему бывшему земному другу.

При выходѣ, я натолкнулся на болѣе ужасную процессію: въ сосѣднюю часовню стрѣлки несли на доскахъ шесть труповъ, завернутыхъ въ шинели и одѣяла; изъ распросовъ оказалось, что это—жертвы сегодняшней бомбардировки и произошло все при такихъ обстоятельствахъ: на Тигровомъ полуостровѣ есть баракъ команды плавучихъ средствъ, гдѣ жили по нѣсколько нижнихъ чиновъ отъ Артурскихъ полковъ, на обязанности которыхъ лежало перевозить всѣхъ военныхъ сухопутнаго вѣдомства съ полуострова въ городъ и обратно. Около 6—7 часовъ утра 9 марта, на время бомбардировки, вся команда собралась въ баракъ, куда также зашли двѣ солдатки съ дѣтьми и мастеровой, молодой парень. Около этого же времени снарядъ 12″—орудія влетѣлъ въ баракъ и разорвался въ немъ, осколками котораго и были убиты пять нижнихъ чиновъ и парень; женщины и дѣти остались невредимы. Когда трупы были внесены въ часовню и развязаны, то увидѣнное мною превзошло мое воображеніе: у одного стрѣлка совершенно былъ разрушенъ животъ въ нижней его части, а также обнажены отъ кожи и мускуловъ тазовыя и бедренныя кости; между ними лежала только масса изъ мяса и тряпокъ; у другого были выжжены глаза, на мѣстѣ которыхъ зіяли черныя глубокія впадины, черепъ же, представляя изъ себя кровавую массу, казался скальпированнымъ; лица остальныхъ хотя и неимѣли поврежденій, были спокойны и какъ бы съ улыбкой, но на трупахъ были такія же поврежденія, какъ и у перваго. Вѣчный покой вашимъ душамъ, невинные мученики и жертвы войны, погибшіе вдали отъ родины и родныхъ. Да будетъ проклятъ этотъ бичъ, уносящій самое лучшее и цѣнное въ жизни государства, общества, семьи!

Бомбардировка эта не причинила вреда крѣпости и флоту; окончилась она около 10 часовъ утра.

Но недолго послѣ этого пришлось насладиться отдыхомъ; свой новый визитъ съ брандерами японцы повторили въ ночь на 14 марта. Хуже всего было то, что эти визиты они устраивали ночью, когда, измучившись въ дневной работѣ, каждый забывался во снѣ хотя на нѣсколько часовъ.

Въ 1 ч. 30 м. ночи грохнулъ выстрѣлъ съ электрическаго утеса; за нимъ послѣдовала батарея № 9, послѣ чего началась канонада по всей береговой линіи и съ судовъ.

Еще 13 марта на разсвѣтѣ наша эскадра, подъ личнымъ начальствомъ адмирала Макарова, вышла въ море и взяла курсъ къ островамъ Мяо-Дао. Показавшіяся вдали джонки, по сигналу съ «Новика», были осмотрѣны миноносцемъ «Внимательнымъ», кототорый, увидѣвъ небольшой пароходъ, буксировавшій баржу, далъ выстрѣлъ подъ носъ парохода, приказывавшій остановиться. Задержанный пароходъ оказался «Хан-іенъ-мару». По опросу бывшихъ на немъ японцевъ и китайцевъ оказалось, что этотъ пароходъ получилъ приказаніе собирать джонки для перевоза риса, но это ему не удалось въ силу запрещенія китайскаго правительства; тогда японцы рѣшили захватить силою джонки въ морѣ, но и это не удалось, такъ какъ были застигнуты нашей эскадрой. При обыскѣ парохода было найдено нѣсколько англійскихъ телеграммъ, полученныхъ японцами изъ Вей-хай-вея; на пароходѣ захвачено много книгъ, записная книга капитана, двѣ фальшивыхъ китайскихъ косы, 11 человѣкъ китайцевъ и 9 японцевъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ были одѣты въ штатское платье. Это были первые плѣнные на морѣ. «Новикъ» взялъ пароходъ на буксиръ, чтобы впослѣдствіи проводить его въ портъ, но такъ какъ онъ задерживалъ только движеніе эскадры, то съ него была снята команда и нѣсколькими выстрѣлами онъ былъ пущенъ ко дну; миноносецъ же «Боевой» разстрѣлялъ баржу.

У тѣхъ же острововъ на SO были замѣчены четыре парохода подъ англійскимъ флагомъ. По приказанію адмирала Макарова, они были осмотрѣны «Аскольдомъ»; эти пароходы оказались принадлежащими англійской компаніи, идущими изъ Чифу въ Инкоо пустыми, почему и были отпущены.

Такимъ образомъ, осмотръ моря не далъ указаній на возможность посѣщенія японцами артурскаго рейда; между тѣмъ, они неожиданно нагрянули въ полночь на 14 марта и налетъ этотъ оказался для нихъ очень неудачнымъ, несмотря на тщательно под-

готовленные брандеры, съ цѣлью затопить ихъ у входа и преградить выходъ нашей эскадрѣ въ море.

Когда лучами прожекторовъ были уловлены силуеты судовъ, двигавшихся на рейдѣ къ выходу, то съ началомъ канонады, было приказано миноносцамъ немедленно атаковать ихъ. Первымъ пошелъ въ бой миноносецъ «Сильный», подъ командой лейтенанта Криницкаго, который и оказался героемъ этой ночи; за нимъ послѣдовалъ миноносецъ «Рѣшительный», до выхода котораго три брандера были подбиты береговыми батареями и миной «Сильнаго»; брандеры получили направленіе къ лѣвой сторонѣ выхода и остановились подъ Золотой Горой на скалахъ; четвертый же на всѣхъ парахъ летѣлъ въ самый проходъ и изъ него производилась стрѣльба по нашимъ батареямъ и судамъ, почему на немъ и былъ сосредоточенъ самый губительный перекрестный огонь батарей и вновь вышедшаго миноносца «Рѣшительнаго»; мина послѣдняго оказала рѣшающее дѣйствіе, попавъ подъ середину брандера и поднявъ высокій столбъ воды, послѣ чего брандеръ черезъ нѣсколько секундъ затонулъ, причаливъ къ правой сторонѣ выхода у Тигровки. Артиллерія однако оспариваетъ эту честь и относитъ затопленіе послѣдняго брандера огню береговыхъ батарей.

Около 3—4 часовъ утра все было окончено. Утромъ наступившаго дня я отправился на поле битвы и былъ пораженъ гигантской работой ночного дѣла: слѣва, у Золотой Горы, стояли три чудовища-брандера полузатопленными, а справа у выхода, одинъ лежалъ на боку, подъ угломъ къ ранѣе затопленному; у берега же Золотой Горы стоялъ на камняхъ и миноносецъ «Сильный», къ которому я и присталъ. Взойдя на миноносецъ и познакомившись со старшимъ офицеромъ, я узналъ отъ него слѣдующія подробности дѣла: около 2-хъ часовъ ночи, стоя на сторожевомъ посту, онъ увидѣлъ въ лучахъ прожектора надвигавшуюся громаду брандеровъ, въ сопровожденіи миноносцевъ; получивъ приказаніе двинуться въ бой, лейтенантъ Криницкій моментально ринулся на нихъ, желая остановить дальнѣйшее движеніе; выпущенная удачно мина оторвала носъ брандеру, что дало послѣднему и шедшимъ за нимъ

брандерамъ направленіе къ Золотой Горѣ; въ то же время «Сильный» попадаетъ въ настоящій адъ: противъ него около пяти непріятельскихъ миноносцевъ, открывшихъ по немъ огонь; въ темнотѣ онъ начинаетъ лавировать и неожиданно у самаго носа встрѣчаетъ миноносецъ, но за туманомъ и темнотой ночи не можетъ разглядѣть—свой или непріятеля; наступилъ моментъ нерѣшительности и «Сильный», до опознанія, рѣшаетъ держаться у кормы этого миноносца почти вплотную; осматриваясь, ему удалось опредѣлить двѣ трубы, но и у насъ есть съ такимъ же количествомъ трубъ (нѣмецкой постройки); наконецъ, замѣчаетъ на немъ лампочку, каковой на нашихъ миноносцахъ не бываетъ, но, изъ предосторожности,—даетъ опознавательный сигналъ, въ отвѣтъ на который получаетъ залпъ, послѣ чего начинается борьба на жизнь и смерть; благодаря спокойствію и распорядительности командира, а также удачному маневрированію, «Сильному» удается наносить вредъ непріятелю и избѣгать существеннаго вреда для себя; когда же удачнымъ непріятельскимъ выстрѣломъ была пробита пароотводная труба, машина перестала дѣйствовать и миноносцу грозила опасность быть захваченнымъ непріятелемъ, то онъ и выбросился на берегъ уже на разсвѣтѣ. Къ несчастью, прорвавшимся въ машинное отдѣленіе паромъ сварило механика Звѣрева и пять нижнихъ чиновъ. Осмотрѣвъ поврежденія миноносца, оказалось: телеграфъ былъ разбитъ и приборъ испорченъ; обойма орудія была совершенно разрушена; пробоины зіяли на трубѣ, машинѣ, палубѣ и боковыхъ подводныхъ частяхъ. При осмотрѣ, трупъ одного матроса не былъ еще вынутъ изъ машиннаго отдѣленія; изъ послѣдняго въ то время выкачивали воду; по предположенію, кочегаръ, видимо искалъ спасенія отъ вырвавшагося пара подъ доской въ трюмѣ, куда забился и гдѣ нашелъ свою смерть. Окружавшіе насъ матросы внимательно слушали разсказъ о боѣ и объясненія старшаго офицера; одинъ изъ кочегаровъ въ концѣ разсказа доложилъ, что онъ чудомъ спасся, выскочивъ изъ кочегарки черезъ узкое входное отверстіе. Я невольно обратилъ на него вниманіе: лице его не носило и слѣда ничего героическаго; оно было просто и естественно, ни

рисовки, ни самодовольства, какъ будто бы онъ никакой опасности и не подвергался. Поразительно, какъ просто русскій солдатъ относится къ своей геройской работѣ!

Впослѣдствіи, при осмотрѣ брандеровъ, на нихъ оказались адскія машины, проводники отъ которыхъ были перебиты выстрѣлами, но не перерѣзаны охотниками, какъ о томъ было тогда же сообщено. Въ тотъ же день миноносецъ «Сильный» былъ снятъ съ камней и введенъ въ докъ.

Обсуждая впослѣдствіи ходъ всего этого дѣла и выслушавъ разсказы о подвигахъ обѣихъ сторонъ, я не могъ не подивиться храбрости и отвагѣ непріятеля: вести брандеры подъ страшный и сильный огонь батарей и нашихъ судовъ, управлять ими подъ дождемъ этого огня и еще стрѣлять съ нихъ въ упоръ по нашимъ миноносцамъ,—это что-то сверхъестественное, чудовищное; но еще болѣе поразительно, что недостигнувъ цѣли, они смѣло высаживались съ брандеровъ въ лодки и уходили на нихъ подъ такимъ же дождемъ нашихъ пуль и снарядовъ. Велика духомъ эта нація и вполнѣ достойный противникъ русскихъ! Честь и слава вамъ, храбрецы, исполняющіе такъ беззавѣтно волю своихъ Государей.

Это вторичное домогательство японцевъ загородить выходъ нашей эскадрѣ изъ порта, съ цѣлью лишить ее возможности выполнять японскому флоту свои операціи на морѣ по части транспортированія войскъ и припасовъ на материкъ, побудило адмирала Макарова принять, съ своей стороны, мѣры къ противодѣйствію этому плану. Еще до 14 марта были затоплены искусственно у выхода изъ порта два нашихъ парохода—Хайларъ и Сунгари; послѣ же этой попытки были поставлены боны, которые могли бы задерживать непріятельскіе брандеры подъ разстрѣломъ, а также были заложены мины на пути болѣе вѣроятного шествія брандеровъ, каковыми мѣрами не только преграждалась возможность проникнуть въ портъ, но и подойти къ нему близко, а слѣдовательно вполнѣ обезпечивался выходъ нашего флота на рейдъ. Съ прибытіемъ рабочихъ-мастеровыхъ изъ Петербурга, портъ представлялъ изъ себя цѣлую мастерскую, гдѣ работа кипѣла днемъ и ночью. Къ концу

марта стараніями нижнихъ чиновъ и офицера одного изъ полковъ была открыта старая дорога на вершину одной изъ самыхъ высокихъ горъ—Лѣотѣшана; дорога эта была разработана и по ней провезены пушки и установлена батарея на самой вершинѣ, что лишило непріятеля возможности, прикрываясь этой горой, обстрѣливать безнаказанно портъ и городъ.

Между тѣмъ, время подходило къ Пасхѣ. Наступало торжество изъ торжествъ, одинъ изъ самыхъ великихъ христіанскихъ праздниковъ. Каждому съ ранняго дѣтства памятны эти великіе торжественные дни, дни душевной тишины, мира и покоя, дни радости и веселья въ кругу родной семьи и близкихъ знакомыхъ; почему еще болѣе тоскливо дѣлалось на душѣ, что въ эти великіе торжественные дни, установленные въ память невинно пролитой крови во спасеніе людей, ихъ братскихъ чувствъ и любви другъ къ другу, приходилось точить мечи для пролитія крови. Вспоминалась Россія, родные, дѣти,—и душой овладѣвало очень тяжелое чувство, усиливавшееся ожиданіемъ чего-то страшнаго, таинственнаго; каждый спѣшилъ пріобщиться Св. Тайнъ, приготовляясь на всякія жертвы, готовый до единой капли пролить свою кровь за честь и славу дорогой родины. Душевная тревога еще болѣе усиливалась слухами, циркулировавшими среди китайцевъ, что японцы готовятъ 28 брандеровъ, связанныхъ по четыре въ рядъ желѣзными болтами; что одинъ изъ этихъ рядовъ будетъ нагруженъ взрывчатыми веществами такой силы, что отъ взрыва ихъ должны разрушиться береговыя батареи и городъ; что одновременно съ этимъ будетъ произведенъ дессантъ около Дальняго или вообще на Квантунѣ и наступитъ всеобщая рѣзня. Все это ожидалось на праздникахъ и каждый почему-то былъ увѣренъ, что произойти должно въ первую святую ночь. На страстной недѣлѣ прибылъ ко мнѣ вновь назначенный секретарь С...., молодой, съ университетскимъ образованіемъ, общительный и чрезвычайно сердечный и доброй души человѣкъ, настоящій москвичъ. Прибытіе его чрезвычайно меня порадовало, такъ какъ въ немъ я видѣлъ своего товарища, близкаго мнѣ по духу и взглядамъ, а также вѣрнаго компаніона

по работѣ и прогулкамъ, которыя я любилъ предпринимать, съ цѣлью убить свободное время и хотя немного разсѣяться. Согласно традиціонному обычаю, я купилъ себѣ куличъ, окорокъ ветчины и крашеныхъ яицъ. Этотъ незатѣйливый пасхальный столъ нѣсколько сглаживалъ шероховатости моего горькаго положенія и устанавливалъ тѣсную связь съ Россіей и дорогой семьей, за которой я начиналъ уже порядочно тосковать. Но вотъ наступила и пасхальная ночь. Идя съ С.... около 11 часовъ въ отрядную церковь, я мысленно сравнивалъ свое настоящее душевное состояніе съ прежнимъ въ эту же ночь. Какая чувствовалась глубокая разница! Радостное, до глубины любящее сердце, преисполненное добра и чистыхъ, хорошихъ мыслей въ прежнее время,—теперь было погружено въ какой-то мракъ, въ предчувствіе чего-то недобраго, въ желаніе сейчасъ же броситься съ ножемъ въ рукахъ на врага. Самая обстановка гармонировала такому душевному настроенію: темная ночь, сильный холодный вѣтеръ, пустынность улицы и глубокая тишина, не нарушаемая даже звономъ колоколовъ, такъ весело переливающихся своими ласкающими, радостными звуками въ каждой русской деревнѣ въ эту святую, великую ночь. Войдя въ церковь, а потомъ помогая духовенству внести плащаницу въ алтарь, я мысленно молился объ одномъ,—не омрачить еще болѣе этой великой торжественной ночи гуломъ снарядовъ и людскихъ страданій; тутъ же рядомъ проносились мысли о семьѣ, дѣтяхъ, о переживаемыхъ ими тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, о проливаемыхъ слезахъ въ этотъ «праздниковъ праздникъ»; вспомнилось, что не одна моя семья испытываетъ это,—сотни тысячъ такихъ же переживаютъ тяжелыя минуты теперь; вся Россія трепещетъ сердцемъ за своихъ вѣрныхъ сыновъ, можетъ быть льющихъ кровь въ эту святую ночь. Самое богослуженіе совершалось при закрытыхъ драпировками окнахъ, чтобы свѣтъ сквозь нихъ не служилъ цѣлью для непріятеля, со всѣхъ сторонъ окружавшаго насъ. Выйдя за духовенствомъ въ обходъ церкви, свѣчи, благодаря сильно дувшему вѣтру, потухли и мы очутились въ темнотѣ; но скоро глаза освоились съ ней, а когда вышли на сторону, обращенную къ морю, то открылась оча-

рователъная и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-грозная картина: море было освѣщено прожекторами по всѣмъ направленіямъ и казалось Самъ Христосъ-Страдалецъ въ лучахъ этого свѣта смотритъ на насъ и ласкаетъ своимъ божественнымъ взглядомъ, облегчая наши душевныя страданія и проливая въ наши души любовь и миръ. Это настроеніе, кажется, не ушло бы и въ томъ случаѣ, если бы неожиданно грянули выстрѣлы, которые несомнѣнно усилили бы иллюзію и были бы приняты, какъ салютъ памяти его чуднаго воскресенія. Но вотъ остановились у запертой двери и хоръ запѣлъ «Христосъ Воскресе!»

Въ этотъ моментъ напряженіе нервовъ достигло высшей степени; у многихъ показались на глазахъ слёзы, а болѣе нервные прямо-таки разрыдались; изъ тысячи устъ это божественное «Христосъ Воскресе» мысленно понеслось въ Россію къ дорогимъ роднымъ. Тихо и спокойно прошли заутреня и обѣдня; всѣ также тихо и грустно разошлись по своимъ домамъ, какъ и собрались для общей молитвы. Первые три дня прошли для насъ совершенно спокойно, чему были крайне удивлены и каждый изъ насъ благодарилъ въ душѣ японцевъ за ихъ деликатное отношеніе къ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ; всѣ радовались, что въ эти три дня не пришлось пролить ни одной капли человѣческой крови. На стражѣ нашего покоя находился и незабвенный нашъ адмиралъ Макаровъ; онъ ни на одну минуту не сходилъ съ своего поста, готовъ былъ принять бой и достойнымъ образомъ встрѣтить врага. Всякій это видѣлъ и зналъ; его великая, чудная душа была понятна всякому и всякій зналъ также о томъ, что этотъ человѣкъ не спрячется постыдно въ трудный моментъ, никому не дастъ въ обиду себя и другихъ и для каждаго будетъ служить крѣпкой стѣной защиты. Никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, однако, что находимся наканунѣ великаго несчастья, осиротившаго Артуръ, поразившаго такъ глубоко всю Россію, лучшую часть общества всего свѣта. 31 марта около 10 часовъ утра, я неожиданно получилъ телефонограмму о гибели броненосца «Петропавловскъ». Прочитавъ ее, я буквально остолбенѣлъ и страшная щемящая душу боль сдавила грудь.

Около 11 часовъ утра я отправился въ портъ, по дорогѣ въ который отъ встрѣчныхъ знакомыхъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о гибели адмирала и его штаба, за исключеніемъ спасеннаго Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Пріѣхавъ въ портъ, отъ возвратившагося на катерѣ съ «Пересвѣта» кн. Ухтомскаго я получилъ подтвержденіе о страшной потерѣ; кто-то изъ стоявшихъ тутъ же сообщилъ, что погибъ также и нашъ извѣстный художникъ Верещагинъ, пріѣхавшій незадолго предъ тѣмъ въ Артуръ и находившійся въ моментъ катастрофы на «Петропавловкѣ»; что та-же участь постигла бы и художника Кравченко, который, къ счастью, опоздалъ къ выходу броненосца въ море.

Всѣ были поражены несчастьемъ страшно и на лицахъ многихъ былъ отпечатокъ не то ужаса, не то отчаянія. Тутъ же въ порту я узналъ слѣдующее: еще 30 марта отрядъ въ восемь миноносцевъ выходилъ въ море для осмотра острововъ; эти миноносцы получили приказаніе, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, атаковать его. Во время ночного перехода и сильнаго дождя (въ ночь на 31 марта), отъ отряда отдѣлились три миноносца, изъ которыхъ два на разсвѣтѣ пришли въ Артуръ, а третій «Страшный», принявъ въ темнотѣ японскіе миноносцы за свои, пошелъ совмѣстно съ ними, но съ разсвѣтомъ былъ опознанъ непріятелемъ и атакованъ; послѣ десятиминутнаго боя «Страшный» былъ потопленъ; на помощь къ нему въ это время приближался «Баянъ», который, отогнавъ выстрѣлами японскіе миноносцы, спустилъ шлюпку и спасъ пять человѣкъ команды, плававшихъ на поверхности воды. Спасая людей, «Баянъ» другимъ бортомъ вступилъ въ бой съ шестью подходившими японскими крейсерами, а потомъ, поднявъ со спасенными шлюпку на бортъ, пошелъ къ Артуру; на помощь къ нему изъ Артура спѣшили «Діана», а за ней «Новикъ», «Аскольдъ» и броненосецъ «Петропавловскъ», на которомъ держалъ свой флагъ адмиралъ Макаровъ.

Всѣ эти суда направились къ мѣсту боя «Страшнаго», куда также подошли японскіе миноносцы и крейсера. Послѣ короткой перестрѣлки, непріятельскія суда повернули въ море, а вмѣсто нихъ,

около 8 час. 40 мин., выступила эскадра японскихъ броненосцевъ изъ девяти судовъ, почему наша флотилія пошла въ Артуръ, гдѣ на рейдѣ къ ней присоединились «Побѣда», «Пересвѣтъ» и «Севастополь». Подойдя ко входному створу, миноносцамъ было приказано идти въ портъ, а броненосцамъ вступить въ кильватеръ; «Петропавловскъ», будучи головнымъ, повернулъ на востокъ и началъ склоняться въ сторону непріятеля. Въ это время, ровно въ 9 час. 43 мин., у праваго борта его послѣдовалъ взрывъ, а затѣмъ немедленно же второй взрывъ подъ мостикомъ, болѣе сильный, съ густымъ высокимъ столбомъ желтозеленаго дыма, вслѣдствіе чего броненосецъ сначала накренился на правый бортъ потомъ корма его приподнялась кверху, оголивъ винты, которые продолжали работать въ воздухѣ, носомъ же онъ погрузился въ воду, принявъ почти вертикальное положеніе, послѣ чего, спустя $1^1/_2$—2 минуты послѣ перваго взрыва, весь объятый пламенемъ, моментально скрылся подъ водой. Князь Ухтомскій, принявъ командованіе надъ эскадрой, далъ приказъ всѣмъ судамъ идти въ портъ, перестроившись въ кильватеръ «Пересвѣту», на которомъ онъ поднялъ свой флагъ; пересѣкая во время хода линію створа, подъ правымъ бортомъ броненосца «Побѣды» послѣдовалъ также взрывъ мины; сильно накренившись, ей однако удалось войти въ портъ благополучно. Послѣ несчастья съ «Петропавловскомъ», лодка «Гайдамакъ» спасла плававшими на поверхности воды Великаго Князя, двухъ офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ, а всего было спасено семь офицеровъ и 73 нижнихъ чина; въ числѣ спасенныхъ былъ и командиръ броненосца капитанъ I-го ранга Яковлевъ, у котораго оказались тяжкія поврежденія головы съ ожогомъ лица и сломанное ребро. Великій Князь былъ страшно потрясенъ нервно, почему сейчасъ же уѣхалъ на стоявшій у вокзала поѣздъ къ своему брату Борису, съ которымъ и отбылъ немедленно въ Мукденъ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось прочитать слѣдующее донесеніе адмирала Того своему правительству: «Когда «Баянъ» открылъ огонь по крейсерамъ третьей эскадры, то къ нему немедленно направились на помощь «Новикъ», «Аскольдъ», «Діана», «Петропавловскъ», «Побѣда» и «Полтава», которые и пошли въ атаку; третья эскадра

умышленно отвѣчала медленнымъ огнемъ, и отступая, завлекла русскихъ на 15-ти мильное разстояніе къ востоку, пока на помощь не подошла первая эскадра, извѣщенная по безпроволочному телеграфу, которая быстро перешла въ наступленіе. Русскіе начали отступать и во время пути «Петропавловскъ» наскочилъ на одну изъ минъ, поставленныхъ въ предыдущую ночь, отчего и затонулъ». Согласно этому донесенію, японцы какъ бы умышленно завлекли нашу эскадру въ море, а потомъ заставили ее отступать именно по тому пути, гдѣ ими были разбросаны мины. Такъ-ли это въ дѣйствительности, трудно сказать; только правдивая исторія детально выяснитъ этотъ вопросъ. Мнѣ за достовѣрное передавали, что капитанъ Яковлевъ дважды докладывалъ адмиралу Макарову, что наканунѣ по пути отступленія японцами разбросаны мины, но онъ не придалъ этому значенія и приказалъ отступать именно по этому направленію.

Тогда же въ порту я встрѣчалъ многихъ изъ моряковъ, которые безусловно вѣрили въ то, что «Петропавловскъ» погибъ отъ японской подводной лодки, что производило на всѣхъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе, такъ какъ, за неимѣніемъ такихъ лодокъ у насъ, флотъ нашъ былъ бы обреченъ на полнѣйшее бездѣйствіе и дальнѣйшую гибель; рядомъ съ этимъ другіе, сомнѣваясь въ существованіи у японцевъ этихъ лодокъ, высказывали предположеніе, что «Петропавловскъ» налетѣлъ на нашу же мину. Для меня оставалось, однако, несомнѣннымъ одно, что «Петропавловскъ», погибъ отъ японской мины, такъ какъ еще наканунѣ я слышалъ, что ночью на 30 марта по рейду рыскали непріятельскіе миноносцы и, видимо, разбрасывали мины. Между прочимъ, меня удивило одно обстоятельство, что непріятельскій флотъ, видя наше несчастье и общее замѣшательство, не атаковалъ немедленно эскадры и издали любовался гибелью «Петропавловска» и поврежденіемъ «Побѣды»; всѣ были увѣрены въ томъ, что если бы японцы повели быстрое наступленіе, могли бы истребить всю нашу эскадру при одиночномъ вступленіи судовъ въ проходъ и при томъ переполохѣ, который былъ произведенъ гибелью «Петропавловска» и поврежденіемъ «Побѣды».

Потеря адмирала Макарова—была большая потеря не только для насъ, артурцевъ, но и для всей Россіи; она стоила цѣлой эскадры. На высказанное мною мнѣніе тогда же въ порту генералу С.... объ ужасномъ несчастьи, постигшемъ насъ, онъ, напротивъ, отнесся равнодушно къ этой потерѣ, сказавъ, что на мѣсто Макарова найдется другой Макаровъ и что несчастья въ этой потерѣ нѣтъ. Но почтенный генералъ глубоко ошибался: другого Макарова не нашлось; флотъ, бездѣйствуя за недостаткомъ хорошей головы, почти пересталъ существовать, да и самый морской персоналъ круто измѣнилъ свое поведеніе. Да, отъ всего русскаго сердца жаль тебя, дорогой адмиралъ, отдавшій свою жизнь за родину и Царя, погибши такъ ужасно! Потеря твоя незамѣнима и скорбь Россіи неутѣшна. О потери твоей жизни жалѣютъ даже враги твои. Такъ, командиръ Огосавара (телеграмма изъ Токіо отъ 5 апрѣля), пишущій отъ имени главнаго японскаго морского штаба, говоритъ, что смерть твоя является потерей для флотовъ всего міра и считаетъ тебя однимъ изъ лучшихъ адмираловъ всего свѣта. Президентъ Рузевельтъ, выражая сожалѣніе по поводу твоей смерти, свидѣтельствуетъ сердечное участіе въ потерѣ, понесенной Россіей въ лицѣ твоемъ. Больше же всего почувствовали эту потерю мы, артурцы, такъ какъ со смертью твоей—эскадра перестала жить, портъ и рейдъ обратились въ мертвыя пространства, дерзость непріятеля дошла до безстыдства, такъ какъ онъ началъ хозяйничать на рейдѣ, подходя ночью миноносцами на 400—500 сажень къ нашимъ берегамъ, а энергія моряковъ твоей бывшей эскадры, дорогой адмиралъ, умерла!

Находясь подъ впечатлѣніемъ разсказаннаго, я пошелъ навѣстить портовой лазаретъ, куда были перевезены трупы и раненные. Въ покойницкой на столѣ и на полу лежало пять офицерскихъ труповъ, завернутыхъ въ мокрыя черныя шинели, именно—полковника Агапѣева, капитана II-го ранга Васильева, врача Волковича, старшаго артиллерійскаго лейтенанта Любима Кнорринга I и мичмана Бурачка; тутъ же находилось и шесть труповъ матросовъ, также завернутыхъ въ мокрыя шинели; лица у всѣхъ были черныя,

обожженныя, но выраженіе ихъ совершенно спокойное; только лицо Кнорринга имѣло ужасный видъ: нижняя челюсть его была разбита и распухла; изъ раны сочилась кровь, что придавало лицу страшный видъ; мичманъ Бурачекъ, ростомъ маленькій, казался совершеннымъ ребенкомъ; смотря на выраженіе его обожженнаго лица, можно было подумать, что онъ спитъ. Изъ лазарета доносились раздирающіе душу крики и стоны; заглянувъ въ дверь, я увидѣлъ на кровати съ такимъ же чернымъ лицемъ матроса, котораго въ то время бинтовали и увязывали фельдшеръ и сестра милосердія.

Почти вечеромъ я возвратился домой подъ ужасно тяжелымъ впечатлѣніемъ; голова отказывалась работать, наступила полнѣйшая апатія къ какой бы то ни было работѣ; въ сердце ощущалась такая пустота, что я не могъ даже сѣсть написать письмо. Помню, что меня тяготила ужасно одна только мысль,—какъ сильно будетъ поражена Россія нашимъ несчастьемъ.

1-го апрѣля, около 2 часовъ дня, происходили похороны жертвъ ужасной катастрофы 31 марта. Никогда изъ моей памяти не изгладится эта грустная, тяжелая картина отпѣванія. Происходило оно на маленькомъ дворикѣ портоваго лазарета, гдѣ въ одинъ рядъ были поставлены пять офицерскихъ гробовъ, обитыхъ бѣлымъ глазетомъ и украшенныхъ массой вѣнковъ; сзади ихъ лежали трупы матросовъ по четыре въ рядъ; каждый трупъ былъ зашитъ въ холщевый мѣшокъ; всѣхъ ихъ было тринадцать. При пѣніи «Со святыми упокой», вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни; на глазахъ многихъ стояли слезы. Много горькихъ думъ пронеслось при этомъ въ головѣ: припомнились родные погребаемыхъ, ожидающіе съ нетерпѣніемъ вѣсточки отъ дорогихъ, близкихъ имъ людей. Чувствуютъ-ли они въ этотъ моментъ, что ихъ сыновья, братья, мужья, отцы покончили всѣ разсчеты съ земной жизнью и вскорѣ будутъ скрыты въ мѣстахъ вѣчнаго упокоенія! Сердце разрывалось на части при мысли, что загублено такъ много молодыхъ, полныхъ жизни людей, счастливыхъ еще вчера мыслью на будущее свиданіе съ родными, ожидающими возврата ихъ съ

такимъ нетерпѣніемъ, мечтавшихъ о славѣ и почетѣ! Тутъ же невольно мелькала мысль, что завтра, послѣзавтра, на дняхъ—также, быть можетъ, будутъ хоронить и каждаго изъ насъ, вдали отъ близкихъ сердцу дорогихъ людей. Миръ праху вашему, доблестные воины и мученики, несчастныя жертвы проклятой войны! По окончаніи отпѣванія, гробы и мѣшки были подняты и установлены на простыя телѣги, каждая въ одну лошадь; при этомъ, по выносѣ покойниковъ со двора на улицу, нарядъ нижнихъ чиновъ взялъ на-караулъ и музыка заиграла «Коль Славенъ». Незнаю, чьи нервы могутъ выдержать эти трогающіе душу звуки, но на меня они всегда производятъ очень тяжелое впечатлѣніе; я не выдержалъ и слезы невольно полились.

По укрѣпленіи гробовъ и мѣшковъ на повозкахъ, процессія двинулась на военное кладбище по улицамъ Артура, въ сопровожденіи четырехъ священниковъ и густой толпы народа, при звукахъ похороннаго марша и пѣніи «Святый Боже». Я до того былъ разбитъ душевно, до того усталъ физически, что въ состояніи былъ проводить покойниковъ только за городъ, послѣ чего возвратился домой въ еще болѣе тяжеломъ душевномъ настроеніи. При сопровожденіи процессіи, я вновь провѣрилъ впечатлѣнія очевидца гибели «Петропавловска» генерала Бѣлаго; по его словамъ, броненосецъ послѣ перваго взрыва моментально погрузился носомъ въ воду, а корма его поднялась вверхъ, почему онъ принялъ почти вертикальное положеніе; въ это же время раздался новый взрывъ и изъ воды вырвалось громадное пламя, охватившее всю видимую часть броненосца и достигшее вершины мачтъ; пламя это, по его предположенію, было слѣдствіемъ взрыва порохового погреба, а главное минъ, которыхъ на броненосцѣ доходило до 50; взрывъ же этихъ предметовъ произошелъ вслѣдствіе детонаціи отъ перваго взрыва; въ вертикальномъ положеніи броненосецъ находился не болѣе 30 секундъ, послѣ чего опрокинулся и скрылся подъ водой; всего же времени отъ перваго взрыва до потопленія прошло не болѣе 1—$1^1/_2$ минутъ. По разсказу же одного изъ моряковъ З...., послѣ второго взрыва начали взрываться котлы, которыхъ на «Пе-

тропавловскѣ» доходило до 30, чѣмъ и объясняется какъ его быстрое потопленіе, такъ и масса погибшихъ.

Возвратившись домой вечеромъ, я подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній уснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ, проснувшись на другой день поздно утромъ; даже начавшаяся бомбардировка японцами Артура не могла разбудить меня, а началась она около 9 часовъ утра (2 апрѣля).

Первоначально непріятельская эскадра появилась на горизонтѣ около 6 часовъ утра, но вскорѣ скрылась, показавшись вновь около 9 часовъ въ составѣ 23 судовъ. Развернувшись со стороны Лѣотѣшана, она открыла перекидной огонь по береговымъ укрѣпленіямъ Тигроваго полуострова. Нѣкоторыя изъ судовъ нашей эскадры отвѣчали перекиднымъ огнемъ со стороны бухты. Бомбардировка съ перерывами продолжалась до 12 часовъ дня и была совершенно безрезультатна, если не считать нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ случайно упавшими снарядами у Перепелочной горы, вблизи гарнизоннаго собранія. Очевидцы послѣдняго событія разсказываютъ такъ: одинъ изъ снарядовъ 12″ орудія попалъ въ фанзу маленькаго поселенія, пріютившагося на склонѣ этой горы; фанзу эту буквально сравняло съ землей, на которой осталось пятно въ видѣ щебня; китайцы, въ высшей степени любопытные, бросились къ мѣсту паденія снаряда, образовавъ толпу человѣкъ въ 12; но въ это время на то же мѣсто упалъ другой снарядъ такого же калибра и отъ китайцевъ осталось только одно кровавое пятно; шагахъ въ двухстахъ отъ мѣста разрыва находили руки, ноги, головы, но и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Того же дня, я поѣхалъ на Золотую Гору, гдѣ, вооружившись биноклемъ, увидѣлъ на горизонтѣ только два удалявшихся судна. Изъ разговора съ командиромъ батареи по поводу событія 31 марта, я замѣтилъ, что онъ убѣжденный сторонникъ того мнѣнія, что несчастье съ «Петропавловскимъ» произошло отъ дѣйствія японской подводной лодки; онъ утверждалъ, что ее видѣли «собственными глазами» на рейдѣ нижніе чины. Кто именно были эти очевидцы, разсказчикъ не зналъ, добавивъ только, что и раньше этого не только нижніе

чины, но и офицеры видѣли неоднократно на рейдѣ плавающей эту лодку и когда доложили объ этомъ адмиралу Макарову, то послѣдній, пригласивъ къ себѣ очевидцевъ, показалъ имъ проэкты лодокъ; на одну изъ нихъ, имѣвшую на верху не большую башню, очевидцы указали. Этотъ офицеръ сообщилъ также, что наканунѣ былъ захваченъ ключъ японской азбуки безпроволочнаго телеграфа, благодаря чему вечеромъ того же дня была прочитана перехваченная депеша, въ которой непріятельскому флоту приказывалось произвести немедленно около Артура дессантъ и занять городъ. Содержаніе такой перехваченной депеши дѣйствительно подтвердилось, но японцы, съ цѣлью держать гарнизонъ Артура подъ постояннымъ напряженіемъ, неоднократно прибѣгали къ такимъ уткамъ; такими утками были 28 брандеровъ со страшно взрывчатыми веществами, подводныя лодки и наконецъ дессантъ. Изъ всего этого разсказа меня интересовалъ одинъ только вопросъ,—вѣрилъ-ли Макаровъ въ существованіе подводныхъ лодокъ у японцевъ? Разсматривая его подробно и обстоятельно, я приходилъ къ безусловно отрицательному отвѣту и болѣе всего на томъ основаніи, что всегда осторожный и осмотрительный, адмиралъ Макаровъ выходилъ въ море съ флотомъ безъ всякаго принятія соотвѣтствующихъ мѣръ охраны противъ этихъ лодокъ; такъ было и 31 марта. Несчастье съ нимъ произошло просто таки фатально, стихійно. Въ Артурѣ долго держался упорный слухъ о томъ, что Макаровъ, принимая благословеніе о. Іоанна Кронштадскаго, получилъ отъ него совѣтъ «ничего не предпринимать на Святой» во имя христіанской любви къ ближнему, и не проливать въ эти дни человѣческой крови. Макаровъ не исполнилъ приказа святого отца, за что и былъ наказанъ Богомъ.

Многіе видятъ въ этомъ пророчество о. Іоанна.

День 2 апрѣля я рѣшился посвятить исключительно прогулкамъ, почему съ Золотой Горы отправился въ новый городъ со своими вновь прибывшими изъ Россіи сокомпаніонами С.... и В....; кстати, они интересовались домомъ убитаго Сидорскаго. Къ удивленію, въ этомъ домѣ я все нашелъ въ томъ же видѣ, какъ это было и въ день катастрофы: тѣ же разбитыя окна и переплеты,

та же засохшая кровь и частички мозга на стѣнахъ и потолкѣ, разбросанныя по полу шпильки, гребешки, карамель и т. под., отсутствовала только мебель; въ коридорѣ же показали мнѣ даже окровавленную рубаху, которая была на Сидорскомъ въ моментъ смерти. Невольно являлся вопросъ, ужь не показываютъ-ли всего этого за деньги или не охраняютъ-ли неприкосновенности этой обстановки до прiѣзда слѣдователя. Воздухъ въ квартирѣ былъ ужасный, вслѣдствiе розложенiя крови и мозга; между тѣмъ, въ другихъ комнатахъ ея жилъ полицейскiй надзиратель, которому, странно, и въ голову не пришла мысль убрать въ комнатѣ и привести ее въ порядокъ.

Оттуда я заѣхалъ къ своему бывшему товарищу нотарiусу Б.... «Ну, какъ, что? боитесь бомбардировки»? встрѣтилъ я его вопросомъ.—«О, нѣтъ! я теперь изобрѣлъ противъ этой язвы средство, которое заключается въ слѣдующемъ: какъ только начинается бомбардировка, я поспѣшно вооружаюсь папиросами и спичками, беру палку и начинаю быстрое отступленiе въ горы, къ казачьему плацу, гдѣ совершенно безопасно и куда не долетаетъ ни одинъ снарядъ; по окончанiи же бомбардировки, но ни въ какомъ случаѣ не раньше двухъ часовъ послѣ того, какъ эскадра скроется за горизонтомъ, я открываю наступленiе на свою квартиру. Все это, однако, продѣлываю только днемъ, такъ какъ въ ночное время, при быстромъ отступленiи, все равно и даже навѣрняка, можно сломать голову по оврагамъ; въ этомъ случаѣ я навѣшиваю матрацы на окна, ложусь въ постель и засыпаю спокойно, предварительно гипнотизировавъ себя, что осколки снарядовъ не пробьютъ толщи матрацовъ. Расказывая о дѣйствiи снарядовъ 12″ орудiя, Б.... предложилъ пойти осмотрѣть паденiе одного изъ нихъ у домиковъ министерства финансовъ. Мы охотно согласились. Событiе это имѣло мѣсто 26 февраля, когда жильцовъ еще не было въ нихъ и должны были поселиться тамъ 1 марта. Оказалось, что снарядъ упалъ на улицѣ въ разстоянiи 2-хъ сажень отъ домиковъ, противъ каменной ограды, соединявшей ихъ. Дiаметръ воронки паденiя снаряда былъ около двухъ сажень, а глубина ея не менѣе одного сажня; мас-

сивные столбы каменной ограды, около 4-хъ, оказались совершенно разрушенными, веранда одного изъ домиковъ полуразрушена, а поддерживавшія ее колонки были по срединѣ буквально срѣзаны, крыша поднята, а стропила поломаны; въ окнахъ не осталось ни одного стекла, а стѣны и потолки переднихъ комнатъ одного домика были испещрены пробоинами; также были изрѣшетены и наружныя стѣны домиковъ. При этомъ Б.... разсказалъ такой случай: 12″ снарядъ попалъ въ каменный фундаментъ одного дома, пробилъ его, прошелъ въ землѣ подъ поломъ комнаты до слѣдующей каменной стѣны, но не пробивъ ее, сквозь полъ влетѣлъ въ комнату и остался на полу, обернувшись отъ своего первоначальнаго направленія головкой назадъ, въ какомъ видѣ и былъ найденъ неразорвавшимся. Распростившись съ Б...., я поѣхалъ домой, разсѣявшись немного своей прогулкой.

Утромъ 2 апрѣля прибылъ изъ Мукдена въ Артуръ и Намѣстникъ, поднявъ свой флагъ на «Севастополѣ»; но пріѣздъ его не внесъ въ жизнь артурцевъ ничего веселаго, бодрящаго; напротивъ, всѣ еще болѣе пріуныли, благодаря принятымъ мѣрамъ даже излишней осторожности; такъ, входъ въ портъ былъ совершенно закрытъ бонами и съ нихъ даже были спущены сѣтки; но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвела постановка бона въ устьѣ восточнаго бассейна, передъ самымъ носомъ «Севастополя», стоявшаго въ немъ. Это всѣмъ указывало ни возможную опасность проникновенія японцевъ даже во-внутрь бухты. Въ порту была мертвящая тишина, даже разговаривали почти шепотомъ; всѣхъ томило предчувствіе чего-то тяжелого впереди. Тяжесть потери Макарова была для всѣхъ очевидна; для всѣхъ ясно было, что нѣтъ человѣка, который могъ бы замѣнить его, поднять духъ флота, влить въ него энергію; безъ флота же трудно было разсчитывать на успѣхъ.

Жизнь становилась тоскливой, безсодержательной, нервно-напряженной. Игравшая по воскреснымъ днямъ на бульварѣ музыка звучала уныло и еще болѣе терзала нервы. Хотя «Новый Край» и старался своими статьями убѣдить японцевъ, что артурцы не унываютъ и веселятся, но такая ложь еще болѣе раздражала; да

и посѣтителями этого развлеченія обыкновенно являлись женщины легкаго поведенія, наряжавшіяся чуть не въ бальные костюмы; кавалерами ихъ преимущественно была молодежь изъ моряковъ въ своихъ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмчикахъ и такихъ же башмачкахъ, за что ихъ и прозвали зайчиками. Дѣйствительно, извиваясь около дамъ, они издали были очень похожи на нихъ.

Всѣ съ тревожнымъ чувствомъ ожидали грядущихъ событій и подготовляли себя къ смертному бою. Только прибытие свѣжаго человѣка изъ России нѣсколько оживляло и давало другое направленіе мыслямъ. Для меня такимъ именно человѣкомъ былъ генералъ К—К.... (профессоръ одной изъ военныхъ академій), прибывшій изъ Петербурга въ распоряженіе Намѣстника, которымъ онъ былъ принятъ не особенно любезно, судя по разсказу генерала. Такъ, на вопросъ Намѣстника, кѣмъ онъ былъ назначенъ и для какой цѣли, послѣ отвѣта, Намѣстникъ холодно сказалъ: «Вы впослѣдствіи получите мое распоряженіе относительно Васъ», котораго генералъ такъ и не получилъ до поспѣшного отъѣзда Намѣстника изъ Артура.

Тревожное настроеніе, овладѣвшее каждымъ изъ насъ, еще болѣе усилилось доходившими до насъ слухами о неудачныхъ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи подъ начальствомъ генерала Мищенко въ Кореѣ и его постепенномъ отступленіи изъ послѣдней. Входило-ли это въ планы Командующаго Арміей, никому изъ насъ не было извѣстно, но самый фактъ отступленія производилъ непріятное впечатлѣніе на солдатъ и всѣхъ насъ. Большинство утѣшалось, однако, на мысли, что такова роль кавалеріи; обязанность ея раскрыть силы противника и отступить за нашу сильную позицію на р. Ялу, гдѣ непріятель будетъ встрѣченъ достойнымъ образомъ нашимъ авангардомъ подъ начальствомъ генерала Засулича, расположеннымъ у Тюренчена. Въ такомъ счастливомъ упованіи прошло время до 19 апрѣля, когда сначала неопредѣленныя, а потомъ болѣе точныя свѣдѣнія были получены нами о неудачномъ дѣлѣ на р. Ялу, результатомъ котораго была погибель почти всего 11-го полка и артиллеріи, не успѣвшей отступить.

Это очень сильно подѣйствовало на гарнизонъ; я съ болью въ сердцѣ ожидалъ полученія подробныхъ свѣдѣній о раненыхъ и убитыхъ, боясь за жизнь моего сына, находившагося въ батареѣ подполковника Муравскаго, расположенной на позиціи одной изъ высотъ у Тюренчена.

Тяжелое душевное состояніе еще болѣе увеличилось разнесшимися слухами, что въ ночь на 20 апрѣля съ моря готовится нападеніе японцевъ на Артуръ. Слухи эти въ дѣйствительности оправдались: около 10 часовъ вечера на это число раздался первый выстрѣлъ съ электрическаго утеса, за которымъ грянули батареи Тигровки, Крестовой горы и канонерской лодки «Отважный». Такимъ салютомъ была встрѣчена, какъ оказалось, первая серія брандеровъ, несшаяся на всѣхъ парахъ въ лучахъ прожектора прямо ко входу въ портъ въ сопровожденіи миноносцевъ; но имъ не удалось достигнуть цѣли, такъ какъ, благодаря адскому разрушительному дѣйствію орудійнаго огня береговыхъ батарей, они моментально были подбиты и начали тонуть на глазахъ всѣхъ; орудійный огонь остановленъ и открыта частая пулеметная и ружейная стрѣльба по шлюпкамъ, въ которыя прыгали японцы съ тонущихъ брандеровъ, ища спасенія подъ защитой своихъ миноносцевъ. Не прошло и получаса, какъ вновь загрохотали орудія по второй серіи брандеровъ, шедшихъ въ томъ же направленіи; воздухъ снова наполнился страшными звуками выстрѣловъ, свиста снарядовъ и ихъ разрывовъ. Стрѣльба продолжалась около часу и новое нашествіе брандеровъ было отражено съ такимъ же успѣхомъ; орудійный огонь былъ прекращенъ и воздухъ снова наполнился ружейной и пулеметной трескотней. Но не прошло и получаса, какъ въ лучахъ прожектора показалась еще третья серія брандеровъ, стремительно несшихся къ тому же входу, открывъ огонь съ нихъ по нашимъ батареямъ; вновь грохнули орудія, но съ большей еще силой и энергіей: это былъ цѣлый адъ страшныхъ звуковъ, лишавшихъ возможности даже вдали отъ мѣста битвы слышать ясно другъ друга; новые брандеры буквально встрѣтили ливень свинца и чугуна; казалось, не было точки на обстрѣливаемой площади, куда бы не

попалъ осколокъ снаряда, несущій вѣрную смерть: въ воздухѣ стоялъ какой-то ревъ, въ безчисленныхъ оттѣнкахъ разносившійся эхомъ по окружающимъ горамъ; эта чудовищная картина грохота, свиста, треска, свѣта—была нѣчто феерическое, волшебное; казалось, всѣ силы ада участвовали тутъ, помогая истреблять людей, безразсудно шедшихъ на вѣрную смерть; вдругъ, среди этого страшнаго хаоса, по приказанію Намѣстника, подъ Золотой Горой последовательно взвились три ракеты; это былъ сигналъ нашимъ миноносцамъ къ атакѣ. Какъ по волшебному мановенію, орудійный огонь мгновенно былъ остановленъ въ ожиданіи послѣдней. Къ крайнему изумленію всѣхъ, миноносцы почему-то не вышли и многіе изъ японцевъ ушли безнаказанно на своихъ шлюпкахъ; не успѣвшіе же спастись, погрузились съ брандерами въ воду или же сами бросались съ нихъ въ глубокую пучину. Въ результатѣ всего было затоплено десять брандеровъ и погибло два непріятельскихъ миноносца; всѣ брандеры были вооружены скорострѣльной артиллеріей и пулеметами, изъ которыхъ непріятель, наступая, стрѣлялъ непрерывно; затоплены они были вдали и отъ выхода изъ порта, благодаря чему третья и послѣдняя попытка японцевъ закрыть выходъ флоту окончилась полной неудачей. На мачтахъ торчавшихъ изъ воды брандеровъ впослѣдствіи было снято до тридцати японцевъ.

По разсказамъ многихъ, японскіе офицеры и нижніе чины, неуспѣвшіе спастись при погруженіи брандеровъ, поднимали руки кверху, потомъ мгновенно распарывали себѣ животы кинжалами и бросались въ воду; одинъ же японецъ офицеръ, выплывшій на берегъ Тигровки, на предложеніе сдаться, началъ стрѣлять изъ револьвера по нашимъ людямъ, но сейчасъ же былъ пристрѣленъ; утромъ слѣдующаго дня, у берега Золотой Горы, оказалась выброшенной на берегъ лодка, наполненная трупами японцевъ, среди которыхъ особенное сожалѣніе возбудилъ кадетъ-японецъ, мальчикъ лѣтъ 14—15; на груди его найденъ образокъ Божіей Матери и два портрета, видимо отца и матери; другой такой же ребенокъ былъ взятъ въ плѣнъ раненымъ. Съ нашей стороны раненыхъ

и убитыхъ не было. 20 апрѣля состоялось погребеніе убитыхъ японцевъ, которымъ были отданы воинскія почести и трупы ихъ сопровождались музыкой, игравшей похоронный маршъ. Картина погребенія павшихъ вдали отъ родины героевъ производила очень тяжелое впечатлѣніе.

Но видно судьбѣ угодно было терзать насъ, какъ говорятъ, «безъ передышки». Въ тотъ же день появились самые настойчивые слухи о высадкѣ японцевъ на Квантунѣ; называли даже мѣсто этой высадки, именно—городъ Бидзыво и бухту Керъ въ Корейскомъ заливѣ; но еще болѣе были встревожены разнесшимся слухомъ о готовящемся неожиданномъ отъѣздѣ изъ Артура Намѣстника, что, при тяжеломъ состояніи нашего флота, значительно ухудшало наше положеніе, такъ какъ въ эскадрѣ не оставалось ни одного адмирала, на котораго можно бы было вполнѣ положиться; съ другой стороны, неожиданный отъѣздъ Намѣстника указывалъ на угрожавшую Артуру близкую опасность.

Все это каждаго изъ насъ тревожило, волновало и наводило на самыя грустныя размышленія по поводу нашей будущей судьбы. Слухъ объ отъѣздѣ оправдался и самый отъѣздъ состоялся 22 апрѣля; онъ былъ такъ поспѣшенъ, что одинъ изъ генераловъ Х.... былъ поднятъ съ постели въ одномъ бѣльѣ, въ какомъ видѣ и прибылъ на поѣздъ, имѣя сверху только шинель; прибывшему же въ Артуръ генералу К.... К.... не было даже сообщено объ отъѣздѣ; о немъ забыли и онъ только 24 апрѣля получилъ телеграмму изъ Вафангоо отъ дежурнаго генерала Ф... съ просьбой озаботиться самому о своемъ выѣздѣ изъ Артура. Послѣднія приказанія Намѣстника отдавались поспѣшно, на-ходу и были самыя противорѣчивыя, что свидѣтельствовало о его крайней растерянности. Все это производило самое удручающее впечатлѣніе на гарнизонъ. Хотя въ приказѣ его отъ 22 апрѣля за № 34 и указывалось, что онъ выѣзжаетъ къ дѣйствующей Арміи по Высочайшему повелѣнію, но, по поспѣшности отъѣзда, всѣмъ было ясно, что Намѣстникъ спасается отъ возможности быть запертымъ въ Артурѣ. Въ этомъ же приказѣ непріятно поразила гарнизонъ благодарность

Намѣстника за выдающіеся труды и неослабную энергію только чинамъ флота; между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что эту «неослабную энергію и выдающіеся труды» проявили береговыя батареи безусловно больше. Приказомъ того же числа за № 31 предписывалось вступить во временное исполненіе должности начальника эскадры контръ-адмиралу Витгефту. Выборъ этотъ былъ положительно неудачнымъ, такъ какъ адмиралъ Витгефтъ эскадрой никогда не командовалъ даже въ мирное время, водить ее въ бой не умѣлъ, былъ въ высшей степени нерѣшительный, кунктаторъ и безъ всякой инициативы.

III.

День 23 апрѣля, день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для насъ, артурцевъ, оказался, къ сожалѣнію, самымъ злополучнымъ. Въ этотъ день на парадѣ генералъ Стессель объявилъ о нашемъ отрѣзанномъ положеніи, о высадкѣ японцевъ въ Бидзыво и о движеніи ихъ къ Артуру. Того же числа былъ изданъ имъ приказъ за № 157 слѣдующаго содержанія: «Славныя войска укрѣпленнаго раіона! Непріятель 17 и 18 апрѣля перешелъ рѣку Ялу въ большихъ силахъ; наши отошли на позиціи, заранѣе выбранныя. Вчера противникъ произвелъ значительную высадку на Ляодунѣ, южнѣе Бидзыво, близь бухты Кинчанъ. Теперь начнется наше дѣло. Противникъ разумѣется прерветъ сообщеніе по ж. д., а затѣмъ постарается оттѣснить войска наши до Артура и обложить крѣпость. Артуръ оплотъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Вы отстоите его до подхода войскъ, которыя придутъ къ намъ на выручку. Я считаю долгомъ указать вамъ, что необходимо быть всегда бдительными и осмотрительными, готовыми къ тому, чтобы вездѣ встрѣтить противника въ порядкѣ, достойномъ славныхъ русскихъ войскъ. Ни отъ какихъ случайностей не теряться; помнить, что на войнѣ все бываетъ. Спокойствіе—главное. Офицерамъ беречь свои части, патроны и снаряды. Съ Божіею помощью мы выполнимъ трудную задачу, на насъ возложенную».

Итакъ, мы предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, обречены на страшную борьбу съ врагомъ съ моря и суши, вдали отъ родины, родныхъ, внѣ всякой возможности получить отъ нихъ хотя какую нибудь вѣсточку! Сравнивая теперешнее наше положеніе съ Севастополемъ, мы завидовали защитникамъ послѣдняго, такъ какъ они не были разобщены съ Россіей, имѣли непосредственную связь съ ней, находились въ духовномъ общеніи съ родными, поддерживавшими ихъ духъ и энергію, они могли во всякое время разсчитывать на помощь войсками, провіантомъ, оружіемъ; мы же, отрѣзанные отъ всего міра, были лишены самаго существеннаго—духовной связи съ родиной, откуда только и могли почерпать силу и энергію на смертный бой. Первое впечатлѣніе по поводу высадки было потрясающее; всѣ были поражены такъ быстро и неожиданно наступившимъ моментомъ изолированія. Считаю не лишнимъ привести здѣсь содержаніе передовой статьи «Новаго Края», не перестававшей пѣть пѣсню прежняго режима, такъ часто практиковавшейся неправды. Привожу ее дословно:

«Портъ-Артуръ, 23 апрѣля 1904 года. Война вступаетъ въ новый фазисъ развитія. Рядъ извѣстій съ сухопутнаго театра военныхъ дѣйствій указываетъ на начало наступательнаго движенія Японской Арміи. Въ Бидзыво видѣли транспорты непріятельскихъ войскъ для высадки. Оба эти факта свидѣтельствуютъ о томъ, что непріятель рѣшилъ дѣйствовать энергично. Но не есть-ли это *тотъ отчаянный порывъ,* который такъ *свойственъ стоящему у бездны, на самомъ краю?* Если наступательныя дѣйствія на Ялу могутъ еще входить въ тактическій планъ кампаніи, то едва-ли предположенная высадка въ Бидзыво можетъ быть объяснима иначе, *какъ отчаяннымъ шагомъ, имѣющимъ мало данныхъ на успѣхъ.* Всякій, кто знакомъ съ географическимъ положеніемъ этого пункта, безъ указаній съ нашей стороны, при одномъ взглядѣ на карту, пойметъ, что высадка здѣсь могла имѣть лишь значеніе въ томъ случаѣ, *если бы была высажена армія, а не отдѣльный, хотя бы въ нѣсколько тысячъ отрядъ.* Фланговое движеніе подобнаго отряда на сѣверъ, по направленію къ Ляояну, было бы парали-

зовано нахожденіемъ въ тылу его П.-Артура съ его гарнизономъ. Движеніе же на югъ, т. е. къ Артуру еще болѣе рисковано. Не говоря о томъ, что этому отряду пришлось бы *форсировать Кинчжоусскія высоты*, раньше чѣмъ дойти *до Артурскихъ твердынь*, онъ неминуемо всегда былъ бы подъ страхомъ одновременнаго нападенія какъ со стороны П.-Артура, такъ и со стороны Ляояна, гдѣ въ настоящее время *сосредоточено вполнѣ достаточное количество войскъ и для отраженія* наступательнаго движенія японскихъ силъ со стороны Ялу и *для удара* въ тылъ высадившемуся отряду въ Бидзыво. Еще вчера мы писали, что чѣмъ больше высадится японцевъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, тѣмъ больше не вернется ихъ на родные острова. И въ данномъ случаѣ не трудно быть пророкомъ. Артуръ неуязвимъ».

Не правда-ли забористо!.... Но каждое слово, каждая мысль этой боевой пѣсни были для всѣхъ очевидной неправдой. Какія, напр., были тогда значительныя силы у генерала Куропаткина, когда онъ самъ едва держался въ Ляоянѣ и ходили упорные слухи о возможности его отступленія къ Харбину; каковы были силы нашего гарнизона, состоявшаго всего изъ двухъ дивизій, обязанныхъ защищать инвалидную эскадру, весь Ляодунскій полуостровъ и на большомъ разстояніи линію обороны крѣпости; что же было бы съ послѣдней, если бы гарнизонъ ея потерпѣлъ пораженіе и былъ разбитъ, увлекшись желаніемъ сразиться «въ чистомъ полѣ»; кто, видѣвъ Артуръ, могъ признать въ немъ «твердыню»; откуда газета позаимствовала свѣдѣнія, что высадился только отрядъ, а не цѣлая армія въ 5—6 дивизій; что представляли изъ себя «Кинчжоусскія высоты» безъ участія нашего флота, погребеннаго въ артурскихъ «твердыняхъ». Совершенно былъ правъ мой пріятель С...., сказавшій, прочитавъ эту статью, что «морякъ и здѣсь сказался, запугивая японцевъ издали словами; но послѣдніе лучше редакціи знаютъ и наши силы, и наше положеніе, и географію Ляодуна».

Отрѣзанность Артура наиболѣе печально отразилась на мнѣ, такъ какъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ получить хотя какія-либо свѣдѣнія съ Ялу о сынѣ и не получилъ ихъ. Живъ-ли онъ и гдѣ именно находится,—осталось для меня неизвѣстнымъ.

Итакъ, мы заключены въ обширную тюрьму: цѣлый городъ, окружающія насъ горы съ укрѣпленіями, море; есть гдѣ погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ, пройтись, поговорить, поболтать съ знакомыми; но это была страшная тюрьма какъ по своей безсрочности, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, суля въ будущемъ или смерть, или преждевременную старость или же истрепанные до болѣзненнаго состоянія нервы; насъ же, семейныхъ, кромѣ того, угнетала мысль, чтó будетъ съ нашими семьями, уѣхавшими въ Россію и оставшимися безъ денегъ, выслать которыя не представлялось никакой возможности. Собираясь въ товарищескомъ кружкѣ, мы только и бесѣдовали на тему о томъ, неужели погибнемъ, неузнавъ, что сталось съ нашими женами, дѣтьми, родными!

Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сцену не замедлили явиться самые невѣроятные слухи и новости, которые передавались за вѣрные, неподлежавшіе сомнѣнію. Такъ, первая изъ нихъ—о страшномъ пораженіи, нанесенномъ генераломъ Куропаткинымъ японцамъ у Ташичао, войска котораго преслѣдуютъ бѣгущихъ на югъ японцевъ и что на дняхъ ожидается его соединеніе съ артурскимъ гарнизономъ. Когда все это не подтвердилось, разнеслась другая вѣсть, что генералъ Куропаткинъ съ сѣвера, а четвертая дивизія генерала Фока съ юга окружили непріятельскій дессантъ и сжимаютъ его какъ въ тискахъ.

Всѣ догадывались, что этотъ слухъ навѣянъ статьей «Новаго Края», а потому не повѣрили, почему вскорѣ на смѣну явилась другая версія, что генералъ Ренненкампфъ своей кавалеріей отрѣзалъ японцевъ отъ моря, а генералъ Мищенко оттѣснилъ ихъ отъ арміи Куроки и они обречены на съѣденіе генерала Куропаткина. Когда и это не подтвердилось, а на смѣну не явилось ничего новаго, тогда пошли разговоры о томъ, что китайская кампанія много повредила намъ, пріучивъ смотрѣть на азіатовъ, какъ на трусовъ, совершенно неспособныхъ къ серьезной войнѣ; она пріучила относиться къ нимъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой, а главное—благодаря ей, въ нашей арміи явилось безчисленное количество героевъ безъ подвиговъ, груди которыхъ увѣнчаны «не настоящими» георгіевскими

крестами; при этомъ подробно и съ различными варіантами передавался такой дѣйствительно бывшій случай: генералъ, производя смотръ и замѣтивъ георгіевскаго кавалера изъ нижнихъ чиновъ, подошелъ къ нему и спросилъ: «Крестъ получилъ за Китайскую кампанію»?—«Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, это настоящій».—Такой отвѣтъ вначалѣ удивилъ генерала, но потомъ онъ сообразилъ, улыбнулся и отошелъ. Объяснялось очень просто: за китайскую кампанію было выдано такъ много крестовъ безъ достаточныхъ основаній, что нижніе чины называли ихъ «не настоящими»; опрашиваемый же получилъ крестъ за походъ подъ Геокъ-Тепе.

Русское общество знакомо съ Артуромъ, какъ крѣпостью, весьма поверхностно и слабо, по отрывочнымъ газетнымъ сообщеніямъ, совершенно неточнымъ и даже завѣдомо неправильнымъ; почему, прежде изложенія дальнѣйшихъ событій, я считаю необходимымъ хотя нѣсколько познакомить съ нимъ.

Спросите вы любого защитника Артура, является ли послѣдній въ боевомъ смыслѣ «твердыней», о которой такъ упорно кричали на весь свѣтъ,—вы получите твердый, опредѣленный отвѣтъ «нѣтъ». Генералъ Смирновъ, пріѣхавшій въ Артуръ, увидѣвъ его, выразился такъ: «Это не только не «твердыня», но даже не укрѣпленный лагерь; это просто помойная яма». Между прочимъ, генералъ этотъ былъ очень свѣдущій въ крѣпостномъ дѣлѣ.

Знакомясь съ крѣпостью со стороны его укрѣпленій, можно было думать, что строители-инженеры предвидѣли возможность борьбы съ непріятелемъ только съ моря, такъ какъ береговыя батареи были болѣе благоустроены и имѣли бетонныя сооруженія для защиты орудій, пороховыхъ погребовъ и людей отъ дѣйствія непріятельскаго огня. Таковы батареи Золотой Горы, электрическаго утеса, Крестовой горы и Тигровки. Вооружены онѣ были пушками Кане 6″, 10″ и мортирами 10″ и 11″ калибровъ. Только впослѣдствіи, при усиленномъ стремленіи японцевъ загородить выходъ брандерами, явилась необходимость дополнить береговую оборонительную линію постановкой орудій меньшаго калибра, для стрѣльбы исключительно по шлюпкамъ и экипажу непріятельскихъ судовъ, если бы послѣднія

подошли близко къ выходу изъ бухты. Нѣкоторые изъ артиллеристовъ находили береговую оборону жидкой въ смыслѣ количества орудій Кане, которыхъ было на всѣхъ батареяхъ не болѣе 25; другіе же и калибры этихъ орудій находили для береговыхъ батарей малыми, такъ какъ самая большая дальность стрѣльбы изъ нихъ не превышала девяти верстъ; но стрѣлять по бронированнымъ судамъ на предѣльную дистанцію было равносильно напрасной тратѣ снарядовъ; вотъ почему наши батареи молчали, когда непріятель, стоя на этомъ разстояніи или немного далѣе, успѣшно и безнаказанно обстрѣливалъ городъ и портъ изъ орудій 12″ калибра. Золотая Гора и Суворовская батарея были вооружены мортирами, огонь изъ которыхъ по судамъ никогда не открывался, благодаря незначительной площади цѣли; между тѣмъ, батареи эти стояли у самого берега моря. Говорятъ, что онѣ были вооружены мортирами за недостаткомъ орудій Кане; освѣдомленные же лица приписывали это рутинѣ нашего Главнаго Артиллерійскаго Управленія, такъ какъ раньше, при устройствѣ на судахъ двухъ палубъ для защиты ихъ жизненныхъ частей, мортирные снаряды считались отличнымъ средствомъ пораженія; но когда для защиты тѣхъ же частей въ послѣднее время начали устраивать четыре палубы, то снаряды эти потеряли свое значеніе. Всѣ эти батареи могли дѣйствовать и на сухопутный фронтъ, обстрѣливая невидимую цѣль перекидной стрѣльбой по квадратамъ. Такая стрѣльба, для дѣйствительности огня, требовала однако строгой и правильной организаціи спеціальныхъ наблюдательныхъ пунктовъ; къ сожалѣнію, этихъ-то пунктовъ и не существовало; обязанность же эта, по частной просьбѣ, выполнялась свободными людьми съ сухопутныхъ батарей, ближайшихъ къ паденію снарядовъ.

Такъ какъ правильность корректированія послѣднихъ могла быть точно устанавливаема только путемъ засѣчекъ съ двухъ противоположныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, ближайшая же батарея фактически выполнить этого не могла, то свѣдѣнія о паденіи снарядовъ получались иногда самыя неопредѣленныя, неточныя, вводившія стрѣляющаго командира въ крупныя ошибки. Я самъ лично

наблюдалъ на береговой батареѣ № 9 мучительное состояніе камандира ея, капитана Страшникова, которому сообщалось о перелетѣ снаряда, когда въ дѣйствительности былъ недолетъ или же получались курьёзные отвѣты, напримѣръ: «лучше бы нужно, да некуда». Такъ какъ въ наблюдательной батареѣ люди были заняты своей стрѣльбой, наблюденіями своихъ снарядовъ, то иногда снаряды одной батареи принимались за снаряды другой; иногда сообщенія задерживались передачей по случаю занятія телефона нужными переговорами съ другими батареями, почему по необходимости стрѣльба прекращалась и часто въ тотъ моментъ, когда долженъ быть развитъ самый сильный огонь. Конечно, все это относилось только до стрѣльбы по невидимой цѣли, каковая въ большинствѣ случаевъ и велась самыми сильными калибрами береговыхъ батарей. Въ орудіяхъ Кане ощущался большой недостатокъ, почему, напр., батарея № 9, построенная на пять орудій, уже въ началѣ августа осталась только при трехъ, такъ какъ одно, какъ позаимствованное съ эскадры, было предъ уходомъ послѣдней возвращено обратно, а на мѣсто его поставлена деревянная болванка; другое же разорвалось въ моемъ присутствіи, къ счастью никого не ранивъ изъ прислуги; за неимѣніемъ запасного, оно было обращено къ непріятелю казенной частью. Другая бѣда состояла въ неправильности нашихъ картъ мѣстности, вслѣдствіе чего квадраты, на которые была разбита карта, въ дѣйствительности не совпадали съ точками мѣстности, почему нужно было сначала пристрѣляться по квадрату, а потомъ уже по находящейся въ немъ цѣли.

Итакъ, хотя береговыя батареи и оказывали помощь при оборонѣ съ суши, но она не всегда была дѣйствительной, носила случайный характеръ, въ особенности же при стрѣльбѣ по невидимой цѣли.

Что касается батарей сухопутнаго фронта, то ихъ, прежде всего, было очень мало, построены только въ одну линію и безъ взаимной обороны между собою. Бетированы были только форты и нѣкоторыя батареи, да и бетоны не были окончены на нѣкоторыхъ фортахъ, какъ напр. № 2. На сколько были прочны бетоны,

видно изъ того, что на батареѣ лит. Б. снаряды 12 и 15 с. м. орудій изрывали ихъ поверхность и дѣлали въ нихъ воронки глубиною отъ одного до двухъ футовъ; надъ однимъ изъ казематовъ была сдѣлана воронка глубиною на полтолщины свода и внутри получилась трещина по направляющей линіи свода; на форту № 1-й были значительно повреждены углы и сдѣлана выбоина глубиною въ $^{17}/_{100}$ сажени; тѣ же поврежденія установлены и на форту № 3-й (приказъ 29 августа № 592 и 2 сентября № 409). Закрытій для прислуги при орудіяхъ не было; отсутствовали они также и для резервовъ на позиціяхъ, почему устраивались усиліями самихъ защитниковъ, нерѣдко наканунѣ или же сейчасъ послѣ боя и носили на себѣ самый легкій, примитивный характеръ домашней работы, почему пробивались даже пулями. На саперной батареѣ такое закрытіе было пробито снарядомъ, а другой, попавшій туда, обвалилъ его и едва не были засыпаны землей командиръ батареи капитанъ Вельяминовъ и прислуга.

Лично мнѣ на тыловомъ укрѣпленіи (сзади бат. лит. Д) пришлось видѣть стѣнку, построенную инженерами, для прикрытія стрѣлковъ во время стрѣльбы; она состояла изъ тонкой, шириною въ $^{1}/_{2}$ аршина, ограды, сложенной изъ колотого камня въ шахматномъ порядкѣ; сверху этой стѣнки, на высотѣ глазъ человѣка, были положены двѣ доски двухъ-дюймовой толщины, съ просвѣтомъ между ними для стрѣльбы изъ ружей, а сверху досокъ лежали въ два ряда мѣшки съ землей. Такая стѣнка могла быть развалена ударами даже одного снаряда полевого орудія, а кромѣ того, осколками отъ снарядовъ и пуль, проникавшими чрезъ просвѣтъ въ стѣнкѣ, отбивались десятки—сотни мелкихъ частей камня, ранившихъ людей сильнѣе, нежели пули и самые осколки снарядовъ; на этой же батареѣ, въ разстояніи 6—8 шаговъ отъ орудій, былъ устроенъ и погребъ для снарядовъ (пороховой), обращенный дверью къ непріятелю, что уже положительно шло въ разрѣзъ съ правилами инженернаго строительства. Многія изъ начатыхъ постройкою укрѣпленій не были хотя сколько нибудь закончены къ войнѣ и приспособлялись къ оборонѣ усиліями войскъ во время военныхъ

дѣйствій, какъ напр. редуты №№ 1 и 2, Куропаткинскій люнетъ, редуты Водопроводный и Кумирнскій, Угловая, Длинная и Высокая горы, а также и всѣ временныя укрѣпленія. Неудивительно, что сыпались нарѣканія по адресу инженеровъ и въ душѣ была послана не одна серія проклятій на головы Б.... Г.... и Л....

Самая установка орудій на батареяхъ была совершенно неправильной и невольно бросалась въ глаза даже неспеціалисту военнаго дѣла; такъ, на самыхъ вершинахъ горъ были сдѣланы изъ свѣжей земли насыпи, а на нихъ совершенно открыто стояли орудія; такимъ образомъ, на вершинѣ горы получался видъ шапки, ясно видной въ окно вагона еще издали, простымъ глазомъ, безъ бинокля; даже можно было опредѣлить число орудій. Когда обнаружилось, что свѣжія насыпи батарей выдаютъ ихъ, то только въ августѣ явилась мысль обложить послѣднія дерномъ, почему инженерное вѣдомство предлагало войскамъ по 50 коп. за кв. саж. такой обкладки; но въ виду трудности добывать на каменныхъ породахъ дернъ, плата эта являлась такой ничтожной, что войска, несмотря на страшную нужду въ деньгахъ вслѣдствіе дороговизны продуктовъ, не согласились и батареи продолжали оставаться въ прежнемъ видѣ. Вслѣдствіе такого устройства батарей, много было подбито орудій; въ началѣ сентября Высокая и Длинная горы остались уже безъ орудій; на Саперной горѣ всѣ орудія были подбиты, но усиліями командира батареи капитана Вел....—вновь было устроено нѣсколько орудій. Дороги на вершины батарей были разработаны не по тыловой сторонѣ горъ, а на боковыхъ, видныхъ непріятелю и обстрѣливаемыхъ имъ, почему приходилось пользоваться тропинками (Высокая, фортъ № 2); при мнѣ съ Высокой горы по такой тропинкѣ, имѣвшей наклонъ до 40″, спускали убитыхъ и раненыхъ, за невозможностью пронести ихъ по обстрѣливаемой шрапнельнымъ огнемъ дорогѣ.

Такой постановкой батарей мы являли совершенную противоположность японцамъ, умѣвшимъ идеально маскировать свои батареи, становившіяся неуязвимыми для нашего огня; искусству маскировать батареи только впослѣдствіи мы научились у нихъ,

благодаря чему у насъ были цѣлы и орудія, и люди. Это было отмѣчено и приказомъ по укрѣпленному раіону отъ 7 мая за № 217.... «3) въ бою артиллерію продвигаютъ (японцы) на позицію незамѣтно, ставятъ ее очень укрыто и всегда группируютъ большое число орудій, дабы задавивъ нашу артиллерію, перенести артиллерійскій огонь на пѣхоту.... на позиціяхъ окапываются обстоятельно».... (Странно одно, что эти условія артиллерійскаго боя признавались необходимыми еще съ кампаніи 1877—78 г.г., но теперь почему-то въ глазахъ генерала Стесселя они пріобрѣтали видъ новинки. Очевидно, мы все перезабыли)!...

Японцы нерѣдко прибѣгали и къ такой хитрости: устраивали на видномъ мѣстѣ батарею изъ болванокъ, настоящую же батарею ставили закрыто въ сторонѣ; производя стрѣльбу, они въ то же время дѣлали вспышки на ложной батареѣ, по которой и производилась нами стрѣльба въ увѣренности, что эта батарея стрѣляетъ; но эта хитрость вскорѣ была раскрыта и уже не вводила въ заблужденіе нашихъ стрѣлковъ-артиллеристовъ.

Съ закрытіемъ сообщенія, обнаружилась недостача снарядовъ, несмотря на доставленный предъ тѣмъ транспортъ изъ Ляояна; на орудіе оставалось не болѣе половины боевого комплекта. Какъ это случилось,—трудно сказать; одни говорили, что съ увеличеніемъ по фронту орудій, необходимо было выдѣлить изъ наличнаго комплекта и на нихъ; другіе утверждали, что это былъ недосмотръ. Одинъ изъ почтенныхъ генераловъ объяснялъ это тѣмъ, что у насъ комплекты и до сихъ поръ разсчитываются по табели 1859 года, когда триста снарядовъ на орудіе, при самой частой стрѣльбѣ, разстрѣливались въ два—три года; теперь же, при скорострѣльной артиллеріи, такой комплектъ расходуется орудіемъ въ одинъ только штурмъ. Не беру на себя смѣлости разрѣшать этотъ вопросъ, могу сказать только, что недостача снарядовъ была установлена почти съ разрывомъ сообщенія, до боя при Кинчжоу, а слѣдовательно еще до стрѣльбы изъ орудій. Недостача снарядовъ по необходимости влекла за собою экономію въ тратѣ ихъ, а это сильно отражалось на дѣйствительности нашего огня. Начальникъ артиллеріи генералъ

Бѣлый, на мой вопросъ по поводу недостачи снарядовъ, объяснилъ мнѣ лично, что онъ неоднократно писалъ въ Главное Артил. Управленіе о немедленномъ снабженіи крѣпости снарядами, но получилъ отвѣтъ, что она въ достаточной мѣрѣ снабжена ими; тогда онъ послалъ вновь требованіе, но уже за подписью Начальника эскадры Макарова, почему предъ самымъ закрытіемъ Артура ему и были высланы снаряды, но въ самомъ незначительномъ количествѣ. Бѣлый говоритъ, что по этому поводу у него сохранилась вся документальная переписка и что онъ хочетъ возбудить разслѣдованіе, такъ какъ на него, какъ начальника артиллеріи, сыплятся нарѣканія. Оказавшійся недостатокъ снарядовъ имѣлъ громадное значеніе впослѣдствіи на защиту крѣпости.

Итакъ, укрѣпленія съ суши были рѣдкими, почему являлась возможность прорыва непріятеля вездѣ, а въ особенности въ центрѣ позиціи (возлѣ форта № 2, Водопроводнаго и Кумирнскаго редутовъ); они были вооружены слабо, почему войска, готовившіяся къ постояннымъ и продолжительнымъ боямъ, преждевременно истощали себя на тяжелыхъ работахъ по исправленію и укрѣпленію ихъ. Этотъ непосильный трудъ отмѣтилъ въ своемъ приказѣ и генералъ Стессель отъ 30 апрѣля за № 169: «Я вижу, съ какимъ усердіемъ и трудомъ вооружаются батареи; теперь получены новые пулеметы въ достаточномъ числѣ, многимъ выданы винтовки». Въ виду обнаружившейся впослѣдствіи важности Высокой горы, нижніе чины рылись въ ней какъ кроты даже наканунѣ боя, ища защиты для себя отъ страшно губительнаго артиллерійскаго огня. Эти подземные ходы я посѣтилъ сейчасъ же послѣ боя 9 сентября; они представляли изъ себя узкіе коридоры, гдѣ трудно разойтись двоимъ и нужно было идти пригнувшись.—Въ виду всего этого, участники защиты, а въ особенности люди компетентные, были увѣрены, что если бы японцы, во время неожиданнаго нападенія на Артуръ 26 января, высадили въ то же время дессантъ хотя бы въ одну дивизію, то крѣпость несомнѣнно была бы взята; этому благопріятствовало и то, что нашихъ войскъ было въ Артурѣ не болѣе бригады; но этотъ моментъ они утеряли и

и каждый день, а тѣмъ болѣе мѣсяцъ, благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ гарнизона по укрѣпленію позицій, дѣлалъ эту операцію труднѣе и труднѣе. Въ виду всего этого Артуръ не только не имѣлъ ни права, ни основаній считаться «твердыней», но даже дѣйствительно не носилъ характера укрѣпленнаго лагеря; въ своемъ первоначальномъ видѣ Артуръ положительно безнадеженъ былъ въ смыслѣ защиты и уязвимъ въ любомъ его пунктѣ, почему и нельзя было несогласиться съ приведеннымъ выше мнѣніемъ генерала Смирнова; на Артурѣ вполнѣ оправдывалось также замѣчаніе одного изъ нашихъ популярнѣйшихъ генераловъ, что «макаки начинаютъ войну съ коекаками».

Только въ мартѣ, по прибытіи въ Артуръ вновь назначеннаго комендантомъ крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова, человѣка съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, обстоятельно знакомаго съ нуждами крѣпости, ея обороной и способомъ веденія крѣпостной войны, пробывшаго значительное время начальникомъ штаба одной изъ сильныхъ крѣпостей на западѣ Россіи, закипѣла работа по исправленію хотя самыхъ важныхъ ея недостатковъ.

Генералъ-лейтенантъ Смирновъ окончилъ курсъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, а потомъ Академіи Артиллерійскую и Генеральнаго Штаба. Вскорѣ, по особому выбору генерала Паренсона, коменданта крѣпости Варшавы, былъ назначенъ начальникомъ штаба ея; предъ походомъ въ Китай въ 1900 г. онъ, какъ выдающійся, былъ назначенъ командиромъ 2-й стрѣлковой бригады, которую долженъ былъ мобилизовать и вести на Востокъ. Исполнивъ это блестяще, онъ отправился съ бригадой, но изъ Одессы былъ возвращенъ обратно, по случаю окончанія похода, по вступленіи нашихъ войскъ въ Пекинъ. Командовалъ бригадой до начала японской кампаніи, когда, по особому выбору, былъ назначенъ Высочайшимъ приказомъ Комендантомъ крѣпости Артуръ, куда и прибылъ въ началѣ марта.

Онъ сразу оцѣнилъ и понялъ недостатки крѣпости, невозможность защищать Артуръ при такихъ условіяхъ, почему энергично принялся за работу; усиліями его были устроены промежуточныя

батареи, выдвинута вторая линія укрѣпленій, введена взаимная оборона ихъ; весь фронтъ былъ разбитъ на секторы и квадраты, что давало возможность принимать участіе въ оборонѣ крѣпости батареямъ по невидимой цѣли; устроены закрытія для прислуги при орудіяхъ и блиндажи для стрѣлковъ и резерва; вырыты были обводныя канавы, поставлены проволочныя сѣти (впослѣдствіи приспособлена была даже гальваническая проволочная сѣть), установлены прожекторы и заложены мины и фугасы. Словомъ, къ маю Артуръ дѣйствительно пріобрѣлъ хотя нѣсколько характеръ укрѣпленнаго лагеря, такъ какъ и при этихъ условіяхъ онъ далекъ былъ отъ названія «крѣпость». Работа кипѣла днемъ, ночью и въ праздники; работали одинаково стрѣлки и моряки. Страшно было смотрѣть на этихъ тружениковъ, возвращавшихся съ работъ хотя и съ пѣсней, но изнуренныхъ, истощенныхъ трудной работой въ каменныхъ породахъ, голодныхъ, грязныхъ, оборванныхъ. Работы по укрѣпленію позицій шли непрерывно во все время осады, даже въ то время, когда каждому необходимъ былъ отдыхъ предъ боемъ.

Но этого мало. Генералъ съумѣлъ пополнить и комплектъ недостающихъ орудій; они частью были позаимствованы изъ эскадры, часть же ихъ была найдена въ артиллерійскихъ складахъ (въ этомъ отношеніи особенно помогъ ему подполковникъ морского вѣдомства Меллеръ, перерывшій всѣ склады); къ дѣйствію были приспособлены даже китайскія орудія, трофеи китайской кампаніи. Стало и на душѣ веселѣе, что въ крѣпости есть человѣкъ, знакомый съ веденіемъ крѣпостной войны и умѣющій поставить оборону ея на должную высоту даже при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми обладала крѣпость. Всѣ воспрянули духомъ и энергично, незамѣчая устали, принялись за работу, вѣря умѣлымъ распоряженіямъ этого генерала и его знаніямъ. Всегда корректный, добродушный, скромный, въ высшей степени деликатный, но смѣлый, онъ сразу же овладѣлъ симпатіями всего гарнизона. Жалѣли объ одномъ только, что Артуръ такъ поздно впервые увидѣлъ человѣка компетентнаго и добросовѣстнаго работника на дѣлѣ, а не на бумагѣ. Онъ, поистинѣ, былъ «душею крѣпости и ея защиты».

Гарнизонъ Артура состоялъ изъ двухъ дивизій: четвертой, генерала Фока, въ составѣ 13, 14, 15, 16 полковъ; седьмой, генерала Кондратенко, въ составѣ 25, 26, 27, 28 полковъ; 5 полка второй дивизіи; 3, 4, 7 запасныхъ баталіоновъ и морского дессанта, а всего немного болѣе 40 тысячъ штыковъ; кромѣ того, въ крѣпости находилась саперная и минная роты и была образована дружина изъ мирныхъ гражданъ, числомъ около трехъ тысячъ. Четвертая дивизія и 5 полкъ стояли въ передовой боевой линіи, на сѣверѣ Ляодуна, и были предназначены для встрѣчи врага; седьмая же дивизія стояла на позиціяхъ у Артура. Въ 1903 году я лично слышалъ крики рьяныхъ оптимистовъ, въ особенности генерала Стесселя, пугавшихъ словами японцевъ, что Артуръ можетъ защищать одна бригада; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что для его защиты недостаточно было и двухъ дивизій; мнѣ извѣстно, что одинъ 25 полкъ былъ растянутъ первоначально на разстояніи 15 верстъ, что, при гористой мѣстности и плохихъ укрѣпленіяхъ, дѣлало защиту Артура почти невозможной. Впослѣдствіи, съ приходомъ четвертой дивизіи, недостатокъ этотъ былъ пополненъ на счетъ резерва.

Такимъ образомъ, и со стороны численности гарнизона Артуръ являлся очень слабымъ; уже послѣ Кинчжоу генералъ Стессель доносилъ Командующему Арміей, что войскъ для защиты Артура мало и что долго держаться онъ не можетъ, за каковое донесеніе получилъ большую «нахлобучку» отъ генералъ-адъютанта Куропаткина.

Въ этомъ отношеніи многіе винили генерала же Стесселя (нынѣ генералъ-адъютанта), который, состоя комендантомъ крѣпости съ 1901 года и непосредственно соприкасаясь съ дѣломъ укрѣпленія и обороны ея, за все время до начала войны не принялъ надлежащихъ мѣръ къ снабженію крѣпости не только войсками, но боевымъ матеріаломъ и провіантомъ. На сколько обвиненіе это справедливо,—выяснитъ исторія; мнѣ же кажется, что такая забота всецѣло лежала на Областномъ штабѣ, интендантствѣ и управленіяхъ артиллерійскомъ и инженерномъ; если же генерала Стесселя

и можно винить, то только въ томъ, что онъ, какъ комендантъ крѣпости, не замѣчалъ ея недостатковъ, а если замѣчалъ, то своевременно не докладывалъ объ этомъ по начальству, послѣдствіемъ чего была увѣренность, что крѣпость снабжена всѣмъ необходимымъ. Мало того, несмотря на свою почти интимную близость къ Намѣстнику, мнѣ кажется, Стессель могъ бы настоять на болѣе солидномъ оборудованіи крѣпости. Хотя съ условіями обороны послѣдней и съ ея потребностями онъ совершенно не былъ знакомъ и былъ въ крѣпости почти лишнимъ человѣкомъ, но недостатки ея были видны даже не спеціалисту-военному.

Личность этого генерала, вслѣдствіе раздутой рекламы, стала популярной въ Россіи съ похода въ Китай въ 1900—1901 г.г., когда онъ былъ командиромъ 3 Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, которую своими боевыми дѣйствительно выдающимися подвигами, почему-то и кѣмъ-то перенесенными на генерала Стесселя, прославилъ подполковникъ Анисимовъ; эта же бригада участвовала при взятіи генераломъ Линевичемъ Пекина, по случаю какого событія генералъ Стессель, лично въ этомъ дѣлѣ неучаствовавшій, хотя бригада его была въ дѣйствіи, и былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени, безъ всякаго подвига съ его стороны, только какъ начальникъ этой бригады. По окончаніи кампаніи, оставаясь командиромъ бригады, расположенной въ Артурѣ, онъ въ 1901 году былъ назначенъ комендантомъ крѣпости, въ каковой должности и состоялъ до начала русско-японской войны.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, генералъ Стессель былъ назначенъ командиромъ 3 Сибирскаго корпуса, оперировавшаго на Ялу, а взамѣнъ его, какъ уже сказано выше, былъ назначенъ комендантомъ генералъ Смирновъ. Генералъ Стессель уже собирался выѣхать изъ Артура, какъ неожиданно для всѣхъ состоялось назначеніе его начальникомъ укрѣпленнаго раіона (всего Ляодунскаго полуострова) на правахъ командира отдѣльнаго корпуса (это было въ срединѣ марта); комендантъ же Артура, съ правами командира не—отдѣльнаго корпуса, былъ подчиненъ ему. Я совершенно справедливо говорю *неожиданно,* такъ какъ всѣ были поражены этимъ

назначеніемъ; да оно не вызывалось и дѣйствительной необходимостью, такъ какъ на сѣверѣ Квантуна дѣйствовала одна только дивизія генерала Фока, которая вскорѣ и вошла въ составъ крѣпости; генералъ же Стессель изъ крѣпости никуда не выѣзжалъ до прибытія этой дивизіи.

Такое назначеніе было очень вредно для крѣпости, такъ какъ въ послѣдней являлись два почти самостоятельныхъ начальника, между которыми могли возникнуть столкновенія по самымъ пустымъ поводамъ, а слѣдовательно и отражаться неблагопріятно на общемъ ходѣ защиты. Дѣйствительно, вскорѣ незамедлили обостриться между генералами Стесселемъ и Смирновымъ отношенія, поводомъ къ чему послужило слѣдующее: послѣ взятія Кинчжоу, когда японцы быстро наступали на Артуръ, генералъ Стессель объявилъ въ приказѣ, что главное руководство въ оборонѣ крѣпости принимаетъ на себя, объяснивъ 19 мая лично генералу Смирнову, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ не м. б. двухъ самостоятельныхъ властей, почему думаетъ расформировать Штабъ крѣпости, обративъ всѣхъ офицеровъ на позиціи, а Коменданта въ свое распоряженіе. На это ген. Смирновъ обидчиво заявилъ, что на должность Коменданта онъ Высочайше назначенъ, что отъ своихъ правъ не откажется и что отмѣнить Высочайшее повелѣніе никто не можетъ. Встрѣтивъ такой отпоръ, генералъ Стессель не рѣшился привести въ исполненіе своего плана, но съ этого времени установились самыя недружелюбныя отношенія его къ генералу Смирнову. Для всѣхъ было очевидно, что въ данномъ рѣшеніи генерала Стесселя играла роль боязнь, чтобы генералъ Смирновъ не воспользовался всѣми милостями по защитѣ крѣпости. Установившіяся непріязненныя отношенія выражались впослѣдствіи въ постоянномъ вмѣшательствѣ въ распоряженія Коменданта Крѣпости, иногда въ отмѣнѣ его распоряженій, въ стѣсненіи его пользоваться своими правами, а впослѣдствіи—въ захватѣ всей его Комендантской власти по крѣпости, кромѣ обороны послѣдней, лежавшей на генералѣ Смирновѣ.

Генералъ Стессель былъ воспитанникъ Павловскаго училища и высшаго спеціальнаго образованія не получилъ; по угловатости

своихъ манеръ, рѣзкости въ выраженіяхъ и обращеніи съ другими, онъ былъ въ полномъ смыслѣ типъ армейскаго офицера. Ограничившись только курсомъ военнаго училища, онъ могъ быть хорошимъ полковымъ командиромъ, но ни въ какомъ случаѣ не полководцемъ, такъ какъ съ другими родами оружія—кавалеріей и артиллеріей онъ совершенно не былъ знакомъ и цѣлесообразно использовать ихъ въ бою не могъ; будучи также незнакомъ съ современной тактикой и стратегіей, онъ не могъ руководить и общей обороной укрѣпленнаго раіона, такъ какъ собственной инициативой не обладалъ; почему, не принимая непосредственнаго участія въ бою, онъ предоставилъ начальникамъ дивизій полную свободу дѣйствій.

Вполнѣ симпатичными чертами его характера являлись доступность, внимательность къ нуждамъ нижнихъ чиновъ и быстрыя рѣшительныя дѣйствія въ искорененіи злоупотребленій по службѣ. Такъ, напр., одинъ изъ врачей С...., игравшихъ значительную роль въ крѣпости, продвинулъ своего протежэ чиновника П...., человѣка въ высшей степени сомнительной репутаціи, дважды бывшаго уже подъ судомъ, въ смотрители одного изъ полевыхъ запасныхъ госпиталей; но генералъ Стессель немедленно отрѣшилъ его отъ должности, какъ несоотвѣтствующаго ей, за допущенные безпорядки и злоупотребленія по хозяйственной части вскорѣ по вступленіи въ эту должность.

Для большей обрисовки личности этого генерала, я приведу здѣсь нѣсколько характерныхъ изъ его приказовъ: 7 мая № 217: ..... 4) Во время артиллерійскаго боя (японцы) держатъ пѣхоту далеко и очень укрыто, въ штыки не идутъ, а стараются до возможной степени долго стрѣлять; такъ: 5-го числа пѣшая охотничья команда 13-го В.-Сиб. стр. полка поручика Афанасьева сошлась съ тремя ротами японцевъ; у Афанасьева было 100 человѣкъ, сходились на 100 и даже 50 шаговъ и японцы не бросились въ штыки, а надо полагать, что ихъ было не менѣе 500 человѣкъ. Убыло у Афанасьева 31 человѣкъ, офицеры цѣлы; по моему стрѣльба прескверная, если 500 человѣкъ, сойдясь уже на 100 шаговъ, выпустили бы даже по одной пулѣ и то 500 пуль, да разсказы-

ваютъ, что они нарочно выбиваютъ офицеровъ, это тоже вздоръ, этотъ случай показываетъ, что это вздоръ». Приказъ 10 мая № 237: «Всякій день почти я получаю глупыя анонимныя письма, большей частью даже неграмотныя; письма эти наполнены *всякими вздорами (вѣроятно «вздорными») совѣтами;* совѣты эти вызваны трусостью и боязнью за свою шкуру, мнѣ *и время* то нѣтъ читать подобныя глупости. Если мнѣ удастся хотя одного подобнаго писаку узнать и точно установить, что писано имъ, я объявляю, что выселю его вонъ изъ Области въ Кинчжоу пусть несетъ свои совѣты японцамъ. Заявленіе прямо обращенное ко мнѣ, а не анонимъ, я всегда выслушиваю, за глупое заявленіе разумѣется прогоню; за анонимъ же если, повторяю, узнаю, буду поступать какъ выше указано». Приказъ 5 мая № 215: «На основаніи постановленія Приамурскаго Военно-Окружнаго суда отъ 28 іюля 1903 года по дѣлу о стрѣлкѣ 13-го Вост.-Сиб. стр. полка Андреѣ Пивоваровѣ, *былъ привлеченъ въ качествѣ свидѣтеля* того же полка Николай Ермоловъ *обвиняемый въ проступкѣ, за которое* на основаніи выписки изъ книги XXII С. В. П. *1859 г.* (?) Воинскаго Устава о наказаніяхъ ст. 101 пун. б. перевожу стрѣлка 13-го В.-Сиб. стр. полка Николая Ермолова въ разрядъ штрафованныхъ». Приказъ 29 апрѣля № 187: «Сегодня я встрѣтилъ близь церкви двухъ офицеровъ 27-го В.-Сиб. стр. полка съ дамой. На дамѣ была офицерская стрѣлковая фуражка. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ поручикъ Эрбенъ, а дама его жена. Полагаю, что я не долженъ объяснять всю неумѣстность ношенія военной фуражки съ кокардой *лицу* женскаго пола, когда законъ не дозволяетъ носить отставнымъ безъ мундира и запаснымъ внѣ службы. Командиру полка полковнику Рейсъ объявляю замѣчаніе за то, что въ полку имѣетъ мѣсто подобное явленіе, Командуюшему 7-й Вост.-Сиб. стр. дивизіей наложить на указаннаго офицера взысканіе». Редакція этихъ приказовъ является очень неудовлетворительной; тѣмъ не менѣе, каждый приказъ лично редактировалъ самъ генералъ Стессель и этой работы никому не поручалъ. Знаки препинаній подлинника сохранены.

Могутъ сказать, что въ Артурѣ была еще сила, которая могла

оказать помощь при защитѣ крѣпости, это—Тихоокеанская эскадра, и меня по справедливости можно было бы упрекнуть въ умолчаніи о ней.

Флотъ!.... Къ сожалѣнію, съ этимъ также маленькимъ словомъ соединена только трата громаднѣйшихъ средствъ. Сколько расходуется сотень милліоновъ на этотъ родъ оружія, гдѣ одна только 12″-я пушка доходитъ до стоимости двухсотъ тысячъ, а каждый изъ нея выстрѣлъ оцѣнивается въ 600—700 рублей народныхъ денегъ, можетъ быть частицы послѣдняго куска хлѣба, оторваннаго отъ голоднаго рта! Читая въ газетахъ извѣстія о томъ, что крестьянскія дѣти отказывали себѣ въ расходѣ на завтраки и эти мѣдные гроши несли на алтарь отечества въ видѣ пожертвованія на флотъ, —сердце разрывается, видя, какъ небрежно, неэкономно расходуются на самомъ дѣлѣ милліоны этихъ денегъ и сколько ихъ расхищается. Какъ должны быть честны, благородны и мужественны тѣ люди, которые стоятъ возлѣ дѣла, поглощающаго такія громаднѣйшія деньги, и какому страшному позору и наказанію должны быть подвергаемы тѣ, которые расхищаютъ или небрежно обращаются съ этими кровнымъ пóтомъ добытыми деньгами. За русскимъ флотомъ остались великія традиціи и слава, но это—слава паруснаго флота, но не парового; послѣдній, разнѣжившись, забылъ эту славу, эти традиціи.

Присматриваясь къ жизни моряковъ, къ существующимъ въ средѣ ихъ порядкамъ, къ знаніямъ ими морского дѣла и поведенію среди мирныхъ гражданъ, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что это одно изъ тѣхъ управленій и учрежденій, которое наравнѣ съ духовными консисторіями, подлежитъ немедленной ломкѣ и преобразованію. Послѣднія, главнымъ образомъ, должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) во главѣ управленія долженъ стоять человѣкъ безусловно знающій морское дѣло, безусловно честный, безусловно бережливый; онъ долженъ быть доступенъ и простъ по службѣ; лично осматривать каждое вновь построенное судно, выслушивать отъ всѣхъ и каждаго мнѣнія и замѣчанія, а при назначеніи на высшія должности—знать лично назначаемыхъ и являться отвѣт-

ственнымъ и за нихъ, и за правильное управленіе и расходованіе всего морского имущества; 2) на должности начальниковъ эскадръ и командировъ судовъ должны быть назначаемы только способнѣйшіе, прошедшіе хорошую морскую школу; назначеніе же по старшинству или по отбытію ценза должно быть исключено изъ правилъ; 3) комплектоваться флотъ долженъ преимущественно людьми, близко стоящими къ морскому дѣлу, а также обитателями прибрежныхъ областей и губерній, служащими въ коммерческомъ и добровольномъ флотѣ (англійскій пріемъ); флотъ не долженъ быть наслѣдственнымъ, а тѣмъ болѣе привиллегіей знатныхъ фамилій. Только такой флотъ будетъ боевымъ и на первомъ планѣ станетъ польза дѣла, а не представительство; для послѣдняго можно установить, если это уже такъ необходимо, особое отдѣленіе его, не—боевое; 4) при постройкѣ судовъ, изъ нихъ должна быть положительно изгнана всякая роскошь въ видѣ мрамора, бронзы, краснаго дерева и т. под.; для боевой обстановки этого не нужно; *) 5) содержаніе морякамъ отъ казны должно быть опредѣлено соотвѣтственно съ чинами сухопутной арміи, что значительно уменьшитъ ихъ разгулъ и уничтожитъ антагонизмъ, существующій между этими родами оружія. Странно въ самомъ дѣлѣ видѣть, что мичманъ, только-что сошедшій со скамьи училищной, получаетъ 300—400 рублей содержанія, которое получаетъ далеко не всякій генералъ сухопутной арміи.

Дѣятельность Тихоокеанской эскадры можно раздѣлить на три періода: до адмирала Макарова, при немъ и послѣ него.

Прежде всего, казалось бы, главная забота должна быть направлена, въ виду возможности войны, на устройство дока для исправленія судовъ, но такового не существовало; былъ же только исправленный докъ китайской постройки для маленькихъ судовъ, въ который нельзя было ввести для починки «Ретвизана», «Цесаревича», «Побѣды», «Севастополя», «Пересвѣта» и др. большихъ

*) Эти записки писаны во время осады крѣпости, а потому нельзя было не порадоваться распоряженію Управляющаго морскимъ министерствомъ въ 1906 г. вывести изъ постройки судовъ красное дерево.

судовъ, почему по необходимости приходилось обратиться къ кессонамъ; только въ началѣ марта приступили къ устройству большого дока, безъ надежды окончить его во время кампаніи. Во главѣ эскадры и въ составѣ ея, съ началомъ кампаніи, не было ни одпаго адмирала, на котораго вполнѣ можно бы было положиться. Назначенный начальникомъ эскадры контръ-адмиралъ Старкъ, бывшій командиръ порта, прекрасный техникъ, но очень мало былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ и боевой дѣятельностью эскадры, безъ всякой свободной инициативы и умѣвшій только детально выполнять приказанія несложнаго характера. Многіе ему ставятъ въ вину погибель нашихъ лучшихъ броненосцевъ 26 января, основываясь на томъ, что онъ, какъ начальникъ эскадры, лично являлся отвѣтственнымъ за нее и не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія адмирала Алексѣева на принятіе надлежащихъ мѣръ охраны, а принять ихъ самостоятельно и немедленно. Командирами судовъ состояли люди большей частью отбывающіе цензъ, мало знакомые не только съ боевой обстановкой, но даже вообще съ морской службой. Наиболѣе достойными, знающими морское дѣло и выдающимися изъ командировъ были капитаны I-го ранга: «Ретвизана» — Щенсновичъ, «Новика» — Эссенъ, «Баяна» — Вирренъ, впослѣдствіи Высочайше назначенный временно-командующимъ эскадрой и «Петропавловска» — Яковлевъ.

Что касается корпуса офицеровъ, то въ большинствѣ это была молодежь, очень мало знакомая и съ морскимъ дѣломъ, и съ боевой обстановкой. Поведеніе ея въ Артурѣ справедливо вызвало нарѣканіе и негодованіе всей сухопутной арміи, не говоря уже о гражданахъ. Кафе-шантаны «Звѣздочка» и «Variètè» были всегда биткомъ набиты обществомъ изъ этой молодежи и даже, къ сожалѣнію, въ то время, когда лилась кровь на Ялу, подъ Кинчжоу, Артуромъ, — когда раздавался предсмертный хрипъ умирающихъ и крики раненыхъ. Многіе изъ нихъ имѣли содержанокъ и мало кто стѣснялся, обнявшись, кататься съ ними по улицамъ, быть въ циркѣ, театрѣ, на гуляньяхъ; въ указанныхъ кабакахъ часто происходили грандіозные скандалы, въ видѣ дракъ, нанесенія ранъ (мичманъ Л....), пьяныхъ сценъ; въ своихъ подвигахъ одинъ изъ

нихъ дошелъ до того, что ворвался ночью въ квартиру комиссара по гражданской части (губернатора) и избилъ послѣдняго (лейтенантъ И....); это было уже съ разрывомъ сообщенія. Подъ конецъ доблесть иныхъ, къ чести сказать—очень немногихъ, упала до того, что они подъ вымышленными предлогами отказывались идти въ бой; такъ, всѣ были возмущены поступками капитановъ II ранга Л.... и Н...., командовавшихъ канонерскими лодками «Отважный» и «Гремящій», которые, получивъ приказаніе адмирала Витгефта идти подъ Кинчжоу на помощь «Бобру»,—подъ предлогомъ неисправности машинъ, отказались исполнить это; когда же была установлена ложность этого предлога, то они были *только* списаны съ судовъ и о нихъ составлены протоколы. Вскорѣ послѣ этого Л.... былъ убитъ во время штурма. Нерѣшительность нѣкоторыхъ передъ выходомъ въ море доходила до смѣшного и много сыпалось на ихъ голову справедливыхъ упрековъ. Къ великому соблазну арміи, они начали оплачивать даже свои обязанности. Особенно возмутилъ не только всѣхъ военныхъ, но и гражданскихъ лицъ слѣдующій приказъ отъ 5 мая за № 55 командующаго эскадрой Витгефта. «Для поощренія при очисткѣ рейда отъ японскихъ минъ, которыя могли еще остаться случайно незамѣченными при траленіи, назначаю командѣ каждаго катера за выловленную мину по 25 рублей награды. Контръ-адмиралъ Витгефтъ». Негодованіе это еще болѣе усилилъ «Новый Край» своей статьей слѣдующаго содержанія: «Эти мѣры не только привѣтствуются съ неподдѣльнымъ живѣйшимъ восторгомъ всѣми и каждымъ въ Артурѣ, но неизбѣжно вызываютъ въ насъ понятное желаніе принять посильное участіе въ осуществленіи этой мѣры путемъ предоставленія въ распоряженіе штаба Командующаго эскадрой особаго фонда ради увеличенія назначенной преміи за каждую выловленную мину» (12 мая). Этой статьей многіе были возмущены, такъ какъ такой мѣрѣ никто не сочувствовалъ, ибо каждый видѣлъ, что моряки въ то время отдыхали, а за исполненіе своихъ несложныхъ прямыхъ обязанностей еще получали и вознагражденіе. Въ этотъ фондъ поступили пожертвованія только отъ моряковъ, почему онъ скоро прекратилъ

свое существованіе и кажется послѣ случая пожертвованія кѣмъ-то въ фондъ 2 коп. Это вознагражденіе сильно взволновало военно-сухопутное общество офицеровъ, иногда публично упрекавшихъ моряковъ въ томъ, что они, при своемъ постоянномъ бездѣльи въ самый горячій моментъ кампаніи, поощряютъ исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей денежной наградой; что скоро дойдетъ до того, что нижніе чины будутъ требовать отдѣльнаго денежнаго вознагражденія за выходъ на позицію, за пребываніе въ секретѣ или развѣдочномъ, отрядѣ. На адмирала всѣ, даже моряки, смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ, называли его «Вилей» и сомнѣвались въ его способностяхъ—разумно и толково дѣйствовать. Правда, покойный адмиралъ былъ очень мало знакомъ съ управленіемъ эскадрой, за что и поплатился своей жизнью. Раздоры между офицерами арміи и моряками доходили до взаимныхъ оскорбленій; еще свѣжо было у всѣхъ потопленіе моряками 12 февраля миноносца «Внушительный», исторія котораго была разсказана мнѣ подполковникомъ Голицинскимъ, на отвѣтственности котораго и оставляю ее: въ заливъ Инчензы, для осмотра его, вышелъ «Новикъ» въ сопровожденіи трехъ миноносцевъ, въ томъ числѣ «Внушительнаго». Преслѣдуемые непріятельскими крейсерами, наши суда направились въ Артуръ. Отставшій миноносецъ «Внушительный», подъ командой лейтенанта П...., повернулъ въ Голубиную бухту и выбросился на камни; команда и офицеры бросили миноносецъ и бѣжали съ него такъ поспѣшно, что не захватили съ собой не только ружей, кортиковъ, шинелей, но даже судового журнала, Андреевскаго флага (знамя) и портрета Государя съ Его собственноручной надписью, что этотъ портретъ даритъ миноносцу въ надеждѣ, что въ нужную минуту онъ выполнитъ свой долгъ предъ Царемъ и Отечествомъ; была попытка взорвать миноносецъ, но неудачно. На другой или на третій день китайцы дали знать офицерамъ 28-го полка, стоявшимъ на Лѣотѣшанѣ, что въ бухтѣ на камняхъ стоитъ русскій миноносецъ; одинъ изъ офицеровъ отправился туда, взялъ нужныя вещи, въ томъ числѣ и указанныя, сдавъ ихъ подполковнику Гол...., какъ начальнику Лѣотѣшанскаго отряда; этотъ послѣдній возвратилъ

ихъ мичману съ «Внушительнаго», прибывшему къ нему съ мольбой возвратить эти вещи, такъ какъ всѣ они думали, что миноносецъ взорванъ и пошелъ ко дну, а съ нимъ погибли знамя и портретъ. Г.... впослѣдствіи очень сожалѣлъ, что не представилъ этихъ вещей при рапортѣ по начальству. Вновь посадка на камни 14 мая миноносца «Внимательный» напомнила всѣмъ эту прискорбную исторію и еще болѣе обострила отношенія. Хотя моряки и оправдывались тѣмъ, что имъ дана была неправильная русская карта, на которую не былъ нанесенъ этотъ камень, но всѣ начали кричать, что наши моряки умѣютъ только топить свои суда, а въ особенности въ виду непріятеля, чтобы избѣжать съ ними столкновенія; что они «горазды» только въ дамскомъ обществѣ, да и то съ дамами «полу-свѣта», съ которыми блудливы какъ кошки; появились пасквили, одинъ экземпляръ котораго былъ присланъ и мнѣ на память. Содержаніе его, приводимое здѣсь, явилось продолженіемъ напечатаннаго предъ тѣмъ въ «Новомъ Краѣ» сна, подъ названіемъ «Знаменательный сонъ». «Дѣйствительный случай»,— выдержки котораго привожу здѣсь: «Редакціей получено письмо, не лишенное интереса, особенно въ данное время. Письмо помѣчено утромъ 17-го мая. Авторъ письма проситъ имени его не обнародовать, такъ какъ дѣло не въ имени, а въ самомъ явленіи, въ провѣркѣ факта изъ все еще незнакомаго человѣчеству міра.....

«Люди высшаго ума и науки до сей поры не пришли къ окончательному рѣшенію, что такое сновидѣніе—слѣдуетъ ли придать ему какое либо значеніе, или нѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что занятый чѣмъ нибудь мозгъ продолжаетъ работать и во снѣ, но безъ того регулятора мыслей, котораго мы называемъ взвѣшивающимъ разсудкомъ. Слѣдовательно фантазія преобладаетъ въ этой работѣ мозга.....

Но—вотъ въ истекшую ночь я видѣлъ сонъ—и во мнѣ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія. Глубоко убѣжденный въ томъ, что непріятель будетъ отброшенъ разъ навсегда, я рѣшился написать это письмо.

Сюжетъ моего сновидѣнія, если отбросить никому ненужныя

детали, не затѣйливъ: я видѣлъ взбѣшеннаго быка, дико бросающагося въ разныя стороны и наводящаго на людей ужасъ. Освирѣпѣвшее животное окружали собаки. (По моимъ наблюденіямъ, т. е. для меня лично, видѣнная во снѣ собака означаетъ: друга, близкаго, своего, доброжелателя—словомъ не врага).

Быкъ хотѣлъ было рвануться на сѣверъ. Тутъ на него кинулась одна большая собака и уцѣпилась ему за горло. Быкъ повернулъ и кинулся обратно къ югу, т. е. ко мнѣ, сопровождаемый собаками и старался стряхнуть уцѣпившуюся ему за горло.

Около меня была моя семья и еще какіе то люди, напуганные бѣшено кидавшимся животнымъ. Всѣ мы старались какъ бы укрыться отъ грозящей намъ опасности, съ южной ея стороны. Но ясно было видно, что огромное, красивое—бѣлое съ красными пятнами—и сильное животное въ силахъ перескочить, съ разбѣгу эту стѣну, такъ какъ стѣна была на болѣе низменномъ мѣстѣ, чѣмъ арена происходящаго и сходилась какъ-бы угломъ въ юго-восточной сторонѣ, куда наконецъ направилось страшно мечущееся животное, окруженное собаками.

Вдругъ оно поворачивается на насъ. Мы шарахнулись въ кучу, не зная куда кинутся намъ и куда наконецъ кинется животное, которое вотъ, вотъ—отряхнетъ висѣвшую на шеѣ, уцѣпившуюся зубами въ глотку, собаку. Мы замерли отъ страха.

Но въ эту минуту подоспѣли русскіе солдаты и матросы въ чисто бѣлыхъ рубахахъ, вооруженные кинжалами и начали наносить быку удары. Одинъ изъ солдатъ кинулся прямо на шею животному.

Такъ какъ не переношу вообще кровавыхъ сценъ и не могу смотрѣть на убой скотины, я хотѣлъ отвернуться, чтобы не видать уже неизбѣжной участи страшнаго, но красиваго животнаго; но я не могъ отвернуться.

Солдатъ, вскочившій верхомъ на быка, занесъ огромный серпообразный ножъ и отрѣзалъ, поддерживаемый другими, голову быка на отлетъ. Красивое туловище быка, обливаясь огромнымъ потокомъ крови, еще разъ кинулось на дыбы, обнаруживая большую силу мускуловъ—и грохнулось на землю, чтобы уже болѣе не вставать....

Я проснулся и не могъ долго послѣ этого уснуть. Посмотрѣлъ на часы—половина второго.

Когда я проснулся, но еще не вполнѣ пришелъ въ себя, у меня мелькнула мысль: *Это участь врага, грозящаго Артуру.....*

Во мнѣ не осталось сомнѣнія за участь осажденнаго Артура».

N.

По поводу этого сна, мною былъ полученъ слѣдующій литографированный разсказъ: «Напечатаный въ газетѣ «Новый Край» «Знаменательный сонъ», произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и я, какъ человѣкъ тоже нервный и до глубины души возмущенный настоящими артурскими событіями видѣлъ какъ бы продолженіе этого сна.

«Быкъ насѣдаетъ.... Собаки до изнеможенія силъ грызутся, алая кровь потоками льется, а въ это время въ лѣсу, по горкамъ зайцы, чистенькіе, да бѣленькіе, въ воротничкахъ да манжеткахъ съ златокудрыми сиренами подъ ручку спокойно разгуливаютъ и пріятные разговоры разговариваютъ: «Пусть—де собаки грызутся, пусть шерсть съ нихъ летитъ—намъ горя мало, отгрызутся—а тамъ мы, какъ болѣе прыткіе, поскачемъ съ вѣстью, что загрызли быка —и покормятъ за это насъ лавровыми листочками.... Мы ихъ любимъ»!....

Вдругъ видятъ—уже быкъ показался.... Тутъ зайцы въ разсыпную и попрятались подъ собачьи хвосты.... Когда же дѣло дошло до смертной свалки, зайцы не выдержали, и, въ кильватерной колоннѣ засверкали пятками, взявъ направленіе на NO, съ предводителемъ во главѣ—старымъ, сѣдымъ и самымъ трусливымъ зайцемъ....

Картина мѣняется....

«Быкъ мертвый, отъ него только клочья остались, собаки его разнесли, а тутъ на желѣзной лодкѣ появляется дѣдушка Мазай. Видитъ онъ—зайчишки-кто гдѣ: какой на камнѣ сидитъ, кто на берегъ выпрыгнулъ, а у иного только уши торчатъ. Сталъ ихъ Мазай подбирать....

«Какъ же вы, говоритъ, зайцы тягу дали, нѣтъ чтобы собакамъ помочь?»—«Э, дѣдушка, отвѣчаютъ зайцы, сабачья то шкура не цѣнится, а наша шкура дорого стоитъ—вотъ и спасали!»....

«Эхъ вы, зайцы, трусы не разсудительные, что толку то въ томъ, что шкуру спасали, когда она вся то у васъ загажена»!....

....И давай ихъ тутъ Мазай палкою охаживать да уму-разуму поучивать!.... Многіе изъ нихъ не выжили, а другіе—прощенія запросили....

Тутъ я и проснулся.... Ну, думаю: этотъ сонъ еще знаменательнѣе перваго!....

Артурецъ».

Неурядицы въ эскадрѣ многіе ставили въ вину Намѣстнику, на личности котораго я здѣсь нѣсколько остановлюсь. Адмиралъ Алексѣевъ сталъ въ Россіи извѣстнымъ также съ похода въ Китай въ 1900—1901 г.г. По окончаніи кампаніи, онъ былъ назначенъ Командующимъ войсками Квантунской Области, а въ 1903 году былъ облеченъ высокимъ довѣріемъ Государя, получивъ титулъ «Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, съ подчиненіемъ ему Приамурскаго Края, Забайкальской Области, Маньчжуріи и Квантунской Области. Всѣмъ онъ хорошо былъ знакомъ только какъ человѣкъ, но онъ ничѣмъ не проявилъ себя какъ морякъ, администраторъ, правитель. Какъ человѣкъ, онъ былъ рѣзокъ и грубъ; такіе моменты всегда характеризовались нервнымъ подергиваніемъ и прищуриваніемъ праваго глаза, что знаменовало его раздраженіе и душевное волненіе. Въ немъ, какъ въ морякѣ, жила особенная любовь къ пышной блестящей обстановкѣ, въ особенности во время его выходовъ въ торжественныхъ случаяхъ или выѣздахъ въ Область; причемъ, онъ питалъ особенную страсть къ пышнымъ и яркимъ описаніямъ въ газетахъ этихъ выѣздовъ. Такъ, замѣнявшій редактора газеты «Новый Край» полковникъ Тыртовъ однажды лично мнѣ говорилъ, что Намѣстникъ недоволенъ остался слишкомъ блѣднымъ описаніемъ пріѣзда его изъ Петербурга и объѣзда Области для передачи войскамъ царскаго «спасибо». Съ назначеніемъ его Намѣстникомъ,

предоставленная ему громадная власть опьянила его положительно и, какъ говорятъ, ударила въ голову; онъ сдѣлался еще болѣе мелочнымъ, придирчивымъ, самолюбивымъ и тщеславнымъ, требуя, по словамъ того же полковника Тыр...., напр., удаленія частной публики изъ той части церкви, гдѣ онъ находился со свитой; устройства ему въ церкви особаго мѣста, отдѣльнаго отъ свиты; замѣны церковнаго регента другимъ; пышнаго и блестящаго описанія его завтраковъ, баловъ и обѣдовъ. Моряковъ онъ стремился поставить на первомъ планѣ и дать имъ преимущественное положеніе предъ арміей, благодаря чему возбудилъ страшный антагонизмъ между арміей и флотомъ; но особенно ставятъ ему въ вину то, что онъ распустилъ моряковъ и окружилъ себя людьми мало достойными, вкравшимися къ нему въ довѣріе путемъ угодничества и низкой лести, которую онъ просто таки обожалъ; онъ не стѣснялся выслушивать отъ нихъ различныя сплетни и интриги, немедленно обнаруживая свое недовольство на оклеветанныхъ, которые вполнѣ были честными и порядочными людьми. Какъ на особаго интригана, выдающагося въ этомъ отношеніи, указываютъ на нѣкоего Я...., сообщавшаго ему ежедневно всѣ злобы дня. Въ свободное отъ занятій время онъ любилъ выслушивать городскія сплетни, интриги. Любовь его къ избраннымъ выражалась въ изливаемыхъ на нихъ милостяхъ въ видѣ наградъ и быстрыхъ повышеніяхъ по службѣ; но, съ другой стороны, онъ не стѣснялся вымѣщать на этихъ же лицахъ и несвареніе своего желудка.

Все это указывало на его ограниченность и неспособность быть государственнымъ человѣкомъ. Этимъ объясняется и малая освѣдомленность его объ истинномъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, о настроеніи китайцевъ, японцевъ, о ихъ характерѣ и намѣреніяхъ. Будучи окруженъ людьми малоспособными, льстивыми, пѣвшими ему о его величіи, о страхѣ предъ нимъ японцевъ и китайцевъ, онъ окончательно подчинился этому внушенію, былъ имъ гипнотизированъ и совершенно потерялъ способность оцѣнивать дѣйствительное положеніе вещей, закрывая на внѣшнюю политику глаза и принявъ иллюзію за фактъ. Неожиданное нападеніе на Артуръ 26 января

ошеломило его, почему всѣ его послѣдующія распоряженія и дѣйствія кажутся на столько странными, что только исторія можетъ пролить на нихъ свѣтъ. Ихъ трудно объяснить разсѣянностью или растерянностью, хотя на это и указываютъ; такъ, 2 февраля, по окончаніи молебна по случаю объявленія войны, приложившись къ кресту, онъ надѣлъ фуражку и началъ выходить изъ церкви; это продолжалось нѣсколько секундъ, послѣ чего, опомнившись, онъ быстро снялъ ее. Послѣ нападенія, онъ сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ и перевозкѣ въ Харбинъ всѣхъ отдѣловъ Областнаго Управленія. Когда чины послѣдняго явились къ нему представиться во главѣ съ начальникомъ своимъ генераломъ В...., по случаю своего выѣзда, то онъ началъ ругать ихъ измѣнниками, бѣглецами, трусами и не принялъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ человѣкъ очень любезный и гостепріимный хозяинъ и, какъ я слышалъ, весельчакъ въ избранномъ кружкѣ близко стоявшихъ къ нему людей; къ сожалѣнію, только разные проходимцы пользовались его добродушіемъ, злоупотребляли его довѣріемъ и стояли у него на первомъ планѣ; для человѣка же, не привыкшаго къ лести, невыносившаго сгибанія спины и поклоненія, не было у него мѣста и таковые люди уходили. Мнѣ лично извѣстно, что полковникъ М...., въ высшей степени порядочный и честный человѣкъ, весьма полезный для дѣла, оставилъ должность комиссара по гражданской части (губернатора) и ушелъ, не помирившись съ обстановкой, окружавшей Намѣстника.

По моему мнѣнію, плачевное состояніе эскадры было слѣдствіемъ такого высшаго управленія ею, благодаря чему она не только не была помощницей въ оборонѣ Артура, но являлась бременемъ для его истинныхъ защитниковъ.

Между тѣмъ, предъ началомъ войны эскадра была сильнѣе Японской эскадры и являла собой внушительную силу; но, къ сожалѣнію, не имѣла прочной, основательной организаціи и энергичнаго, трудолюбиваго и знающаго начальника во главѣ.

До пріѣзда адмирала Макарова, моряки послѣ 26 января находились въ подавленномъ состояніи духа; но у нихъ жило

сознаніе чувства долга предъ Отечествомъ, многіе изъ нихъ мечтали осуществить его. Адмиралъ Макаровъ оживилъ эти надежды, поднялъ ихъ духъ, начавъ учить морскому дѣлу и боевой жизни; всѣ пріободрились и принялись за работу, бросивъ свои развлеченія по кафе. Адмиралъ лично самъ относился очень строго къ такимъ развлеченіямъ и при немъ моряковъ рѣдко можно было встрѣтить даже на улицахъ, всѣ сидѣли за работой на своихъ судахъ. Это былъ лучшій періодъ въ жизни эскадры, но, къ несчастью, онъ продолжался очень недолго. Со смертью адмирала все измѣнилось и стало еще хуже: моряки упали духомъ еще больше и буквально топили свое горе въ развлеченіяхъ по кабакамъ и въ обществѣ камелій. Но и въ этотъ несчастный періодъ нашлось между ними много людей долга, съ высокимъ чувствомъ и душей: это тѣ, которые перешли въ число защитниковъ сухопутнаго фронта, гдѣ многіе сложили въ честномъ бою свои головы, а также совершившіе отдѣльные безстрашные подвиги на морѣ, жертвуя беззавѣтно своей жизнью.

Все изложенное мною выше описано можетъ быть болѣе подробно, чѣмъ слѣдуетъ; но я считалъ необходимымъ указать на все это, дабы выяснить, съ какими средствами и при какихъ условіяхъ застигла насъ осада.

Съ большимъ напряженіемъ и нетерпѣніемъ каждый изъ насъ ожидалъ извѣстій о движеніи высадившагося въ Бидзыво непріятеля; это нетерпѣніе росло съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой; всякій изъ насъ спѣшилъ послать въ письмѣ или телеграммѣ своимъ роднымъ, можетъ быть, послѣднее «прости». Трудно описать ту грусть, тоску и досаду, которыя овладѣли нами 26 апрѣля, день закрытія пріема депешъ и писемъ. Послѣдній прибывшій въ Артуръ поѣздъ былъ 28 апрѣля, а съ 29 мы оказались совершенно отрѣзанными отъ всего остального міра.

Первыя полученныя нами свѣдѣнія были очень непріятны и даже поразили: электрической искрой разнеслась вѣсть, что еще за-долго до появленія противника, изъ Бидзыво постыдно бѣжали начальникъ участка и весь служебный персоналъ, бросивъ городъ

на разграбленіе хунхузамъ; телеграфные аппараты были сняты и телеграфъ испорченъ. Это ничѣмъ необъяснимое бѣгство было констатировано въ приказѣ генерала Стесселя отъ 25 апрѣля за № 170, въ которомъ онъ пригрозилъ такимъ бѣглецамъ военнымъ судомъ. Разсказываютъ, что телеграфные аппараты, въ виду поспѣшнаго бѣгства, были прямо брошены и одинъ изъ китайцевъ зарылъ ихъ въ землю, а потомъ возвратилъ кому-то изъ русскихъ начальниковъ, прибывшему въ Бидзыво. Чины пограничной стражи также начали самовольно оставлять свои посты и уходить на сѣверъ, въ виду чего генералъ Стессель 25 апрѣля командировалъ капитана Одинцова возстановить порядокъ. Офицеръ этотъ совершенно свободно проѣхалъ на сѣверъ, гдѣ подъ Пулондяномъ встрѣтилъ обозъ съ боевыми припасами, высланными въ Артуръ Командующимъ Арміей; при этомъ подполковникъ Спиридоновъ, сопровождавшій поѣздъ, сообщилъ капитану, что сѣвернѣе Пулондяна отступившей къ Вафондяну пограничной стражей испорченъ телеграфъ и желѣзнодорожный путь. Такое быстрое и ничѣмъ невызванное отступленіе наводило каждаго изъ насъ на серьёзныя размышленія; невольно яввила несносная мысль,—неужели войсками начинаетъ овладѣвать паника. Наконецъ, пришли и болѣе отрадныя новости, разсѣявшія наше подозрѣніе: есаулу Канцевичу было приказано произвести рекогносцировку; выйдя 25 апрѣля и пройдя 200 верстъ къ сѣверу, онъ выяснилъ, что Бидзыво и сѣверная часть бухты Кинчанъ заняты противникомъ въ числѣ около 15 т.; встрѣченные имъ у дер. Игяданъ два непріятельскихъ эскадрона быстро отступили на сѣверо-востокъ. Незамедлили появиться также телефонограммы, что «японскій передовой отрядъ отступилъ отъ Пулондяна, повредивъ незначительно мостъ. Охрана Пулондяна имѣла перестрѣлку, которая продолжалась около получаса; японцы потеряли 20 человѣкъ, у насъ же убита одна лошадь и взятъ въ плѣнъ одинъ нижній чинъ; въ Пулондянѣ пожаръ и китайцы его грабятъ»; другая телефонограмма гласила, что «непріятель двигается на югъ по Мандаринской дорогѣ и у дер. Саншилипу обнаружено до двухъ полковъ, а у дер. Эльшилипу ихъ передовыя части; около двухсотъ

человѣкъ стоитъ бивакомъ въ лощинѣ сѣвернѣе дер. Аншилипу; сѣвернѣе мыса Терминаль замѣчено до 30 судовъ; восточнѣе Мандаринской дороги противникъ въ направленіи на югъ не подвигается». Наконецъ, 1 мая было получено извѣстіе о первомъ столкновеніи нашего отряда съ непріятелемъ: полуостровъ Керръ былъ занятъ отрядомъ нашихъ войскъ изъ 7 роты 5 полка, охотничьихъ командъ того же и 16 полковъ и двухъ орудій 57 мил. батареи. Шесть японскихъ крейсеровъ съ 9 ч. утра начали полуостровъ обстрѣливать и посадили дессантъ на шлюпки для высадки его; когда нѣсколько миноносцевъ съ шлюпками подошли къ берегу внутри бухты противъ расположенія отряда, то послѣдній, подпустивъ ихъ на близкую дистанцію, открылъ самый губительный ружейный и орудійный огонь. Три снаряда удачно попали въ миноносцы, послѣ чего они и шлюпки начали уходить изъ бухты къ крейсерамъ, открывшимъ огонь большими снарядами; вскорѣ крейсера взяли шлюпки съ дессантомъ и ушли.

Эта маленькая побѣда всѣхъ насъ очень порадовала; нижніе чины и офицеры пріободрились и смотрѣли веселѣе.

Радостное событіе это подало надежду на перемѣну счастья съ наступленіемъ мая и оно какъ будто-бы улыбнулось намъ и 2-го числа. Командиръ миннаго транспорта «Амуръ», капитанъ II ранга Ивановъ, неоднократно уже добивался разрѣшенія адмирала Витгефта выйти ночью въ море и поставить мины на излюбленномъ пути движенія японской эскадры, но всегда получалъ отказъ. Наконецъ, ему удалось вымолить разрѣшеніе и въ ночь на 2-е мая онъ ловко выполнилъ эту задачу, поставивъ мины на разстояніи 18—20 верстъ противъ входа въ бухту. Вѣсть объ этомъ облетѣла утромъ почти весь Артуръ и около 10-ти часовъ всѣ береговыя горы буквально были усѣяны публикой, нервно слѣдившей за непріятельской эскадрой, показавшейся на горизонтѣ. Неподозрѣвая поставленной ловушки, она къ 11 часамъ пошла по старому курсу, буквально приковавъ къ себѣ взоры и вниманіе публики; вдругъ раздался страшный взрывъ и броненосецъ «Хатсусе», одинъ изъ лучшихъ, шедшій въ головѣ колонны, покачнулся

и, спустя минуты полторы, скрылся подъ водой; точь-въ-точь, какъ это случилось съ «Петропавловскомъ». Трудно и невозможно описать взрывъ восторга и аплодисментовъ, сопровождавшихъ погибель этого несчастнаго броненосца; на помощь къ нему быстро бросился броненосецъ «Фуджи», который также налетѣлъ на мину, раздался взрывъ и онъ, получивъ сильное поврежденіе, немедленно былъ взятъ на буксиръ. Вновь раздались аплодисменты и крики «браво»—«ура». Послѣ этого всѣ непріятельскія суда, предполагая, вѣроятно, дѣйствіе подводныхъ лодокъ, открыли со всѣхъ бортовъ во-кругъ себя самую отчаянную пальбу. Говорятъ, что при этомъ съ одного изъ нашихъ броненосцевъ была послана ложная телеграмма по безпроволочному телеграфу, что подводная лодка № 2 не угадала вѣрнаго направленія,—съ цѣлью этимъ еще болѣе ввести въ заблужденіе японцевъ, несомнѣнно перехватившихъ эту депешу. Послѣ взрыва «Фуджи» изъ бухты сейчасъ же вышло 16 нашихъ миноносцевъ атаковать японскую эскадру, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ и отбиты. Мнѣ казалось, что если бы миноносцы были заранѣе приготовлены и стояли на рейдѣ, то атака безусловно имѣла бы успѣхъ и непріятелю былъ бы нанесенъ большой ущербъ. Итакъ, «Петропавловскъ» и «Побѣда» были отомщены, хотя и не въ такой мѣрѣ. По возвращеніи мининосцевъ, на бульваръ явилась музыка и Артуръ отпраздновалъ первый успѣхъ на морѣ и сушѣ. Очень замѣтно было приподнятое настроеніе моряковъ и всего гарнизона, что не могло не радовать; нѣкоторые придавали этимъ успѣхамъ громадное значеніе и связывали ихъ съ надеждой на возстановленіе сообщенія и освобожденіе отъ заключенія.

Но на другой же день это радостное настроеніе смѣнилось непріятнымъ сообщеніемъ о быстромъ наступленіи непріятеля на югъ въ большихъ силахъ и о такомъ же быстромъ отступленіи генерала Фока на основную позицію Кинчжоу (Цзиньжоу).

Я, не получивъ извѣстія о судьбѣ сына, невольно обращался мыслями къ битвѣ на Ялу; неизвѣстность о сынѣ меня страшно угнетала. Я зналъ только, что тамъ дрались какъ львы, шли грудь на грудь, трупы валились направо и налѣво, кровь лилась рѣ

кой, артиллерія дѣйствовала самоотверженно; но въ концѣ—орудія были подбиты и брошены, прислуга и лошади перебиты, офицеры ранены, а иные убиты и въ числѣ ихъ подполковникъ Муравскій, батарея котораго, въ каковой служилъ и сынъ мой, найболѣе оказалась потерпѣвшей. Еще въ декабрѣ 1903 г. я оставилъ этого штабъ-офицера здоровымъ, жизнерадостнымъ, веселымъ и мечтавшимъ о войнѣ съ японцами. Я любовался его энтузіазмомъ и его блестящей, чистенькой батареей, стоявшей въ паркѣ, мимо котораго я ежедневно проходилъ. Не вынесъ старый артиллеристъ пораженія и не захотѣлъ его пережить; со слезами припалъ онъ къ орудію и обнялъ его, не желая разстаться съ нимъ; въ это время осколокъ непріятельской шрапнели разломилъ его черепъ и мозги разлетѣлись по всѣмъ орудіямъ. Такъ, по разсказамъ, погибъ этотъ милый, симпатичный человѣкъ-артиллеристъ. Миръ праху твоему, дорогой мученикъ за родину!

На первыхъ же порахъ разъединенія мы почувствовали ощутильно еще одинъ нашъ недостатокъ,—это отсутствіе кавалеріи для развѣдочной службы. Нести ее охотничьи команды положительно не могли, да и не посильная была для нихъ эта задача, такъ какъ эта отрасль службы требовала много практики и снаровки; сама природа подготовила для этого казаковъ, которымъ уступала даже регулярная кавалерія, постоянно изощряющаяся въ развѣдкахъ; почему, по необходимости приходилось обращаться къ китайцамъ, доставлявшимъ самыя сбивчивыя свѣдѣнія и служившимъ одновремено намъ и японцамъ,—кто больше дастъ.

Еще въ концѣ апрѣля, на совѣщаніи начальниковъ былъ поднятъ вопросъ,—защищать Кинчжоу или же бросить его и отступить къ Артуру. Мнѣнія раздѣлились: одни стояли за защиту, такъ какъ это влекло за собою задержку непріятеля по дорогѣ къ Артуру и ослабленіе силъ его; другіе считали это опаснымъ, такъ какъ защищать эту позицію можно было только при участіи нашего флота, послѣдній же дѣйствовать не могъ; съ другой стороны, въ виду невозможности получить помощь, потеря каждаго солдата влекла за собою ослабленіе гарнизона, необходимаго для защиты

крѣпости; между тѣмъ, непріятель во всякое время могъ получить подкрѣпленіе. Рѣшено было только задержать на этой позиціи непріятеля на сколько возможно, но не защищать ее «во-чтобы-то ни стало».

Тяжелымъ дѣлалось положеніе Артура въ виду наступающаго врага съ суши, неперестававшаго въ то же время тревожить съ моря. Погибель «Хатсусе» и поврежденіе «Фуджи» привело японцевъ въ страшное раздраженіе и они начинаютъ проявлять чисто азіатскую нервность, измѣнивъ характеръ своихъ дѣйствій. Попытки ихъ загородить выходъ изъ порта брандерами не удались, хотя они и разглашали по всему свѣту, что теперь наша эскадра въ ловушкѣ, а адмиралъ Того доносилъ своему правительсту, что послѣднее предпріятіе съ брандерами удачно. Послѣ 20 апрѣля японцы начинаютъ продолжать свою дѣятельность на морѣ въ другомъ направленіи, стараясь окончательно преградить выходъ нашей эскадрѣ минами, которыя начинаютъ разбрасывать по всему рейду и вблизи выхода изъ бухты. Съ этого времени на морѣ начинается минная война; причемъ, японцы доходятъ до дерзости и ихъ минные катера, транспорты и миноноски начинаютъ появляться почти у нашихъ береговъ. Но имъ въ ночь на 7 мая вновь не повезло: явившись около перваго часа ночи минировать бухту Тахе, они были замѣчены нашей батареей Крестовой горы, которой и былъ открытъ по нимъ самый губительный огонь; завязалась перестрѣлка, причемъ японцы начали стрѣлять такъ нервно, что почти всѣ ихъ снаряды перелетали черезъ батарею и падали въ городъ по направленію отъ Крестовой къ импани Краснаго Креста.

Результатомъ стрѣльбы нашей батареи было потопленіе минцаго японскаго транспорта, предварительно взорвавшагося, послѣ чего миноноски и минные катера немедленно прекратили стрѣльбу и ушли; тѣмъ не менѣе, японцы являлись каждую ночь на нашъ рейдъ и неустанно работали по установкѣ минъ. Противодѣйствовать имъ въ этомъ отношеніи было очень трудно, такъ какъ наши миноносцы въ самомъ ограниченномъ числѣ (2—3) выходили на внѣшній рейдъ, а иногда и совсѣмъ не выходили, заперевъ только

бонъ предъ входомъ въ бухту; но если непріятельскіе миноносцы попадали въ лучи прожекторовъ, освѣщавшихъ море, то по нимъ немедленно открывался адскій огонь изъ береговыхъ батарей, которыя, къ чести ихъ, всегда были на-чеку и сторожили зорко.

Съ движеніемъ японцевъ къ Кинчжоу, мы невольно отрывались отъ одного фронта къ другому и готовились къ борьбѣ на жизнь и смерть у самаго Артура на сушѣ. Напряженіе нервовъ доходило до крайней степени и сильно отзывалось на настроеніи; являлась ко всему какая-то апатія, отсутствіе интереса, не развлекало даже чтеніе: начнешь читать серьёзную книгу, уже къ концу первой страницы не понимаешь прочитаннаго и ловишь себя на совершенно другой мысли, одолѣвшей мозгъ и неимѣющей ни какой связи съ прочитаннымъ; попробуешь читать книгу легкаго содержанія, спустя минутъ пять бросаешь ее на столъ съ какимъ-то озлобленіемъ, на столько содержаніе ея кажется мизернымъ и ничтожнымъ съ переживаемымъ моментомъ; послѣ чего начинаешь метаться по комнатѣ, какъ звѣрь, голова полна самыхъ безотрадныхъ думъ, въ концѣ концовъ разбаливается до такой степени, что бросаешься въ постель.

При такомъ положеніи, я чрезвычайно обрадовался приглашенію на Тигровую батарею № 9, расположенную въ 6 ротѣ Квантунской крѣпостной артиллеріи, командиромъ которой былъ милѣйшій капитанъ Страшниковъ. Тамъ устраивалось 11 мая маленькое торжество по случаю постановки на батареѣ образа, патрона послѣдней. Путешествіе туда тѣмъ болѣе было пріятно, что со мною вмѣстѣ отправлялись состоявшій при военномъ судѣ чудный человѣкъ священникъ о. Николай Рождественскій, а также мой старый знакомый врачъ Бенедиктовъ. Съ нами отправился также и секретарь С....

Раньше этого мнѣ часто приходилось проѣзжать мимо Тигроваго полуострова, но внутри его я никогда не былъ, почему и съ этой стороны поѣздка сильно меня интересовала. Около 12 часовъ дня 11 мая, переѣхавъ бухту на артиллерійской шлюпкѣ, мы пристали къ пристани расположенныхъ вблизи полуострова землечер-

палокъ, гдѣ насъ ожидала лошадь; поднявшись въ гору не болѣе $^3/_4$ версты, мы подъѣхали къ чудному садику, являвшемуся оазисомъ на Тигровкѣ, среди зелени котораго стоялъ громадный каменный флигель,—квартира симпатичнѣйшаго командира баталіона подполковника С...., стараго артиллериста.

Все это, весь этотъ поэтическій уголокъ до того произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе послѣ душнаго и пыльнаго Артура, что я невольно позавидовалъ обитателямъ его. Онъ тѣмъ болѣе былъ привлекателенъ, что съ одной стороны открывался видъ на западный бассейнъ, городъ и окрестности его, а съ другой—на безбрежное море, плескавшее непрерывно въ берега своими темнозелеными волнами. По пріѣздѣ, всѣ мы были приглашены въ батарею на молебенъ; день былъ чудный—тихій, солнечный и теплый. Взойдя на батарею, я, какъ старшій, поздоровался съ ротой, которая была выстроена на передней линейкѣ; люди смотрѣли молодцами, съ загорѣвшими, мужественными и энергичными лицами. На мой привѣтъ громко раздался отвѣтъ «здравія желаемъ В. Прев.»,—отдавшійся эхомъ въ горахъ. Образъ былъ вдѣланъ въ стѣну блиндажа; предъ нимъ стоялъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью и на немъ въ фаянсовой чашкѣ вода для освященія. Чарующая представилась картина, когда священникъ, одѣвъ ризы, началъ богослуженіе и раздалось церковное пѣніе въ виду грозныхъ пушекъ и растилавшагося впереди моря, на горизонтѣ котораго черными точками и линіями обозначались непріятельскія суда; чувствовалось что-то могучее, сильное и торжественное въ этихъ звукахъ, уносившихся въ высь и какъ бы призывавшихъ Божіе благословеніе на жизнь и здоровье стоявшихъ во-кругъ образа дорогихъ сыновъ Россіи, готовыхъ сейчасъ же ринуться въ бой и отдать свои жизни за далекое, дорогое Отечество. Я не могъ оторвать глазъ отъ этой умилительной, божественной картины, среди грозной боевой обстановки; невольно, при взглядѣ на этихъ полныхъ жизни людей, мозгъ и сердце щемила мысль, что можетъ быть сейчасъ, сію минуту эти молящіеся люди обратятся въ трупы или въ искалѣченныхъ, израненыхъ больныхъ, умоляющихъ своимъ страдальческимъ взглядомъ

спасти имъ жизнь. Давно я молился съ такимъ горячимъ чувствомъ и чистымъ сердцемъ, прося Бога о защитѣ этихъ близкихъ мнѣ по духу людей, оторванныхъ отъ родины, семьи, родныхъ и молящихся о дарованіи имъ побѣды и сохраненіи жизни въ такой дали, на берегахъ Тихаго Океана.

По окончаніи молебна и окропленіи св. водой, мы были приглашены къ столу, который былъ накрытъ на верандѣ. Весело и оживленно прошелъ обѣдъ, во-время котораго совершенно было забыто наше трагически-жалкое положеніе. По окончаніи обѣда, всѣ мы отправились на сосѣднюю Суворовскую батарею, расположенную на берегу западнаго бассейна. Это одна изъ самыхъ высокихъ горъ послѣ Лѣотѣшана, предъ которой Золотая Гора кажется только холмомъ; съ вершины ея открывается видъ не только на морскую даль, бухты—Голубиную, Луизы, 10 кораблей, но на станціи Нангалинъ и Дальній. Долго мы любовались картинами открывавшихся видовъ и невольно взоры обращались въ сторону заходящаго солнца, къ дорогой Россіи, откуда ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ скорой помощи.

Мнѣ до того понравился весь этотъ уголокъ, что предъ отъѣздомъ я выразилъ искреннее желаніе временно поселиться здѣсь; милѣйшій хозяинъ принялъ мое желаніе серьёзно и изъявилъ полнѣйшее согласіе на мой переѣздъ въ его квартиру, въ которой, за выѣздомъ его жены въ Россію, оставались двѣ комнаты свободными; ихъ онъ сейчасъ же показалъ мнѣ. Впослѣдствіи я одну и занялъ, переѣхавъ къ нему 30 іюня.

Уѣхали мы уже поздно вечеромъ подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ; но, возвратившись домой, вновь стало грустно и тоскливо, въ виду надвигавшейся грозы съ суши; японцы подходили къ Кинчжоу въ большихъ силахъ и начали укрѣпляться на склонахъ горъ противъ нашей позиціи. Дивизія генерала Фока, послѣ неоднократныхъ небольшихъ стычекъ, отступила на самую позицію.

Здѣсь я считаю необходимымъ хотя въ общихъ чертахъ познакомить съ послѣдней.

Цзинь-жоу или Кинчжоу (собственно возвышенное плато) за-

нимаетъ самое узкое мѣсто Ляодунскаго или Квантунскаго полуострова, въ разстояніи 60 верстъ отъ Артура. Возвышенность эта омывается съ западной стороны бухтой того же имени, составляющей часть залива Товарищества, а съ восточной—Хунуэзской бухтой, составляющей часть Корейскаго залива. Возвышенность расположена перпендикулярно къ продольной линіи полуострова и ея формой какъ бы сама природа позаботилась о преградѣ доступа на югъ Ляодуна; боковые скаты ея, примыкавшіе къ бухтамъ, пологи и даютъ возможность обхода; желѣзная дорога проходитъ съ восточной стороны. Сѣвернѣе ея находится высокая командующая гора Сампсонъ (2210 ф. надъ уровнемъ моря), на вершинѣ которой пріютился китайскій монастырь. Такъ какъ высота Кинчжоу была укрѣпленной позиціей во время японо-китайской войны, то къ этой же цѣли она была приспособлена и нами. Тактическія выгоды ея заключались въ томъ, что съ Сѣвера она имѣетъ почти обрывистый склонъ, боковыя же, какъ болѣе пологія, обстрѣливались не только съ вершины горы, но и съ моря. Длина этой высоты (ширина полуострова) была отъ 2—3 верстъ; примыкавшіе къ ней заливы хотя и мелководны, но суда не глубокой посадки могли подходить къ берегамъ версты на двѣ. При участіи флота, позиція эта была положительно неприступной и могла быть защищаема даже однимъ полкомъ противъ арміи въ 40—50 тысячъ. Въ разсчетѣ, что нашъ флотъ окажетъ помощь при защитѣ ея, на вершинѣ были поставлены 78 орудій большого калибра.

Разсказывали, что гора Сампсонъ, а также расположенный на ней монастырь не были осмотрѣны нами; почему предполагаютъ, что онъ еще ранѣе былъ японскимъ складомъ и что между его монахами было много переодѣтыхъ японцевъ, а въ складѣ много ранѣе скрытно провезенныхъ орудій и боевыхъ припасовъ. Такое предположеніе явилось на томъ основаніи, что на отрогахъ этой горы, обращенныхъ къ нашей позиціи, японцы очень быстро устроили и батареи, и закрытіе.

Я не пишу исторіи войны, не претендую на званіе знатока военнаго искусства, хотя и убѣжденъ, что въ послѣднемъ играетъ

главную роль только здравый смыслъ, а не примѣненіе шаблонныхъ правилъ; я излагаю только свои впечатлѣнія, изъ которыхъ одни восприняты мною непосредственно, другіе провѣрены опросомъ массы участниковъ событій и подкрѣплены приказами по укрѣпленному раіону; но могу ручаться только въ одномъ, что въ основѣ этихъ событій, а не въ деталяхъ (которыя и не важны) лежитъ глубокая истина. На этомъ же основаніи, въ дальнѣйшемъ изложеніи многочисленнѣйшихъ и самыхъ разнообразныхъ событій войны, я буду придерживаться, во-первыхъ, строго хронологическаго ихъ порядка и, во-вторыхъ, отмѣчать только тѣ изъ нихъ, которыя имѣли значеніе и вліяніе на измѣненіе хода дѣйствій или же обрисовываютъ величіе души нашего мужественнаго гарнизона, такъ мѣтко и справедливо названнаго въ телеграммѣ Государыни Императрицы отъ 1 сентября «страдальцами». Вмѣстѣ съ тѣмъ, я буду отмѣчать и тѣ обстоятельства, которыя подтверждаютъ, что «Артурскихъ твердынь» не было, что онѣ существовали только въ воображеніи лицъ заинтересованныхъ, на что я уже указывалъ раньше, но что Артуръ спасало только мужество, мужество и мужество русскаго солдата, запечатлѣнное массой страданій, крови, жертвъ, энергіи и непосильнаго труда солдата, который подъ конецъ научился у японцевъ же самъ непосредственно воевать съ ними.

Своей изобрѣтательностью, въ соединеніи съ своимъ мужествомъ, онъ даже превзошолъ своихъ учителей и побѣждалъ ихъ мѣтко и сильно, наводя на нихъ панику. Что я говорю это не голословно, буду въ доказательство приводить выдержки изъ приказовъ генерала Стесселя, отмѣчавшаго эти явленія, которыя устанавливаютъ честь солдата, его энергію, его храбрость.

Дивизія генерала Фока, расположенная на сѣверѣ Квантунской Области, первой пришла въ соприкосновеніе съ непріятелемъ какъ я указалъ это выше, и до 13 мая имѣла съ его передовыми частями только незначительныя аріергардныя стычки, какъ напр. 3 и 5 мая. Отступая постепенно на позицію у Кинчжоу, генералъ Фокъ занялъ передовые окопы 5-мъ полкомъ; остальные

же полки его дивизіи были расположены на флангахъ и въ резервѣ; одна изъ ротъ 5-го полка съ охотниками была поставлена въ дер. Кинчжоу, вблизи позиціи, въ глубокой впадинѣ. Противъ 4-й дивизіи было три дивизіи японцевъ съ 120-ю орудіями.

Еще 12 мая первые выстрѣлы раздались со стороны японцевъ, на которые, къ сожалѣнію, послѣдовалъ отвѣтъ со всѣхъ нашихъ батарей, расположенныхъ на позиціи Кинчжоу. Вызвавъ огонь, японцы сразу прекратили свой, опредѣливъ окончательно какъ расположеніе нашихъ батарей, силу ихъ, такъ и произведя самую точную пристрѣлку. Такой образъ дѣйствія нашей артиллеріи многіе ставятъ совершено справедливо въ вину генералу Фоку, такъ опрометчиво поступившему въ данномъ случаѣ.

Бой у Кинчжоу 13 мая носилъ на себѣ характеръ исключительно артиллерійской дуэли.

Въ ночь на это число прошелъ страшный ливень; громъ гремѣлъ безпрерывно и молніи ежесекундно освѣщали весь небосклонъ и стоявшихъ другъ противъ друга противниковъ.

Это, однако, не помѣшало японцамъ въ излюбленное ими «13» число, около 4-хъ часовъ утра, открыть самый губительный огонь по нашимъ батареямъ и окопамъ, на который артиллерія незамедлила отвѣчать также энергично. По разсказамъ очевидцевъ, японцы вскорѣ развили до того адски губительный огонь, что буквально засыпали снарядами наши батареи и окопы; уже къ 11-ти часамъ дня на батареяхъ, какъ говорятъ, не было живого мѣста, а изъ стрѣлковъ, засыпавшихся осколками въ окопахъ, одни начали оставлять ихъ и искать спасенія за ближайшими естественными закрытіями, другіе же, такъ какъ и мѣстность сзади заливалась чугуннымъ дождемъ, молча, вѣрные своему долгу, умирали въ этихъ окопахъ, совершенно лишенныхъ прикрытія; прислуга при орудіяхъ, также безъ прикрытій, смѣнялась ежечасно, становясь на мѣста убитыхъ и раненыхъ и продолжая вести стрѣльбу беззавѣтно и энергично. Рота, застигнутая такимъ губительнымъ огнемъ въ деревнѣ Кинчжоу, выйти оттуда не могла и всѣ были перебиты, а спасшіеся чудомъ—были захвачены въ плѣнъ; но невѣроятно ко-

лоссальнаго развитія артиллерійскій огонь достигъ съ прибытіемъ японскаго *флота*, ставшаго въ Цзинчжоускомъ заливѣ, въ составѣ 4 канонерокъ и 6 миноносцевъ и громившаго анфиладно наши батареи и окопы снарядами большого калибра. Съ этого момента бой принялъ уже характеръ страшнаго урагана, разразившагося огненнымъ дождемъ стали и чугуна, ниспровергавшаго все на своемъ пути. Когда нашъ огонь началъ мало-по-малу ослабѣвать, то японцы, около 11—12 часовъ дня, направили свои колонны на правый флангъ нашей позиціи, со стороны бухты Хунуэза; къ счастью, къ этому времени сюда случайно подоспѣла наша канонерка «Бобръ», подъ командой капитана II ранга Шельтинга, открывшая такой губительный огонь по наступавшимъ колоннамъ, выпустивъ около 300 снарядовъ, что они должны были отступить и укрыться за складками мѣстности. Это отступленіе японцевъ было принято бригаднымъ генераломъ Надѣинымъ за побѣду, о чемъ онъ и телефонировалъ генералу Стесселю въ Артуръ, который, къ удивленію всѣхъ, не поѣхалъ лично руководить боемъ подъ Кинчжоу, а ограничился только чтеніемъ донесеній ему о боѣ въ своей квартирѣ. Телефонограмма эта возбудила громадный энтузіазмъ, было подано сейчасъ же шампанское и распито нѣсколько бутылокъ. Но радость была преждевременна: около 3-хъ часовъ дня «Бобръ», за недостаткомъ снарядовъ, ушелъ въ Артуръ, а командиры канонерокъ «Отважнаго» и «Гремящаго», какъ я упомянулъ выше, отказались выйти на помощь ему; устроивъ же свои колонны, японцы, около 3—4 часовъ пополудни, опасаясь дѣйствія нашей морской артиллеріи на правомъ флангѣ, двинули ихъ на нашъ лѣвый флангъ подъ прикрытіемъ огня своихъ канонерокъ. Боясь попасть на наши мины и фугасы (хотя послѣдніе были уже не опасны, такъ какъ артиллерійскимъ огнемъ оказались провóды поврежденными), они пошли заливомъ по поясъ въ водѣ и такъ какъ это движеніе они совершали уже подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и полевой артиллеріи, замѣнившей собою подбитую крѣпостную,—то одни падали въ воду, другіе вступали на ихъ мѣсто, которые въ свою очередь тоже падали, а на ихъ мѣсто

вступали все новые и новые силы; вода въ бухтѣ сдѣлалась кровавой и на поверхности ея начали появляться холмики изъ труповъ, за которыми, какъ за прикрытіемъ, японцы останавливались для передышки и открывали стрѣльбу по нашимъ. Говорятъ, что по количеству труповъ, убыль ихъ въ этомъ уже мѣстѣ доходила отъ 5 до 6 тысячъ; у насъ же за весь день выбыло изъ строя болѣе тысячи, изъ нихъ раненыхъ 603 чел.

Такъ какъ наступленіе густыми колоннами шло непрерывно, а нашъ артиллерійскій огонь совершенно ослабѣлъ къ 7 часамъ вечера, то послѣдовало приказаніе очистить позицію. Отступленіе прикрывалъ тотъ же многострадальный 5 полкъ, понесшій наибольшія потери. Говорятъ, что отступать пришлось еще засвѣтло и отступавшія войска были видны непріятелю, почему уронъ нашъ былъ еще болѣе, что также ставятъ въ вину генералу Фоку, утверждая, что если бы 5 полкъ былъ имъ поддержанъ хотя бы однимъ полкомъ его дивизіи, то побѣда несомнѣнно была бы на нашей сторонѣ. Отступленіе совершалось перебѣжками во избѣжаніе губительнаго дѣйствія артиллерійскаго огня, впослѣдствіи перешедшее въ бѣгство, благодаря чему произошелъ еще болѣе прискорбный инцидентъ, увеличившій наши потери. Сколько мнѣ не приходилось выслушивать разсказовъ о немъ, всѣ они сводились къ двумъ варіантамъ. Первый. Еще до боя, вблизи бухты Инчензы, сзади позиціи Кинчжоу, былъ поставленъ баталіонъ какого-то полка, съ цѣлью противодѣйствовать высадкѣ непріятеля въ тылу; вечеромъ, при отступленіи нашихъ войскъ, одна изъ отдѣлившихся ротъ, благодаря спѣшному отступленію, была принята баталіономъ за непріятеля, по которой имъ и былъ открытъ огонь; части, двигавшіяся по Мандаринской дорогѣ въ безпорядкѣ, услышавъ гдѣ-то крикъ «японцы» и увидѣвъ въ сторонѣ быстро ѣхавшихъ нашихъ же охотниковъ, приняли ихъ за японскую кавалерію, вслѣдствіе чего произошелъ такой переполохъ, что роды оружій еще болѣе перепутались, у артиллерійскихъ лошадей начали рубить постромки и открылась ружейная пальба; къ счастью, недоразумѣніе вскорѣ выяснилось и отступленіе приняло болѣе спокойный характеръ.

Другой варіантъ.—Наши войска такъ поспѣшно совершали отступленіе, что оно было похоже на бѣгство; людьми просто-таки овладѣла паника и сумасшествіе подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, вслѣдствіе чего по пути отступленія въ одну кучу смѣшались войска, обозы, артиллерія; все это двигалось въ безпорядкѣ какъ по дорогѣ, такъ и по желѣзно-дорожному пути. Въ это время въ темнотѣ раздался крикъ «берегись»; другіе въ испугѣ подхватили «японцы» и принявъ нашу охотничью команду за кавалерію, начали стрѣлять и рубить постромки; оказалось, что на пути подъ уклонъ покатилась вагонетка, которая и произвела переполохъ.

Въ приказѣ генерала Стесселя отъ 14 мая за № 253 это событіе было описано такъ: «1) Вчера (13 мая) въ 10½ часовъ вечера, когда 4 Вост. Сиб. стр. дивизія въ *полномъ порядкѣ отступала* до станціи Нангалинъ нѣсколько человѣкъ ошалѣвшихъ людей выстрѣлили и перепортили до 25 человѣкъ. 2) Сегодня, когда я вернулся домой, послѣ осмотра передовыхъ позицій (?) ко мнѣ пришелъ какой-то служившій на оставленной станціи Кинчжоу плотникъ и началъ разсказывать о какой-то необычайной стрѣльбѣ японской артиллеріи, видъ его былъ окончательно шалый. Такъ какъ, теперь нѣсколько дней подобныхъ людей будетъ достаточно, пока они не придутъ въ порядокъ, то сдѣлать слѣдующее: а) Коменданту сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы по городу были патрули, которые бы отнюдь не пускали ходить по улицамъ праздно. Отошедшимъ людямъ 5 и другихъ полковъ отступившимъ, особенно 5 какъ наиболѣе *пострадавшему и подверішемуся наибольшему впечатлѣнію* (?!.); б) людей прибывшихъ съ обозами 5 и прочихъ полковъ отъ ихъ мѣстъ расположенія отнюдь не отпускать и объявить имъ, что если бы они что-либо болтали и пускали ложные слухи, то я такого прикажу разстрѣлять. 3) Всѣмъ вольнымъ, коимъ выданы сегодня ружья, объявить, чтобы они не смѣли по городу ходить съ ружьями; а завтра 15 мая выстроить ихъ на площади у 2 батареи безъ винтовокъ» *).

Судя по смыслу этого приказа, цѣлью его было предупредить

*) По своей редакціи приказъ очень странный, но характерный.

дурное впечатлѣніе боя и порядка отступленія на другія части войскъ; къ сожалѣнію, цѣль эта не была достигнута, такъ какъ уже утромъ 14 мая весь гарнизонъ былъ освѣдомленъ о случившемся.

Удивительно, что съ нашей стороны на позиціи не было общаго руководителя боемъ, такъ какъ генералъ Стессель все время сидѣлъ въ Артурѣ; генералъ Фокъ, какъ утверждаютъ всѣ, въ началѣ боя уѣхалъ въ свою штабъ-квартиру, находившуюся отъ Кинчжоу въ 6 верстахъ, а генералъ-маіоръ Надѣинъ имѣлъ наблюденіе только за пѣхотой. Почему въ этотъ именно день генералъ Стессель, какъ видно изъ его приказа, ѣздилъ для осмотра передовыхъ позицій и какихъ именно, а не поѣхалъ на позицію при Кинчжоу, гдѣ долженъ былъ руководить боемъ, какъ начальникъ укрѣпленнаго раіона,—для всѣхъ было тайной.

По оставленіи позиціи Кинчжоу нашими войсками, японцы немедленно заняли ее и трофеями ихъ побѣды были 78 орудій и двѣ пушки Кане. Послѣднія были привезены почти наканунѣ боя и одна изъ нихъ была установлена на позиціи, а другую не успѣли поставить, почему при отступленіи она была брошена на станціи и попала также въ руки японцевъ. Въ приказѣ генерала Стесселя отъ 15 мая за № 257 объ этомъ несчастномъ для насъ боѣ такъ было сказано: «Позиціонныя орудія были частью уничтожены непріятельскимъ огнемъ особенно съ флота, частью испорчены нами и оставлены на позиціи, эти орудія за малымъ исключеніемъ все китайскія и разумѣется они и *предназначались, въ случаѣ упорнаго боя, къ оставленію* (?), такъ какъ вывозъ ихъ потребовалъ бы громаднѣйшаго времени и средствъ».

Это утѣшительное слово нисколько не подняло духа войскъ. Каждый участникъ боя зналъ, при какихъ условіяхъ была оставлена позиція; никто и мысли не допускалъ такъ быстро отступить съ Кинчжоу и отступить въ такомъ безпорядкѣ; далѣе, всякому понятно было, что вопросъ заключается *не въ китайскихъ пушкахъ*, а въ обидѣ національнаго самолюбія и чести отряда, бросившаго въ добычу японцамъ хотя бы и негодныя пушки; при этомъ самъ собою являлся вопросъ, зачѣмъ же было вооружать «Кинчжоус-

скія высоты» (тоже одну изъ «Артурскихъ твердынь») такими пушками, которыхъ не жаль бросить. Неужели у насъ не было такихъ же хорошихъ орудій, какими обладали японцы; а если были, то почему позиція не была вооружена ими.

Что такое неожиданное и быстрое отступленіе войскъ съ позиціи Кинчжоу было неожиданностью и для самаго генерала Стесселя, то, кромѣ несвоевременнаго привоза пушекъ Кане, подтверждается распоряженіемъ его относительно эвакуаціи жителей изъ Таліенвана и Дальняго, а также относительно закупки скота. Приказомъ его отъ 25 апрѣля за № 168 градоначальнику г. Дальняго инженеру Сахарову предписывалось объявить мирному населенію «спокойно оставаться на мѣстахъ жить, такъ какъ ему не угрожаетъ никакой опасности отъ непріятеля»; то же было объявлено и въ Таліенванѣ. Приказомъ 13 мая за № 252 предписывалось градоначальнику Сахарову только «потопить всѣ суда», но приказъ этотъ своевременно не дошелъ, такъ какъ былъ отданъ поздно; что же касается оставленія города администраціей и жителями, то такого приказа не было; только поздно вечеромъ того же числа*) была послана телеграмма полиціймейстеру объ очищеніи города, которая была получена имъ въ 11 часовъ ночи, о чемъ тогда же случайно узналъ и инженеръ Сахаровъ. Черезъ часъ администрація и жители города уже отступали. Трудно представить себѣ, въ какомъ порядкѣ, какимъ способомъ и съ какими запасами они двинулись, собравшись такъ неожиданно и въ такое короткое время. По свѣдѣніямъ, въ началѣ они думали двинуться дорогой на Сяобиндао, по берегу моря, но опасность отъ непріятельскаго флота заставила ихъ въ дорогѣ измѣнить маршрутъ, почему они направились черезъ перевалъ напрямикъ. Телѣги въ самомъ незначительномъ количествѣ были добыты только для женщинъ и дѣтей; объ имуществѣ они уже и не думали, такъ какъ каждый спѣшилъ уйти по-добру, по-здорову, спасая жизнь. Когда прошли верстъ 9—10, то весь небосклонъ надъ городомъ Дальнимъ освѣтился; оказалось, что горѣлъ недавно выстроенный вокзалъ, а вслѣдъ затѣмъ начались взрывы;

*) При отступленіи войскъ съ позиціи Кинчжоу.

были-ли потоплены суда, взорваны молъ и докъ, осталось неизвѣстнымъ. Добычей непріятеля, занявшаго городъ 15 мая, стали 200 вагоновъ и около 10 тысячъ тоннъ каменнаго угля, недостатокъ котораго уже тогда чувствовался въ Артурѣ. Къ сожалѣнію, преданное намъ китайское населеніе не было оповѣщено своевременно о выѣздѣ и имущество его сдѣлалось добычей хунхузовъ, немедленно приступившихъ къ грабежу всего города. Это особенно повредило намъ въ глазахъ китайцевъ, которые начали недовѣрчиво относиться къ нашимъ увѣреніямъ.

Слѣдующій случай также подтверждаетъ мою первоначальную мысль: Комендантомъ крѣпости было разрѣшено жандармскому ротмистру Микеладзе допускать переѣздъ изъ Дальняго въ Артуръ жителей, изъявившихъ желаніе; къ 12 мая такихъ было зарегистровано около 60 человѣкъ. Этого числа генералъ Стессель, увидѣвъ на улицѣ одного изъ нихъ и узнавъ, что онъ живетъ въ Артурѣ съ разрѣшенія жандармской полиціи, немедленно вызвалъ М...., разнесъ его и пригрозилъ судомъ, если онъ не будетъ исполнять только его приказаній, какъ старшаго начальника, которому подчиненъ Комендантъ; послѣ этого онъ приказалъ выселить всѣхъ обратно въ Дальній въ 24 часа, что исполнить помѣшало быстрое и неожиданное выступленіе всѣхъ изъ Дальняго въ Артуръ 13 мая.

Что касается пріобрѣтенія скота у китайцевъ путемъ закупки или же реквизиціей, то, въ виду производства въ то время китайцами необходимыхъ полевыхъ работъ, операція эта была отложена до 15 мая. Такъ какъ рогатый скотъ сосредоточивался преимущественно у Нангалина, Кинчжоу и сѣвернѣе, то уже 13 мая онъ весь попалъ въ руки японцевъ вплоть до Нангалина; между тѣмъ, въ концѣ апрѣля чувствовался уже недостатокъ въ мясѣ. Вообще исторія этого вопроса такова: 23 апрѣля, въ виду обнаружившагося затрудненія въ довольствіи мясомъ, предписывалось выдавать его въ день на человѣка $^3/_4$ ф. (пр. № 158), а къ концу мая по $^1/_2$ ф.; 11 іюня, не уменьшая этой порціи, назначено въ недѣлю два постныхъ дня, въ остальные же приказано давать говядину по поламъ съ солониной (пр. № 364); 17 іюня увеличено

число постныхъ дней до трехъ и разрѣшена рыбная ловля (пр. № 376), а 27 іюня введено такое же число постныхъ дней для легко больныхъ и раненыхъ (въ госпиталяхъ), въ виду сбереженія мяса для трудно больныхъ (пр. № 397); 3 іюля было предписано выдавать консервы—1 фунтъ (коробка) на двоихъ (пр. № 415), а 22 августа предписывалось выдавать конину въ такомъ же количествѣ, но употреблять ее въ пищу начали гораздо раньше (пр. № 569); 15 сентября отпускалось уже по $^1/_3$ ф. консервовъ на человѣка или же коробка на троихъ, по разсчету двухъ дней въ недѣлю—по четвергамъ и воскресеньямъ, но могла быть отпускаема конина или солонина (которой уже почти не было) въ томъ же размѣрѣ; въ госпиталяхъ же по $^1/_2$ ф. мяса на человѣка въ тѣ же дни, а въ остальные по $^1/_4$ ф. (пр. № 597). Эта хронологія наглядно показываетъ постепенное и послѣдовательное подготовленіе людей къ наступавшему голоду. Такое плохое питаніе, безъ зелени и свѣжихъ припасовъ, при гигантскомъ трудѣ, имѣло вліяніе на развитіе въ войскахъ дизентеріи, а 6 сентября рекомендуется принятіе самыхъ строгихъ мѣръ противъ безмѣрно развивающейся въ войскахъ куриной слѣпоты (пр. № 623). Замѣчательно, что дизентеріей болѣе всего болѣли офицеры, которые все-таки сравнительно больше получали мяса. Одинъ только Богъ спасалъ насъ отъ холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней.

Быстрое и стремительное движеніе японцевъ къ Кинчжоу (съ 23 апрѣля по 10 мая) и такое же быстрое взятіе этой позиціи—было неожиданностью и для всѣхъ насъ. Углубляясь въ изслѣдованіе причинъ этого, онѣ, по моему мнѣнію, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) неумѣлое руководство дивизіей генераломъ Фокъ, на котораго возлагались большія надежды, но который оказался весьма дѣятельнымъ только на словахъ; на практикѣ же все сводилось къ быстрому и безостановочному отступленію до самаго Артура; 2) недостаточное знакомство его съ мѣстностью, незнаніе свойствъ позиціи Кинчжоу и слабое укрѣпленіе ея (т. е. отсутствіе этихъ укрѣпленій и закрытій даже въ полевомъ смыслѣ), благодаря чему была большая потеря въ людяхъ, даже не участ-

вовавшихъ въ бою 13 мая; 3) *отсутствіе* на позиціи генерала *Стесселя* во время боя, какъ начальника укрѣпленнаго раіона, обязаннаго руководить имъ и давать нужныя и быстрыя указанія тутъ же, на мѣстѣ, а также *и отсутствіе генерала Фока*, который, по свидѣтельству многихъ, показался только въ началѣ боя, а затѣмъ отсутствовалъ до конца его, благодаря чему получился безпорядокъ и при отступленіи съ позиціи; съ другой стороны, не освѣдомленность начальниковъ частей о путяхъ отступленія; 4) неумѣлое руководство артиллерійскимъ огнемъ, за отсутствіемъ общаго старшаго начальника (батареи дѣйствовали каждая самостоятельно; изъ командировъ крѣпостныхъ батарей самый старшій былъ въ чинѣ *штабсъ-капитана*; отсутствіе старшаго опытнаго руководителя парализовало сосредоточеніе огня на тѣхъ непріятельскихъ батареяхъ, которыя наносили намъ наибольшій ущербъ); 5) неумѣлое расположеніе войскъ на позиціи, послѣдствіемъ чего была погибель цѣлой роты, а также излишняя осторожность и экономія въ расходованіи резерва.

Хотя генералъ Стессель и указывалъ въ своемъ приказѣ отъ 15 мая за № 257, что Кинчжоусская позиція сослужила свою службу; что японцы «съ 23 апрѣля до 13 мая шагу не сдѣлали на Квантунѣ; въ эти 20 дней особенно начиная съ 1 мая велись ежедневно стычки и бои, а бой 3 мая былъ значительный (?), затѣмъ два дня серьёзнаго боя (только одинъ день 13 мая) болѣе чѣмъ достаточно для полевой позиціи (но вѣдь Кинчжоу былъ укрѣпленъ и вооруженъ крѣпостными орудіями и считался передовой «Артурской твердыней»), совершенно уязвимой обстрѣлу съ фланговъ такимъ могущественнымъ средствомъ, какъ судовыя орудія»,—но всѣ понимали, что это только утѣшеніе, что даже китайцы защищали эту позицію два дня и для всѣхъ ясно было что японцы захватываютъ въ свои руки иниціативу и на сушѣ.

Съ другой стороны, послѣдствія боя на позиціи у Кинчжоу были для насъ несомнѣнно благодѣтельны: мы начинали понимать японцевъ и учиться у нихъ воевать (хотя это и странно было). До тѣхъ поръ, не смотря на гигантскій шагъ впередъ военной тех-

ники, наши военачальники жили древней формулой—«пуля дура, а штыкъ молодецъ», отдавая предпочтеніе рукопашной схваткѣ; тутъ-же на практикѣ убѣдились, что японцы до этого не доводятъ, а побѣждаютъ. Мы также научились у японцевъ беречь людей и дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ (сила его признавалась и раньше, да рутина заѣла эту силу). Все это отмѣчаетъ и генералъ Стессель въ своемъ приказѣ отъ 7 мая за № 217, еще до боя у Кинчжоу: «Считаю полезнымъ и необходимымъ указать на тѣ особенности дѣйствій непріятеля въ полѣ, которыя *я* (замѣчательна эта ссылка на «я», какъ бы указывающая, что генералъ Стессель былъ участникомъ или же очевидцемъ боя) *и многіе начальники успѣли подмѣтить:* 1) *продвиганіе впередъ* чрезвычайно осторожно; 2) небольшія части постепенно продвигаются и осторожно занимаютъ пункты нашими войсками не занятыя; 3) въ бою артиллерію продвигаютъ на позицію незамѣтно, *ставятъ ее очень укрыто* и всегда *группируютъ большое число орудій,* дабы, задавивъ нашу артиллерію, перенести артиллерійскій огонь на пѣхоту; 5) во время артиллерійскаго боя *держатъ пѣхоту далеко и очень укрыто; въ штыки не идутъ,* а стараются до возможной степени долго стрѣлять». Почему, далѣе рекомендуется,—при вызовѣ батареи на позицію, сниматься незамѣтно, на рукахъ продвигать орудія, группировать больше ихъ, пѣхоту ставить совершенно укрыто и не высовываться на показъ, артиллерійскихъ лошадей также укрывать; но совѣты эти, къ сожалѣнію, вѣроятно не дошли своевременно до боя на позиціи у Кинчжоу, такъ какъ тамъ все было обратно. Кстати замѣчу здѣсь, что эти совѣты— давно извѣстныя истины еще съ франко-германской войны, обсуждались у насъ послѣ русско-турецкой войны, практиковались въ бурскую кампанію и вылились въ точныя опредѣленныя формы только у японцевъ; мы же не хотѣли учиться и практиковать ихъ, да и зачѣмъ; вѣдь, гораздо легче посылать солдатъ въ штыки, чѣмъ *обдумывать* способы, какъ примѣниться наилучше къ самымъ разнообразнымъ условіямъ мѣстности.

Въ приказѣ отъ 15 мая за № 258 генералъ Стессель уже

настойчивѣе рекомендуетъ такія мѣры: «Бои на Кинчжоусской позиціи и впереди ея выяснили, что *артиллерійская прислуга, при неимѣніи прочныхъ закрытій*—блиндажей,—*выбываетъ быстро, и сосредоточенный огонь превосходнаго числа орудій* заставляетъ *скоро молчать батареи меньшаго числа орудій;* также *пѣхота спрятанная въ закрытія не страдаетъ, открытая немедля несетъ страшныя потери и главное отъ сосредоточеннаго огня батарей.* Здѣсь въ крѣпости убывшаго изъ строя трудно вознаградить, а потому необходимо принять всѣ мѣры къ сбереженію личнаго состава. Предписываю начальнику крѣпостного Инженернаго Управленія направить всѣ средства для немедленнаго устройства закрытій для прислуги и вообще для людей. Долженъ указать командиру крѣпостной артиллеріи, что во время сосредоточеннаго огня непріятеля на какую-либо батарею, напр. на нашу 5-ти орудійную батарею непріятель направитъ огонь 25 орудій, то этой батареѣ нечего ему отвѣчать, надо прислугу убрать, а стрѣлять должны батареи, на которыя не направленъ сосредоточенный огонь» (редакція приказа адски непонятная!).

Неправда-ли, мы наивные младенцы въ войнѣ, что намъ только бой на позиціи у Кинчжоу показалъ, что *прислуги артиллеріи безъ закрытій,*—да еще прочныхъ, *быстро выбываетъ;* что *пѣхота, спрятанная въ закрытія, не страдаетъ, а стоящая открыто несетъ страшныя потери* и главное—отъ *сосредоточеннаго огня батарей;* что *сгруппированный огонь большаго числа орудій* заставляетъ молчать *батарею меньшаго числа орудій.* Разверните любой учебникъ тактики 70-хъ годовъ и вы тамъ чуть не на каждой страницѣ встрѣтите эти голыя истины, которыя почему-то теперь только узнаны и точно установлены, какъ самыя новыя и никому еще неизвѣстныя. Вотъ до чего мы дошли! Забыли прочно то, что учили еще 25—30 лѣтъ тому назадъ на военно-училищной скамьѣ.

Въ приказѣ генерала Стесселя отъ 20 мая за № 282 была объявлена слѣдующая записка капитана артиллеріи Гобято, участника и наблюдателя, «какъ заслуживающая уваженія»: «1) у япон-

цевъ очень хорошая артиллерія, ее много и есть орудія большихъ калибровъ (дальнобойныя); 2) японцы на штыковую атаку не ходятъ и ее не выдерживаютъ; 3) въ Кинчжоу *не было блиндажей и прикрытій для прислуги и пѣхоты;* японцы *перебили* артиллерійскимъ огнемъ *всѣхъ защитниковъ, орудія* были *подбиты,* такъ какъ *стояли* на *самомъ гребнѣ и рѣзко выдѣлялись на горизонтѣ.* Японцы сильны орудіями, мы солдатомъ и штыкомъ».

Далѣе рекомендуется способъ обороны: «Орудія должно ставить за склономъ, стрѣляя по угломѣру. Во время непріятельскаго огня, прислугу и пѣхоту необходимо прятать. Для прислуги и пѣхоты должны быть устроены рвы съ крутой внутренней отлогостью. Наблюдаютъ за непріятелемъ во время артиллерійской стрѣльбы только часовые. Китайцевъ надо всѣхъ выселить, такъ какъ они сигнализаціей помогаютъ японцамъ пристрѣливаться. Японцы ведутъ свои работы ночью». Практическія результаты: «3 мая на батареѣ подполковника Романовскаго (4-й бригады) японцы пристрѣлялись чуть не съ перваго выстрѣла и она понесла страшныя потери. 13 мая—та же батарея заняла позицію въ котловинѣ за горой, сзади батареи находилась промоина въ ростъ человѣка. Во время стрѣльбы японцевъ, прислуга пряталась въ промоину; японцы выпустили 1000 снарядовъ и раненъ одинъ, батареей выпущено 728 и у японцевъ страшныя потери».

Я привелъ эти приказы цѣликомъ, чтобы показать, какова была первая «Артурская твердыня», каково было ея вооруженіе и закрытія, каковы были руководители и исполнители. Для меня остается загадкой одно только, почему японцы имѣли *очень хорошую артиллерію, много и большихъ калибровъ,* а у насъ для вооруженія Кинчжоу нашлись только «*китайскія пушки*», которыхъ не жаль было и отдать японцамъ. Не вытекало-ли это изъ любви къ тому же штыку и штыковой схваткѣ?!.

Считаю необходимымъ, и съ своей стороны, со словъ очевидцевъ, указать на нѣкоторыя особенности японской арміи: японцы очень быстро устраиваются на занятомъ мѣстѣ и немедленно окапываются; это сбереженіе людей чрезвычайно характерно. Быстрой

постановкѣ орудій на батареяхъ способствовали электрическіе моторы, которыми они поднимали ихъ по крутостямъ. Дѣйствія ихъ на сушѣ всегда сочетались съ помощью флота и послѣдній исполнялъ приказанія начальника сухопутной арміи. Совершенно обратно было у насъ, гдѣ возникала даже обида, если сухопутный начальникъ обратится къ начальнику эскадры даже за самой незначительной помощью. При сухопутной арміи имѣются женщины, которыя во время боя подаютъ снаряды и патроны, помогаютъ раненымъ и вообще исполняютъ хозяйственныя работы; съ плѣнными японцы обращаются очень гуманно. Одинъ изъ стрѣлковъ, захваченныхъ подъ Кинчжоу, на другой день возвратился въ Артуръ, разсказавъ, что японцы, по занятіи позиціи, сразу напились водки и залегли спать, оставивъ его одного, почему онъ и ушелъ. Каждый японецъ имѣетъ при себѣ свою водку, которую и выпиваетъ послѣ боя, иные же идутъ въ бой сильно выпивши. Японскіе солдаты одѣты очень чисто, опрятно, имѣютъ прекрасное бѣлье и обувь, не обременены военнымъ снаряженіемъ и идутъ въ бой легко; производя атаку, идутъ цѣлыми колоннами, разсыпаясь только при самомъ сильномъ орудійномъ огнѣ; въ большинствѣ же случаевъ идутъ впередъ смѣло, смѣняя погибающихъ товарищей».

Послѣ боя 13 мая,—4-й дивизіи приказано было занять позиціи впереди Волчьихъ горъ, именно деревни—Суанцайгоу, Чанлидза, Луйдзятунъ, Талин-гоу, Вандзя-дендзы, гору Юпилазу и черезъ деревню Хундзя-тунъ до Лун-ван-тана.

14 мая былъ Духовъ день и день Коронованія Ихъ Величествъ. Въ этотъ же день были нами, артурцами, получены самыя печальныя извѣстія о боѣ на Кинчжоусской позиціи и это второе несчастье, также какъ и полученное 23 апрѣля извѣстіе, совпало съ Царскимъ днемъ. Вспомнились родныя мѣста и то великое, радостное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго такъ весело проводились эти дни въ Россіи. Каждымъ невольно овладѣла дума, что-то дѣлается на родинѣ и какъ проводятся эти дни,—дни св. Духа и Троицы. Послѣ обѣдни я навѣстилъ раненыхъ; всѣ они были въ очень угнетенномъ состояніи и слабо очерчивали обстоятельства боя,

плохо припоминая детали его; видно было, что этотъ бой произвелъ на нихъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе.

Появившіеся слухи о скорой подачѣ помощи генераломъ Куропаткинымъ немного подняли настроеніе гарнизона. Вскорѣ однако разнесся новый слухъ, очень неутѣшительный, что генералъ Куропаткинъ разбитъ. Слухъ этотъ дѣйствительно оправдался, но оказался только разбитымъ генералъ Штакельбергъ. Все это скверно дѣйствовало на духъ гарнизона.

Праздники прошли незамѣтно и грустно; всякій сознавалъ, что наступала серьёзная минута, что мы должны полагаться только на наши силы и что съ укрѣпленіемъ японцами Кинчжоу, безъ участія нашего флота, пробиться генералу Куропаткину къ намъ для подачи помощи—невозможно. Удрученное состояніе еще болѣе усилилось разнесшимся слухомъ 17 мая, что нашъ флотъ думаетъ убѣжать изъ Артура во Владивостокъ; при этомъ уже окончательно терялась надежда на какую-бы то ни было помощь флота, починки котораго каждый изъ насъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такой глубокой надеждой на болѣе отрадное будущее. По поводу этого слуха, между сухопутной арміей и флотомъ установились еще болѣе натянутыя отношенія, принявшія угрожающій характеръ, такъ какъ начались взаимныя оскорбленія не только между офицерами, но стрѣлками и матросами. Однажды я невольно былъ свидѣтелемъ на улицѣ такой сцены: унтеръ-офицеръ разносилъ матроса за неотданіе ему чести; не видя меня, онъ вошелъ въ азартъ и до моего слуха донеслась такая фраза: «Вы, моряки, не только пр..... вашъ флотъ, но даже воинской дисциплины незнаете!»

19 мая, подъ вліяніемъ страшно тоскливаго чувства, я отправился съ С.... на передовыя позиціи въ отрядъ генерала Фока. Послѣдняго я засталъ за обѣдомъ. Разсказывая вскользь о боѣ на Кинчжоу, генералъ высказалъ большое сожалѣніе, что ему не позволили вмѣсто Кинчжоу занять Тафашинскія высоты, на которыхъ онъ держался бы долго. Я повѣрилъ ему, но это было въ послѣдній разъ, такъ какъ онъ, обѣщавъ офицерамъ и солдатамъ на занятой послѣ Кинчжоу позиціи держаться и дальше ни на

шагъ не пускать японцевъ,—легко и быстро отступилъ къ Артуру. Удостовѣрившись впослѣдствіи, что генералъ Фокъ дѣйствительно позицій не осматривалъ, не укрѣплялъ ихъ и во время боя всегда отсутствовалъ, я окончательно въ немъ разочаровался. Еще болѣе привелъ меня въ озлобленіе его приказъ отъ 28 апрѣля за № 52, фигурировавшій на судѣ по поводу оставленія горы Куинсанъ, который и привожу цѣликомъ, съ цѣлью познакомить спеціалистовъ военнаго искусства и русскую публику съ теоріей генерала, считавшагося однимъ изъ «выдающихся» въ составѣ Артурскаго гарнизона.

«Приказъ по 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи № 52 28 апрѣля 1904 г. ст. Нангалинъ.»

«Вчера на ученьи противъ предположеннаго противника на мѣстности къ ю.-з. отъ д. Синшилипу я присутствовалъ при развертываніи правой колонны. Головной баталіонъ продолжалъ итти въ походномъ порядкѣ и двигался совершенно открыто, не смотря на то, что былъ всего въ трехъ верстахъ отъ высотъ, на которыхъ предполагался противникъ. На мой вопросъ, почему баталіонъ не перешелъ въ боевой порядокъ, когда даже по наставленію долженъ быть сдѣланъ это въ 4—6 верстахъ, мнѣ было отвѣчено, что не получилъ приказанія.—Упаси насъ Боже отъ такихъ начальниковъ, которые ждутъ въ бою приказаній. Въ бою таковыхъ никто не отдаетъ.... это надо каждому зарубить себѣ на носу. Это предусмотрѣно, почему и издано наставленіе для дѣйствія отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія, гдѣ указано, какъ дѣйствовать безъ приказанія начальника. Въ бою дорога каждая минута, пропущенная минута окупается жертвами.

Разъ голова колонны подошла на 4—6 вер. къ пункту, который предполагается занять, ей нѣтъ дѣла до того, обнаруженъ или не обнаруженъ на немъ противникъ; она должна, не задерживаясь ни на минуту, выстраивать боевой порядокъ (о чемъ донести начальнику колонны) и безостановочно продолжать наступленіе, стараясь продвинуться безнаказанно возможно больше впередъ. Ждать здѣсь некогда,—артиллерія противника внезапно откроетъ огонь,

который можетъ заставить разбѣжаться головную часть, чего надо особенно опасаться. Ротный, баталіонный командиры должны однимъ взглядомъ охватить оба фланга противника, опредѣлить середину и на нее наступать. По мѣрѣ наступленія непріятельская позиція развертывается; ротный командиръ непрерывно слѣдитъ за ея флангами и продолжаетъ направлять роту на центръ.

Рота первоначально разсыпаетъ не болѣе двухъ взводовъ; тоже самое дѣлаетъ и баталіонъ и весь боевой порядокъ. Ожидать какихъ либо особыхъ приказаній не стать и думать. Останавливаться можно лишь въ исключительныхъ случаяхъ для полезнаго дѣйствія огнемъ.

Если остановка произошла по приказанію старшаго начальника, то по минованіи необходимости въ ней продолжать наступленіе, отнюдь не ожидая на то особаго приказанія: начальникъ можетъ быть убитъ.

Пройдя на 1400—1000 шаговъ, рота останавливается и даетъ о томъ знать, что-бы начальникъ отряда имѣлъ возможность поднять резервъ.

Командиръ роты, высылаемой въ боевую часть, долженъ вести, если не получитъ особыхъ указаній, туда, куда признаетъ болѣе нужнымъ, а не придерживаться нумераціи, какъ это случилось вчера, когда 10 рота хотѣла разсыпаться непремѣнно лѣвѣе 9-й.

Прошу ротныхъ и баталіонныхъ командировъ при первомъ выстрѣлѣ *поднять голову, открыть глаза и заткнуть уши*. Повѣрьте мнѣ, что *уши въ бою почти безполезны, глаза—все*. Къ сожалѣнію, у насъ думаютъ иначе. Самый почтенный, даже 22-хъ лѣтней службы, капитанъ при первомъ маневренномъ движеніи начинаетъ *играть ушами, какъ заяцъ*, что-бы услышать что либо отъ начальства. *Но оно нѣмо, ибо само занято тѣмъ-же*.

Вчера 11 и 12 роты шли съ батареей и, когда послѣдняя выѣхала на позицію, расположились уступомъ за лѣвымъ ея флангомъ въ оврагѣ, вытянувшись вдоль него. Цѣпи были далеко, и командиры ротъ потеряли ихъ изъ виду. Когда подтянулся общій

резервъ, эти роты продолжали наступленіе, причемъ пошли не по направленію къ противнику, а на противоположный берегъ оврага, какъ стояли, и неминуемо наткнулись бы на сосѣднюю колонну. Я послалъ офицера указать направленіе, о которомъ ротные командиры сами не поинтересовались.

Ротные командиры скажутъ, что имъ никто не указалъ куда итти, хотя самъ начальникъ дивизіи все время тутъ ругался. Это только подтверждаетъ, что надо разсчитывать не на начальство, а на собственныя глаза. Въ данномъ случаѣ, стоишь—подойди къ ней и погляди, куда она направлена, и пусть она послужитъ тебѣ компасомъ. Сейчасъ же укажи тотъ предметъ всѣмъ, до послѣдняго рядового и тогда прячь роту, куда хочешь,—рота и безъ тебя выйдетъ. Я замѣчалъ что ненадежный ротный командиръ ничего солдатамъ не сообщаетъ, потому-что и самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что намѣренъ дѣлать.

Во время боя не увлекаться пустяками, держать свою линію, выбравъ для направленія отдаленную гору. Вчера мы видѣли, что не только роты, но и баталіоны вздваивались.

Командиры ротъ, баталіоновъ и полковыхъ резервовъ, не назначенныхъ для лобовой атаки, ищутъ фланговъ и сами тянутся къ одному изъ нихъ съ тѣмъ, что-бы атаковать противника одновременно съ фронта и съ фланга. Рота, охватывающая флангъ, не должна бояться оторваться даже на 1000 шаговъ.

При нынѣшнемъ орудіи въ европейскихъ арміяхъ рекомендуются выставлять сильныя батареи противъ фронта, пѣхота же распредѣляется такъ, чтобы на фронтѣ было до одной трети ея: остальныя $^2/_3$ атакуютъ флангъ.

Кто-то весьма удачно назвалъ сраженія новѣйшаго времени «сраженіями капитановъ». Современный бой ведется исключительно ротными и самое большее баталіонными командирами. Въ ихъ рукахъ ключъ побѣды. Наша роль, роль старшихъ начальниковъ, въ смыслѣ ближайшаго руководительства самая ограниченная. Мы проявляемъ нашу волю лишь въ диспозиціи для боя и регулируемъ ходъ его распредѣленіемъ силъ резерва по боевой линіи. Только

въ рѣшительныя моменты имѣемъ мы право явиться среди нашихъ войскъ, *не для распоряженій, а просто для того, что бы показать, какъ надо умирать по присягѣ.*

Нигдѣ, можетъ быть не оправдывается такъ, какъ въ бою, пословица «что посѣешь, то и пожнешь».

Мы думаемъ, что *побѣда—отъ нашихъ великихъ думъ*; но мы забываемъ,—что *великую думу могутъ выполнить только великія души.* Но за послѣдніе 25 лѣтъ исполнителей нашихъ думъ мы держали *въ черномъ тѣлѣ....* что бы они *не зазнались.?* Въ мое время я учился тогдашнему строю въ полѣ на палкахъ, по тактикѣ, тогда еще вольной, безъ шаговъ, на, тогда еще вольныхъ тактическихъ занятіяхъ и обижался, когда кому нибудь изъ моихъ товарищей давали корпусъ, а мнѣ дивизію. Тогда среди молодежи свято хранился завѣтъ Суворова: «плохой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ».

Этотъ завѣтъ и я хранилъ долго, до маіорскаго чина, перескочить котораго не могъ, и тогда убѣдился, что *настали другіе времена, что въ строю нѣтъ спасенія. Новое время, новыя птицы, новыя птицы,—новыя пѣсни.* Я былъ свидѣтелемъ, какъ младшій, уже послужившій офицеръ, представляя свою задачу присланному для повѣрки этого рода занятій штабъ-офицеру, говорилъ: «Я и до ротнаго командира когда еще дослужусь, а мнѣ даютъ баталіонъ». Совершенно съ Вами согласенъ, но что дѣлать—это требованіе начальника дивизіи. И офицеръ видимо остался доволенъ, что его хамская приниженность нашла цѣнителя. Это конечно не офицеръ, а ундеракъ въ офицерскомъ мундирѣ. Съ такими офицерами Измаила не возьмешь.

Господа! этотъ офицеръ далеко не образчикъ нашего корпуса офицеровъ,—*это ласточка отдаленнаго будущаго, при условіи, что этой тактической мрази дадутъ окутывать нашу армію еще лѣтъ пять—десять, а можетъ и сто.* Не говоря о нашихъ чудныхъ поручикахъ, среди насъ находятся извѣстные намъ капитаны, предъ мужествомъ и характеромъ которыхъ мы преклоняемся. Мразь не окутала ихъ души. И этого надо было ожидать. Мы русскіе,

какъ говорилъ Суворовъ, мы славяне, какъ говорилъ Святославъ! и я вѣрю, что слово «русскій» не пустой звукъ. Духъ Новгородскихъ ушкуйниковъ и ихъ потомковъ, славныхъ вольныхъ казаковъ, не угасъ въ васъ. Казакъ не ждетъ приказанія его ждетъ только холопъ; Суворовъ, самъ великій Суворовъ, каждому слову котораго нѣтъ цѣны, не только не считалъ обязательнымъ при всякой обстановкѣ исполнять его приказанія, но даже требовалъ, чтобы ихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ не исполняли, но добавляя: «*подъ отвѣтомъ*». А царица богатырей, Матушка Екатерина, сказала: «побѣдителя не судятъ», т. е. *удалось—спасибо, а не удалось—подставляй лобъ подъ пулю.*

Вотъ этимъ *высокимъ правомъ* долженъ гордиться русскій офицеръ и *беречь его какъ зеницу ока.*

Можетъ-ли послѣ этого офицеръ бездѣйствовать, ссылаясь на не полученіе приказанія, когда ему предоставлено право даже не исполнять таковаго, право, котораго лишенъ нижній чинъ. *Въ бою пуля и граната—лучшія директивы.*»

Что должно было произойти въ головѣ несчастнаго капитана, по прочтеніи этого приказа предъ боемъ.? Какія мысли и чувства онъ долженъ былъ породить? Этотъ приказъ открываетъ теперь мнѣ секретъ нашихъ бѣдствій, пораженій, невѣрныхъ плановъ и ошибокъ въ японскую кампанію, такъ какъ высшіе начальники дѣйствительно были «нѣмы» и закрывали не только *уши*, но *и глаза на дѣйствія нашихъ войскъ, разбѣгаясь по укромнымъ уголкамъ и блиндажамъ.* Правъ-ли былъ Фокъ, отдавая такой приказъ и выражая въ немъ такія мысли? Надѣюсь услышать авторитетную оцѣнку спеціалистовъ по этому дѣлу.

Въ мой пріѣздъ на позиціи, видъ и расположеніе войскъ въ дивизіи генерала Фока производили самое безотрадное впечатлѣніе: они хотя и стояли бивакомъ, но какъ-то безпорядочно были разбросаны (въ особенности при штабѣ дивизіи); офицеры и солдаты угрюмы и угнетены, а послѣдніе кромѣ того и оборваны. Я невольно сравнивалъ ихъ положеніе съ чистенькими въ шелковыхъ костюмахъ японцами, о которыхъ передъ поѣздкой получилъ свѣдѣнія отъ очевидцевъ.

Изъ штаба дивизіи я отправился на 19 версту въ штабъ-квартиру командира бригады той же дивизіи генерала Надѣина, съ которымъ я не былъ еще знакомъ. Онъ занималъ комнатку въ желѣзнодорожномъ зданіи на разъѣздѣ и съ перваго же взгляда произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Это—пожилой герой Шипки, георгіевскій кавалеръ, высокаго роста, смуглый, съ сѣдой бородой, лѣтъ 60. Начальство его обвиняло въ томъ, что онъ телефонировалъ генералу Стесселю въ Артуръ о побѣдѣ подъ Кинчжоу; такъ какъ это не оправдалось и Кинчжоу въ тотъ же день былъ сданъ японцамъ, то ему ставили въ вину какъ поспѣшность донесенія, такъ и подачу имъ телефонограммы не по командѣ.

Онъ повторилъ мнѣ тѣ же печальныя свѣдѣнія о позиціи Кинчжоу, которыя изложены мною выше, добавивъ, что въ настоящее время между имъ и впереди его въ 6 верстахъ расположенными передовыми постами разломаны рельсы; кто приказалъ испортить дорогу, онъ не знаетъ, но это страшно затрудняетъ эвакуацію на носилкахъ съ передовой линіи раненыхъ и доставку туда пищи. Впослѣдствіи начальникъ этого разъѣзда объяснилъ мнѣ, что испортили дорогу наши отступавшія части и хотѣли даже взорвать віадукъ, строить который нужно около двухъ лѣтъ, но покушеніе было неудачно и віадукъ цѣлъ.

Испорченное мѣсто находилось въ разстояніи не болѣе 200 шаговъ отъ разъѣзда и такъ какъ поѣздъ дальше не шелъ, то я и возвратился обратно, не побывавъ на передовыхъ постахъ; возвратился домой подъ очень печальнымъ настроеніемъ.

Слухи объ уходѣ эскадры изъ Артура начали подтверждаться. При участіи сухопутныхъ начальниковъ, по этому поводу даже состоялся совѣтъ, на которомъ голоса раздѣлились и одни стояли за дѣйствія эскадры подъ Артуромъ и въ помощь гарнизону его, другіе за уходъ и соединеніе ея съ Владивостокской эскадрой. Будучи однажды у генерала Смирнова и разговорившись на тему объ этомъ, я узналъ, что онъ стоялъ за уходъ эскадры, и такъ какъ изъ сухопутныхъ начальниковъ онъ одинъ отстаивалъ это мнѣніе, то ему необходимо было изложить его особо на бумагѣ. Съ своимъ

особымъ мнѣніемъ онъ и предложилъ ознакомить меня, на что я изъявилъ ему благодарность за довѣріе и любезность. Въ этомъ мнѣніи проводилась одна главная мысль, что только усиливъ себя эскадрой Владивостока и принявъ на нее командующаго эскадрой адмирала Скрыдлова, тихо-океанская эскадра явится дѣйствительно компактной силой; только при этомъ условіи отвлечетъ японскій флотъ отъ Артура, ослабитъ сухопутную армію непріятеля и будетъ для нее сильной угрозой. На вопросъ его о моемъ мнѣніи, я энергично возсталъ противъ его доводовъ и стоялъ за дѣйствія эскадры у Артура, доказывая ему, во-первыхъ, что флотъ нашъ подъ руководствомъ слабаго Витгефта пробиться не можетъ и будетъ разбитъ; во-вторыхъ, представляя же теперь изъ себя довольно внушительную силу, онъ своими частыми и остроумными набѣгами на японскій флотъ можетъ бить его по частямъ, постепенно ослабляя его, а главное,—мѣшая операціямъ его по доставкѣ войскъ, припасовъ и военнаго снаряженія въ Дальній, такъ *удачно* устроенный нами для японцевъ; въ третьихъ, дѣйствуя такъ, онъ несомнѣнно задержитъ до подачи помощи взятіе Артура, который необходимо *отстоять во чтобы то ни стало,* такъ какъ паденіе его отзовется страшно неблагопріятно: 1) на нашихъ финансахъ (одна потеря на паденіи нашихъ бумагъ чего будетъ стоить?), 2) на потерѣ затраченныхъ громадныхъ денегъ по устройству Артура, Дальняго и желѣзнодорожныхъ сооруженій; 3) можетъ пагубно отразиться на операціяхъ Манчжурской арміи присоединеніемъ арміи Ноги къ войскамъ Оайямы, а чрезъ это повлечь за собою окончаніе кампаніи, чѣмъ будетъ нанесенъ нашему престижу на Востокѣ и національному самолюбію такой глубокій ударъ, который трудно даже оцѣнить на милліарды.

Не знаю, насколько были убѣдительны мои доводы, но особое мнѣніе генерала Смирнова было подано и такъ какъ оно исходило отъ лица, которому ввѣрена была цѣлость и честь крѣпости, то вѣроятно имѣло большое значеніе.

Послѣ этого разговора я еще болѣе началъ нервничать. Мнѣ не только казалось, но я почти былъ убѣжденъ, что флотъ,

спасая свою честь, хочетъ уйти безвозвратно, оставивъ Артуръ на произволъ судьбы. Многіе раздѣляли это мнѣніе и видимо еще болѣе озлоблялись противъ моряковъ.

Тревога усилилась еще болѣе тѣмъ, что къ этому не замедлили присоединиться слухи о сигнальщикахъ и шпіонахъ какъ окружающихъ насъ, такъ и живущихъ среди насъ же, въ Артурѣ, въ лицѣ китайцевъ и переодѣтыхъ японцевъ. Это констатировалъ и генералъ Стессель, отдавъ въ приказѣ 13 мая № 252 о слѣдующемъ: «Въ виду того, что войска генерала Фока должны будутъ отойти отъ Цзинчжоу, надо объявить всѣмъ войскамъ на батареяхъ, фортахъ, а также всѣмъ карауламъ и постамъ, чтобы были теперь особенно бдительными, такъ какъ партіи японцевъ и хунхузовъ могутъ одиночно проникнуть въ крѣпость и взорвать склады и сжечь запасы. Коменданту завтра же запереть всѣ ворота Центральной ограды и поставить караулы къ каждымъ по 10 человѣкъ съ унт.-офиц.; на день ворота отворять, но часовой осматриваетъ всѣхъ. На ночь запирать и впускать только удостовѣрясь, что это русскій, а то не пускать».

Правда, китайцы начали двоиться въ своей дальнѣйшей дѣятельности, а иные и прямо оказывать услуги японцамъ, являясь въ роли сигнальщиковъ, проводниковъ, поставщиковъ припасовъ, что дѣлали иные изъ-за денегъ, другіе изъ боязни предъ очевидной силой японцевъ въ сравненіи съ нами.

Вопросъ о сигнализаціи очень интересовалъ меня: одни утверждали ея существованіе, другіе отрицали. Сигнализація состояла въ томъ, что китайцы въ началѣ японскому флоту, а потомъ и арміи указывали мѣста нахожденія нашихъ войскъ, позицій, батарей, судовъ, а также корректировали направленіе и паденіе ихъ снарядовъ, которые удивительно правильно ложились въ наши батареи, войска, а потомъ суда. Средствомъ для этого служили движенія днемъ руками или флагами, а ночью цвѣтными фонарями; при этомъ, взбираясь на высокія горы, они устанавливали на нихъ цѣлую послѣдовательную цѣпь сигналистовъ передатчиковъ. Лично мнѣ по одному военно-судному дѣлу пришлось убѣдиться,

что такая сигнализація дѣйствительно существуетъ и одинъ такой сигнальщикъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Впослѣдствіи генералъ Стессель отдалъ приказаніе войскамъ по такимъ сигнальщикамъ, застигнутымъ на мѣстѣ преступленія, прямо стрѣлять. Я знаю два такихъ случая, когда приказаніе это было приведено въ исполненіе и находилъ его правильнымъ, такъ какъ въ такую минуту необходимы были репрессивныя мѣры, производившія немедленно впечатлѣніе.

Но насъ видимо судьба преслѣдовала: ко всему этому прибавилась недостача денегъ, а между тѣмъ дороговизна росла. Какъ это случилось, трудно объяснить; думаю, что изъ боязни захвата Артура, лишнія суммы золотомъ и кредитками были отправлены въ болѣе надежное мѣсто—Харбинъ или Владивостокъ. Уже 3 мая въ приказѣ за № 217 было объявлено, что такъ какъ «въ русско-китайскомъ банкѣ и казначействѣ денегъ не имѣется, то, подъ предсѣдательствомъ Коменданта Крѣпости, назначается комиссія для выработки формы квитанцій»; въ приказѣ же 10 мая за № 236 указывались главныя основанія ихъ обращенія: обязательная уплата китайцамъ за все деньгами, уплата же въ европейскіе магазины квитанціями; квитанціи не могутъ быть передаваемы китайцамъ даже съ ихъ согласія. Гг. офицерамъ небольшая часть содержанія будетъ выдаваться деньгами, а остальное квитанціями; въ приказѣ 17 мая № 264 была объявлена и выработанная форма этихъ квитанцій. Послѣднія однако, не пошли въ ходъ и ихъ никто не хотѣлъ принимать въ уплату; въ обращеніи я ихъ не видѣлъ и себѣ не требовалъ, такъ какъ еще въ мартѣ русско-китайскій банкъ принималъ отъ меня лишнія деньги на текущій счетъ и удовлетворялъ меня всегда по чековой книжкѣ. Въ силу этого, 30 мая за № 326 предписывалось агенту Департамента Государственнаго Казначейства, крѣпостному интенданту и начальнику крѣпостного инженернаго управленія немедленно сличить всѣ остатки по имѣющимся у нихъ кредитамъ и тѣ изъ нихъ, по которымъ предстоятъ наличныя выдачи, тотчасъ же перевести на полевое казначейство 3-го корпуса, въ распоряженіе корпуснаго интенданта;

вмѣстѣ съ тѣмъ, частямъ войскъ раіона и учрежденіямъ всѣ требованія, по коимъ необходимъ отпускъ наличными деньгами, представлять въ корпусное интендантство, для доклада начальнику укрѣпленнаго раіона; приказомъ же 11 іюня № 379 былъ установленъ практиковавшійся мною способъ:.... «5) выдавать наличными гг. офицерамъ только полевыя порціонныя и фуражныя; на всѣ прочія виды довольствія требованія должны направляться къ крѣпостному интенданту, по ассигновкамъ котораго, выдаваемымъ на русско-китайскій банкъ, этимъ послѣднимъ будетъ открываться частямъ войскъ и лицамъ текущій счетъ, а затѣмъ отпускъ денегъ будетъ производиться по чекамъ, по мѣрѣ возможности, въ зависимости отъ состоянія кассы русско-китайскаго банка въ данный моментъ».

Вслѣдствіе отсутствія подвоза припасовъ, цѣны росли непомѣрно: курица, напр., стоила—2 р. 50 к. и—3 р. и дошла до 12 р., десятокъ яицъ 7—9 рублей; хлѣба въ пекарняхъ нельзя было достать, такъ какъ за бѣгствомъ рабочихъ онѣ оказались закрытыми, почему была образована казенная хлѣбопекарня.

Третье обстоятельство, прямо-таки доводившее до отчаянія, было отсутствіе организаціи въ посылкѣ писемъ и въ привозѣ ихъ. Приходилось обращаться къ тѣмъ же китайцамъ, которые брали за пересылку письма 5 р., а телеграммы 10—15 р.; причемъ, квитанціи въ подачѣ корреспонденціи обыкновенно не привозились, а потому томила неизвѣстность, пошло ли письмо или же взяты только деньги.

Вся надежда возлагалась на скорую починку флота и выходъ ея въ море, съ чѣмъ связывался вопросъ о подвозѣ припасовъ, корреспонденціи и денегъ. Но въ этомъ отношеніи окончательно испытывалось наше терпѣніе. Хотя починка и была окончена къ 1-му іюня, но флотъ медлилъ и не двигался съ мѣста: то оказывалось необходимымъ починить еще кое-какія миноноски, то погрузиться углемъ, поставить орудія, то покраситься, то нельзя выйти потому, что рейдъ забросанъ минами,—словомъ все дѣлалось до того мучительно медленно, что невольно вызвало новый упрекъ

флоту; болѣе нервные подозрѣвали даже измѣну, объясняя нежеланіе выйти въ море—умышленнымъ отказомъ въ помощи арміи; объяснялось же это просто отсутствіемъ достойнаго и опытнаго руководителя.

Помню, съ какимъ нетерпѣніемъ вечеромъ каждаго дня я и другіе спѣшили узнать въ порту, скоро-ли выйдетъ эскадра, причемъ всегда получали одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ—«Эскадра выйдетъ, но когда,—неизвѣстно; она выйдетъ неожиданно, чтобы застать врага врасплохъ».

Трудно описать ту радость, тотъ восторгъ, когда я, лежа еще въ постели, узналъ утромъ 10 іюня, что эскадра выходитъ, что она уже на рейдѣ. Это извѣстіе принесъ мнѣ мой вѣстовой, влетѣвъ въ комнату какъ сумасшедшій и съ такимъ сіяющимъ лицомъ, какъ будто бы онъ собирался сообщить мнѣ по меньшей мѣрѣ о нашемъ освобожденіи.

Узнавъ о выходѣ эскадры, я какъ будто помолодѣлъ, возродился душею. Горя нетерпѣніемъ лично убѣдиться въ этомъ радостномъ событіи, я прямо съ постели бросился къ окну и съ удовольствіемъ убѣдился, что въ бухтѣ нѣтъ уже броненосцевъ. Проглотивъ стаканъ чаю, я съ нервнымъ нетерпѣніемъ поспѣшилъ на Золотую Гору; лицо у вѣстового продолжало сіять, какъ будто бы онъ велъ эскадру или былъ виновникомъ выхода ея въ море.

Было уже 10 часовъ утра, когда я добрался до склона горы, обращеннаго къ морю; на рейдѣ стояли броненосцы и крейсера, за исключеніемъ «Паллады», которая остановилась у входа и начала двигаться взадъ и впередъ. Остановка ея меня страшно волновала, такъ какъ на горизонтѣ замѣтно суетились непріятельскіе миноносцы, а потомъ куда-то скрылись; наконецъ, вышла «Паллада» и также стала на якорь. Всѣхъ насъ удивило, что эскадра не двигается, стоитъ на якорѣ и даетъ время собраться непріятельской эскадрѣ. Оказалось, что катера тралятъ мины, которыя будто бы были набросаны ночью непріятелемъ. Невольно напрашивался вопросъ,—почему этого не было сдѣлано раньше; а если эскадра рѣшила выйти утромъ, то отчего не были приняты мѣры къ охранѣ рейда,

чтобы предупредить это. Вдругъ неожиданно послѣдовалъ взрывъ мины около борта «Цесаревича», однако не причинившій ему вреда. Только около 3 часовъ дня эскадра двинулась во главѣ съ броненосцемъ «Цесаревичъ» (флагманское) на NO; каждый изъ насъ напутствовалъ ее благословеніемъ и добрыми пожеланіями полнаго успѣха.

Всѣ мы разошлись по домамъ съ радостной надеждой получить въ скоромъ времени благопріятныя извѣстія. Каково же было наше удивленіе, наше горе, когда на другой день вечеромъ услышали выстрѣлы въ морѣ, а около 9 часовъ узнали, что эскадра возвращается, атакованная непріятельской эскадрой и миноносцами. Отчаянію не было границъ! Какъ и предполагали, адмиралъ Витгефтъ, благодаря своей медленности и продолжительной стоянкѣ на рейдѣ, встрѣтилъ въ морѣ японскую эскадру, извѣщенную по безпроволочному телеграфу. По разсказамъ моряковъ, она состояла изъ пяти броненосцевъ, двѣнадцати крейсеровъ и около пятидесяти миноносцевъ, у насъ же было шесть броненосцевъ, пять крейсеровъ и 19 миноносцевъ; по разсчету выходило, что японская эскадра имѣла на 120—130 орудій болѣе, нежели наша, почему, не вступая въ бой,—адмиралъ Витгефтъ и повернулъ обратно.

Картина обратнаго путешествія была такова: эскадра, преслѣдуемая минными атаками, шла по направленію къ порту, отстрѣливаясь, и въ защитѣ ея приняли также участіе наши береговыя батареи; въ то-же время нельзя было не восхищаться отвагой и предпріимчивостью атакующихъ непріятельскихъ миноносцевъ, которые, съ раскаленными до-красна трубами и съ красными фонарями на длинныхъ шестахъ, шли на смертный бой, на вѣрную гибель. Тамъ отвага, предпріимчивость, пренебреженіе къ смерти; здѣсь-же одна нерѣшительность. Какъ великолѣпенъ былъ воинственный пылъ японцевъ, нещадившихъ ни своей жизни, ни своихъ судовъ для славы и чести своего отечества! И что-же испугало адмирала!?... только превышавшее количество орудій, да и то проблематичное, котораго въ дѣйствительности могло и не быть! Къ счастью, миной былъ поврежденъ только «Севастополь».

Въ своей передовой статьѣ отъ 11 іюня «Новый Край» такъ привѣтствовалъ первый выходъ артурской эскадры въ море: «Вчерашній день 10 іюня *въ анналахъ* исторіи осады Артура долженъ занять почетное мѣсто и неизгладимо запечатлится въ сердце каждаго артурца.... Отнынѣ нашъ родной флотъ въ силу фатальныхъ несчастій еще до объявленія войны серьёзно пострадавшій, сталъ вновь жизнеспособенъ, получивъ свое главнѣйшее качество, свою силу—подвижность. Сомнѣнія и опасенія всѣ исчезли,—онъ всталъ и твердыми шагами пошелъ къ своей цѣли,—*помочь своимъ сухопутнымъ товарищамъ защитить Артуръ*. Онъ пошелъ спокойно, чтобы оправдать возлагаемыя на него ожиданія, *на новые подвиги (?), достойные славныхъ традицій русскаго флота*».

Привычка описывать парадные обѣды внесла много громкихъ фразъ и въ этотъ панегирикъ; суть же такова: нашъ флотъ, приведенный въ негодность въ началѣ войны нашей преступной небрежностью, наконецъ починился и вышелъ въ море 10 іюня, чтобы помочь сухопутной арміи защитить Артуръ. Коротко и ясно. При чемъ тутъ «анналы», «почетное мѣсто», «жизнеспособность»? на какіе это *новые подвиги* пошелъ флотъ, будучи мертвымъ съ начала войны до 10 іюня? Такъ мы сами себя запутываемъ въ неправдѣ, и эта неправда до того тяжела и невыносима, до того скверно дѣйствуетъ на душу и нервы, что невольно хочется крикнуть слово правды.

Больно и обидно, до глубины души обидно! Видя, какъ цѣлесеобразно и хорошо дѣйствуютъ японцы, въ какомъ великомъ единеніи живутъ и оперируютъ ихъ армія и флотъ, какихъ блестящихъ результатовъ достигаютъ они такой тѣсной связью между собою,—защитники Артура терпѣливо ожидали починки эскадры и выхода ея въ море; съ замираніемъ сердца глядѣли на портъ и терпѣли...... терпѣли, питая себя надеждой на такое же единеніе, на такую же связь, на беззавѣтную взаимную помощь въ дѣлѣ защиты крѣпости, на рѣшимость жертвовать беззавѣтно жизнью во имя блага и чести Отечества. Но.... они ошиблись и разочаровались навсегда. Теперь флотъ сдѣлался для крѣпости лишнимъ

бременемъ, бѣльмомъ на глазу, и никто уже больше не ходилъ въ портъ узнавать о намѣреніяхъ эскадры; для насъ она потеряла и значеніе, и цѣну.

IV.

Дивизія генерала Фока, съ занятіемъ японцами позиціи у Кинчжоу и всей мѣстности съ Таліенваномъ и Дальнимъ до Инчензы, отступила въ раіонъ крѣпости по средней Артурской дорогѣ. Съ цѣлью какъ можно дольше задержать противника вдали отъ крѣпости и дать ей возможность хотя немного обстроиться и укрѣпиться, необходимо было предупредить занятіе непріятельскими передовыми частями высотъ на Волчьихъ горахъ, почему, какъ я и указалъ уже выше, этой дивизіи приказано было занять позиціи впереди этихъ горъ отъ дер. Суанцайгоу до Лунвантана.

Въ то же время, приказомъ отъ 20 мая за № 285, было объявлено, что «въ виду появленія противника въ раіонѣ крѣпости, главное руководство обороной ея» генералъ Стессель оставляетъ за собой; причемъ, для объединенія власти, въ Совѣтъ обороны, учрежденный подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова, согласно 56 ст. Положенія объ управленіи крѣпостью, долженъ входить начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона, на обязанности котораго лежало докладывать всѣ журнальныя постановленія Совѣта на утвержденіе генерала Стесселя.

Въ виду быстраго наступленія японцевъ, работа закипѣла еще энергичнѣе. Мнѣ также поручено было организовать отрядъ добровольныхъ санитаровъ, съ правомъ выбора себѣ двухъ помощниковъ (пр. № 294), а вскорѣ я былъ назначенъ Предсѣдателемъ комиссіи по организаціи перевязочныхъ пунктовъ, переносныхъ и перевозочныхъ средствъ (пр. № 335). Впослѣдствіи, по избранію комиссіей врачей и согласно личной просьбы Главноуполномоченнаго Маріинской Общины Краснаго Креста егермейстера Балашева, я былъ избранъ Предсѣдателемъ комиссіи по организаціи отряда добровольныхъ сестеръ милосердія.

Очень энергично и съ большимъ стараніемъ принялся я выполнять возложенныя на меня обязанности, стараясь и съ своей стороны оказать въ дѣлѣ защиты крѣпости посильную помощь. Вскорѣ при участіи своихъ помощниковъ В. К. Сергѣева и А. В. Мокрицкаго, мнѣ удалось организовать изъ гражданъ отрядъ санитаровъ въ 154 человѣка, которые и были разбиты по перевязочнымъ пунктамъ; къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ впослѣдствіи явились къ исполенію своихъ обязанностей; многіе уѣхали совершенно изъ города въ Чифу, другіе же уклонялись подъ различными предлогами и ихъ приходилось чуть не каждый разъ отыскивать при помощи полиціи.

Тѣмъ не менѣе, изъ нихъ человѣкъ около 50-ти исполняли добросовѣстно свою работу и всегда исправно являлись на пункты, не смотря на большую опасность отъ огня непріятеля; многіе были даже ранены. Но—эта команда была каплей въ морѣ, когда на пунктѣ послѣ боя сосредоточивалось иногда до 50—60 раненыхъ, которыхъ необходимо было убирать поскорѣе.

Къ сожалѣнію, вопросъ о санитарахъ у насъ совершенно игнорируется въ арміи и раненымъ приходится иногда цѣлые сутки и болѣе ожидать отправки въ госпитали, за недостаткомъ работниковъ. Такое тяжелое положеніе отчасти мнѣ пришлось устранить устройствомъ перевозочныхъ средствъ, именно—организацiей извозчиковъ и рикшъ для перевозки раненыхъ; къ рикшамъ приспособлялись носилки, и китайцы, нужно отдать имъ полную справедливость,—работали очень добросовѣстно. Эти средства значительно облегчали трудъ санитаровъ и сокращали ихъ число, почему, въ большинствѣ случаевъ въ эвакуированіи раненыхъ съ позицій задержекъ не было.

Сильное желаніе избѣжать перевозки раненыхъ на нашихъ лазаретныхъ двуколкахъ не удалось, такъ какъ, несмотря на организованныя перевозочныя средства, раненыхъ иногда бывало такъ много, что приходилось прибѣгать и къ работѣ двуколокъ; неудобны же онѣ были своей особенной трясучестью, почему раненые иногда предпочитали итти пѣшкомъ, лишь бы избѣжать ѣзды на нихъ. Что касается добровольныхъ сестеръ милосердія, то, при помощи врачей, мнѣ удалось даже устроить краткій для нихъ курсъ (три

теоретическихъ лекціи и одну практическую) первоначальной подачи помощи и эти лица дѣйствительно явились впослѣдствіи истинными и надежными помощницами врачей, работая днемъ и ночью не покладая рукъ. Перевязочные пункты тоже были устроены очень удобно и функціонировали энергично.

Въ то же время не спали и наши стрѣлки и артиллеристы; они также безъ отдыха вели свои занятія, упражняясь въ стрѣльбѣ, изучая пріемы по оборонѣ позицій и свойства послѣднихъ, а артиллерія совершенствуясь и въ пріемахъ къ дѣйствію при орудіяхъ (пр. №№ 303 и 307).

Но не дремалъ въ то же время и противникъ, безпокоя насъ не только съ суши, но и съ моря. Въ ночь съ 24 на 25 мая непріятельскій минный транспортъ, подъ прикрытіемъ миноносца, подошелъ очень близко къ нашимъ берегамъ и началъ устанавливать мины. Крестовая батарея № 22, замѣтивъ это, открыла немедленно огонь; завязалась перестрѣлка, во время которой на батареѣ случилось несчастье: разслѣдованіемъ было установлено, что непріятельскій снарядъ, въ моментъ закрытія замка только что заряженнаго орудія, попалъ въ замокъ и повредилъ его, причинивъ взрывъ заряда; этимъ взрывомъ былъ вырванъ замокъ, частями котораго одинъ канониръ изъ прислуги былъ убитъ, а два ранены. Японцы понесли полное пораженіе, такъ какъ минный транспортъ ихъ былъ взорванъ выстрѣлами, а миноносецъ скрылся. Несмотря на это, японскіе моряки работали непрерывно, безъ устали, и 28 мая впервые сдѣлали попытку обстрѣливать наши сухопутныя позиціи, а одинъ изъ крейсеровъ стрѣлялъ по горамъ до Юпилазы включительно. Это дало основаніе заключить, что атака нашихъ передовыхъ позицій близка уже и что она будетъ также поддержана флотомъ противника; въ этомъ предположеніи предписывалось генералу Фоку уйти съ передовыхъ позицій къ Волчьимъ горамъ; причемъ, перевалъ Шининзы на нихъ удержать «во-чтобы-то ни стало» (пр. № 325).

29 мая были получены и первыя свѣдѣнія послѣ Кинчжоу о дѣйствіяхъ противника на сушѣ; по послѣднимъ, онъ началъ со-

средоточивать свои силы на Мандаринской дорогѣ, восточнѣе горы Анзысанъ; въ прочихъ же мѣстахъ,—на средней дорогѣ и около бухты Маланхе,—онъ держалъ только передовыя части.

Всѣ были въ тревожномъ ожиданіи, на какой именно пунктъ поведетъ противникъ свою атаку; всѣ съ трепетомъ ожидали наступленія этого момента и готовились къ нему, надрывая послѣднія силы свои по укрѣпленію позицій и фортовъ. Работы безусловно были тяжелыя, такъ какъ производились въ каменныхъ породахъ; работали стрѣлки, артиллеристы, моряки, саперы и работали съ полнымъ сознаніемъ въ необходимости этой работы, работали что называется «во всю», чтобы окончить эту работу въ возможно короткій срокъ; строились блиндажи, окопы для стрѣлковъ, закрытія для прислуги и резервовъ, выкапывались рвы, закладывались фугасы, устраивались сѣтевые преграды. Эту гигантскую работу днемъ и ночью уже къ 5 іюня отмѣтилъ въ своемъ приказѣ за № 347 генералъ Стессель, а объѣхавъ 12 іюня позиціи, въ приказѣ за № 367, констатировалъ, что онъ «твердо увѣренъ, что сила вражья *разобьется о твердыни, вашими* (войсковыхъ частей) *невѣроятными трудами созданныя*». Дѣйствительно, только эти «невѣроятные труды», гигантскіе труды хоть сколько нибудь обезпечивали продолжительность защиты крѣпости; только сила и энергія солдата въ два—три мѣсяца укрѣпила хотя нѣсколько позиціи, которыя въ дѣвственномъ видѣ стояли до войны, но на бумагѣ значились—«Артурскими твердынями».

Теперь, оборудовавъ крѣпость со стороны защиты, не такъ уже встревожила насъ и телеграмма Командующаго Арміей генерала Куропаткина, въ которой онъ говоритъ:.... «Теперь требуется самая упорная и продолжительная оборона Артура, на что мы вполнѣ надѣемся» (пр. № 368). Несомнѣнно, исправить всѣ прорѣхи не хватало ни времени, ни силъ, но эти прорѣхи должны были пополнить мужество и беззавѣтная храбрость гарнизона. А что онъ обладалъ этими качествами, я приведу нѣсколько примѣровъ изъ предыдущихъ боевъ, которые дѣйствительно назидательны.

При отступленіи четвертой дивизіи на позицію Кинчжоу 3 мая, бомбардиръ-лабораористъ 4 артиллерійской В. Сиб. бригады Петръ *Липаевъ* состоялъ въ качествѣ развѣдчика и ординарца при адъютантѣ этой бригады. Выѣхавъ на позицію съ послѣднимъ, онъ былъ оглушенъ при паденіи убитой разорвавшимся снарядомъ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ; оправившись подъ страшнымъ огнемъ противника, онъ все время оставался на позиціи и держалъ лошадь адъютанта, который ушелъ для отдачи приказаній; недождавшись его прихода и обезпокоившись продолжительностью его отсутствія, Липаевъ пошелъ его искать и вскорѣ нашелъ убитымъ. Подъ тѣмъ же сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, онъ нашелъ санитаровъ, помогъ имъ вынести своего офицера изъ сферы огня, послѣ чего возвратился на позицію, снялъ сѣдло съ своей убитой лошади и, положивъ его на лошадь адъютанта, ушелъ съ позиціи и доставилъ казенное сѣдло каптенармусу.

13 мая, во время боя на позиціи у Кинчжоу, обозный рядовой 15 полка Константинъ Чахловъ былъ посланъ съ патронной двуколкой на позицію для подвозки патроновъ 5 полку. Послѣ сдачи патроновъ, возвращаясь подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ къ своей части, онъ замѣтилъ, что у обознаго его же полка Меркулова убита лошадь, разбита двуколка и самъ Меркуловъ раненъ; не растерявшись, подъ тѣмъ же сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, онъ перегрузилъ патроны изъ разбитой двуколки на свою, поспѣшно возвратился на позицію, гдѣ и сдалъ ихъ въ окопы 5 полка.

Тогда же бомбардиръ-лабораористъ Сайфулъ-Малюковъ, получивъ двѣ раны, вынесъ съ батареи раненаго поручика Успенскаго; во время переноски получилъ 3 раны, но все-таки исполнилъ свой долгъ и офицера донесъ до экипажа.

Возлѣ орудія въ бою у Кинчжоу осталось только два канонира—Алексѣй Брусъ и Никита Петращенко, такъ какъ остальная прислуга была убита; будучи оба ранеными, а Петращенко и совершенно оглохшій отъ орудійной стрѣльбы, они вдвоемъ стрѣляли изъ орудія до конца боя.

1 батареи 4 Вост. Сиб. арт. бригады бомбардиръ-лабораристъ Осипъ Мѣхоношинъ, будучи раненъ въ лицо на позиціи, оставался при орудіи, пока не былъ раненъ вторично, послѣ чего былъ унесенъ на перевязочный пунктъ.

Канониръ Іона Гильмановъ, будучи раненъ тяжело, оставался на батареѣ до конца боя, и потомъ уже былъ отправленъ въ госпиталь.

Канониръ Романъ Гилевъ, будучи раненъ, тоже не захотѣлъ уйти съ своего поста и остался; на вопросъ — «ты раненъ», отвѣтилъ — «ничего, пустяки», и ушелъ съ батареи только по полученіи второй раны.

Канониръ Петръ Перетоминъ, при взятіи заряднаго ящика на передокъ, былъ раненъ въ шею и свалился съ лошади, но потомъ опять сѣлъ на нее, свезъ зарядный ящикъ съ позиціи и ѣхалъ съ батареей до ст. Тафашинъ.

Канониръ Дмитрій Комаровъ, будучи два раза раненъ, находился до конца боя при орудіи, работая только одной рукой; былъ отправленъ въ госпиталь, по прибытіи съ батареей на ст. Тафашинъ.

Всѣ эти случаи были въ бою 13 мая и всѣ эти лица награждены георгіевскими крестами. Убыль въ 5 многострадальномъ полку достаточно свидѣтельствуетъ, — сколько такихъ героевъ осталось на полѣ сраженія. Да, съ такими людьми можно было смѣло итти въ бой! Хотя впослѣдствіи и были побѣги запасныхъ съ позицій, но они скоро прекратились.

Наконецъ, наступило злополучное *13 іюня*, когда противникъ, устроивъ свои силы и выбравъ направленіе, перешелъ въ наступленіе. Мѣсто удара было очень удачно,—это гора Куинсанъ (Хуинсанъ). Вообще, къ чести японцевъ нужно отнести чрезвычайно умѣлую оцѣнку значенія того или другого пункта на позиціи, куда они обыкновенно и направляли свой ударъ.

Излюбленный и вѣрный пріемъ ихъ, какъ и при Кинчжоу, выразился въ массированіи артиллерійскаго огня, который былъ сосредоточенъ на этой горѣ. Начата была атака въ 9—10 часовъ

утра, а къ 4-мъ часамъ вечера они уже владѣли этой горой и нашъ отрядъ отступилъ на каменный (скалистый) кряжъ сзади, бросивъ цѣлый рядъ позицій и не оцѣнивъ значенія ихъ въ тактическомъ отношеніи.

Дѣло о потерѣ Куинсана разсматривалось въ военномъ судѣ. Чтобы ознакомить хотя нѣсколько русское общество съ порядками, господствовавшими въ дивизіи генерала Фока и съ дѣйствіями болѣе крупныхъ начальниковъ, я передамъ вкратцѣ то, что выяснилось на судѣ. 1 іюня генералъ Фокъ отдалъ диспозицію, въ которой указывалось, гдѣ и какой силой должны быть заняты пункты; причемъ, въ отношеніи Куинсана было указано «защищать его во-что-бы-то ни стало». Копія полной диспозиціи была послана только начальнику отдѣла, въ который входила эта гора, полковнику Савицкому, а краткія выписки изъ ней—начальникамъ участковъ; благодаря чему, въ результатѣ получилось, что ни одинъ маленькій отрядъ не зналъ, кто его сосѣдъ, нужно-ли гору защищать «во-чтобы-то ни стало», какова ихъ общая цѣль, кто его долженъ поддержать или, въ случаѣ надобности, кого онъ долженъ *поддержать,* такъ какъ въ выпискахъ изъ диспозиціи этого не значилось; словомъ, дивизія разбилась на отдѣльные самостоятельные отрядики, неимѣвшіе между собой никакой связи. Начальники участковъ и полковникъ Савицкій получили эти акты 3 іюня, несмотря на нахожденіе ихъ тутъ же, при штабѣ дивизіи. Защита самой горы поручена была капитану 14-го Вост.-Сиб. стр. полка Л...., въ отрядѣ котораго было двѣ роты, а впереди вершины по отрогамъ, ближе къ противнику, стояли двѣ охотничьи команды, подчиненныя этому капитану; послѣдній съ этимъ отрядомъ непосредственно подчинялся начальнику участка подполковнику К....

Генералъ Фокъ объѣхалъ эту позицію только въ началѣ іюля (5—6 числа), послѣ чего до боя на ней не былъ; во время своего объѣзда никакихъ указаній не сдѣлалъ и объ укрѣпленіи ея не говорилъ, не указавъ также, что гору Куинсанъ нужно защищать «во-чтобы-то ни стало». Полковникъ Савицкій явился на позицію только утромъ 13 іюня, но еще до боя; причемъ, не сказалъ на-

чальнику отряда капитану Л...., что ее нужно защищать «во-чтобы-то ни стало», но почему-то, вопреки диспозиціи, приказалъ ему сообразовать свои дѣйствія съ сосѣднимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ ротъ 28-го полка подполк. Кил.... и оставить ее съ отступленіемъ послѣдняго, измѣнивъ этимъ совершенно смыслъ и значеніе диспозиціи. Больше полковникъ Савицкій на позицію не пріѣзжалъ до потери Куинсана. Начальникъ участка подполковникъ К.... также не сообщилъ капитану Л.... о защитѣ Куинсана, какъ это предписывалось диспозиціей и на самой позиціи совершенно не былъ. Данное подполковникомъ К.... показаніе на судѣ: «не помню, говорилъ-ли я объ этомъ капитану Л....; кажется не говорилъ», вполнѣ обрисовало картину того безпорядка, который царилъ въ дивизіи Фока, въ частности въ отдѣлѣ полковника Савицкаго. Итакъ, капитану Л...., не смотря на отданную диспозицію, не было извѣстно до самаго боя о необходимости защищать Куинсанъ «во-чтобы-то ни стало», почему гора эта не только не была укрѣплена, но даже не имѣла ровиковъ для прислуги. Съ началомъ боя, когда самая гора и отроги ея начали засыпаться снарядами, первыми начали самостоятельное отступленіе охотничьи команды; такъ какъ онѣ своимъ отступленіемъ открыли для огня лѣвый флангъ капитана Л...., то онъ, около 2-хъ часовъ, также отступилъ. Полковникъ Савицкій, имѣвшій за горой въ резервѣ двѣ роты и получивъ донесеніе отъ капитана Л...., что ему трудно держаться, не подкрѣпилъ его своевременно; имѣвшіяся же при немъ роты возвратилъ въ общій резервъ, а самъ уѣхалъ въ штабъ полка, разсчитывая на поддержку сосѣдняго участка справа, обѣщанную ему раньше; но помощь эта пришла поздно, когда капитанъ Л.... уже отступилъ и гора была занята японцами. Съ отступленіемъ Л...., онъ обнажилъ лѣвый флангъ сосѣдняго отряда подполк. Кил...., который также долженъ былъ очистить свои позиціи. При такихъ обстоятельствахъ Л.... былъ оправданъ въ самовольномъ измѣненіи диспозиціи, которая, какъ оказалось, не была ему извѣстна по винѣ полковника Савицкаго; былъ же обвиненъ только въ неисполненіи приказанія послѣдняго—не оставлять позиціи до отступленія отряда справа.

Гора Куинсанъ имѣла очень важное значеніе и была ключемъ позиціи, но этотъ ключь былъ потерянъ въ одинъ день, благодаря полнѣйшему бездѣйствію старшихъ начальниковъ, не только не посѣтившихъ позицію, не позаботившихся объ ея укрѣпленіи, но даже не передавшихъ капитану Л.... свѣдѣній изъ диспозиціи о важности ея и о необходимости защищать ее до послѣднихъ силъ. Въ данномъ случаѣ въ большой степени былъ использованъ приведенный выше приказъ генерала Фока: старшіе начальники, чтобы не мѣшать «войнѣ капитановъ», не только закрыли *уши* и *глаза*, но даже разбѣжались по укромнымъ уголкамъ. Подполк. Кил.... на судѣ показалъ, что онъ во все время боя дѣлалъ докладъ (?) генералу Стесселю, находившемуся тогда въ очень далекомъ разстояніи отъ мѣста сраженія; всѣ же они видимо *не признавали* еще удобнымъ этотъ моментъ, чтобы показать, какъ *«нужно умирать по присягѣ»*. Открывшійся при разборѣ этого дѣла безпорядокъ доказывалъ только одно,—что всѣ спѣшили скорѣе отступить на форты и укрѣпленные пункты къ Артуру, почему мало заботились о позиціяхъ временныхъ.

О неправильныхъ дѣйствіяхъ полковника Савицкаго и подполковниковъ К.... и Кил.... судомъ составлено постановленіе, копія котораго была направлена и генералу Стесселю для свѣдѣнія.

Такъ какъ гора Куинсанъ по своимъ тактическимъ свойствамъ являлась чрезвычайно важной, командовала надъ окружающими высотами и съ вершины ея былъ видѣнъ почти весь Артуръ, то приказано было возвратить ее обратно, къ выполненію каковой задачи и было приступлено 21 іюня, но бой продолжался и 22 числа. Отмѣчу здѣсь одно интересное явленіе: части войскъ, узнавъ о переходѣ въ наступленіе, проявили такой громадный подъемъ духа и энергію, что своей беззавѣтной храбростью просто таки поражали; стрѣлки шли въ атаку дѣйствительно какъ на маневрахъ, несмотря на страшныя потери въ ихъ рядахъ; даже казаки дрались въ пѣшемъ строю, не уступая стрѣлкамъ, а артиллерія занимала постепенно рядъ такихъ позицій, которыя были мало доступны даже для пѣшихъ частей; но несмотря на этотъ необычайный героизмъ,

на большое количество жертвъ, гора не была возвращена обратно и войска отступили къ передовымъ Артурскимъ позиціямъ.

Этотъ двухдневный бой вывелъ у насъ изъ строя 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Здѣсь не могу не указать на отвагу и мужество солдатъ: стрѣлокъ 25-го полка Серцовъ, видя раненымъ поручика Бицоева, подбѣжалъ къ нему и заслонилъ его своимъ тѣломъ отъ града пуль, осыпавшихъ его; получивъ отъ поручика деньги 188 р., сейчасъ же передалъ ихъ подпрапорщику Сидорову; а когда поручикъ Бицоевъ былъ убитъ, то фельдфебель Аровъ и ефрейторы Самойленко и Кургановъ, отступая и отстрѣливаясь, взяли тѣло убитаго поручика и въ то же время вынесли на рукахъ поручика Злобинскаго.

Рядовой пограничной стражи Ефимъ Янковъ, находясь вѣстовымъ при подполковникѣ Бутусовѣ на позиціи, во время передачи приказанія, былъ раненъ въ грудь на вылетъ, но на четверенькахъ доползъ до цѣпи и передалъ требуемое приказаніе.

На другой же день, 23 іюня, я посѣтилъ раненыхъ въ сводномъ П.-Артурскомъ госпиталѣ. Всѣ они, несмотря на три—четыре полученныхъ раны, горѣли нетерпѣніемъ скорѣе выписаться изъ госпиталя и итти отомстить японцамъ за эти раны; одинъ же, Томской губерніи, доходилъ въ своемъ негодованіи до смѣшного: разсказывая о боѣ и что самъ лично заколол семь японцевъ, онъ страшно негодовалъ на нанесенную послѣдними обиду ему въ видѣ двухъ пулевыхъ ранъ—въ ногу и руку, грозя убѣжать изъ госпиталя на позицію, чтобы отомстить японцамъ, если его только черезъ два—три дня не выпишутъ изъ него. Тутъ же отъ врачей я узналъ, что ружейныя пулевыя раны очень легко и быстро заживаютъ, благодаря ихъ незначительному отверстію и чистотѣ пуль; но раны отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ снарядовъ очень опасны и всегда сопровождаются осложненіями, благодаря заносимой ими въ раны грязи въ видѣ порохового нагара и сѣры, которой пули заливаются въ шрапнеляхъ. Наиболѣе удручающее впечатлѣніе производили тяжело больные: у одного осколкомъ снаряда была разрушена часть черепа и онъ лежалъ

съ открытыми глазами въ безсознательномъ состояніи и жару; другому осколокъ попалъ въ животъ и изорвалъ кишечникъ; онъ былъ въ бреду, но когда я подошелъ, то онъ, узнавъ мой чинъ и назвавъ его,—просилъ разрѣшить ему встать и пойти погулять на дворъ.

Потеря такой важной позиціи, какъ гора Куинсанъ, произвела удручающее впечатлѣніе; съ потерей ея связывалась и близкая потеря Артура.

Усилившееся нервное настроеніе, отсутствіе воздуха съ наступившей жарой и моціона вслѣдствіе постоянной кабинетной работы,—окончательно разстроили мое здоровье, почему я рѣшилъ переѣхать на Тигровый полуостровъ, на такъ плѣнившую меня дачу, въ квартиру капитана Страшникова, куда и переселился 30 іюня. Близость моря, чистый свѣжій воздухъ и хорошій столъ быстро укрѣпили душевно и физически. Больше всего я любилъ вечеръ, когда послѣ ужина мы цѣлымъ обществомъ отправлялись на батарею № 9, на брустверѣ которой намъ ставили стулья и мы, вспоминая милую Россію, семью, родныхъ, въ то же время любовались ширью шумящаго моря, освѣщеннаго прожекторами. Эти картины долго неизгладятся изъ моей памяти. Вскорѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ курьезнаго происшествія: въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, кажется 7 или 8 іюля, сидя на батареѣ, мы замѣтили въ лучахъ прожектора судно подъ парусомъ, медленно двигавшееся по направленію отъ Лѣотѣшана къ Плосскому мысу, въ разстояніи не далѣе 3—4 верстъ отъ берега. Такъ какъ на морѣ, кромѣ этого судна, не было замѣчено ни миноносцевъ, ни крейсеровъ непріятеля, то мы предположили, что сейчасъ же дежурный катеръ бросится къ нему и остановитъ его для осмотра. Но вмѣсто этого, со сторожевого судна «Отважнаго», стоявшаго у входа въ бухту, раздался выстрѣлъ: это послужило сигналомъ для всѣхъ батарей. Командиръ батареи № 9 немедленно скомандовалъ и прислуга въ одинъ моментъ была у орудій; раздался выстрѣлъ, за нимъ другой; этимъ выстрѣламъ послѣдовали электрическій утесъ и другія батареи и воздухъ наполнился страшнымъ

гуломъ. Всѣ вскорѣ однако обратили вниманіе, что судно, не мѣняя курса, идетъ спокойно и тѣмъ же ходомъ, почему явилось сомнѣніе, есть-ли на немъ хотя одна живая душа. Батарея № 9 прекратила огонь, выпустивъ около 9-ти снарядовъ; за ней прекратили его и остальныя батареи, а также и лодка «Отважный»; курсъ судна опредѣлился прямо на камни у мыса за электрическимъ утесомъ. Мы всѣ горѣли желаніемъ узнать суть дѣла, но моряки молчали и катера не выслали. Только на другой день утромъ артиллерійскій катеръ снялъ это судно съ камней и привелъ его къ берегу Тигровки. Оказалось оно китайской шаландой съ закрѣпленнымъ рулемъ и въ двухъ мѣстахъ было пробито нашими снарядами, а на днѣ были разбросаны письма, посланныя изъ Артура; нѣкоторыя изъ нихъ были распечатаны и вынуты изъ конвертовъ. Всѣмъ стало ясно, что эта шаланда въ морѣ была осмотрѣна японцами и когда они обнаружили, что хозяинъ шаланды, китаецъ, служитъ русскимъ по привозу и отсылкѣ писемъ, то они его бросили вѣроятно въ море, а шаланду, закрѣпивъ на ней руль, пустили подъ парусомъ по вѣтру вдоль нашихъ батарей. Болѣе всего было обидно, что истратили такъ много снарядовъ, тогда уже не хватавшихъ, и по судну, которое не стоило и мѣднаго гроша; кромѣ того, и стыдно было, что поставили себя въ смѣшное положеніе предъ японцами, которые, вѣроятно, слушая нашу кононаду, зло трунили надъ нашей уже *черезъ-чуръ* большой осторожностью. Впослѣдствіи невысылку катера для осмотра моряки объяснили тѣмъ, что шаланда могла быть наполнена взрывчатыми веществами.

Здѣсь я немного остановлюсь на чрезвычайно важномъ для насъ, артурцевъ, вопросѣ,—полученіи корреспонденціи. При извѣстной предупредительности и заботливости,—дѣло это можно бы было заранѣе организовать и тѣмъ обезпечить какъ посылку, такъ и полученіе писемъ изъ Ляоянской конторы черезъ Инкоу. Ничего въ этомъ родѣ не было сдѣлано, почему письма приходилось довѣрять за очень солидную плату совершенно неизвѣстному китайцу, объявлявшему о своей поѣздкѣ въ Чифу, о чемъ я упоминалъ уже выше. Имѣть свѣдѣнія отъ родныхъ и послать о себѣ вѣсть являлось

необходимостью, почему невозможность сдѣлать это доводила многихъ до отчаянія. Иногда роль нашего почтаря исполнялъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», пробивавшійся ночью въ Инкоо и забиравшій тамъ въ самомъ огромномъ количествѣ почту въ Артуръ, доставленную изъ Ляояна. Это былъ единственный въ нашей эскадрѣ миноносецъ, скорость котораго превосходила скорость японскихъ миноносцевъ. Благодаря этому, ему неоднократно приходилось благополучно удирать отъ преслѣдованія; но однажды, онъ едва не попался, такъ какъ во время погони испортилась его машина и въ этомъ случаѣ ему единственно помогъ туманъ, подъ прикрытіемъ котораго онъ починился и благополучно прибылъ въ Артуръ. «Лейтенантъ Бураковъ» и мнѣ привезъ въ началѣ іюля 11 писемъ, а въ концѣ его 8; послѣднее изъ нихъ было отъ 30 мая; но и эти свѣдѣнія, за два мѣсяца назадъ, чрезвычайно меня обрадовали, такъ какъ цѣлыхъ три мѣсяца не получалъ ихъ. Судьба, однако, и тутъ зло посмѣялась надъ нами, лишивъ услугъ этого единственнаго почтаря. Произошло это такъ. Въ бухту Тахе, для сторожевой службы, каждую ночь выходило 3—4 миноносца. Въ ночь на 10 іюля въ эту бухту ушли «Лейтенантъ Бураковъ», «Боевой» и «Грозовой», которые и стали вблизи берега уступами, отдавъ канаты съ нихъ на берегъ. По разсказу очевидца и пострадавшаго инженеръ-механика Т...., около 2 часовъ ночи, вахтой замѣчено было на морѣ, въ разстояніи 2—3 верстъ, присутствіе непріятельскихъ миноносцевъ, которые вскорѣ скрылись. Приблизительно около 3—4 часовъ утра, когда луна уже не свѣтила и море очистилось отъ тумана, Т.... замѣтилъ, что между «Боевымъ» и «Грозовымъ» что-то запрыгало по водѣ; предполагая, что это акулы, онъ началъ всматриваться, стоя у праваго борта «Боевого»; въ это же время раздался страшный взрывъ у «Лейтенанта Буракова»; вслѣдъ за этимъ такой же взрывъ послѣдовалъ у лѣваго борта «Боеваго», который качнулся такъ сильно, что Т.... упалъ съ борта въ воду, откуда и былъ вытащенъ матросами; третій затѣмъ взрывъ послѣдовалъ у кормы «Грозового». Впослѣдствіи оказалось, что непріятельскіе миноносцы, подойдя незамѣтно къ нашимъ, пустили

свои мины; первая изъ нихъ попала въ ближайшій къ нимъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», разломавъ послѣдній пополамъ, испортивъ совершенно его машину и убивъ двухъ нижнихъ чиновъ; «Боевой» получилъ большую пробоину въ борту слѣва, съ поврежденіемъ паровыхъ трубъ; ударъ былъ такъ силенъ, что желѣзную лѣстницу для спуска въ машинное отдѣленіе свернуло въ спираль, которой былъ обвитъ спускавшійся въ то время по лѣстницѣ матросъ; онъ оказался совершенно свареннымъ паромъ, вырвавшимся изъ паровой трубы, которую разорвало и обвило вокругъ лѣстницы и матроса; руку этого матроса, защемленную между трубой и лѣстницей, вынули только по вводѣ миноносца въ докъ; «Грозовой» получилъ пробоину въ кормѣ. Этотъ случай доказалъ, что вахта отправлялась у насъ прескверно, а можетъ ее даже и совсѣмъ не было. Незадолго предъ этимъ, мною были сданы на «Лейтенантъ Бураковъ» письмо и телеграмма, такъ какъ онъ со дня на день предполагалъ уйти въ Инкоо; все это мнѣ было возвращено обратно въ промокшемъ видѣ.

Взятіе Куинсана, а вслѣдствіе этого невозможность держаться на передовыхъ позиціяхъ, ставила наши войска въ необходимость отступить подъ защиту передовыхъ фортовъ,—батарей и укрѣпленій Артура, къ тому времени приведенныхъ уже въ болѣе или менѣе боевой видъ. Вопросъ объ отступленіи былъ рѣшенъ въ бояхъ 13, 14, 15 и 17 іюля. Это былъ первый штурмъ за передовыя позиціи по всему фронту.

Бой начался въ 6 часовъ утра 13 числа обстрѣливаніемъ ихъ самымъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, но особенно онъ группировался на правомъ флангѣ, гдѣ обстрѣлу подвергались Зеленыя горы, а въ центрѣ позиціи—перевалъ Шининзы и гора Юпилаза. Вскорѣ орудійный огонь былъ развитъ до невѣроятной степени, который и продолжался до 3—4 часовъ дня, когда колонны пошли въ атаку. Тутъ сразу картина измѣнилась: артиллерійскій огонь перешелъ въ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы, но за то стрѣльба изъ ружей залпами и пулеметовъ наполнили воздухъ ужасной трескотней; судя по звукамъ, каждую минуту такихъ пуль выпускалось десятки ты-

сячъ. Но не дрогнули защитники и съ небывалой энергіей и мужествомъ открыли не менѣе убійственный огонь изъ пулеметовъ и ружейный, поддержанный залповымъ огнемъ нашихъ полевыхъ батарей и нѣкоторыхъ укрѣпленій; уже темнѣло, но бой продолжался и гулъ ружейной трескотни стоялъ непрерывно; наконецъ, началъ мало-по-малу стихать и совершенно замолкъ къ 9 часамъ вечера. Атака съ успѣхомъ была отбита на всѣхъ пунктахъ и противникъ отступилъ на свои позиціи послѣ 15 часоваго боя.

Потери японцевъ были очень большія; у насъ же, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, были убиты одинъ офицеръ и 98 нижнихъ чиновъ. Многіе изъ участниковъ этого боя разсказываютъ, что японцы, идя въ атаку, кричали нашимъ стрѣлкамъ: «Что-же вы, оборванцы! взяли за Артуръ 16 милліоновъ, да еще и не отдаете его»! Многіе шутили на эту тему, «да и въ самомъ дѣлѣ,—не хватилъ-ли кто-нибудь такого куша».

Ночью раздавались только отдѣльныя орудійныя выстрѣлы или шла самая незначительная перестрѣлка между передовыми постами. Войска были страшно утомлены дневнымъ боемъ и нуждались въ отдыхѣ и утоленіи голода и жажды; но позаботиться объ этомъ не было времени, такъ какъ каждый предчувствовалъ, что непріятель ежеминутно можетъ свѣжими силами перейти въ наступленіе, а тутъ необходимо убрать раненыхъ и сдѣлать поправки и починки въ доморощенныхъ закрытіяхъ, поврежденныхъ огнемъ противника.

Предчувствіе не обмануло. Съ разсвѣтомъ, около 5 часовъ, японцы открыли еще болѣе сильный артиллерійскій огонь по горамъ Юпилазѣ, Зеленымъ, высотѣ 139 у дер. Талангоу и всему нашему лѣвому флангу, выдвинувъ противъ послѣдняго ночью у Инчензы отъ 70—80 новыхъ орудій и поставивъ уступомъ у дер. Анзынсана до 20 орудій большого калибра—6″; такія же орудія были поставлены и въ центрѣ противъ горы Юпилазы и высоты 139, изъ которыхъ они буквально засыпали снарядами; пораженіе послѣднихъ было прямо таки ужасное, благодаря фугасному дѣйствію мелинита; нѣсколько нашихъ орудій были сразу же подбиты и пришли въ негодность, а часть пулеметовъ совершенно разбита. Послѣ

продолжительной подготовки огнемъ, противникъ вновь повелъ на приступъ свои колонны, вновь заработали ружья и пулеметы, и еще съ большей энергіей и силой ринулся онъ на наши позиціи, сходясь грудь на грудь.

Но не дрогнули защитники и также мужественно и стойко встрѣтили непріятеля сначала ружейнымъ огнемъ, а потомъ и штыками; въ особенности силенъ былъ напоръ противника на Зеленыя горы, Юпилазу и высоту 163, гдѣ стрѣлки прибѣгали даже къ камнямъ и поражали японцевъ послѣдними, скатывая ихъ по крутымъ откосамъ внизъ и уничтожая цѣлыя группы; это уже былъ не бой, а какая-то свалка, гдѣ каждый выбиралъ наиболѣе подходящее и дѣйствительное для него оружіе; занимавшіеся японцами окопы въ одну минуту наполнялись камнями и трупами и сравнивались съ землей; здѣсь человѣкъ окончательно потерялъ свой образъ и обратился въ звѣря. Наконецъ, непріятель видимо началъ слабѣть, выбился изъ силъ и началъ отступать; были случаи, когда отдѣльные японцы, достигнувъ вершины, бросали оружіе и падали въ изнеможеніи, но имъ тутъ же раскраивали черепа камнями или же прокалывали штыкомъ; бой закончился къ 8 часамъ. Потери японцевъ были еще больше; мы же потеряли 3-хъ офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ.

Опять наступило повтореніе того же—уборка раненыхъ и исправленіе поврежденныхъ закрытій, хотя они, благодаря дѣйствію орудій большого калибра, почти перестали существовать и были сравнены съ землей. Появленія этихъ орудій и фугасное дѣйствіе ихъ, прямо таки ужасное по своимъ результатамъ, многихъ заставляло призадуматься въ будущемъ успѣхѣ по защитѣ передовыхъ позицій; рѣшено было однако держаться. Нервность противника, видимо, дошла до крайняго предѣла: ночью орудія были продвинуты имъ впередъ, вновь загремѣли около 11 часовъ и японцы ураганомъ повели атаку на Зеленыя горы. Дрогнули мужественные стрѣлки и защитники; не выдержали натиска свѣжихъ силъ и непріятель овладѣлъ горами; но, собравшись съ силами, стрѣлки вновь пошли отбивать захваченное и выбили японцевъ

штыками. Но это было послѣднее усиліе, такъ какъ притокъ свѣжихъ силъ одолѣлъ храбрыхъ защитниковъ-страдальцевъ, изнемогавшихъ въ трехдневномъ почти безъ перерыва бою, и они отступили въ 4 часа утра на Волчьи горы, подъ музыку, по приказанію генерала Стесселя, и при пѣніи «Боже Царя Храни», что не мало удивило японцевъ, которые однако не зѣвали въ это время, стрѣляя по отступающимъ, причинивъ намъ при такомъ порядкѣ нашего отступленія еще большій уронъ.

Полагаютъ, что японцы потеряли въ этотъ трехдневный бой не менѣе 10 тысячъ; наши же потери выразились ранеными и убитыми до 2000 чел.

Бой этотъ имѣлъ въ будущемъ какъ для насъ, такъ и для японцевъ громадное значеніе. Мы окончательно познакомились съ японцами и ихъ боевыми пріемами; за эти три дня непрерывнаго страшнаго боя мы потеряли меньше, нежели въ одинъ день подъ Кинчжоу; этотъ же бой указалъ японцамъ, что не такъ уже легко драться съ русскими; понесенныя ими громадныя потери значительно понизили подъемъ ихъ духа, пріобрѣтенный подъ Кинчжоу. Если на передовыхъ позиціяхъ, почти не укрѣпленныхъ, такъ велики потери ихъ, то на болѣе укрѣпленныхъ они должны были выразиться еще въ большемъ числѣ.

Разсказываютъ, будто бы въ совѣтѣ Микадо послѣ боя при Кинчжоу рѣшался вопросъ,—брать-ли Артуръ штурмомъ или же во избѣжаніе излишнихъ потерь заставить его сдаться голодомъ. На вопросъ Микадо, какъ велики будутъ потери при штурмѣ, ему доложили, что могутъ дойти до пяти тысячъ. Тогда Микадо не согласился на такой большой уронъ и предписалъ обложить Артуръ и взять его голодомъ. Но уже до отступленія нашихъ войскъ на Волчьи горы, потери японцевъ достигли не менѣе 15 тысячъ.

Иллюстраціей богатырскихъ подвиговъ нашихъ защитниковъ, я здѣсь приведу слѣдующій разсказъ одного морского офицера. Одинъ изъ маленькихъ окоповъ на Зеленыхъ горахъ занимали пять матросовъ съ ихъ унтеръ-офицеромъ. Увлекшись стрѣльбой по наѣдавшему непріятелю, они неожиданно были окружены япон-

цами. Видя свое безвыходное положеніе, унтеръ-офицеръ приказалъ своимъ подчиненнымъ дать послѣдній залпъ, но ружей японцамъ не отдавать. Когда это было исполнено, къ нимъ моментально подбѣжалъ японскій офицеръ во главѣ значительнаго отряда и, махнувъ флагомъ, приказалъ ихъ окружить; немедленно же они были замкнуты въ кругъ 14—15 японцевъ, почему стали въ одну шеренгу, держа ружья у ноги; унтеръ-офицеръ вновь подтвердилъ имъ ружей не отдавать. Послѣ этого послѣдовалъ приказъ офицера отвести ихъ назадъ и обезоружить. Въ это время японцы массами двигались на горы и всѣ до того увлеклись атакой, что плѣнныхъ почти не замѣчали. Офицеръ, взявшій моряковъ въ плѣнъ, также двинулся впередъ съ своимъ отрядомъ, а плѣнные подъ конвоемъ пошли въ мѣсто расположенія японцевъ; когда конвоиры дорогою выразили желаніе обезоружить ихъ, то тѣ не дали ружей, а японцы не употребили силы и ружья остались при плѣнныхъ. Ихъ привели и поставили сзади скалы подъ горой; дѣло шло къ вечеру и бой принималъ самый упорный и горячій характеръ. Видя себя въ кругу только 15 конвоировъ, унтеръ-офицеръ далъ знакъ и въ минуту всѣ конвойные лежали около нихъ приколотыми; сами же, пробираясь за камнями и оврагами, они пошли за атакующими японцами и когда вошли въ сферу огня, то открыли сзади убійственный огонь по японцамъ, которые въ пылу сраженія не замѣчали, откуда ихъ поражаютъ и продолжали орать свое «ала-ла», «ала-ла». Пробѣгая по трупамъ и раненымъ за японцами, матросы вдругъ услышали стонъ своего унтеръ-офицера, который покачнулся и упалъ; оказалось, что одинъ изъ раненыхъ японцевъ ударилъ его ножемъ въ бокъ и распоролъ животъ. Приколовъ моментально японца, они подхватили унтеръ-офицера и прикрываясь камнями и наступившей темнотой, достигли позицій. Къ сожалѣнію, у героя унтеръ-офицера оказался поврежденнымъ кишечникъ и онъ черезъ двѣ недѣли умеръ въ госпиталѣ. И такихъ храбрыхъ, отважныхъ героевъ были тысячи!

Занявъ Зеленыя горы, Юпилазу и перевалъ Шининзы, японцы измѣнили своей прежней тактикѣ—отдыхать и укрѣпляться на за-

нятыхъ позиціяхъ. Разсчитывая на страшное утомленіе гарнизона и горя желаніемъ скорѣе овладѣть крѣпостью, которую, какъ передаютъ, имъ предписано было взять во-чтобы-то ни стало къ 28 іюля, японцы 17 іюля атаковали энергично позицію 13 полка и 4 запаснаго баталіона на Волчьихъ горахъ, оттѣснивъ нашъ отрядъ, почему послѣднему было предписано занять позицію отъ Полуншаня на Кумирнскій и Водопроводный редуты, которые входили уже въ линію обороны Артура. Въ то же время японцы двинули свои колонны отъ бухты 10 кораблей на бухту Луизы и чтобы скрыть свое движеніе, переходили цѣпью по водѣ и направлялись къ Голубиной бухтѣ. Такое движеніе ихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ замыкало насъ въ тѣсный кругъ ближайшихъ укрѣпленій къ Артуру, линія которыхъ была уже послѣдней защитой для крѣпости; занятіе этихъ укрѣпленій привело бы къ дракѣ и битвамъ на улицахъ и площадяхъ Артура. Генералъ Стессель окончательно растерялся и, при натискѣ японцевъ 17 іюля, приказалъ дивизіи Фока отступить немедленно безъ боя съ Волчьихъ горъ. Передаютъ, что это было очень поспѣшное отступленіе, что генералъ Фокъ и его штабъ спѣшили подъ защиту фортовъ.

Близкое сосѣдство японцевъ было очень опасно для крѣпости и генералъ Стессель 18 іюля отдалъ по войскамъ такой приказъ за № 441: «Гг. командиры и гг. офицеры! мы теперь стоимъ передъ крѣпостью, на послѣднихъ заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ передовыхъ. Помните, что это значитъ; это значитъ, что Вы должны во-чтобы-то ни стало остановить натискъ противника и не допустить его до фортовъ крѣпости. Я имѣю основаніе полагать, что противникъ предприметъ штурмъ открытою силою въ виду выигрыша времени, что для него чрезвычайно важно. Штурмъ долженъ быть отбитъ; штурмъ обрушится на передовыя позиціи и Вы, гг. офицеры, передовыхъ позицій не должны и мысли допустить дать противнику прорваться, хотя бы штурмъ былъ и ночью, что и вѣроятнѣе. Вы должны остаться на мѣстахъ Вамъ ввѣренныхъ живыми или мертвыми. Вы удержите врага до утра и если онъ не убѣжитъ, то съ разсвѣтомъ крѣпость докончитъ его. Помните, что Вы славные русскіе воины».

Итакъ, со времени высадки, почти въ три мѣсяца, непріятель достигъ нашихъ передовыхъ позицій, имѣвъ только значительный бой 13 мая, 13, 14, 15, 21 и 22 іюня. Многіе ставятъ большой и совершенно справедливый упрекъ генералу Фоку, что онъ, имѣя отъ Саншилипу рядъ чудныхъ позицій, въ особенности Тафашинскія высоты у Нангалина, стремительно шелъ съ своей дивизіей къ Артуру, не задерживая на нихъ непріятеля. Знатоки увѣряютъ, въ томъ числѣ и генералъ Смирновъ, что на однѣхъ этихъ высотахъ, приспособивъ ихъ къ оборонѣ, можно бы было держаться мѣсяца два—три. Еще болѣе винили въ этомъ генерала Стесселя, который совершенно подчинился генералу Фоку, слушалъ только его совѣты и самъ не проявилъ ни иниціативы, ни умѣнья; онъ не руководилъ ни однимъ боемъ до подхода войскъ къ Артуру, гдѣ оборона перешла въ руки генерала Смирнова; съ послѣднимъ онъ, благодаря своей грубости и неделикатности, нарушилъ добрыя отношенія, почему иногда и прямо-таки мѣшалъ осуществленію его плановъ своими распоряженіями изъ кабинета. Таковъ былъ словесный приказъ его—не дѣлать вылазокъ безъ его разрѣшеній.

Стѣснивъ насъ на лѣвомъ флангѣ, японцы предприняли цѣлый рядъ дѣйствій и на нашемъ правомъ флангѣ. Здѣсь, впереди укрѣпленныхъ позицій, были заняты нами горы Дагушань и Сягушань. Къ сожалѣнію, горы эти не были укрѣплены даже въ полевомъ смыслѣ, хотя имѣли очень важное тактическое значеніе, такъ какъ стояли сейчасъ же предъ нашими укрѣпленіями и закрывали собою растилавшіяся предъ ними долины. Это второй случай, что наши руководители плохо оцѣнивали значеніе и выборъ позицій, чѣмъ японцы удивительно ловко пользовались. На занятіе этихъ горъ и была направлена атака японцевъ. Бой начался 25 іюля утромъ и продолжался 26 числа. Первоначально была открыта сильная канонада по этимъ горамъ, на которую отвѣчала почти половина нашихъ ближайшихъ къ нимъ фортовъ, сосредоточивая самый сильный сконцентрированный огонь на долинѣ впереди Дагушаня, имѣвшаго два—три орудія и занятаго всего двумя—тремя ротами; въ этомъ бою нѣкоторую помощь оказали намъ миноносцы и «Бобръ», стрѣ-

лявшіе изъ бухты Тахе. 26 іюля штурмующая колонна непріятеля двинулась по долинѣ между Дагушанемъ и Сягушанемъ, но была встрѣчена такимъ адскимъ огнемъ, что японцы не выдержали, разорвали колонну и одна часть ея отошла къ Дагушаню, а другая прикрылась Сягушанемъ; устроившись и обойдя эти горы, эти части вновь соединились и двинулись на Дагушань подъ самымъ сильнымъ огнемъ. Долго держались стрѣлки 16-го полка, но огонь пулеметовъ и залповый ружейный заставилъ ихъ отступить. Японцы, прогнавъ защитниковъ съ вершины, не могли и сами занять ее, благодаря адскому артиллерійскому огню, сосредоточенному на этой вершинѣ. Потери японцевъ были громадны; наши же совершенно были незначительны.

Съ 26 іюля и для города наступаютъ черные, ужасные дни, прекратившіе безопасность и спокойствіе жителей. Съ этого дня началась бомбардировка города, производившаяся потомъ ежедневно днемъ и ночью во всякое время и ставившая въ опасность жизнь каждаго ежеминутно. Всѣ невольно встрепенулись и многіе бросились въ заранѣе приготовленные блиндажи. Обстрѣливался преимущественно портъ и броненосцы, стоявшіе въ бухтѣ. 26 іюля снарядъ попалъ въ «Цесаревича» и осколками было убито два кочегара и раненъ въ палецъ адмиралъ Витгефтъ. Эта же бомбардировка продолжалась и 27 іюля, принявъ болѣе энергичный харектеръ. Снаряды чрезвычайно удачно ложились въ порту и означеннаго числа ими былъ зажженъ складъ морского вѣдомства съ масломъ и углемъ. Этотъ пожаръ, видимо, подогрѣлъ энергію японцевъ и они массировали болѣе частый огонь вокругъ пожара, лишая тѣмъ возможности тушить. Пожаръ съ громаднымъ столбомъ дыма и съ прорывающимися изъ зданія языками пламени, въ связи съ грохотомъ рвущихся вокругъ снарядовъ, производилъ потрясающее впечатлѣніе. Въ тотъ же день, 27 іюля, мнѣ по дѣламъ службы необходимо было отправиться въ городъ; переѣзжая бухту, осыпавшуюся въ то время снарядами, становилось невыносимо жутко, а видъ пожара, возлѣ котораго не было ни одной души, наводилъ на очень грустныя мысли въ отношеніи нашего будущаго; вдругъ

одинъ изъ снарядовъ разорвался въ 50-ти шагахъ отъ лодки, поднявъ громадный столбъ воды; лодка сильно качнулась, но я и лодочникъ отдѣлались только невольнымъ испугомъ. Изъ города я поѣхалъ на батарею лит. А, предъ которой находились взятыя японцами горы Дагушань и Сягушань. Было 11 часовъ дня и въ то время стрѣлки подготовлялись къ отбитію ихъ у непріятеля; артиллерійскій огонь былъ уже открытъ. Взятіе этихъ горъ японцами ставило наши ближайшія укрѣпленія въ очень опасное и тяжелое положеніе, такъ какъ поставивъ на этихъ горахъ батареи, японцы могли фланкировать наши батареи и сдѣлать ихъ совершенно негодными къ бою въ самое короткое время; съ другой стороны, горы эти закрывали отъ нашихъ батарей долины, въ которыхъ непріятель собиралъ и устраивалъ колонны для штурма на нашемъ правомъ флангѣ, какъ я это указалъ выше.

Отбить обратно эти горы было приказано тѣмъ же ротамъ 16-го полка, отступившимъ съ нихъ безъ приказанія, чѣмъ и дать имъ возможность «хотя нѣсколько искупить свою оплошность» (пр. № 478). Назначенный штурмъ однако не состоялся и, какъ я узналъ, потому только, что удержать эти горы въ нашихъ рукахъ не было возможности за отсутствіемъ на нихъ укрѣпленій, почему найдено болѣе цѣлесообразнымъ, путемъ постояннаго обстрѣла ихъ, не давать и непріятелю укрѣпиться на нихъ. Первый такой обстрѣлъ и состоялся въ 10 часовъ того же вечера, явившій одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ ночной бомбардировки, въ которой приняли участіе береговыя и мортирныя батареи, при освѣщеніи горъ ракетами; продолжалась она всего два часа, но полагаю, что отъ такой стрѣльбы не только на этихъ горахъ, но и за ними не осталось ни одного японца. Этотъ сильный огонь указалъ японцамъ положительную невозможность и съ ихъ стороны укрѣпиться на этихъ горахъ, почему онѣ пока и оставались нейтральными для обѣихъ сторонъ.

Послѣдовавшее вскорѣ взятіе японцами Угловой горы на лѣвомъ флангѣ заключило крѣпость въ тѣсныя рамки обороны укрѣпленій, потеря которыхъ могла влечь за собою и потерю крѣпости, такъ какъ далѣе некуда было отступать.

Съ этого времени защита крѣпости вступаетъ въ новый фазисъ; душей ея и распорядителемъ становится Комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, а его ближайшимъ помощникомъ весьма дѣятельный и энергичный начальникъ 7-й дивизіи генералъ-маіоръ Кондратенко. До сихъ поръ мы только отступали, оставляя позиціи почти безъ боя, за исключеніемъ битвы на Зеленыхъ горахъ; теперь же отступленіе сдѣлалось невозможнымъ.

День 28 іюля знаменателенъ для всѣхъ насъ артурцевъ: около 10 часовъ утра нашъ флотъ, починившись во второй разъ, собрался и неожиданно для всѣхъ вышелъ на внѣшній рейдъ. Передавали, что ему Высочайше повелѣно пробиться во Владивостокъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ мною отъ многихъ компетентныхъ лицъ, Высочайшее повелѣніе состоялось на донесеніе Намѣстника, что Артуръ держаться долго не можетъ и скоро долженъ пасть, почему необходимо спасать честь флота, отдавъ ему приказъ пробиться во Владивостокъ. Если это такъ, то Намѣстникъ окончательно велъ флотъ къ погибели, лишивъ и Артуръ кое-какой помощи его.

Эскадра выступила въ такомъ порядкѣ: во главѣ ея шелъ «Цесаревичъ», какъ флагманское судно, за нимъ слѣдовали «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Севастополь» и «Полтава»; изъ крейсеровъ пошли «Аскольдъ», «Новикъ», «Паллада», «Діана», а также девять миноносцевъ и лазаретъ Краснаго Креста «Монголія». Съ эскадрой уѣхали и дамы, изъ коихъ однѣ на «Монголіи», а другія на броненосцахъ. Это вышло уже очень по домашнему, такъ какъ плаваніе дамъ на боевыхъ судахъ, да еще въ военное время, безусловно и строго воспрещено закономъ; измѣнить послѣдній, безъ особаго разрѣшенія Государя, никто не могъ, а таковаго не было. Отъѣздъ съ эскадрой дамъ знаменовалъ собою безвозвратный уходъ.

Эскадра взяла курсъ на SW (къ островамъ Мяо-Дао), а затѣмъ повернула на S, къ берегамъ Шантунга. Каждый изъ насъ молился мысленно, прося Бога помочь ей пробиться благополучно сквозь непріятельскую эскадру, суда который на горизонтѣ, видимо, засуетились и заметались. Какъ громомъ, утромъ 29 іюля

я былъ пораженъ извѣстіемъ о возвращеніи въ 5-ть часовъ броненосца «Ретвизана» съ однимъ миноносцемъ изъ-за острова Кепа, ставшаго на якорь у входа въ бухту.

Я тотчасъ же отправился на батарею, гдѣ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: у входа въ портъ дѣйствительно на якорѣ стоялъ «Ретвизанъ»; около 9 часовъ утра противъ входа въ портъ на рейдѣ показался «Севастополь», трубы котораго были попорчены и замѣтны пробоины въ правомъ борту; вскорѣ со стороны острововъ Мяо-Дао показались броненосцы «Пересвѣтъ», «Побѣда» и «Полтава» съ тремя миноносцами; эти послѣдніе вели перестрѣлку съ преслѣдовавшими ихъ непріятельскими судами. У броненосцевъ трубы были испорчены, въ особенности на «Пересвѣтѣ», который не имѣлъ и мачтъ.

Всѣ эти суда остановились первоначально на рейдѣ, а потомъ, съ началомъ прилива, постепено вошли въ бухту и стали на якорь. Приходъ ихъ въ такомъ безпорядкѣ и въ истерзанномъ видѣ ничего отраднаго не предвѣщалъ, а въ особенности, когда въ тотъ же день узнали, что у всѣхъ броненосцевъ, не исключая и «Ретвизана», правые борты совершенно разбиты и исправить ихъ невозможно; на «Полтавѣ», кромѣ того, оказалась поврежденной поворотная башня, 6″ орудіе перебито по поламъ, а другое подбито.

По собраннымъ мною многочисленнымъ свѣдѣніямъ отъ различныхъ лицъ съ крейсеровъ и броненосцевъ, произошло все дѣло такъ: выйдя въ открытое море, эскадра направилась на югъ къ берегамъ Шантунга, съ цѣлью пробиться во Владивостокъ; во главѣ эскадры шелъ флагманскій броненосецъ «Цесаревичъ», а за нимъ въ кильватерной колоннѣ слѣдовали броненосцы, какъ это указано выше; крейсера шли лѣвѣе и нѣсколько впереди колонны броненосцевъ, а впереди крейсеровъ развернутымъ фронтомъ слѣдовали миноносцы. Миляхъ въ ста отъ Артура, непріятельская эскадра, состоявшая изъ четырехъ броненосцевъ, шести крейсеровъ и около 30 миноносцевъ,—перерѣзала курсъ нашей эскадрѣ, по разсказамъ однихъ,—по кормѣ, по разсказамъ другихъ,—по носу, и начала итти параллельно нашей колоннѣ броненосцевъ тоже въ кильва-

терной колоннѣ, въ разстояніи 9—10 верстъ отъ нее; но въ этой колоннѣ шли только четыре броненосца и два бронированныхъ крейсера; остальные же крейсера слѣдовали лѣвѣе хвоста нашей колонны, а миноносцы охватили ея хвостъ. Вскорѣ японскіе броненосцы взяли курсъ какъ бы на перерѣзъ нашей эскадрѣ, начавъ понемногу тѣснить ее къ берегамъ Кореи; когда же обѣ эскадры сблизились на восемь верстъ, то «Цесаревичъ» далъ выстрѣлъ и завязалась перестрѣлка, перешедшая потомъ въ страшную орудійную канонаду; въ это время было замѣчено, что «Севастополь» и «Полтава», какъ имѣвшіе сравнительно небольшой ходъ, отстали отъ эскадры.

Вскорѣ непріятельскіе броненосцы сосредоточили почти весь свой огонь на «Цесаревичѣ», который продолжалъ итти по первоначальному курсу съ такой же быстротой. Огонь былъ до того сильный, что почти въ полчаса «Цесаревичъ» остался безъ трубъ и были сбиты его мачты, а также замѣтно было по неправильному его движенію, что повреждены у него и рулевыя приспособленія; но благодаря особенному устройству его винтовъ, онъ могъ обходиться и безъ нихъ. Когда же 12″ снарядъ попалъ въ его рубку и разрушилъ послѣднюю, то «Цесаревичъ» такъ быстро и круто повернулъ на лѣво-кругомъ, что всѣ дрогнули, предположивъ въ началѣ, что онъ тонетъ, такъ какъ при этомъ поворотѣ онъ сильно качнулся. Видя однако, что онъ пошелъ обратно, предположили, что онъ повернулъ защитить отставшихъ въ хвостѣ колонны «Севастополь» и «Полтаву», почему за нимъ сдѣлалъ поворотъ и «Ретвизанъ»; въ этотъ же моментъ съ «Цесаревича» былъ поданъ сигналъ «принять командованіе эскадрой «Пересвѣту», на которомъ находился старшій послѣ адмирала Витгефта князь Ухтомскій,— флагманъ Тихоокеанской эскадры. Догадавшись, что на «Цесаревичѣ» произошло несчастье и что необходимо спасать всю эскадру, «Ретвизанъ» дѣлаетъ быстрый поворотъ къ непріятельскимъ броненосцамъ и открываетъ по нимъ страшный губительный огонь съ обоихъ бортовъ. Это движеніе «Ретвизана» было такой неожиданностью для непріятеля, что онъ дрогнулъ и потерялъ строй. Мно-

гіе увѣрены, что если бы остальные наши броненосцы поступили также и послѣдовали примѣру «Ретвизана», то японцы были бы истреблены. По разсказу всѣхъ, «Ретвизанъ» дрался какъ левъ, не давая непріятелю прійти въ себя. Но это былъ одинъ моментъ, которымъ Кн. Ухтомскій не съумѣлъ воспользоваться, чтобы одержать побѣду и, растерявшись, далъ сигналъ разсыпаться броненосцамъ и крейсерамъ и защищаться каждому отдѣльно («спасайся кто куда можетъ»).

Адмиралъ Того, узнавъ объ этомъ сигналѣ въ тотъ моментъ, когда готовился самъ дать сигналъ объ отступленіи, немедленно возстановилъ свой строй, сосредоточивъ огонь на «Ретвизанѣ», и далъ сигналъ миноносцамъ начать немедленно минную атаку.

По сигналу Кн. Ухтомскаго всѣ суда разбѣжались въ стороны и прибыли порознь въ Артуръ благодаря тому только, что финалъ послѣдовалъ уже въ темнотѣ, около 11 часовъ ночи; самое же сраженіе началось около 4 часовъ вечера.

По разсказу одного офицера съ «Паллады», когда снарядъ попалъ въ трубу «Цесаревича» и сбилъ ее, то изъ отверстія для трубы пошелъ такой сильный дымъ и паръ, что всѣ предположили на немъ пожаръ; когда же «Паллада» ночью пробиралась къ Артуру, то увидѣли по тому же курсу двигавшагося «Цесаревича», который шелъ очень медленно и раскачивался; почему, при помощи рупора, между «Палладой» и «Цесаревичемъ» зашелъ разговоръ, кому итти впередъ; но, прибавилъ разсказчикъ, «Паллада» не разспрашивала «Цесаревича» о серьезности его поврежденій, о потеряхъ, о необходимости подать помощь, такъ какъ это было бы противъ этикета. Не знаю, существуетъ-ли такой этикетъ въ морскомъ вѣдомствѣ при несчастьяхъ, но такое заключеніе разсказчика возмутило многихъ; слѣдовательно, если бы «Цесаревичъ» черезъ 3—4 минуты пошелъ ко дну, а за это время можно было бы выяснить его состояніе и можетъ быть помочь ему, то морской этикетъ предписывалъ допустить затонуть судно, но не оказать ему помощи. Далѣе, по разсказу того же офицера, «Цесаревичъ», идя впереди, повернулъ влѣво и скрылся въ темнотѣ; почему

явилось предположеніе, что онъ или пошелъ на югъ и пробился или же затонулъ.

Все это произвело на насъ потрясающее впечатлѣніе. Только впослѣдствіи мы узнали, что «Цесаревичъ» добрался до Цвинтау (Кіао-Чау)—германскій портъ, гдѣ и началъ разоружаться, а весь экипажъ его сталъ военно-плѣннымъ Германіи; «Аскольдъ» пробѣжалъ въ Шанхай, а «Діана» въ Сайгонъ, гдѣ также разоружились; бѣдняжка же храбрый «Новикъ» добѣжалъ до береговъ Сахалина, преслѣдуемый непріятелемъ, и тамъ сложилъ свои кости, затопивъ самъ себя. Понесли-ли японцы потери и какія именно,—было неизвѣстно; впослѣдствіи мнѣ пришлось прочитать, что они будто бы потеряли три крейсера. На сколько это вѣрно,—не знаю, но вся наша эскадра стоила дороже этихъ трехъ крейсеровъ.

Еще до выхода эскадры 28 іюля, между моряками ходили слухи, что если японцы подойдутъ къ нашимъ послѣднимъ укрѣпленіямъ, то положеніе Артура сдѣлается безнадежнымъ, онъ безусловно попадетъ въ руки японцевъ, а потому флотъ заблаговременно долженъ позаботиться спасти себя отъ безславной сдачи. Такому взгляду на неминуемую гибель Артура помогла и иностранная пресса, которая трубила, что паденіе Артура ожидается со дня на день. Эскадра дѣйствительно вышла въ тотъ день, когда непріятель подошелъ вплотную къ послѣднимъ укрѣпленіямъ Артура и началъ бомбардировать уже портъ и бухты; почему полагаю, что такое рѣшеніе эскадры было основано на предписаніи Намѣстника, который, какъ я знаю, несомнѣвался, что Артуръ будетъ взятъ японцами; вѣроятно, и самъ Намѣстникъ въ душѣ сознавалъ, что «Артурскихъ твердынь» не существовало на дѣлѣ; но, съ другой стороны, мнѣ кажется флотъ слишкомъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе, такъ какъ близкій подступъ японцевъ къ Артуру не рѣшалъ еще участи его; помогая же сухопутной арміи, флотъ могъ бы сильно содѣйствовать защитѣ Артура и даже отогнать японцевъ на дальнія позиціи; онъ могъ по частямъ бить японскій флотъ, такъ какъ наша эскадра представляла изъ себя тогда довольно внушительную силу.

Вскорѣ начальникомъ эскадры Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ отважный и боевой капитанъ I ранга Вирренъ, командиръ славнаго «Баяна», произведенный въ адмиралы, чрезвычайно симпатичный человѣкъ. Къ сожалѣнію, въ наслѣдіе ему достались только развалины эскадры, никуда негодныя; флотъ началъ разоружаться *).

1 августа предъ разсвѣтомъ японцы открыли наступленіе противъ нашего лѣваго фланга и объектомъ ихъ дѣйствій были горы Сиротка, Трехголовая и Полуншань, значительно выступавшія изъ общей линіи нашихъ позицій. Наступленіе японцевъ было отбито, благодаря очень сильно развитому огню нашихъ батарей лѣваго фланга. Не успѣвъ взять ихъ приступомъ, японцы рѣшили обойти нашъ лѣвый флангъ, съ каковою цѣлью, какъ я указалъ выше, нѣкоторая часть ихъ прорвалась отъ бухты Луизы до бухты Голубиной; шли они по вязкому дну Луизы во время отлива, почему многіе изъ нихъ были перебиты; тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть ихъ достигла Голубиной бухты и утвердилась тамъ. Это было 2 августа и къ ночи этого числа бой прекратился, закончившись взятіемъ этихъ горъ и части Полуншаня. Съ занятіемъ этихъ пунктовъ, а на правомъ флангѣ Дагушаня и Сягушаня, японцы сомкнули кольцо вокругъ Артура.

3 августа изъ передовыхъ японскихъ постовъ показались парламентеры съ бѣлымъ флагомъ. Огонь былъ немедленно остановленъ и на встрѣчу имъ высланъ начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона полковникъ Рейсъ, которому японскій маіоръ Ямоото передалъ два пакета,—одинъ на имя генерала Стесселя, другой командующему нашей эскадрой.

Пакетъ на имя генерала Стесселя заключалъ въ себѣ предложеніе сдать крѣпость; оно было написано на японскомъ языкѣ

---

*) Встрѣтившись съ адмираломъ Вирреномъ послѣ сдачи крѣпости на пути въ Японію въ Дальнемъ, я лучше узналъ его и оцѣнилъ, и увѣренъ, что если бы 28 іюля была ему ввѣрена эскадра, то онъ несомнѣнно привелъ бы ее во Владивостокъ или же большая часть эскадры Того не существовала бы. Дѣйствія „Баяна“—лучшій аттестатъ отваги и знаній морского дѣла адмираломъ Вирреномъ. Въ этомъ много была виновата наша система назначеній по старшинству, а не по способностямъ и знаніямъ.

съ приложеніемъ перевода на англійскомъ и подписано Командующимъ Арміей Ноги и адмираломъ Того. Содержаніе предложенія такое: «Защитники Артура удивили своей беззавѣтной храбростью не только японцевъ, но и весь міръ. Такъ какъ Артуръ дольше держаться не можетъ, то, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, предлагаемъ сдать его. Отвѣта будемъ ожидать до первой минуты одиннадцатаго часа слѣдующаго дня».

Для отвѣта былъ собранъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ генерала Стесселя, изъ Коменданта крѣпости генерала Смирнова и командующаго эскадрой князя Ухтомскаго. Отвѣтъ былъ посланъ на японскомъ языкѣ, съ приложеніемъ перевода на французскомъ, такого содержанія (тоже приблизительно): «Ни честь, ни достоинство Россіи не позволяютъ не только сдать Артуръ, но и вести какіе-либо переговоры о сдачѣ крѣпости». Въ то же время генералу Смирнову было донесено, что японцы, пользуясь пріостановкой огня по случаю прибытія парламентеровъ, за деревней Сюйшуинъ строятъ укрѣпленія; почему, генералъ Смирновъ немедленно передалъ по телефону полковнику Рейсу предупредить Ямоото, что если эти работы не будутъ немедленно пріостановлены, то батареи откроютъ огонь. Такъ какъ во время передачи отвѣта работы также продолжались, то Ямоото возвратился обратно подъ громъ нашихъ орудій. Говорятъ, что одинъ изъ членовъ совѣта предлагалъ вмѣсто отвѣта открыть самый сильный огонь изъ всѣхъ батарей; но другіе члены нашли необходимымъ соблюсти международную вѣжливость и послали означенный выше отвѣтъ.

Такъ какъ Ямоото привезъ одновременно пакетъ такого же самого вида и на имя начальника эскадры, то полагали, что содержаніе его тождественно съ письмомъ генералу Стесселю и касается сдачи флота; между тѣмъ, оказалось, что въ этомъ пакетѣ заключались условія относительно вывоза изъ Артура женщинъ, дѣтей, священниковъ. Они были таковы: «Всѣхъ этихъ лицъ собрать и препроводить въ дер. Сюйшуинъ, гдѣ и должна состояться передача ихъ японцамъ». При разрѣшеніи этого вопроса на совѣтѣ, генералъ Стессель и Кн. Ухтомскій выразили желаніе согла-

ситься на эти условія, но Комендантъ крѣпости рѣшительно протестовалъ противъ принятія ихъ и предложилъ категорическій отказъ. Мотивъ къ этому былъ слѣдующій: такъ какъ дер. Сюйшуинъ была расположена впереди всѣхъ нашихъ позицій и на виду ихъ, то генералъ Смирновъ въ условіяхъ японцевъ запримѣтилъ желаніе ихъ воздѣйствовать на духъ нашихъ войскъ; въ самомъ дѣлѣ, сдача японцамъ на виду всего гарнизона священниковъ, такъ цѣнимыхъ при нашихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, также,—трогательная и раздирающая картина прощанья мужей съ женами и дѣтьми на глазахъ того же гарнизона, подѣйствовала бы на послѣдній угнетающимъ образомъ и на столько, что была бы равносильна сдачѣ половины Артура. Въ виду этого очень основательнаго мотива, остальные члены вполнѣ согласились съ Комендантомъ и отвѣтъ былъ данъ также отрицательный.

Присылка письма о сдачѣ Артура пролетѣла электрической искрой по всему гарнизону и не только не встревожила послѣдній, но наоборотъ, возбудила всеобщій энтузіазмъ, такъ какъ предложеніе о сдачѣ крѣпости почему-то было истолковано въ смыслѣ слабости войскъ генерала Ноги овладѣть Артуромъ силою.

Съ этого момента Артурскій гарнизонъ вступаетъ въ страшную борьбу на жизнь и смерть, въ борьбу, покрывшую его неувядаемой славой и окружившую его по истинѣ лаврами героизма.

Юридически и фактически оборона крѣпости теперь переходитъ въ руки Коменданта ея, опытнаго, энергичнаго и знающаго дѣло генералъ-лейтенанта К. Н. Смирнова. Съ именемъ послѣдняго навсегда и неразрывно будетъ связана исторія великой и славной борьбы, случайно и по недоразумѣнію перенесенной на генералъ-лейтенанта Стесселя. Несмотря на отданный послѣднимъ приказъ, что главное руководство по оборонѣ крѣпости онъ оставляетъ за собою, это руководство фактически осталось въ рукахъ генерала Смирнова, какъ Коменданта, при которомъ, въ качествѣ совѣщательнаго органа, состоялъ совѣтъ изъ начальника сухопутной обороны генералъ-маіора Кондратенко, начальника артиллеріи генералъ-маіора Бѣлаго и начальника инженеровъ полковника Григоренко. Постановленія

совѣта не были однако обязательны для Коменданта. При помощи указанныхъ лицъ, генералъ Смирновъ приводилъ въ исполненіе всѣ выработанные имъ планы и принятыя рѣшенія по защитѣ крѣпости; черезъ нихъ же отдавалъ соотвѣтствующія приказанія низшимъ органамъ, чѣмъ и согласовалъ дѣйствія различныхъ отдѣловъ обороны. Всегда спокойный, равнодушный къ смерти, но предпріимчивый, полный энергіи и отваги, а главное—съ большимъ запасомъ знаній по артиллерійскому и крѣпостному дѣлу, генералъ Смирновъ детально, съ замѣчательной настойчивостью и силой воли, выполнялъ принятыя имъ рѣшенія, удивляя храбраго врага побѣдоноснымъ отраженіемъ его бѣшенныхъ штурмовъ. Только находчивость и нѣкоторый рискъ въ передвиженіи резервовъ, недостатокъ которыхъ чувствовался уже въ самомъ началѣ тѣсной блокады,—сокрушили стотысячную японскую армію, оперировавшую противъ слабыхъ, едва укрѣпленныхъ усиліями войскъ фортовъ крѣпости. Впослѣдствіи, по личному сознанію К. Н., онъ за все время осады только одинъ разъ растерялся и считалъ уже проиграннымъ дѣло; это было въ ночь на 14 августа, когда непріятель, пользуясь разразившейся грозой и бурей, предпринялъ штурмъ крѣпости по всей линіи фронта и когда невозможно было опредѣлить, куда именно будетъ направленъ имъ главный ударъ, предупредить который только и можно было своевременнымъ сосредоточіемъ тамъ резерва. По этому вопросу не могу обойти молчаніемъ слѣдующаго разговора, происшедшаго между генераломъ Смирновымъ и японскимъ уполномоченнымъ маіоромъ Ямоото въ г. Дальнемъ, уже послѣ сдачи крѣпости, въ присутствіи моемъ и адмираловъ Виррена, Лощинскаго и Григоровича.

Восхищаясь храбростью русскихъ войскъ, дравшихся подъ Артуромъ, Ямоото сказалъ, что какъ японскихъ начальниковъ, такъ въ особенности его удивляло то обстоятельство, что штурмующія японскія колонны, несмотря на слабость гарнизона крѣпости, вездѣ встрѣчали сильный резервъ; почему и просилъ генерала Смирнова разъяснить ему эту загадку. На это К. Н., смѣясь, отвѣтилъ: «Теперь это дѣло прошлое и я могу откровенно сказать вамъ.

Я очень зорко слѣдилъ за движеніемъ вашихъ войскъ, благодаря чему всегда вѣрно угадывалъ мѣсто настоящаго штурма; къ этому-то мѣсту я заблаговременно подтягивалъ весь наличный свой резервъ съ другихъ позицій, хотя и ставилъ себя на нихъ въ очень опасное положеніе». Я замѣтилъ, какъ сильно при этомъ покраснѣлъ отъ злости Ямоото.

Что касается генерала Стесселя, то онъ,—что лично извѣстно мнѣ по разсказамъ генерала Смирнова и другихъ участниковъ обороны,—ровно никакого участія не принималъ въ главномъ руководствѣ обороной крѣпости и даже вовсе неинтересовался планами этой обороны, ограничившись исключительно полицейско-административной дѣятельностью внутри крѣпости и поѣздками по фортамъ и позиціямъ внѣ боя, проводя остальное время гдѣ-либо въ укрытомъ мѣстѣ (блиндажѣ), погружаясь тамъ окончательно съ начальникомъ своего штаба полковникомъ Рейсомъ въ раздачу наградъ и въ представленія къ нимъ; причемъ, и эта сторона его дѣятельности возбуждала не мало нарѣканій, неудовольствій и споровъ; иногда, впрочемъ, благодаря существовавшимъ между нимъ и генераломъ Смирновымъ непріязненнымъ отношеніямъ, вмѣшательство его въ дѣла обороны выражалось въ отмѣнѣ принимаемыхъ К. Н. мѣръ по усиленію этой обороны (напр. вылазки, постройки новыхъ окоповъ и т. под.); въ этихъ случаяхъ, по словамъ К. Н., онъ достигалъ своей цѣли единственно черезъ посредство генерала Кондратенко, умѣвшаго въ каждомъ данномъ случаѣ убѣдить генерала Стесселя какъ въ цѣлесеобразности, такъ и въ необходимости принимаемой мѣры.

Къ счастью генерала Смирнова, въ лицѣ генерала Кондратенко онъ нашелъ себѣ самаго надежнаго, честнаго и добросовѣстнаго сотрудника, выполнявшаго до мелочей какъ постановленія совѣта, такъ и отдѣльныя самостоятельныя приказанія Коменданта.

Здѣсь я позволю остановиться нѣсколько на личности генерала Кондратенко, справедливо снискавшаго себѣ любовь между подчиненными и заслужившаго славу героя. Я познакомился съ нимъ еще въ 1902 году въ Хабаровскѣ, въ бытность его дежурнымъ

генераломъ при штабѣ Приамурскаго военнаго Округа. Маленькаго роста, худощавый, медленный въ своихъ движеніяхъ и рѣшеніяхъ, не словоохотливый,—онъ производилъ пріятное впечатлѣніе на другихъ своими добрыми ласкающими глазами и чрезвычайнымъ добродушіемъ и вниманіемъ. Говорили, что онъ не пользовался расположеніемъ генералъ-губернатора и командующаго войсками Округа генерала Гродекова, который будто бы не выносилъ его медленныхъ и растянутыхъ докладовъ. Въ Артурѣ, въ ноябрѣ 1903 года, я встрѣтился съ нимъ уже какъ знакомый; въ то время онъ принималъ въ свое командованіе 7-ю Восточную Сибирскую стрѣлковую дивизію, гдѣ показался мнѣ такимъ же застѣнчивымъ и еще менѣе словоохотливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень дорожившимъ вниманіемъ и любезностью генерала Стесселя, а въ особенности Намѣстника. Послѣ этого мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ уже въ разгаръ войны, въ февралѣ 1904 года, въ бытность мою у генерала Стесселя, съ которымъ, какъ я замѣтилъ, онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Впослѣдствіи эти отношенія оказали большую услугу генералу Смирнову въ его оборонѣ крѣпости, къ которому генералъ Стессель сталъ въ очень острыя отношенія изъ-за обстоятельствъ, на которыя я указывалъ и укажу впослѣдствіи.

Главная и единственная заслуга генерала Кондратенко состояла въ точномъ и детальномъ выполненіи плановъ обороны крѣпости. Не было дня и ночи, когда бы онъ лично по нѣсколько разъ не проѣхалъ на форты и позиціи для повѣрки карауловъ, гарнизоновъ и тѣхъ работъ, которыя должны быть выполнены. Самостоятельно онъ не дѣлалъ, да и по закону не могъ дѣлать какихъ либо распоряженій по распредѣленію гарнизоновъ или укрѣпленію позицій, такъ какъ таковыя могли быть отданы имъ только съ разрѣшенія Коменданта; но то, что дѣлалъ Кондратенко, не зная устали, никто не дѣлалъ въ крѣпости, да и не могъ дѣлать и по своей робости, и по своей лѣни. Впослѣдствіи мнѣ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми сообщеніями адъютанта его дивизіи поручика Гриневича. Удивительно, какъ могъ послѣдній такъ умышленно извратить нѣ-

которыя дѣйствія генерала Кондратенко, приписывая его инціативѣ, напримѣръ, переводъ во время штурмовъ гарнизона съ одной позиціи на другую, для усиленія ея, когда таковыя распоряженія могъ дать только Комендантъ, отдававшій ихъ иногда генералу Кондратенко лично при мнѣ. Также Гриневичу должно быть извѣстно и то, что приказъ по сухопутному фронту относительно солдатъ, бѣгущихъ съ позицій, былъ отданъ генераломъ Кондратенко по приказанію генерала Смирнова и что первоначальная редакція его была исправлена послѣднимъ, каковой приказъ и былъ отданъ по войскамъ. Нѣкоторые же въ своихъ сообщеніяхъ доходили до смѣшного, выдумавъ, напримѣръ, что генералъ Кондратенко предпринялъ работы по прорытію подземнаго хода изъ Артура къ горѣ Лѣотѣшанъ, которую онъ предполагалъ сдѣлать послѣднимъ оплотомъ борьбы. Кромѣ того, что въ распоряженіи Кондратенко не было такой массы рабочихъ, которые могли бы прорыть этотъ ходъ на разстояніи 20 верстъ, если итти подъ бухтой, и болѣе 30 верстъ, если рыть его во-кругъ бухты, нужно принять также во вниманіе еще и то, что мѣстность эта представляла сплошную скалу, каковую работу даже физически невозможно было выполнить. На самомъ дѣлѣ, лично при мнѣ былъ только разговоръ о томъ, что въ случаѣ прорыва въ Артуръ, послѣднимъ оплотомъ для гарнизона будетъ гора Лѣотѣшанъ, на которую и перейдутъ защитники.

Благодаря частымъ посѣщеніямъ позицій и постоянной близости къ солдатамъ, послѣдніе очень полюбили своего генерала, бывшаго всегда съ ними и при мирной обстановкѣ, и въ бою. Ни пули, ни свистъ снарядовъ его не пугали и постоянное пребываніе его подъ огнемъ при штурмахъ вмѣстѣ съ подчиненными—воодушевляло послѣднихъ и дѣйствовало на нихъ магически, въ смыслѣ безумной отваги и героизма. Узнавъ, что генералъ Стессель не прочь былъ сдать крѣпость японцамъ, генералъ Кондратенко лично мнѣ говорилъ, что онъ никогда на это не согласится, а если бы это случилось, то онъ, не подчинившись этому рѣшенію, попробуетъ съ дивизіей пробиться черезъ густыя массы непріятеля и будетъ

считать спасенной честь дивизіи, если изъ нее спасется хотя 2—3 человѣка. Это былъ истинный патріотъ, смѣлый, отважный и непреклонный въ своемъ рѣшеніи генералъ.

Онъ не считалъ войну—*войной капитановъ* и не былъ *нѣмъ* къ своимъ подчиненнымъ; напротивъ, онъ зорко слѣдилъ за всѣми лично и гдѣ только замѣчалъ слабость духа или хотя малѣйшее упущеніе, немедленно исправлялъ его лично, отправляя иногда обязанность ротного и даже субалтернъ-офицера; при штурмѣ, напримѣръ, Зеленыхъ горъ, онъ лично повелъ въ атаку двѣ роты. Съ офицерами и солдатами онъ былъ необыкновенно добръ, вѣжливъ, обходителенъ и привѣтливъ. Не было ни одной солдатской нужды, которая не удовлетворялась бы немедленно; не было въ дивизіи, кажется, ни одного солдата, котораго генералъ не зналъ бы лично и съ которымъ не поговорилъ бы ласково, по-товарищески. Все это въ совокупности создало искреннюю и сердечную любовь къ генералу Кондратенко какъ со стороны офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ и каждый изъ нихъ за честь считалъ бы пожертвовать своей жизнью за жизнь любимаго начальника. Таковъ былъ Р. И. Кондратенко и такимъ онъ остался до своей смерти, которая имѣла роковыя послѣдствія, такъ какъ не нашлось болѣе въ крѣпости такого добросовѣстнаго въ исполненіи своихъ обязанностей человѣка, которымъ могъ бы быть замѣненъ генералъ Кондратенко.

4 августа, по полученіи отвѣта на предложеніе сдать Артуръ, японцы открыли огонь по бухтѣ и городу и обстрѣливали часа два; наши батареи отвѣчали изрѣдка, подготовляя себя съ минуты на минуту къ страшному штурму. Такая же стрѣльба продолжалась и 5 августа и также по порту и городу, постепенно усиливаясь къ вечеру, въ который съ нами случилось маленькое несчастье: наша канонерка «Гремящій», по дорогѣ отъ Лѣотѣшана къ порту наскочила на мину и спустя $^1/_2$ часа пошла ко дну; офицеры и матросы были спасены. Такъ какъ мы попривыкли къ такимъ явленіямъ съ судами нашего флота и видали не такіе виды, то погибель «Гремящаго» и не возбудила особаго вниманія.

Наконецъ, наступило 6 августа, день Преображенія Господня.

Около 5 часовъ утра этого дня рѣдкая стрѣльба, непрекращавшаяся всю ночь, приняла характеръ канонады. Всѣ были увѣрены и не ошиблись, что начинается давно ожидаемый жестокій штурмъ нашихъ фортовъ и укрѣпленій. Особенно сильно массировался огонь на Угловой, Длинной и редутахъ—Водопроводномъ, Кумирнскомъ и №№ 1-й и 2-й; въ то же время стрѣльба производилась и по городу, въ особенности по расположенному у Перепелочной горы нашему арсеналу. Продолжаясь непрерывно цѣлый день, канонада еще болѣе усилилась къ вечеру. Наконецъ, около $6^1/_2$ часовъ вечера, мѣткой стрѣльбой японцамъ, удалось взорвать въ арсеналѣ складъ нашихъ дистанціонныхъ трубокъ и китайскихъ старыхъ патроновъ. Взрывъ былъ грандіозный, послѣ чего начался пожаръ. Когда совершенно стемнѣло, то представилась чудная картина съ батареи № 9: зарево пожара, освѣтившее часть небосклона и усилившееся порывами бывшаго тогда сильнаго вѣтра, непрерывно рвущіеся снаряды въ порту и городѣ, страшный гулъ канонады, безпрерывное освѣщеніе непріятельскаго фронта ракетами—дѣлало ее и страшной и интересной. Канонада продолжалась всю ночь, и утромъ 7 августа я проснулся подъ звуки той же музыки. Ночью японцы нѣсколько разъ порывались атаковать Угловую, но были отбиты съ успѣхомъ. 7 августа, около 10 часовъ утра, имъ удалось занять дер. Сюйшуинъ (по средней Артурской дорогѣ), находившуюся противъ Кумирнскаго и Водопроводнаго редутовъ. Занятіе этой деревни было для насъ очень опасно, такъ какъ отсюда рукой подать до города; почему приказано было со всѣхъ батарей сосредоточить огонь на этой деревнѣ, а въ томъ числѣ произвести стрѣльбу и батареѣ № 9. Такъ какъ съ послѣдней дер. Сюйшуинъ была какъ на лодони, то я отправился на батарею и, вооружившись биноклемъ, смотрѣлъ на эту страшную бойню. Трудно себѣ даже представить ту адскую картину, которую изображала въ этотъ моментъ деревня; въ нее ежеминутно влетали сотни снарядовъ и дымъ отъ разрыва заволакивалъ видъ ея; это былъ ураганъ огня и желѣза. Къ вечеру японцевъ удалось выгнать изъ деревни, но Угловую наши войска оставили, такъ какъ

на ней не было возможности держаться за силою адскаго огня противника; но и японцы не заняли ее по той же причинѣ, почему она осталась для нихъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Дагушань.

Ночь на 8-е августа прошла въ такомъ же адскомъ огнѣ, усилившемся и въ нашемъ центрѣ, гдѣ разстрѣлу его подверглись редуты №№ 1 и 2, люнетъ Куропаткина и батарея Орлиное гнѣздо съ фортомъ № 2; вновь эта мѣстность освѣтилась ракетами и огласилась ревомъ нашихъ орудій, причемъ даже береговыя батареи и морская артиллерія приняли участіе въ отраженіи атакующихъ непріятельскихъ колоннъ. День 8 августа прошелъ въ такой же огненной агоніи, причемъ изъ Дальняго былъ вызванъ японцами послѣдній ихъ резервъ въ десять тысячь. По поводу этого обстоятельства генералъ Стессель отдалъ 8 августа за № 514 такой приказъ: «Отъ плѣннаго раненаго японца узнаю, что изъ Дальняго сюда прибылъ ихъ послѣдній резервъ до 10 тысячь. Вы, славные защитники, держитесь уже долго противъ въ пятеро сильнѣйшаго врага; потери японцевъ громадные, несоизмѣримо больше нашего; надо напрячь всѣ усилія, чтобы и послѣднія ихъ резервы растрепать также, какъ Вы упразднили ихъ дивизіи. Надѣюсь на помощь Бога и на Вашу беззавѣтную храбрость». Дѣйствительно, потери японцевъ были ужасны; трупы ихъ облегали наши позиціи холмами, гдѣ также были и раненые, которыхъ они не убирали. Около 11 часовъ утра показался японскій воздушный шаръ сигарообразной формы; результатомъ этого поднятія было еще болѣе сильное дѣйствіе артиллерійскаго огня, сосредоточенное на Орлиномъ гнѣздѣ, гдѣ одно орудіе было сбито, другое подбито, а третье засыпано землей; отрыть его нельзя было за дѣйствіемъ сильнаго огня. На горизонтѣ моря видны были непріятельскіе миноноски и суда большого типа, которые, какъ коршуны, ожидали момента броситься на Артуръ, при взятіи его съ суши. Въ этотъ день окончательно пришлось оставить Угловую, которую не заняли, какъ я указалъ выше, и японцы, такъ какъ она буквально засыпалась снарядами.

Ночь на 9 августа, какъ и этотъ день продолжалась такая

же канонада и только къ вечеру этого дня были взяты редуты №№ 1 и 2; впрочемъ, тамъ нечего было брать, такъ какъ они были сравнены съ землей; они также не были укрѣплены прочно и носили характеръ полевыхъ укрѣпленій. Прорывъ непріятеля въ этомъ мѣстѣ угрожалъ опасностью, на что было обращено особенное вниманіе; сосѣдство его очень угрожало форту № 2, такъ какъ японцы были уже нѣсколько въ тылу его и обстрѣливали къ нему дорогу.

День 10 августа продолжалась атака всего праваго фланга и закончился общимъ штурмомъ всѣхъ позицій, которыя гарнизонъ отстоялъ со славою.

Итакъ, войска наши съ честью выдержали непрерывный десятидневный страшный бой, сражаясь противъ цѣлой арміи. Потери японцевъ были такъ громадны, что отлогости нашихъ укрѣпленій буквально были завалены холмами ихъ труповъ, которыхъ они не позволяли убирать, стрѣляя по рабочимъ. Очевидно, желаніе было сдѣлать невозможнымъ жизнь на фортахъ при такомъ непріятномъ сосѣдствѣ; тѣмъ болѣе, жара стояла сильная, разложеніе наступало немедленно и воздухъ заражался страшнымъ зловоніемъ; къ счастью, вѣтеръ дулъ всегда отъ насъ къ японцамъ. Одно было непріятно, это появленіе трупныхъ мухъ въ такомъ изобиліи, что не было отбоя. Въ эти 10 дней боя японцы потеряли 25 т. По разсказу врача С...., въ разрытой кучѣ убитыхъ японцевъ на 4-й день былъ найденъ еще живымъ тяжело раненый японецъ, который былъ немедленно взятъ и отправленъ въ госпиталь. Многіе устанавливаютъ тотъ фактъ, что японцы подбираютъ своихъ только легко раненыхъ; остальныхъ же или оставляютъ въ полѣ или добиваютъ ихъ. Безусловно также установленъ фактъ, что японцы по своимъ колоннамъ, идущимъ въ атаку и дрогнувшимъ, начинаютъ стрѣлять шрапнелью и изъ пулеметовъ, подгоняя ихъ. Всѣ плѣнные японцы разсказываютъ объ этомъ, а перебѣжчики—японцы увѣряли, что имъ грозятъ смертью, если они будутъ отступать, почему оставалось одно—идти на штурмъ, гдѣ также ожидала смерть. Побужденіе къ атакѣ путемъ подстрѣливанія своихъ повело за собою бунтъ японцевъ противъ

бригаднаго генерала, изобрѣвшаго это средство, котораго они зарѣзали. Это обстоятельство также подтверждается свидѣтельствомъ японцевъ и китайцевъ.

Многіе японцы, взятые въ плѣнъ, были увѣрены, что русскіе ихъ немедленно разстрѣляютъ и спрашивали, скоро-ли ихъ «кантоми»; когда же узнали, что ихъ стрѣлять не будутъ, а будутъ лѣчить, то сначала не повѣрили этому, а убѣдившись, повеселѣли и сдѣлались разговорчивыми.

10 Августа случилось съ нами несчастье на морѣ. Въ бухтѣ Сяобиндао и около Тахе скопилось много мелкихъ японскихъ судовъ и миноносокъ, почему, съ цѣлью отогнать ихъ, утромъ означеннаго числа вышелъ на рейдъ броненосецъ «Севастополь», который въ сопровожденіи трала и направился къ нимъ, открывъ огонь. Нужно было видѣть только, какъ поспѣшно вся эта мелочь начала удирать при видѣ нашего броненосца. Вдругъ, съ правой стороны у его носа взорвалась мина, не причинившая однако ему вреда; броненосецъ далъ сначала два залпа въ сторону непріялеля, потомъ еще и еще, послѣ чего повернулся медленно назадъ и направился къ створу въ портъ. Недоходя до послѣдняго, около 12 часовъ дня, возлѣ него вновь раздался взрывъ съ лѣвой стороны у носовой части, послѣ чего онъ покачнулся, накренился и задержалъ свой ходъ. Носъ его мало по малу началъ погружаться въ воду, но къ нему въ это же время подскочили на помощь миноносцы, тральныя суда и буксиры, взявшіе его на канатъ, начавъ выкачивать изъ него воду; послѣ этого онъ немного выпрямился, носъ поднялся изъ воды и онъ сталъ на рейдѣ, поднявъ сигналъ о позволеніи войти въ портъ. Вскорѣ онъ благополучно прошелъ въ бухту съ значительнымъ поврежденіемъ въ носу.

Бой съ 1—10 августа въ значительной степени поднялъ духъ гарнизона, сокрушившаго почти цѣлую армію и понесшаго сравнительно небольшія потери. Хотя мы и отступили съ Угловой и съ редутовъ №№ 1-й и 2-й, но это нисколько не ослабило духа войскъ; у каждаго сложилось убѣжденіе, что Артуръ отстоимъ до подхода подкрѣпленій; что духъ японцевъ ослабѣлъ и что они

идутъ въ атаку не съ такимъ уже рвеніемъ, какъ въ началѣ. Каждый почему то былъ убѣжденъ въ томъ, что прійдетъ же когда нибудь генералъ Куропаткинъ на помощь или по крайней мѣрѣ окажутъ помощь снарядами.

У всѣхъ только и былъ разговоръ о самой скорой помощи. Помню маленькій эпизодъ на эту тему, случившійся со мною еще 9 августа. Взойдя на одну изъ заброшенныхъ китайскихъ батарей Тигровки на берегу моря, я увидѣлъ сидящимъ на окопѣ матроса, который сосредоточено и задумчиво смотрѣлъ на море. Поздоровавшись, я спросилъ его, что̀ онъ тутъ дѣлаетъ. Онъ объяснилъ, что пришелъ сюда посмотрѣть, не видно-ли на морѣ какой-либо помощи намъ. Кстати, въ то время ходили упорные слухи, что «Цесаревичъ», «Аскольдъ», «Діана» и «Новикъ» пробились во Владивостокъ и что адмиралъ Скрыдловъ, организовавъ эскадру, идетъ къ Артуру; многіе слышали даже въ морѣ отдаленную пальбу; а также, что къ этой эскадрѣ присоединилась даже часть балтійской эскадры, вышедшей раньше на помощь къ намъ.

— «Какая же можетъ быть помощь съ моря, спросилъ я».

— «Да говорятъ, что скоро подойдетъ къ намъ адмиралъ Скрыдловъ и подвезетъ войскъ и провіанта».

— «Кто же это говоритъ», спросилъ я.

— «Да всѣ говорятъ въ Квантунскомъ экипажѣ», причемъ я замѣтилъ блеснувшія у него на глазахъ слезы.

— «Правда-ли, Ваше Превосходительство», спросилъ онъ меня въ свою очередь,—«что если японецъ не возьметъ Артура 10 августа, то отступитъ; объ этомъ также всѣ говорятъ въ экипажѣ». Влажный взоръ его впился въ меня.

Жаль мнѣ было разочаровывать бѣднягу въ его надеждахъ.

Зная по опыту, на сколько послѣднія поддерживаютъ въ людяхъ при нашемъ положеніи бодрость, я объяснилъ ему, что есть большая надежда на скорый приходъ адмирала Скрыдлова и балтійской эскадры, если не будетъ ни какой задержки, и что эта эскадра подвезетъ намъ и припасовъ, и войска; что Государь ни-

когда не забудетъ храбрыхъ защитниковъ Артура, сражающихся непрерывно уже седьмой мѣсяцъ и спасетъ всѣхъ насъ отъ позорнаго плѣна; также можетъ подоспѣть и скорая помощь генерала Куропаткина, который далъ слово освободить насъ и что, видимо, японцы, въ виду его скораго прибытія, спѣшатъ овладѣть Артуромъ; такъ какъ у нихъ теперь уже не хватаетъ войска, а помощь должна подойти скоро, то возможно, что они и отступятъ. При моемъ спокойномъ и увѣренномъ объясненіи, лицо матроса прояснилось; замѣтно было, что онъ сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ скораго прибытія помощи; да и самъ я, говоря объ этомъ, начиналъ вѣрить тому, о чемъ говорилъ, и на душѣ стало какъ-то легче. Итакъ думали тысячи, думалъ весь гарнизонъ, окрылялъ себя этой надеждой, которой только и жилъ среди своихъ страданій, трудовъ, лишеній.

Бѣдный мой собесѣдникъ—матросъ! Видно душа его сильно страдала зародившимися сомнѣніями и непреодолимая грусть одолѣла по родинѣ и родныхъ. Это тяжелое, гнетущее душевное состояніе, вѣроятно, и заставило его удалиться на пустынный, полуразрушенный китайскій веркъ, чтобы на-единѣ отдаться тяжелымъ мыслямъ и помечтать о возможномъ свиданіи съ дорогими и милыми ему лицами.

Такъ какъ я давно уже былъ въ городѣ, то 11 августа отправился туда и прежде всего по службѣ зашелъ къ генералу Стесселю; послѣдняго я засталъ не въ духѣ. Изъ разговора съ нимъ и его женой я убѣдился, что онъ также терялъ всякую надежду на скорую помощь и въ скоромъ будущемъ предвидѣлъ гибель всѣхъ защитниковъ Артура. При мнѣ ему былъ поданъ запечатанный конвертъ, вскрывъ который и прочитавъ заключенное въ немъ извѣщеніе, онъ съ тяжелымъ чувствомъ произнесъ: «Все отступленіе и отступленіе; когда же наконецъ будетъ наступленіе», и при этомъ прочиталъ вслухъ полученное отъ генерала Куропаткина сообщеніе отъ 27 іюля изъ Ансанзана слѣдующаго (приблизительно) содержанія: «Армія въ порядкѣ отступаетъ къ Ляояну; возможно, что въ половинѣ сентября перейду въ быстрое и рѣшительное наступленіе; надѣюсь, что храбрыя защитники отстоятъ Артуръ».

Помолчавъ, генералъ Стессель сказалъ: «Нельзя же, чтобы Артуръ вотъ уже шесть мѣсяцевъ выдерживалъ на своихъ плечахъ кампанію». Я съ нимъ въ душѣ согласился.

Меня поражало, неужели генералъ Куропаткинъ детально не посвященъ въ средства защиты Артура, разсчитывая, что его несчастный, измученный постоянными боями гарнизонъ, будетъ держаться до того времени, сколько этого пожелаетъ онъ и неужели мы такъ оскудѣли средствами и энергіей, что за шесть мѣсяцевъ не могли собраться съ силами, чтобы дать надлежащій отпоръ непріятелю.

Подъ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я отъ генерала Стесселя и по дорогѣ зашелъ къ генералу Смирнову, рѣдко когда унывавшему. Генерала я засталъ дома и онъ, видимо, обрадовался моему приходу, встрѣтивъ меня привѣтомъ: «Сколько лѣтъ, сколько зимъ». Я дѣйствительно не видѣлся съ нимъ болѣе мѣсяца, такъ какъ хотя и заходилъ къ нему раза два, но его не было дома. Этотъ герой вѣчно на позиціяхъ, вѣчно въ работѣ и отдыха никогда не зналъ. Я сейчасъ же перешелъ на тему о новостяхъ. Смѣясь по поводу свѣжей, только что полученной новости, генералъ предложилъ мнѣ прочитать сообщеніе генерала Куропаткина отъ 27 іюля. На мой отвѣтъ, что я сейчасъ только читалъ его, онъ, улыбаясь, ядовито прибавилъ, что, очевидно, надежда съ этой стороны потеряна. «Но не падайте духомъ», началъ онъ, смѣясь,—«такъ какъ я имѣю еще два основанія къ спасенію; одно очень вѣское, а другое менѣе вѣское». На мою просьбу сообщить, онъ сказалъ: «Болѣе вѣское состоитъ въ надеждѣ на приходъ балтійской эскадры, которая, согласно сообщеніямъ о выходѣ ея изъ Кронштадта, должна прибыть сюда къ 1 октября; возможно, что до того времени мы отстоимъ Артуръ; впрочемъ, за Артуръ я могу ручаться до 1 декабря, а далѣе нѣтъ, такъ какъ могутъ окончательно истощиться средства защиты.

Менѣе вѣское заключается въ томъ, что къ концу обороны,—въ случаѣ не прибудетъ своевременно помощи,—у меня останется всего около пяти тысячъ защитниковъ, но уже испытанныхъ и

закаленныхъ въ бою; съ ними я и допью послѣднюю чашу моей земной жизни, послѣ чего, переселившись въ надзвѣздный міръ, для меня совершенно безразлично будетъ, кому достанется Артуръ; будетъ-ли онъ принадлежать японцамъ, русскимъ, англичанамъ или же звѣздѣ Сиріусу. Вы же, если не убьютъ васъ, попадете въ плѣнъ, а потомъ размѣняютъ васъ на мелкія монеты и возвратитесь въ Россію». Съ заключеніемъ его я не согласился вполнѣ и высказалъ увѣренность, что его-то жизнь японцы и будутъ беречь, какъ одну изъ самыхъ важныхъ трофей, и заключивъ его въ иззящную серебрянную съ золотомъ клѣтку, повезутъ въ Нагасаки и Токіо показать японскому народу того руководителя обороны, который каждую пядь уступленной земли оплачивалъ десятками тысячъ японскихъ труповъ. Мы оба разсмѣялись. «Ну, а что будетъ со Стесселемъ», спросилъ онъ, смѣясь.

Разговоръ и свиданіе съ этимъ милымъ человѣкомъ нѣсколько облегчили душу и я ушелъ отъ него въ болѣе спокойномъ настроеніи. Подходя къ своей городской квартирѣ, я увидѣлъ раненаго 15-го полка, переносимаго на носилкахъ. Остановивъ, я началъ его разспрашивать, гдѣ и куда онъ раненъ. «Да вездѣ израненъ; и въ бокъ и грудь, и въ голову», отвѣтилъ съ покорностью судьбѣ этотъ скромный герой. «Я раненъ осколками снаряда; да мнѣ-то что-же; прійдется умирать, да только далъ-бы Богъ, чтобы товарищи отстояли Артуръ», добавилъ онъ грустно, устремивъ на меня свой умоляющій взоръ. Я началъ утѣшать его, что такіе герои какъ онъ не умираютъ и что онъ скоро выздоровѣетъ и возвратится къ товарищамъ на помощь. Въ это время вблизи насъ просвистѣли осколки непріятельскаго снаряда. Зная, что раненыхъ добивали именно такіе случайные осколки, я поторопилъ санитаровъ нести больного въ госпиталь; на встрѣчу ко мнѣ выбѣжалъ секретарь С...., блѣдный и взволнованный, сообщивъ, что видя разорвавшуюся шрапнель, онъ побѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, но и самъ чуть не былъ убитъ осколкомъ, который упалъ къ его ногамъ; онъ же мнѣ сообщилъ о несчастьи съ двумя миноносцами, изъ которыхъ одинъ затонулъ. Сдѣлавъ распоряженія по канце-

ляріи и выпивъ стаканъ чаю, я отправился въ портъ узнать о происшествіи, гдѣ мнѣ сообщили слѣдующее: наши миноносцы, вышедшіе на рейдъ, маневрировали; около 5-ти часовъ вечера одинъ изъ нихъ—«Разящій» наскочилъ на непріятельскую мину, взорвавшуюся подъ нимъ; на помощь къ нему бросился миноносецъ «Выносливый», который, въ свою очередь, также наскочилъ на мину и ему оторвало носъ; ставъ моментально въ вертикальное положеніе, онъ въ 2—3 секунды затонулъ, а «Разящій» былъ спасенъ. На «Выносливомъ» затонуло 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ».

Проклиная такой адскій способъ веденія войны, я подъ тяжестью этихъ впечатлѣній отправился къ себѣ на Тигровку.

Привыкнувъ каждое 13 число встрѣчать штурмы, мы съ тревогой ожидали 13 августа, о наступленіи котораго даже генералъ Стессель счелъ необходимымъ предупредить въ приказѣ. 12 августа прошло совершенно спокойно; изрѣдка только батареи обмѣнивались выстрѣлами съ японцами. Затишье это мы приняли какъ скверный признакъ предъ страшной бурей.

Наконецъ наступило «13-е» число и, о диво! оно впервые прошло совершенно тихо; даже отдѣльные выстрѣлы сдѣлались рѣже. Это насъ очень успокоило, такъ какъ давало понять, что японцы страшно обезсилили и не могутъ предпринять хотя частичнаго штурма. Вечеръ былъ до того чудный, тихій и лунный, что я просидѣлъ на батареѣ до 11 часовъ ночи, любуясь морской далью, освѣщенной луной. Возвратившись въ квартиру, я немного почиталъ, а потомъ затушилъ огонь. Но мнѣ не спалось; что-то томило, сжимало голову въ вискахъ, да и настроеніе стало болѣе тревожнымъ; луна свѣтила яркимъ свѣтомъ. Потомъ я задремалъ незамѣтно для себя, но около 3-хъ часовъ ночи былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ; прислушиваясь, я началъ различать отдѣльные стремительные порывы вѣтра, сопровождаемые сильнѣйшимъ ливнемъ и грозой; все это съ каждой секундой усиливалось и вѣтеръ принялъ характеръ урагана; свистъ его, шумъ падающаго дождя, раскаты грома и ежесекундныя разрѣзывающія

небосклонъ молніи дѣлали изъ ночи адъ; къ этому не доставало только грома пушекъ, свиста снарядовъ и крика умирающихъ.

Прислушиваясь, я дѣйствительно началъ различать отъ небеснаго грома громъ земной—громъ пушекъ. Я тотчасъ же одѣлся и бросился на батарею, гдѣ засталъ уже налицо всѣхъ офицеровъ, наблюдавшихъ величественную, грозную и рѣдкую картину: по всему фронту былъ открытъ огонь изъ батарей по наступавшему непріятелю; громъ орудійныхъ выстрѣловъ, покрываемый иногда раскатами грома, блестящія молніи, ракеты, свистъ снарядовъ, страшный ливень,—предъ всѣмъ этимъ блѣднѣли даже картины ада; одного мы не слышали только—стоновъ раненыхъ и крика умирающихъ. Казалось, какъ будто-бы верховное божество свой гнѣвъ изливаетъ на безумцевъ, разящихъ другъ друга въ кровавой борьбѣ и разливаетъ ихъ водой. Борьба эта продолжалась не болѣе $1^1/_2$ часа. Огонь съ праваго фланга къ лѣвому началъ постепенно стихать и перешелъ въ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы; дождь и вѣтеръ прекратились, но молнія продолжала разрѣзывать небосклонъ, освѣщая окровавленные форты. Я ушелъ домой и крѣпко уснулъ, утомленный душевной борьбой и тревогами. На другой день я узналъ, что японцы повторили свой штурмъ по всей линіи и преимущественно на Длинную и Высокую горы, пустивъ двѣ колонны и даже кавалерію, но они были успѣшно отбиты нами, потерявъ обѣ штурмовавшія колонны.

Въ тотъ же день опять началась та же перестрѣлка, то же бомбандированіе города и порта, появились новые убитые и искалѣченные граждане и военные.

До сихъ поръ я ни слова не сказалъ о средствахъ защиты отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ городскихъ обывателей и лицъ, проживавшихъ въ городѣ по службѣ. Казалось бы, что на крѣпости лежала обязанность принять мѣры къ защитѣ этихъ лицъ путемъ устройства блиндажей въ различныхъ частяхъ города, куда бы они могли укрываться при бомбардировкѣ его; это ея прямая, священная обязанность. Ничего подобнаго не было сдѣлано въ Артурѣ и каждый долженъ былъ позаботиться о своей безопасно-

сти. Но гдѣ же для этого средства у бѣднаго класса! Вотъ почему только нѣкоторые позаботились заблаговременно устроить для себя блиндажи. Послѣдніе были двухъ родовъ и устраивались на поверхности земли, какъ это сдѣлали—генералъ Стессель и Маріинская Община Краснаго Креста. Съ этой цѣлью, подъ уступомъ горы выкапывалась яма, сверху она устилалась прочными рельсами, а поверхъ ихъ толстыми бревнами—кругляками въ два ряда; поверхъ бревенъ клали въ нѣсколько рядовъ мѣшки съ землей и все это присыпали землей же, фута въ 3—4 толщиной; это былъ потолокъ. Точно также устраивали и бока блиндажа, открывая выходъ по направленію полета снарядовъ. Другой видъ блиндажей былъ пещерный. Для этого долбили ходъ въ скалѣ, дѣлая зигзаги и оканчивая пещеру помѣстительной комнатой; двери устраивали изъ толстаго желѣза или же и совсѣмъ ихъ не было, смотря по завороту ходовъ. Такіе блиндажи были устроены для своихъ служащихъ фирмами «Кунстъ и Альберсъ», «Чуринъ», «Гинцбургъ»; изъ частныхъ лицъ такой же блиндажъ былъ устроенъ въ компаніи съ 2—3 лицами однимъ изъ врачей С.... Всѣ остальные, положившись на волю Бога, жили въ домахъ; бѣднота же при бомбардировкахъ иногда пряталась подъ мосты, въ ямы, въ щели между камней. Конечно, дома не являлись надежнымъ укрытіемъ, такъ какъ они иногда сносились снарядами безслѣдно или же представляли изъ себя груду развалинъ.

Такъ какъ бомбардировки повторялись ежедневно днемъ и ночью и всегда въ разные часы, то мысль быть убитымъ или искалѣченнымъ въ каждый данный моментъ преслѣдовала постоянно, благодаря чему нервное состояніе доходило до высшей степени напряженія. Я знаю лицъ, которыя не вынесли этого мучительнаго состоянія и лишили себя жизни; другіе съ опасностью для жизни выѣхали въ Чифу (но это люди свободные), третьи страшно истрепали свои нервы и въ одинъ мѣсяцъ посѣдѣли, а иные сошли съ ума. Многіе изъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, находили, что на батареяхъ и позиціяхъ лучше, такъ какъ тамъ есть хоть какія нибудь закрытія.

Такъ былъ поставленъ у насъ вопросъ относительно защиты отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ, почему при каждой бомбардировкѣ были жертвы и иногда очень значительное число; а бомбардировки эти участились съ неудачнаго штурма 1—10 августа и стали дѣйствительнѣе; стрѣляли японцы иногда даже залпами, въ особенности по порту и его постройкамъ, а также по судамъ.

Находясь подъ такимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, мы всѣ несказанно обрадовались радостной вѣсти о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, облетѣвшей городъ и всѣ позиціи 18 августа. Всѣ воспрянули духомъ и, несмотря на бомбардировку города, повылѣзли изъ своихъ конуръ и пещеръ. Эту радостную для насъ новость мы связывали тѣсно съ близкимъ нашимъ освобожденіемъ отъ заключенія; лица у всѣхъ повеселѣли и стали энергичнѣе.

На другой день былъ назначенъ парадъ и молебенъ на площади предъ казармами 10-го полка. Мѣсто это было выбрано удачно, такъ какъ только оно не обстрѣливалось снарядами. Къ счастью нашему, ни одинъ выстрѣлъ не нарушилъ торжественной минуты богослуженія и поздравленіе съ Высокимъ Новорожденнымъ было встрѣчено громовымъ «ура». Видимо японцы также посочувствовали нашей радости, такъ какъ въ тотъ день и до 22 августа дали намъ отдыхъ и не безпокоили своими бомбардировками, но это, конечно, не уничтожало тревожнаго настроенія каждаго, что вотъ-вотъ грянутъ выстрѣлы. Въ приказахъ генерала Стесселя указывалось, что по свѣдѣніямъ лазутчиковъ—китайцевъ, японцы думаютъ штурмовать Артуръ 20, 21 или 22 августа, а потомъ, что этотъ штурмъ перенесенъ на 24 августа; но этого числа, вмѣсто штурма, была объявлена милость Государя войскамъ, изложенная въ телеграммѣ Его Величества на имя генерала Стесселя слѣдующаго содержанія:

«Въ воздаяніе доблести и мужества Портъ-Артурскаго гарнизона, Я повелѣлъ считать службу всѣхъ чиновъ военнаго и морскаго вѣдомства, защищающихъ Портъ-Артуръ, по разсчету мѣсяцъ за годъ, начиная съ 1-го мая до конца осады. Васъ жалую

кавалеромъ ордена Георгія третьей степени и ожидаю Вашихъ представленій о награжденіи всѣхъ отличившихся въ бою.

Николай».

22 Августа, подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній, я вновь отправился въ городъ, гдѣ зашелъ къ генералу Смирнову узнать самыя свѣжія новости. Я не ошибся въ пріятныхъ извѣстіяхъ, такъ какъ генералъ порадовалъ меня только что полученной новостью о побѣдѣ генерала Куропаткина, который имѣлъ удачное дѣло 13 августа съ арміями Куроки и Оки, разбивъ .ихъ (впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, я узналъ, что это не побѣда была, а пораженіе); въ то же время онъ сообщилъ мнѣ, что въ Дальнемъ высажено 8 тысячъ вновь прибывшихъ японцевъ, изъ которыхъ 300 человѣкъ на другой же день заболѣло дизентеріей; но что это сравнительно незначительное увеличеніе арміи Ноги не представляетъ никакой опасности для Артура, такъ какъ у насъ остался гарнизонъ изъ 22 тысячъ штыковъ, который безусловно отстоитъ Артуръ; однако, онъ донесъ генералу Куропаткину на его телеграммы отъ 27 іюля и 1 августа, что можетъ не хватить снарядовъ, а если японцы пришлютъ еще хотя бы двѣ дивизіи настоящихъ войскъ, то онъ не ручается за цѣлость Артура. Распрощавшись и навѣстивъ свою канцелярію, я отправился въ портъ, чтобы оттуда уѣхать на Тигровку, но день этотъ закончился для меня тяжелыми впечатлѣніями: по приходѣ въ портъ, я увидѣлъ стоявшій подъ парами баркасъ; причемъ, служащіе сообщили, что онъ предназначенъ для отвоза на кладбище у горы Бѣлаго Волка убитыхъ рабочихъ при бомбардировкѣ 23 августа, чинившихъ крейсеръ «Баянъ». Было убито три человѣка. Въ это время показалась процессія въ сопровожденіи священника и дьячка; несли дѣйствительно три гроба, которые были поставлены на набережной у баркаса; отслуживъ литію, священникъ приказалъ поставить ихъ на баркасъ, который и увезъ этихъ несчастныхъ мучениковъ на кладбище, расположенное на берегу Тихаго Океана.

Невыносимо тяжело стало на душѣ, почему, сѣвъ въ шлюпку, я поѣхалъ на броненосецъ «Побѣду», съ милой каютъ-кампаніей

котораго я давно уже не видѣлся. Пріѣхалъ я къ концу ужина и такъ какъ былъ голоденъ, да и до того времени недѣли двѣ не пользовался свѣжимъ мясомъ, а питался консервами и солониной, то просилъ подкормить меня. Къ моему удовольствію, предо мной стояла уже тарелка прекрасныхъ пильменей, которыя я съѣлъ съ небывалымъ аппетитомъ. Долго мы бесѣдовали за ликеромъ и такъ какъ было уже поздно, то мнѣ предложили остаться переночевать. Я съ удовольствіемъ принялъ любезное предложеніе и заснулъ въ чудной каютѣ богатырскимъ сномъ, проснувшись на другой день около 10 часовъ, чего со мной въ Артурѣ давно уже не было. Вѣстовой доложилъ, что для меня готова ванна; я такъ обрадовался этому комфорту, что немедленно воспользовался предложеніемъ. Послѣ этого, позавтракавъ въ каютъ-кампаніи и поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, я на паровомъ катерѣ отправился на Тигровку.

Съ послѣдней вскорѣ мнѣ предстояло разстаться, такъ какъ я рѣшилъ переѣхать на свою городскую квартиру; да и время уже наступало не дачное, холодное и по вечерамъ приходилось одѣвать теплое пальто; въ особенности холодъ этотъ чувствовался на Тигровкѣ, вблизи моря, хотя мой любезный хозяинъ и увѣрялъ меня, что сентябрь въ Артурѣ всегда теплый и чуть-ли не лучшій изъ всѣхъ мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе, я окончательно рѣшилъ переѣхать 31 августа, но до этого дня каждый вечеръ посѣщалъ батарею, прощаясь и съ моремъ, и съ орудіями, и съ людьми, съ которыми пришлось прожить два мѣсяца одной жизнью, одними впечатлѣніями,—сродниться съ ними душей.

Въ ночь на 29 августа мнѣ пришлось еще разъ быть свидѣтелемъ чрезвычайно интересной картинки на морѣ: около 11—12 часовъ японскимъ миноносцамъ какъ-то удалось проскользнуть съ небольшой деревянной шхуной между лучами прожектора къ нашему бону; когда же они были открыты лучами и по нимъ раздались выстрѣлы, то шхуна вспыхнула и начала горѣть, а миноносцы незамѣтно скрылись. Этотъ пожаръ на морѣ былъ просто-таки великолѣпенъ; пламя постепенно разгоралось все больше и больше,

пожирало борты и лизало уже мачту, подбираясь къ ея вершинѣ. Шхуна не двигалась, стояла на одномъ мѣстѣ и видимо отъ нея былъ отданъ якорь. Въ началѣ предполагали, что она нагружена взрывчатыми веществами, но когда взрыва не послѣдовало, то рѣшили, что японцы, производя на рейдѣ работы по разстановкѣ минъ, этимъ пожаромъ имѣли намѣреніе отвлечь вниманіе батарей отъ миноносцевъ въ тотъ моментъ, когда будутъ обнаружены и начнутъ скрываться. Этой цѣли они вполнѣ достигли, такъ какъ пожаръ затемнилъ лучи прожекторовъ и, ярко освѣщая мѣсто во-кругъ шхуны, еще болѣе сгущалъ мракъ вдали отъ нея, по пути ухода миноносцевъ.

Наконецъ, наступилъ и день отъѣзда. Простившись съ своимъ милѣйшимъ хозяиномъ С.... съ вечера, я рано утромъ 31 азгуста уѣхалъ на свою квартиру въ гарнизонное собраніе. Нужно замѣтить, что это зданіе не отличалось своей безопасностью при бомбардировкахъ города и еще въ началѣ августа куполъ его надъ средней залой былъ пробитъ снарядомъ и въ залѣ зіяло громадное отверстіе. Но я, будучи очень религіознымъ, положился во всемъ на волю Бога, вѣря, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ его святого произволенія.

Въ тотъ же и послѣдующіе дни, послѣ незначительной передышки, вновь началось усиленное обстрѣливаніе города и порта· объектомъ бомбардировки были—паровая мельница купца Тифонтая, единственная на весь городъ, перемалывавшая зерно для гарнизона, а также—интендантскіе склады. Такъ какъ эти зданія находились возлѣ гарнизоннаго собранія, то снаряды ложились и во-кругъ послѣдняго, хотя ни одинъ не попалъ въ самое собраніе. Японцы очень хорошо знали, что разбивъ мельницу, они лишали гарнизонъ муки и тѣмъ ставили его въ очень трагическое положеніе. Эти непрерывающіяся бомбардировки, около двухъ часовъ 5 сентября, перешли въ канонаду по укрѣпленіямъ, предвѣщавшую близкій штурмъ. Такъ какъ огонь ихъ концентрировался преимущественно у батареи Лит. А, то я, взявъ своихъ помощниковъ С.... и М.... и давъ знать полиціи о немедленной высылкѣ на перевя-

зочный пунктъ № 2 рикшъ и добровольныхъ санитаровъ, на извощикѣ отправился съ С.... на этотъ пунктъ.

Жутко было проѣзжать мимо фортовъ и укрѣпленій, такъ какъ они осыпались шрапнелями, изъ которыхъ иныя перелетали черезъ нихъ и разрывались надъ проѣзжей дорогой, осыпая ее осколками; въ особенности непріятенъ былъ свистъ послѣднихъ и жужжанье пуль, но до пункта мы доѣхали благополучно, гдѣ и нашли милѣйшаго врача С...., постоянно тамъ проживавшаго.

Этотъ пунктъ былъ расположенъ подъ крутостью горы, на которой и находилась батарея лит. А. Бомбардировка начинала принимать ожесточенный характеръ; осколки и пули разрывавшихся шрапнелей въ изобиліи падали даже на желѣзную крышу пункта, но уже на излетѣ, вслѣдствіе своей тяжести, почему слышенъ былъ только лязгъ при ихъ паденіи; но были и перелеты, причемъ снаряды, несясь со свистомъ надъ пунктомъ, разрывались предъ нимъ на противоположной отлогости горы. Всѣ мы столпились на крылечкѣ пункта и наблюдали эти разрывы. Но вотъ два—три снаряда разорвались вблизи насъ, на самой дорогѣ, поднимавшейся зигзагами къ сосѣдней Опасной горѣ; вдругъ я былъ ошеломленъ страшнымъ трескомъ разорвавшейся шрапнели въ 10—15 шагахъ отъ меня надъ большой насыпью, спускавшейся къ дорогѣ; выбѣжавшіе оттуда люди сообщили, что убита лошадь. Я сильно встревожился, не пострадалъ-ли извозчикъ, расположившійся подъ прикрытіемъ этой насыпи. Оказалось, что убита только полковая лошадь, стоявшая рядомъ съ лошадью извозчика, который сидѣлъ въ то время въ экипажѣ, поднявъ верхъ его.

Впослѣдствіи извозчикъ, разсказывая мнѣ объ этомъ своемъ чудесномъ спасеніи, добавилъ, что это уже второй случай съ нимъ; что проѣзжая по улицѣ Артура, около него также разорвался снарядъ, не тронувъ ни его, ни лошадей.

Такъ какъ уже вечерѣло и становилось очень холодно, а С.... былъ только въ кителѣ, то мы, съ окончаніемъ бомбардировки и началомъ дѣйствія ружейнаго огня и пулеметовъ, распростились съ докторомъ и пошли пѣшкомъ по тропинкѣ на Опасную гору, а

извозчику приказали ѣхать на ту же гору по дорогѣ зигзагами. Дойдя съ С.... до средины тропинки, онъ, идя сзади меня, вдругъ закричалъ: «Ваше Превосходительство, что это?» — Оглянувшись, я невольно расхохотался, увидѣвъ его комичную фигуру: поднявъ руки кверху въ полусогнутомъ положеніи, какъ бы защищая лицо, онъ прыгалъ то на одной, то на другой ногѣ, а потомъ началъ отмахиваться руками отъ пуль, летѣвшихъ въ нашу сторону; свистъ ихъ и я началъ явственно различать вблизи себя, но особенно непріятенъ былъ звукъ отъ нихъ «ч-чикъ» при ударѣ о камни. Я и самъ испугался, такъ какъ могла же шальная хватить въ голову. Не выдавая себя и успокаивая С...., что пули на излетѣ неопасны, я торопилъ его скорѣе итти въ гору, до конца которой оставалось не болѣе 50—60 шаговъ; добравшись благополучно до Опасной и завернувъ за отвѣсный откосъ горы, мы вышли на дорогу, гдѣ, притаившись подъ откосомъ, стояли люди, артельныя повозки и чей-то экипажъ; я до того усталъ и переволновался, что бросился въ послѣдній, чтобы до пріѣзда извозчика хотя немного отдышаться. Долго потомъ я смѣялся надъ С.... по поводу его прыжковъ и отмахиваній отъ пуль, утѣшая его, однако, тѣмъ, что наконецъ-то и мы, находясь до сихъ поръ въ сферѣ артиллерійскаго огня, испытали непосредственно то ощущеніе, которое переживаетъ человѣкъ въ сферѣ огня ружейнаго.

Однако, штурмъ принялъ болѣе интенсивный характеръ и продолжался 6, 7, 8 и 9 сентября. 6 сентября мы потеряли Кумирнскій и Водопроводный редуты съ ихъ восемью орудіями; непріятельской бомбардировкой эти редуты были сравнены съ землей, почему ихъ и оставили; но они не были заняты и японцами, такъ какъ, въ виду нашего сильнаго огня, обстрѣливавшаго ихъ съ сосѣднихъ батарей, держаться тамъ не было возможности.

Поздно вечеромъ 7 сентября, послѣ продолжительной адской канонады, была брошена стрѣлками также Длинная гора съ ея тремя орудіями. Разсказываютъ, что она была оставлена при такихъ обстоятельствахъ: когда стрѣлки сидѣли въ окопахъ и стрѣляли по штурмующимъ колоннамъ, то около 40 японцевъ, под-

кравшись незамѣтно къ стрѣлкамъ, крикнули на русскомъ языкѣ: «Японцы идутъ! Спасайтесь!» Стрѣлки какъ сумасшедшіе бросились изъ окоповъ и убѣжали; только комендантъ горы и его вѣстовой остались вѣрными своему долгу, не ушли съ горы, на которой и были убиты. Генералъ же С.... передавалъ мнѣ, что стрѣлки сами по себѣ оставили гору, будучи осыпаемы шрапнелью.

Занявъ Длинную, японцы 8 сентября буквально окружили и сосѣднюю съ ней Высокую гору, на которой даже заняли часть окоповъ, подобравшись почти къ срединѣ высоты ея. Положеніе становилось опаснымъ, такъ какъ эта гора была командующей надъ остальными и съ вершины ея, какъ на ладони, былъ видѣнъ новый городъ и бухта.

Къ счастью, гора эта была отбита 9 сентября и окончательно въ ночь на 10-е. Дѣло было такъ: утромъ 9 сентября генералъ Смирновъ, несмотря на массированный огонь по форту № 4, отправился на послѣдній, съ цѣлью осмотрѣть и приспособить его къ найлучшему обстрѣлу Высокой, которая на три четверти была уже въ рукахъ японцевъ и только на вершинѣ ея оставался нашъ маленькій гарнизонъ. Около часу дня начальникъ охотничьей команды поручикъ 28-го полка Ерофѣевъ увидѣлъ съ занимаемой имъ высоты, что японцы, около 3-хъ баталіоновъ, незамѣтно сосредоточиваются въ лощинѣ, какъ видно для рѣшительнаго штурма Высокой, о чемъ и донесъ генералу Смирнову. Послѣдній приказалъ начальнику участка полковнику Ирману немедленно вызвать взводъ полевой артиллеріи и обстрѣлять лощину. Около четырехъ часовъ выѣхалъ со взводомъ поручикъ Ясенскій и открылъ шрапнелью такой губительный огонь, что японцы въ испугѣ бросились въ разсыпную и выбѣжали на отроги горъ, съ которыхъ стали видимой цѣлью для крѣпостной артиллеріи, немедленно открывшей по нимъ также огонь. Благодаря такой неожиданной случайности, баталіоны эти почти были уничтожены въ самый короткій срокъ. Послѣ этого, Ясенскій перенесъ свой огонь на нижніе окопы Высокой, занятые японцами, которые принуждены были оставить ихъ; изгнаніе же изъ среднихъ окоповъ произошло ночью.

Въ этихъ окопахъ японцы устроились очень надежно, перемѣстивъ въ нихъ нѣсколько пулеметовъ и орудіе. Они такъ близко находились отъ окоповъ нашихъ стрѣлковъ, что послѣдніе переговаривались даже съ ними, шутили, перебрасывались камнями, бранились и мирились. Разсказываютъ, что одинъ изъ нашихъ офицеровъ, наливъ въ серебрянный стаканъ водки и постучавъ имъ о камень, крикнулъ: «Японцы! мы, русскіе, пьемъ за вашу лихую храбрость и отвагу!» На это снизу послышался отвѣтъ на русскомъ же языкѣ: «Да и мы выпили бы за ваше мужество и храбрость, да водки нѣтъ!» Отвѣтъ этотъ такъ понравился нашимъ солдатамъ, что офицеръ хотѣлъ скатить имъ бутылку водки, завернувъ ее въ платокъ, но въ виду возможныхъ обвиненій въ недозволенныхъ переговорахъ съ непріятелемъ, отказался отъ этой мысли. Однако, несмотря на такое милое сосѣдство, близость японцевъ была очень опасна, такъ какъ съ паденіемъ Высокой грозила опасность прорыва въ крѣпость, почему всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы выгнать оттуда японцевъ. Часть этой работы и самая важная, благодаря распорядительности только генерала Смирнова, какъ я описалъ выше, была исполнена днемъ, остальное докончено ночью и произошло такъ. При атакѣ еще Зеленыхъ горъ, Юпилазы и Куинсана, японцы съ успѣхомъ примѣняли ручныя пироксилиновыя шашки, которыя бросали въ лицо нашимъ стрѣлкамъ при столкновеніи въ штыки; разрываясь, шашки производили потрясающее дѣйствіе на стрѣлковъ, такъ какъ сжигали на нихъ одежду, жарили тѣло и рвали его на куски. Ко времени изгнанія японцевъ съ Высокой, лейтенантъ Подгурскій заготовилъ пироксилиновыя мины вѣсомъ въ 18 ф., которыя и были впервые примѣнены на этой горѣ. Въ ночь на 10 сентября, около 12 часовъ, наши стрѣлки, въ томъ числѣ и лейтенантъ, бывшій въ числѣ защитниковъ Высокой, начали шутить съ японцами и бросать въ нихъ камнями; тѣ, въ свою очередь, отвѣчали тѣмъ же. Наконецъ, съ нашей стороны полетѣли камни уже большаго вѣса, а потомъ лейтенантъ Подгурскій скатилъ къ нимъ свою мину, которая произвела поразительный

эффектъ: взрывъ ея до того былъ сильный, что моментально обрушился блиндажъ на сидѣвшихъ тамъ японцевъ и придушилъ ихъ; образовавшееся же громадное пламя охватило сосѣднихъ къ блиндажу людей, шелковая одежда на которыхъ моментально вспыхнула и они, какъ безумные, начали бросаться въ стороны, давить другъ друга и сообщать отъ себя огонь остальнымъ; нѣкоторые бросились внизъ подъ гору, но забывъ о существованіи тамъ проволочныхъ сѣтей, путались въ нихъ, падали другъ на друга и образовали горящіе костры изъ тѣлъ; въ это же время стрѣлки открыли по нимъ самый адскій губительный огонь, поддержанный подошедшимъ резервомъ. Поддержать атакованныхъ спѣшили японскіе полки, которые, будучи встрѣчены такимъ же губительнымъ огнемъ, пироксилоновыми шашками и минами, шли, бѣжали, лѣзли и карабкались по скаламъ, тутъ же падали, горѣли, другіе двигались по горѣ какъ горящіе факелы; словомъ, получилась картина, которую трудно нарисовать даже въ воображеніи: свистъ пуль и пулеметовъ, крики и стоны раненыхъ, но еще болѣе раздирающіе душу вопли живыхъ горящихъ факеловъ, которые метались по горѣ въ различныхъ направленіяхъ, но все таки добираясь до вершины ея, гдѣ и находили смерть,—представляла ночью, при освѣщеніи горы ракетами, настоящій адъ. Къ четыремъ часамъ всѣ окопы были очищены, а уцѣлѣвшая горсть японцевъ отступила къ Голубиной бухтѣ. Потери ихъ доходили до 3—4 тысячъ, истребленныхъ почти въ три часа; трупы ихъ буквально лежали холмами на скатахъ Высокой и у ея подошвы.

На другой день я съ священникомъ Рождественскимъ отправился посмотрѣть на это ужасное побоище, складъ мертвецовъ. Взойдя на самую вершину горы, мы зашли въ офицерскій блиндажъ; это была землянка, вырытая подъ скалой, размѣрами не болѣе квадратной сажени, гдѣ и помѣщалось три человѣка офицеровъ. Они разсказали намъ о сраженіи, какъ изложено выше, добавивъ, что въ штурмѣ принимали участіе и японцы—гвардейцы, вновь прибывшіе на помощь осаждающимъ.

Послѣ этого офицеры предложили пойти посмотрѣть на ихъ ноч-

ную работу. Такъ какъ переходить открыто на скатъ горы, обращенный къ непріятелю, было опасно, потому что японцы по каждому отдѣльному человѣку посылали десятки пуль, то намъ предложили пройти туда подземнымъ ходомъ, вырытымъ собственными усиліями стрѣлковъ, для сообщенія во-кругъ горы. Ходъ этотъ представлялъ изъ себя нору, по которой нужно было итти согнувшись, а при встрѣчѣ трудно было разойтись; для вентиляціи и дневного освѣщенія, черезъ каждые 40—50 шаговъ дѣлались выходы внаружу и шага три приходились идти по горѣ, въ виду непріятеля, а потомъ спускаться; такихъ переходовъ было три. Кое-гдѣ въ этой норѣ, при моемъ проходѣ, сидѣли наши герои: одни пили чай изъ кружекъ, другіе спали, а иные вели тихо между собою бесѣду; лица ихъ были совершенно спокойны и ничего геройскаго на нихъ не было; какъ будто-бы они сдѣлали самое обыкновенное дѣло. Выйдя изъ послѣдней норы на обратную сторону горы, я ужаснулся при видѣ открывшейся картины: вездѣ по склонамъ горы и около ея вершины лежали совершенно обуглившіеся трупы; тамъ онъ лежалъ, распластавшись, лицомъ вверхъ, а около него цѣлая куча свернувшихся въ клубокъ маленькихъ черныхъ тѣлъ; другой въ сторонѣ, видимо въ судорогахъ, свернулся въ кольцо; но меня особенно заинтересовалъ одинъ обуглившійся трупъ японца, лежавшій у большого камня около вершины горы: положеніе его было человѣка, стоящаго на колѣняхъ и кладущаго поклонъ; очевидно, онъ искалъ спасенія за камнемъ отъ пуль, гдѣ и нашелъ свою смерть, сгорѣвъ; на многихъ трупахъ были свѣтлыя полоски только во-кругъ поясницы и головы, все остальное тѣло было совершенно черное. Всѣ эти трупы лежали у самой вершины; а въ рединѣ окоповъ,—внизу! внизу—это буквально груды совершенно черныхъ, обуглившихся тѣлъ. При видѣ всего этого, мнѣ сдѣлалось дурно и я поспѣшилъ уйти съ поля смерти тѣмъ же ходомъ обратно. Въ виду открывшагося орудійнаго огня, распростившись съ добродушными хозяевами горы, гдѣ насъ предварительно сняли домашней фотографіей, мы съ Рождественскимъ начали спускаться внизъ. Тропинка была очень крутая, подъ угломъ почти въ 40°, что

особенно затрудняло нашъ спускъ и мы нѣсколько разъ пробовали ползти; положеніе ухудшалось еще болѣе тѣмъ, что снаряды продолжали перелетать черезъ наши головы и разрываться надъ долиною, которую нужно было переходить. Достигши послѣдней, Рождественскій началъ какъ-то неестественно присѣдать къ землѣ, заслышавъ жужжаніе снаряда, и поворачивать лицо кверху, какъ бы наблюдая полетъ снаряда и при этомъ прикрывая лицо рукой. Припомнивъ С.... и его отмахиванье отъ пуль, я разсказалъ Р.... объ этомъ траги-комическомъ случаѣ и мы, смѣясь, незамѣтно добрались до извозчика.

Страшное побоище японцевъ, учиненное на Высокой горѣ, ошеломило ихъ и значительно понизило воинственный духъ; они отошли далѣе отъ своихъ прежнихъ позицій, громя городъ и портъ бомбардировками. Некуда было укрыться отъ этого шума и треска снарядовъ, разметывавшимъ въ пыль и людей, и стѣны, и камни.

Еще томительнѣе было ночью это состояніе: ложась въ постель, долго прислушиваешься къ этой ужасной музыкѣ: вотъ начинается жужжаніе сначала глухо, потомъ сильнѣе и сильнѣе; вотъ-вотъ ударитъ въ комнату, но звукъ удаляется и слышишь трескъ снаряда въ порту или въ какой либо другой части города. Но вотъ мчится другой, третій, еще и еще и каждую секунду гнететъ мысль, что вотъ сейчасъ обратитъ тебя въ прахъ, наконецъ незамѣтно засыпаешь. Да, это было ужасно, и это продолжалось каждую ночь, каждый день, каждую минуту!

18 сентября, стоя у окна своей квартиры и наблюдая паденіе снарядовъ въ городѣ и порту, я замѣтилъ, что они все ближе и ближе ложатся къ военному собранію. По переулку, идущему мимо моей квартиры, я увидѣлъ солдата съ ружьемъ, вышедшаго изъ-за угла дома; въ это же время я былъ оглушенъ разрывомъ снаряда въ 20 шагахъ отъ меня, упавшаго по срединѣ переулка и въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ шелъ солдатъ; я вздрогнулъ инстинктивно и считалъ несчастнаго разметаннымъ уже на куски, какъ вдругъ онъ показался изъ облака пыли и дыма и смотря по направленію ко мнѣ, а рукой указывая назадъ, громко произнесъ:

«А вотъ онъ разорвался»! Слова эти несомнѣнно относились ко мнѣ, такъ какъ на улицѣ никого изъ людей не было, я же былъ видѣнъ ему ясно въ открытую форточку окна. Я отлично видѣлъ, гдѣ снарядъ разорвался и обращеніе его ко мнѣ съ этими словами было вѣроятно чисто нервное. На мой отвѣтъ, что его «только Богъ спасъ», онъ улыбнулся и, продолжая держать ружье на плечѣ, спокойно пошелъ дальше. Какъ онъ уцѣлѣлъ, это прямо-таки было чудо! Спустя минутъ пять послѣ этого, одинъ снарядъ разорвался на берегу канала, который во время прилива наполнялся водой, въ остальное же, какъ и въ данное время, былъ сухъ; во время разрыва вблизи проходило два матроса, которые страшнымъ движеніемъ воздуха были опрокинуты въ каналъ и въ воздухѣ только замелькали ихъ руки и ноги. Я уже считалъ ихъ убитыми, какъ неожиданно для меня выползаетъ на набережную изъ канала сначала одинъ, а за нимъ и другой; они тутъ же остановились и начали другъ друга очищать отъ пыли и грязи. Этакое безстрашіе и равнодушіе! Въ этомъ мѣстѣ снаряды ложатся одинъ за другимъ, а они стоятъ и чистятся.

Однако, въ жизни и смерти людей есть что-то фатальное. Для примѣра я приведу здѣсь слѣдующіе случаи.

19 сентября изъ своднаго госпиталя, расположеннаго у подошвы Перепелочной горы, отправились погулять на вершину ея три сестры милосердія и остановились на каменномъ фундаментѣ, гдѣ раньше стояла пожарная каланча. Постоявъ и полюбовавшись видомъ на море, они сошли съ него и сѣли на противоположномъ краю; въ этотъ моментъ на то мѣсто, гдѣ они стояли, влетѣла бомба 11″-ой мортиры, которая, къ счастью не разорвалась. Не сойди они оттуда секундъ 30 раньше, отъ нихъ и пыли не осталось бы.

Другой примѣръ еще болѣе поразительный: въ казарменной комнатѣ помѣщались унтеръ-офицеръ и два стрѣлка; кровать унтеръ-офицера стояла въ углу комнаты возлѣ оконъ, подъ которыми стояли и кровати стрѣлковъ. Унтеръ-офицеръ, ложась спать, для безопасности, ушелъ съ своей кровати и легъ за печкой, какъ

за болѣе надежнымъ прикрытіемъ отъ осколковъ снаряда, легко проникающихъ черезъ окна; одинъ стрѣлокъ съ той же цѣлью легъ на кровать унтеръ-офицера, другой въ ту ночь былъ на службѣ. Около полуночи разорвавшимся снарядомъ унтеръ-офицеръ былъ убитъ на повалъ за печкой; стрѣлокъ, спавшій на кровати унтеръ-офицера, ни однимъ осколкомъ не былъ тронутъ, но его кровать буквально была засыпана осколками, а подушка разметана въ куски; тоже самое было и съ кроватью отсутствовавшаго стрѣлка.

Еще одинъ случай со мной лично. Такъ какъ гарнизонное собраніе иногда засыпалось снарядами, то я, при встрѣчѣ съ губернаторомъ, просилъ его отвести для меня и секретаря другое болѣе безопасное помѣщеніе. Онъ тутъ же познакомилъ меня съ желѣзнодорожнымъ инженеромъ Губановымъ, сказавъ, что въ вѣдѣніи его много отличныхъ зданій и онъ устроитъ меня. Инженеръ Губановъ выразилъ полнѣйшую готовность. Я заѣхалъ къ нему съ секретаремъ С.... и онъ указалъ намъ квартиру, предложивъ переѣхать въ нее. Я выбралъ себѣ комнату и съ С.... готовились переѣхать на новую квартиру дня черезъ 3—4; но на второй или на третій день я получаю отъ Губанова письмо, въ которомъ онъ извиняется, что этой квартиры уступить не можетъ, такъ какъ двѣ семьи служащихъ при дорогѣ лишились квартиры и онъ долженъ ихъ устроить въ той, которая предложена намъ. По открытіи стрѣльбы мортирными снарядами, капитанъ 1-го желѣзнодорожнаго баталіона Алексѣевъ сообщилъ С...., что въ ту комнату, которую хотѣлъ занять я, влетѣлъ 11″-ый снарядъ и обрушилъ ее. Я домосѣдъ и вѣроятно при посѣщеніи снаряда былъ бы въ комнатѣ, а слѣдовательно—былъ бы неминуемо убитъ. Съ тѣхъ поръ мы рѣшили съ С.... не искать другой квартиры, а жить на прежней.

Разсказанный мною раньше случай съ баронессой Франкъ также относится къ категоріи этихъ происшествій.

Что руководитъ въ такихъ случаяхъ людьми? Инстинктивное чувство или же велѣнія судьбы, подготовляющей и наталкивающей людей на смерть или же на уклоненіе отъ нея!

Появленіе одинадцати дюймовыхъ мортирныхъ снарядовъ привело, однако, артурцевъ въ ужасъ. Къ счастью, изъ нихъ немногіе разрывались, иначе городъ былъ бы превращенъ въ развалины за одну недѣлю. Снаряды этихъ орудій длиною болѣе аршина, шириною (діаметръ) почти пол.-аршина, вѣсомъ же отъ 20—25 пудовъ. Первый изъ такихъ снарядовъ 19 сентября попалъ въ блиндажъ на форту № 3, провалилъ потолокъ его и убилъ въ блиндажѣ одного унтеръ-офицера, а двухъ тяжело ранилъ, не разорвавшись. Фугасное дѣйствіе этихъ снарядовъ было невѣроятное и своимъ разрывомъ онъ въ состояніи былъ разнести каменное зданіе. По Стрѣлковой улицѣ въ старомъ городѣ былъ французскій магазинъ, надъ которымъ возвышался довольно основательный мезонинъ; въ основаніе послѣдняго попалъ такой снарядъ, но не разорвался, пролетѣвъ дальше; тѣмъ не менѣе, онъ поднялъ вверхъ, по крайней мѣрѣ, сажня на два мезонинъ, который потомъ упалъ во внутрь магазина въ продѣланную снарядомъ страшную воронку. Одинъ такой же неразорвавшійся снарядъ попалъ въ каменную прочную ограду дворца Намѣстника, разрушивъ ее до основанія на протяженіи трехъ сажень; другой неразорвавшійся упалъ вблизи того же мѣста, продѣлавъ въ грунтѣ воронку до 2-хъ сажень глубиною, не смотря на каменистую почву.

Появленіе такихъ чудовищъ, противъ которыхъ и блиндажи пасовали, дѣйствительно наводило панику на несчастныхъ защитниковъ Артура; приходилось положиться только на Божію волю и счастливую звѣзду.

Между тѣмъ, японцы, приведенные въ ярость неудачей подъ Высокой горой, щедро сыпали по городу такими снарядами, и не только въ одиночку, но и залпами; въ порту отъ нихъ болѣе всего потерпѣла «Полтава», на которой было пробито двѣ палубы и второе дно; одинъ изъ снарядовъ попалъ въ портовую мастерскую и на мѣстѣ положилъ пятнадцать человѣкъ.

Изливъ свою желчь бомбардировками, японцы въ ночь на 22 сентября однимъ баталіономъ атаковали горку на нашемъ правомъ флангѣ (Сигнальную) у бухты Тахе, занятую охотничьей командой,

произведя одновременно и высадку одного баталіона съ шаландъ. Охотники, благодаря своей малочисленности, отступили; но 22 октября, послѣ артиллерійской подготовки огнемъ, наши роты выбили японцевъ и заставили ихъ отступить съ большими потерями. Послѣ такихъ неудачъ они обыкновенно съ яростью начинали бомбардировать городъ по всѣмъ направленіямъ; то же случилось и означеннаго числа, когда и мнѣ пришлось перенести сильныя и непріятныя ощущенія. Когда я, по окончаніи Присутствія, сидѣлъ въ своей комнатѣ съ однимъ изъ членовъ его и мирно велъ бесѣду о пріятныхъ и непріятныхъ новостяхъ, раздался страшный трескъ и грохотъ около моей канцеляріи; отворивъ дверь, я увидѣлъ мечущихся по канцеляріи писарей и клубы дыма и пыли, выходившихъ изъ нее въ Присутствіе. Предполагая несчастье съ людьми, я бросился туда: оказалось, что снарядъ 6″-го орудія попалъ въ наружный верхній уголъ офицерской спальной комнаты рядомъ съ канцеляріей и сорвалъ его, образовавъ громадное отверстіе; рамы въ окнахъ были изломаны, желѣзныя кровати оказались свернутыми въ клубки и лежали въ какой-то безформенной кучѣ съ матрацами, одѣялами и подушками, изорванными въ куски; выходная дверь въ канцелярію раздроблена на куски и однимъ изъ нихъ ударило по поясницѣ подсудимаго, стоявшаго спиной къ двери; изъ остальныхъ же людей, которыхъ было въ канцеляріи около 6-ти человѣкъ, никто не былъ раненъ или ушибленъ. Осмотрѣвъ и успокоивъ людей, я готовился выйти въ Присутствіе, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ-трехъ шаговъ къ двери, какъ раздался вторичный не менѣе ужасный взрывъ и трескъ, отъ котораго съ свистящимъ звономъ полетѣли осколки стеколъ, отдѣлявшихъ Присутствіе отъ центральной залы, наполнивъ ее моментально ѣдкимъ дымомъ и пылью; пробираясь въ этой тьмѣ, я едва нашелъ дверь своей комнаты, но въ послѣдней все оказалось въ порядкѣ; только черезъ щели двери она начала также наполняться дымомъ и пылью и на столько удушливыми, что я пошелъ передохнуть въ комнату секретаря С....

Проходя черезъ центральную залу, оказалось, что снарядъ попалъ въ каменную боковую стѣну ея, противъ моей комнаты, и

разорвался, образовавъ громадное отверстіе (діаметромъ аршина въ два) и произведя страшныя разрушенія на примыкавшей къ ней сценѣ любителей. Это второе отверстіе съ предыдущимъ въ куполѣ совершенно обнажило залъ и пришлось немедленно обратиться въ Инженерное Управленіе—задѣлать крышу и стѣну, что и было исправлено спустя дней 6-ть.

Вездѣ падали снаряды, вездѣ наносили поврежденія, нигдѣ не было безопаснаго мѣста и кажется должны были бы пріучить многихъ къ осторожности въ обращеніи хотя съ неразорвавшимися, но и тутъ рѣдко ее проявляли. Здѣсь не могу умолчать о слѣдующихъ очень печальныхъ случаяхъ: еще въ маѣ, на берегъ моря около Лѣотѣшана, была выброшена японская мина сигаро-образной формы; нашедшій ее стрѣлокъ далъ объ этомъ знать унтеръ-офицеру, который, прихвативъ человѣкъ десять, приказалъ взять эту мину и отнести ее къ ротному; такъ какъ она была очень тяжелая и еле подняли ее двѣнадцать человѣкъ, то приходилось нести съ передышкой; сдѣлавъ съ миной шаговъ 10—15, они опустили ее на землю и такъ неловко, что послѣдовалъ страшный оглушительный взрывъ,—мину разорвало; въ результатѣ—отъ 12 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ не только ни одного не осталось въ живыхъ, но даже собрано было самое незначительное количество кусочковъ ихъ тѣлъ, разбросанныхъ на разстояніе 200—300 шаговъ; на мѣстѣ же взрыва было только кровавое пятно. Второй случай: Около 10—12 сентября, три мичмана, проходя по площади города, увидѣли лежащимъ неразорвавшійся снарядъ; одинъ изъ нихъ толкнулъ его ногой, произошелъ взрывъ и всѣмъ троимъ были причинены тяжкія поврежденія. Но болѣе всего и напугала, и насмѣшила меня слѣдующая картинка, имѣвшая мѣсто 25 сентября на покатости Перепелочной горы. Около 10 часовъ этого числа С.... сообщилъ, что батарея на Перепелкѣ обстрѣливается мортирными снарядами. Такъ какъ эта гора и самая батарея видна хорошо изъ окна его комнаты, то я, вооружившись биноклемъ, пошелъ къ нему и съ окна началъ наблюдать паденіе снарядовъ; при мнѣ упало на батарею два снаряда, но не разорвались, под-

нявъ только облака пыли и массу камней; въ это же время я замѣтилъ копошащихся на склонѣ горы трехъ нижнихъ чиновъ изъ расположеннаго тутъ же своднаго госпиталя; они то нагибались, то поднимались; присмотрѣвшись, я къ ужасу своему замѣтилъ, что они скатываютъ въ ложбину мортирный снарядъ; наконецъ, они подкатили его къ краю ложбины и онъ полетѣлъ стремительно внизъ, блестя на солнцѣ свой стальной поверхностью; за нимъ же въ оврагъ побѣжало и двое нижнихъ чиновъ, а третій вошелъ въ ограду госпиталя; къ счастью скатившійся снарядъ не разорвался.

Спустя нѣкоторое время изъ противоположной стороны оврага эти два человѣка вышли и направились также въ госпиталь, вѣроятно, звать земляковъ на помощь, чтобы отнести снарядъ къ ротному.

V.

25 сентября за № 36 былъ объявленъ и напечатанъ въ газетѣ «Новый Край» приказъ по войскамъ сухопутной обороны крѣпости, въ которомъ говорилось о защитѣ послѣдней *«во-чтобы-то ни стало»*; причемъ, какъ основаніе,—указывалось на слѣдующее: «Упорная оборона до послѣдней капли крови, безъ всякой даже мысли о возможности сдачи въ плѣнъ, вызывается, сверхъ-того, тѣмъ, что японцы, предпочитая сами смерть сдачѣ въ плѣнъ, внѣ всякаго сомнѣнія произведутъ, въ случаѣ успѣха, общее истребленіе, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Красный Крестъ, ни на раны, ни на полъ и возрастъ, какъ это и было сдѣлано въ 1895 году при взятіи Артура. Подтвержденіемъ изложеннаго можетъ служить постоянная стрѣльба ихъ по нашимъ санитарамъ и добиваніе нашихъ раненыхъ, случай котораго имѣлъ мѣсто даже 22 сего сентября, при временномъ занятіи Сигнальной горы». Редакція этого приказа, какъ я указалъ выше, была нѣсколько иная и была исправлена лично комендантомъ; самый приказъ былъ написанъ генераломъ Кондратенко по иниціативѣ генерала Смирнова, о чемъ поручикъ Гриневичъ умалчиваетъ, и вы-

званъ онъ былъ частыми побѣгами съ позицій запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Приказъ этотъ въ указанной редакціи произвелъ на болѣе благомыслящихъ людей чрезвычайно удручающее впечатлѣніе. Многіе находили его при текущихъ обстоятельствахъ не только неумѣстнымъ, но даже опаснымъ, способнымъ искусственно раздуть и повлечь за собою «звѣрство» со стороны защитниковъ крѣпости, не вызываемое ни обстановкой, ни фактическими данными, вызвавъ на то же и японцевъ; къ прекращенію же побѣга запасныхъ могли быть приведены и другія основанія.

Всѣмъ извѣстно, что рѣзня въ 1895 году была вызвана самими же китайцами, которые, по дорогѣ отступленія къ Артуру, разложили плѣнныхъ японцевъ, предварительно распоровъ имъ животы, на какое именно звѣрство японцы и отвѣтили рѣзней, нещадя ни пола, ни возраста; съ другой стороны, единичные случаи звѣрства на войнѣ естественны и всегда возможны, а потому и указаніе на фактъ при занятіи Сигнальной горы не могъ служить основаніемъ для общаго заключенія, другихъ же фактовъ не указывается; что-же касается стрѣльбы по нашимъ санитарамъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ командира одной изъ батарей капитана Вельяминова, обоснованномъ на слѣдующемъ разсказѣ его: наши санитары имѣютъ только бѣлую повязку на лѣвомъ рукавѣ, которая издали совершенно незамѣтна; по своей же остальной одеждѣ они положительно ничѣмъ не отличаются отъ сражающихся; видимо, японцы принимали ихъ за послѣднихъ, такъ какъ по тѣмъ людямъ, которые выходили длл уборки убитыхъ и раненыхъ съ замѣтнымъ издали бѣлымъ флагомъ Краснаго Креста, они стрѣльбу немедленно прекращали. Японскіе санитары рѣзко выдѣляются отъ сражающихся, такъ какъ они одѣты во все бѣлое; капитанъ Вельяминовъ далѣе разсказываетъ такой случай: какъ только появились эти санитары, онъ сейчасъ же прекратилъ стрѣльбу; это вниманіе и уваженіе такъ подѣйствовало на японцевъ, что они тотчасъ прекратили также огонь по всей своей линіи; когда уборка раненыхъ была окончена, то они открыли огонь не прежде того, когда онъ былъ возобновленъ нами.

Этотъ разсказъ Вел. свидѣтельствовалъ о совершенно другомъ взглядѣ японцевъ на раненыхъ и санитаровъ, чѣмъ это изображено въ приказѣ, и по моему мнѣнію, стрѣльба ихъ по нашимъ санитарамъ дѣйствительно обусловливалась тѣмъ, что послѣдніе ничѣмъ не отличались отъ сражающихся, а бѣлой повязки издали они могли и незамѣтить. Рисуемое приказомъ отношеніе японцевъ къ санитарамъ и раненымъ совершенно противорѣчитъ и неоднократно разсказаннымъ мнѣ случаямъ очевидцами, которые находили на полѣ битвы нашихъ раненыхъ тщательно перевязанныхъ японцами, что свидѣтельствуетъ о ихъ гуманности къ раненымъ. Если же они и предпочитаютъ смерть сдачѣ въ плѣнъ, то благодаря ошибочному убѣжденію каждаго изъ нихъ, можетъ также искусственно раздутому, что русскіе плѣнныхъ разстрѣливаютъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ лично приходилось слышать отъ докторовъ и сестеръ въ госпиталяхъ, что многіе раненые японцы, узнавъ, что ихъ не будутъ разстрѣливать, а будутъ только лѣчить, совершенно мѣнялись, дѣлались словоохотливыми, веселыми и принимались за пищу, тогда какъ до этого морили себя голодомъ и были печальны, молчаливы и угрюмы.

Къ сожалѣнію, изъ желанія поддержать нужное намъ настроеніе солдата, мы сами подаемъ поводъ непріятелю не уважать законовъ войны, выработанныхъ международнымъ правомъ. Какъ могли бы отнестись японцы къ нашему Красному Кресту, если бы узнали (а они несомнѣнно знали объ этомъ), что представитель его и администрація состояли въ рядахъ дружины, призванной также сражаться съ врагомъ. Здѣсь не могу не разсказать о слѣдующемъ курьезномъ и весьма опасномъ случаѣ. Представителемъ и Главноуполномоченнымъ Краснаго Креста въ Квантунской области состоялъ Егермейстеръ Балашевъ, человѣкъ очень пожилой и большой оригиналъ. Съ формированіемъ дружины, онъ также изъявилъ желаніе поступить въ ея ряды и вмѣстѣ съ красной повязкой на рукавѣ, надѣлъ на фуражку крестъ дружинника. Для обученія пріемамъ съ ружьемъ и поворотамъ, онъ и всѣ санитары Краснаго Креста собирались на дворѣ послѣдняго и

ихъ обучалъ унтеръ-офицеръ, отъ котораго Балашевъ настоятельно требовалъ обращаться къ нему въ строю, какъ къ простому рядовому.

При такихъ обстоятельствахъ, избіеніе администраціи Краснаго Креста со взятіемъ Артура, по мнѣнію многихъ, должно было произойти неминуемо. Японцы объ этихъ обстоятельствахъ знали несомнѣнно, такъ какъ газету «Новый Край» они получали черезъ китайцевъ, а въ послѣдней, при описаніи праздника дружинниковъ, указывалось, что на смотру была провозглашена здравица за старѣйшаго дружинника Егермейстера Балашева. Какъ высшее крѣпостное начальство не обратило на это вниманія и находило все это въ порядкѣ вещей, просто непонятно.

Противно природѣ русскаго солдата и не въ характерѣ его добивать лежачаго и безоружнаго. Мнѣ разсказывали трогательный случай, когда русскій солдатъ, поднявъ раненаго японца и быстро объяснившись съ нимъ мимически, далъ ему напиться воды и подѣлился съ нимъ имѣвшимся при немъ кусочкомъ хлѣба. Много разсказовъ мнѣ приходилось выслушивать изъ госпитальной жизни, гдѣ каждый изъ раненыхъ спѣшилъ оказать услугу раненымъ японцамъ, отдавая имъ сахаръ, молоко, даря папиросы и объясняя это тѣмъ, что онъ несчастнѣе ихъ, такъ какъ находится на чужой сторонѣ и въ плѣну; если же онъ и сражался противъ насъ, то дѣлалъ это не по своей волѣ, а въ силу приказанія своего Государя, какъ это дѣлаютъ и они сами.

Этотъ разумный и гуманный взглядъ русскаго солдата ярче всего свидѣтельствуетъ о его глубокомъ пониманіи основъ международнаго права. Несомнѣнно и безконечно онъ правъ въ своемъ взглядѣ на воюющаго какъ на врага только до тѣхъ поръ, пока онъ въ силахъ драться; внѣ же этого, онъ прежде всего видитъ въ немъ человѣка, съ которымъ не откажется подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, объясняя бывшія его враждебныя предъ тѣмъ дѣйствія не его злой волей, а приказомъ Государя, воля котораго для него должна быть священна. Такой здравый взглядъ на обязанности каждаго лежитъ поддерживать и развивать, а не

извращать и раздувать обратное. Вообще, знакомяся съ солдатомъ, съ его понятіями и взглядами на многія явленія жизни, я вынесъ впечатлѣніе о его глубокомъ пониманіи правды вездѣ и во всемъ. Кстати, въ подтвержденіи сказаннаго приведу его взглядъ на награды, изъ-за которыхъ шла страшная борьба и которыя, по моему мнѣнію, являются большимъ зломъ во время самой войны.

На сколько мнѣ пришлось познакомиться со взглядомъ солдата по этому вопросу, я вынесъ такое убѣжденіе.

Онъ выдѣляетъ въ своей служебной дѣятельности исполненіе своего долга отъ того, что онъ сдѣлалъ больше, сверхъ этого долга, совершилъ какой нибудь выдающійся необыкновенный подвигъ и цѣнитъ только ту награду, которую получилъ именно за этотъ подвигъ. Я раньше указывалъ уже на случай съ «настоящимъ Георгіемъ» и въ этомъ «настоящій» вполнѣ вылился взглядъ солдата на награду, которая должна даваться именно за настоящее дѣло, а не за выдуманное, раздутое; ему просто неловко и совѣстно предъ товарищами носить награду, имъ незаслуженную; ему стыдно предъ своей совѣстью, предъ сознаніемъ, что онъ носитъ то, чего не заслужилъ. Совершенно другой взглядъ преобладалъ между офицерами, а въ особенности штабными: сколько интригъ, сплетень, забѣганій, ненужныхъ услугъ и лести предъ тѣми, кто можетъ наградить тѣмъ или другимъ орденомъ; сколько раздутости въ реляціяхъ и донесеніяхъ о событіи, съ цѣлью получить отличіе; кому неизвѣстны налеты на театръ военныхъ дѣйствій такъ называемыхъ «Фазановъ», чтобы хватить тотъ или другой орденокъ и скрыться по-добру, по-здорову. Мнѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ обстановкой этого дѣла въ Артурѣ, гдѣ зависть, интриги и происки въ награжденіи достигли невѣроятныхъ предѣловъ и даже вызвали собою приказъ генерала Стесселя такого содержанія: «Дерутся строевые чины; къ наградному же пирогу прежде всего пристраиваются нестроевые разныхъ наименованій. Прошу помнить, что никто ни одной награды не получитъ болѣе, пока не получили строевые, напр. строевые по 2 получили всѣ, тогда и штабы и нестроевые могутъ разсчитывать получить вто-

рую, но не ранѣе или иди во фронтъ» (28 августа № 591). Я не вхожу въ оцѣнку правильности такого взгляда, такъ какъ нестроевой можетъ иногда оказать болѣе услугъ войску, нежели строевой; но уже возбужденіе вопроса о наградахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что играетъ болѣе важную роль не сознаніе исполнить честно и разумно свой служебный долгъ предъ Царемъ и Отечествомъ, а получить одну, двѣ, три награды; видно стремленіе одно—побить рекордъ въ полученіи наградъ. И, къ сожалѣнію, такіе люди, увѣшавъ грудь орденами, добытыми правдами и кривдами, въ противность взглядамъ простого солдата, гордились ими, нисколько не стѣсняясь, какой цѣной они куплены и за что именно. Мнѣ казалось бы болѣе справедливымъ давать награды по окончаніи войны и разрѣшеніе вопроса о награжденіи тѣмъ или другимъ орденомъ должно исходить отъ цѣлой коллегіи, а не единоличной власти начальника, который, какъ и въ указанномъ выше приказѣ, можетъ имѣть очень своеобразное и неправильное понятіе о награжденіи и значеніи наградъ; кромѣ того, раздачу ихъ довести до минимума и считать награжденіе за всю кампанію двумя орденами выдающимся случаемъ, благодаря чему награды пріобрѣтутъ то высокое воспитательное значеніе, какое онѣ и должны имѣть. Здѣсь я долженъ между прочимъ указать, что несмотря на отданный приказъ, штабные же щедрѣе всего и были награждены генераломъ Стесселемъ; какъ напр. Рейсъ, Хвостовъ, Водяго и др., ни разу не бывшіе въ бою на позиціи и особыхъ заслугъ не оказавшіе войску.

Обращаясь къ приказу о попираніи японцами международныхъ правъ, я указалъ уже, что многіе благоразумные вполнѣ основательно сознавали его опасность для насъ же самихъ, такъ какъ онъ, будучи опубликованъ въ газетахъ и попавъ въ руки японцевъ, могъ измѣнить ихъ гуманное настроеніе и привести къ той жестокости, въ которой ихъ такъ несправедливо обвиняютъ. Да очевидно и само военное начальство сознало свою ошибку и нетактичность, начавъ поспѣшно отбирать нумера выпущенной газеты съ этимъ приказомъ, но, къ сожалѣнію, поздно, спустя послѣ

этого день—два. Потерпѣвшимъ явился въ концѣ концовъ редакторъ газеты «Новый Край» капитанъ II ранга Артемьевъ, которому въ приказѣ отъ 22 сентября за № 718 былъ объявленъ выговоръ за то, что въ № 190 газеты «Новый Край» былъ помѣщенъ приказъ по войскамъ сухопутной обороны крѣпости «безъ соблюденія правилъ цензуры». На сколько такой выговоръ былъ правиленъ, сейчасъ объясню, какъ мнѣ было разсказано объ этомъ лично редакторомъ: авторомъ этого приказа, какъ я указалъ выше, былъ генералъ Кондратенко, который прислалъ его въ редакцію для напечатанія, увѣдомивъ редактора запиской, что генералъ-адъютантъ Стессель разрѣшилъ напечатать въ газетѣ; мало того, корректурный листъ всегда проходитъ двойную цензуру—штаба укрѣпленнаго раіона и морского, цензоры которыхъ также пропустили напечатаніе его. Получается загадочная картинка,—кто виноватъ? Почему-то оказался редакторъ.

Курьезовъ въ этомъ родѣ было очень много. Здѣсь приведу слѣдующій очень характерный. Въ числѣ военныхъ корреспондентовъ «Новаго Края» былъ молодой, живой, впечатлительный и энергичный баталистъ Ножинъ, который, описывая отраженіе брандеровъ въ ночь на 20 апрѣля, за версту слышалъ среди страшнаго гула орудій и свиста снарядовъ отданную Намѣстникомъ команду—«миноносцамъ итти въ атаку», тогда какъ Намѣстникъ говорилъ такъ тихо, что еле можно было услышать его на 3—4 шага. Въ погонѣ за сильными ощущеніями и впечатлѣніями, онъ просилъ генерала Смирнова разрѣшить ему сопровождать его при поѣздкахъ по позиціямъ во время боя, такъ какъ только этотъ генералъ и объѣзжалъ ихъ въ такіе моменты; всѣ же остальные или сидѣли въ блиндажахъ или ѣздили для осмотра тѣхъ фортовъ, которые участія въ бою не принимали. Генералъ Смирновъ согласился, но предупредилъ его, что онъ можетъ нажить непріятность, такъ какъ генералъ Стессель очень ревниво относится къ тѣмъ, которые описываютъ въ газетѣ не его, а кого либо другого, почему совѣтовалъ ему лучше сопровождать этого генерала. На заявленіе Ножина, что поѣздки съ нимъ не интересны, такъ какъ

во время боя онъ никогда не ѣздитъ по ведущимъ бой фортамъ и позиціямъ, а эти моменты его очень интересуютъ, генералъ Смирновъ согласился и Ножинъ пристроился къ его свитѣ. Вскорѣ въ газетѣ «Новый Край» появился цѣлый рядъ статей, въ которыхъ яркими красками очерчивались бои, штурмы и разнаго рода и вида баталіи; причемъ указывалось, что корреспондентъ все это видѣлъ лично, сопровождая генерала Смирнова. Нужно при этомъ замѣтить, что тотъ же Ножинъ, за яркое и красивое описаніе поѣздокъ генерала Стесселя по позиціямъ до боевыхъ штурмовъ японцевъ подъ Артуромъ, получилъ отъ послѣдняго благодарность, выраженную собственноручно генераломъ на его визитной карточкѣ «за правдивое описаніе».

Предсказаніе генерала Смирнова, къ сожалѣнію, незамедлило сбыться; былъ предпринятъ цѣлый походъ противъ «нашей печати,» и такъ жалкой по своему содержанію въ то время.

Прежде всего, приказомъ отъ 26 августа за № 579, изданіе газеты было пріостановлено на одинъ мѣсяцъ «за напечатаніе въ ней не подлежащихъ оглашенію свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ». Ничего подобнаго въ этихъ статьяхъ не было, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ ихъ; но допустимъ, что было,—спрашивается, какъ же могли пропустить эти статьи цензоры укрѣпленнаго раіона и кто является отвѣтственнымъ за это? Вновь загадочная картинка. Но всѣмъ стало ясно, что дѣло не въ статьяхъ, а въ чемъ-то другомъ и это «другое» вскорѣ обнаружилось. Приказомъ отъ 18 сентября за № 666 (звѣриное число), газетѣ «Новый Край» разрѣшалось продолжать изданіе, «но безъ права какого-бы то ни было участія корреспондента Ножина», а приказомъ отъ 20 сентября за № 677 военный корреспондентъ Ножинъ лишенъ былъ права «быть военнымъ корреспондентомъ»; свидѣтельство на это право приказано было отобрать отъ него, а онъ былъ лишенъ права «посѣщать батареи, форты, позиціи».

Впослѣдствіи я увидѣлъ этого бѣднаго корреспондента чрезвычайно убитымъ и сконфуженнымъ; исчезли съ лица жизнера-

достность, сознаніе пользы дѣла и наступила реакція по поводу произвола и неправды. Но борьба съ несчастнымъ корреспондентомъ на этомъ не окончилась; до слуха генерала Стесселя дошло, что Ножинъ собралъ очень большой матеріалъ по поводу обороны и думаетъ его впослѣдствіи издать. Опасаясь, вѣроятно, что это изданіе будетъ во многомъ не въ его пользу, онъ приказалъ начальнику жандармовъ произвести у Ножина обыскъ, обвиняя его въ политической неблагонадежности, а записки его арестовать и представить ему для просмотра. Обыскъ былъ произведенъ, ничего не было найдено, но это не остановило бы отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и репрессалій, если бы Ножинъ благоразумно не бѣжалъ изъ Артура на одномъ изъ миноносцевъ, уходившихъ въ Чифу, записавшись охотникомъ—кочегаромъ. Это до того озлило генерала Стесселя, что онъ началъ обвинять въ измѣнѣ Отечеству и Царю Начальника эскадры Виррена, Начальника береговой обороны контръ-адмирала Лощинскаго, а главное Командира порта Григоровича, высказавъ твердое рѣшеніе донести Государю о томъ, что эти три адмирала помогли измѣннику скрыться безнаказанно.

Случаи, подобно описаннымъ, при нашей монотонной безъ всякихъ впечатлѣній жизни, при угнетенномъ душевномъ состояніи подъ вліяніемъ постоянныхъ бомбардировокъ, нѣсколько разнообразили послѣднюю, пополняя ее темами, неимѣвшими отношенія къ боевой обстановкѣ, начинавшей надоѣдать таки порядочно.

Всѣ, видимо притомились, устали однообразіемъ; даже солдаты какъ-то болѣе лѣниво поварачивались, болѣе лѣниво ходили и исполняли свои обязанности. Почему приходилось ловить каждый моментъ, выдѣлявшійся по своей обстановкѣ изъ общаго фона бомбардировокъ, штурмовъ, баталій разнаго рода, вида и характера. Въ изобиліи появлялись даже сплетни, инціаторами которыхъ являлись по обыкновенію дамы, въ достаточномъ числѣ оставшіяся въ Артурѣ на время осады подъ различными предлогами помощи, но въ сущности не пожелавшія разстаться съ своими мужьями, которымъ они порядочно таки мѣшали. Впутываясь невольно въ ихъ служебныя дѣла, онѣ вліяли и на раздачу наградъ если мужья ихъ имѣли право на представленіе къ нимъ.

Одна изъ знакомыхъ мнѣ дамъ увѣряла, что она осталась не безъ пользы, такъ какъ только и поддерживаетъ энергію своего мужа «Санди» (Александръ), иначе онъ совершенно упалъ бы духомъ. Въ этой увѣренности, она неоставляла его даже во время ночныхъ дежурствъ на батареѣ, куда ей выносили плетеный диванъ, на которомъ она закутывалась въ бурку и спала, но до полнаго сна не отпускала отъ себя бѣднаго «Санди», требуя со стороны его услугъ по-минутно то укутать ноги, то поправить бурку, то положить иначе подушку; дѣло окончилось тѣмъ, что будучи беременной, она родила на седьмомъ мѣсяцѣ, послѣ чего «Санди» проводилъ все время уже дома, но не на батареѣ. Другая изъ дамъ, высокопоставленная, при выѣздѣ своего мужа для осмотра позицій, давала ему предписанія, гдѣ именно ему ѣздить и что осматривать; она же была его очень настойчивымъ секретаремъ въ различныхъ донесеніяхъ, представленіяхъ и перепискѣ; ея благоволеніе—знаменовало отличія, вражда—позоръ и поношеніе.

Не могу здѣсь пройти молчаніемъ одного очень курьезнаго случая. Согласно приказу по крѣпости, всѣ прибывавшіе въ нее лица подъ видомъ корреспондентовъ и иностранцевъ, препровождались въ штабъ крѣпости, гдѣ опрашивались, устанавливалась ихъ личность и цѣль прибытія, послѣ чего съ ними поступали сообразно даннымъ ими объясненіямъ. Въ октябрѣ неожиданно прибыли въ портъ на лодкѣ два господина, объявившіе себя корреспондентами-французами; имъ почему-то повѣрили на слово и они, вмѣсто штаба крѣпости, были препровождены въ штабъ укрѣпленнаго раіона. О прибытіи ихъ начальникъ штаба полковникъ Рейсъ доложилъ генералу Стесселю, который въ тотъ же день пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ съ шампанскимъ, угостивъ на славу. Комендантъ крѣпости, не бывшій на обѣдѣ, получивъ отъ постороннихъ лицъ свѣдѣнія, что мнимые французы-корреспонденты плохо говорятъ по французски и лицомъ походили на японцевъ, арестовалъ ихъ послѣ обѣда; по опросѣ ихъ на гауптвахтѣ, оказалось, что они не французы и не корреспонденты (по всей вѣроятности шпіоны) и прибыли въ портъ совершенно случайно, полагая, что П.-Артуръ уже взятъ

японцами. Послѣ 7-ми дневнаго ареста, они были высланы обратно въ море, по направленію къ японской флотиліи.

Несмотря, однако, на всѣ эти развлеченія и отвлеченія, у всѣхъ наболѣлъ и всѣхъ долбилъ одинъ и тотъ же вопросъ,—скоро-ли прибудетъ помощь, скоро-ли освободятъ насъ изъ невольнаго заключенія. Находились пессимисты, которые увѣряли, что Артуръ отданъ на съѣденіе японцевъ и роль его—отвлечь силы отъ арміи генерала Куропаткина, давъ ему собраться съ силами и разрѣшить болѣе важную задачу въ Маньчжуріи; что паденіе Артура не такъ важно и что успѣхъ арміи Куропаткина, если къ тому времени не падетъ Артуръ, повліяетъ и на снятіе японцами осады. Я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и былъ глубокимъ сторонникомъ его; а что гарнизонъ Артура долженъ былъ только выполнить роль отвлеченія силъ японцевъ, основаніе видѣлъ въ приказаніи флоту пробиться во Владивостокъ. Поэтому, понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я и подобные мнѣ ожидали извѣстій объ успѣхахъ арміи генерала Куропаткина. Помощи мы уже не ждали отъ него, но съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій только о его успѣхахъ, такъ какъ съ этимъ связывали ослабленіе осады, которая, если можно такъ выразиться, затягивалась вокругъ шеи узломъ все туже и туже. Не получая свѣдѣній съ сѣвера, насъ очень обрадовалъ случай прибытія 27 сентября изъ Чифу въ Артуръ боекъ, которые разыскивали своихъ старыхъ господъ, чтобы продолжать у нихъ службу и дальше. Этотъ пріѣздъ былъ очень вѣрный показатель того, что на сѣверѣ идетъ борьба усиленно; эти же бойки не замедлили оповѣстить насъ о томъ, что «Японцамъ шибко худо, а русскими шибко шанго» (хорошо), почему они и прибыли въ Артуръ и что «Китайскій купеза (купецъ) много-много забираетъ товаръ и шибко скоро привезетъ въ Артуръ». Къ этому же времени была получена на имя генерала Стесселя и телеграмма отъ генерала Куропаткина изъ Мукдена отъ 7 сентября: «Получилъ вашу депешу 3 сентября. Сердечно поздравляю съ новымъ успѣхомъ. Мы *усердно готовимся* къ переходу въ наступленіе. 1-й армейскій корпусъ уже прибылъ къ намъ. Богъ вамъ въ помощь; надѣйтесь на выручку. № 1140» (пр. 27 сентября № 709).

Въ этой телеграммѣ немного смущало всѣхъ слово *«усердно готовимся»*, такъ какъ мы давно уже ожидаемъ этого перехода въ наступленіе и подготовка въ продолженіе семи мѣсяцевъ какъ-то не вяжется съ понятіемъ «усердно»; мы очень давно уже *надѣемся на помощь и на выручку,* но всему же есть и границы, а мы несомнѣнно подходимъ къ нимъ, такъ какъ боевые и жизненные припасы уже на исходѣ, а многихъ и самыхъ необходимыхъ даже не хватаетъ, благодаря чему гарнизонъ таетъ не по днямъ, а по часамъ; причемъ больные растутъ въ прогрессіи, вслѣдствіе начавшаго развиваться тифа и дизентеріи; такъ, по приказу отъ 12 октября за № 764, на 20 тысячъ гарнизона тифозныхъ состояло 450 человѣкъ, дизентеріей 781, цынгой 167, а разнаго рода поносами 74; на развитіе этихъ болѣзней несомнѣнно вліяло очень дурное питаніе (безъ мяса, масла, зелени), а также страшное утомленіе и жизнь на позиціяхъ въ окопахъ.

Между тѣмъ, японцы ни одной минуты не давали отдыха и, если не бомбардировали города и порта, что случалось очень рѣдко, то производили ночные штурмы, а въ ночь на 29 сентября едва не обошли нашего лѣваго фланга со стороны форта № 3 и казачьяго плаца; къ счастью, своевременно были обнаружены и отбиты. Въ своей изобрѣтательности они доходили до виртуозности. Тотъ же командиръ саперной батареи капитанъ Вел...., зайдя ко мнѣ 29 сентября, между прочимъ, разсказалъ о слѣдующей продѣлкѣ ихъ: утромъ 28 сентября впереди японскихъ позицій нижніе чины неожиданно открыли три стога каоляна, которыхъ наканунѣ не было, почему всѣ были крайне удивлены ихъ быстрой постановкой, да еще и предъ позиціями; всматриваясь обстоятельнѣе въ нихъ при помощи трубы и биноклей, обнаружилось, что это были только маты въ видѣ ширмъ, за которыми они устраивали батарею и ставили орудія.

Онъ же разсказалъ мнѣ и слѣдующій очень интересный случай, свидѣтельствующій о предчувствіи животныхъ. На его батареѣ былъ маленькій домикъ-баракъ, на чердакѣ котораго жила кошка съ основанія батареи, любимица нижнихъ чиновъ, такъ какъ по-

стоянно была съ ними, бѣгала по веркамъ и возлѣ орудій и чрезвычайно смѣло вела себя во время бомбардировокъ, всегда присутствуя при орудіяхъ. Кажется, за это мужество больше всего и любили ее нижніе чины, которыхъ она своимъ присутствіемъ пріободривала и отвлекала мысли отъ угрожавшей имъ опасности. Такъ какъ она была всегда спокойна и скорѣе апатична къ кипучей дѣятельности на батареѣ при стрѣльбѣ, то всѣ были очень удивлены ея неожиданно наступившимъ нервнымъ настроеніемъ и волненіемъ, а 24 сентября она и совсѣмъ сбѣжала съ батареи.

Всѣ посчитали это за дурную примѣту и ожидали несчастья, которое и случилось въ ночь на 26 сентября, когда во время бомбардировки батареи японскій снарядъ попалъ въ домикъ-баракъ и разбилъ его вдребезги. Больше кошка на батерею не приходила.

Я раньше указывалъ уже, что послѣ 9 сентября, дня неудачнаго штурма для японцевъ, бомбардировки города и порта принимаютъ болѣе серьезный почти эпидемическій характеръ, а 18 сентября ими впервые была открыта стрѣльба даже 11″ дюймовыми мортирами и вначалѣ по фортамъ №№ 2 и 3, а потомъ и по городу. Къ нашему счастью, большинство этихъ снарядовъ не разрывалось, иначе дѣйствительно отъ города остались бы одни камни и пыль. Неразрывъ ихъ объясняли тѣмъ, что эти снаряды были предназначены для дѣйствія противъ судовой брони и трубки ихъ были снабжены ударниками очень тугого дѣйствія, дабы, пробивъ броню, они тогда только могли разрываться; почему, при дѣйствіяхъ ихъ о камень, дерево и землю, ударникъ не срывался съ мѣста и снаряды свободно зарывались въ землю. Попаданіе такого снаряда въ домъ и вѣроятная возможность этого—сильно разстраивала нервы; ни за одну минуту нельзя было поручиться, что такое чудовище неогрѣетъ васъ съ затылка, оставивъ только одно кровавое пятно; каждый часъ, каждую ночь и каждый день приходилось жить опасностью этого и такъ продолжались цѣлые мѣсяцы; пытка эта была невыносима и прямо-таки могла довести до сумасшествія; ложась спать, приходилось засыпать съ этой мыслью, прощаясь съ «бѣлымъ свѣтомъ», а вставъ,—благодарить судьбу за дарованіе

жизни. Къ концу сентября бомбардировки усилились, а съ 1 октября начали практиковаться систематически ежедневно съ перерывомъ отъ 12—1 часу дня и отъ 6 до 8 или 9 часовъ вечера; ночью прекращались въ 12 или часъ, а возобновлялись иногда съ 4 часовъ утра.

Зная, что у православныхъ 1 октября большой праздникъ, они по времени приблизительно къ срединѣ богослуженія дали по отрядной церкви залпъ изъ орудій большого и малаго калибровъ; къ счастью, въ этой церкви тогда богослуженія уже не было, такъ какъ она за недѣлю до этого была повреждена снарядами, изъ которыхъ одинъ попалъ въ центральный столбъ въ церкви и разбилъ кіотъ Николая Чудотворца; образъ же остался совершенно неповрежденнымъ. Особенно сильная бомбардировка была въ ночь на 13 октября. Сидя за работой, около половины 12 ночи, я вздрогнулъ невольно отъ страшнаго взрыва, раздавшагося въ городѣ, произведеннаго залпомъ непріятельскихъ снарядовъ; открывъ занавѣску, я увидѣлъ около Набережной въ началѣ маленькое зарево, которое мало-по-малу начало разростаться, охвативъ громадную площадь. Первоначально мнѣ показалось, что горитъ «Паллада», которая стояла въ томъ мѣстѣ у Набережной, но когда пожаръ обнялъ собою громадную площадь и освѣтилъ дальніе предметы, то я успокоился, такъ какъ горѣли только строенія на Набережной. Погода была очень тихая и ночь лунная; громадный столбъ чернаго дыма, въ видѣ гигантской колонны, упирался въ небесный сводъ, а снизу поднимались громадные языки пламени, лизавшіе столбъ съ различныхъ сторонъ. Съ началомъ пожара, японцы сразу прекратили огонь и это повторялось всегда такъ; тѣмъ не менѣе, пожара не тушили изъ боязни, что огонь можетъ быть открытъ ежеминутно. Горѣли склады купца Гинзбурга и экономическаго Общества; въ складахъ Гинзбурга жертвой огня сдѣлалось около тысячи пудовъ сахару, въ которомъ чувствовался уже недостатокъ, но о запасѣ котораго тамъ никто не зналъ, такъ какъ Гинзбургъ отказалъ войскамъ именно на томъ основаніи, что сахару у него нѣтъ. Послѣ этого случая приказано было осмотрѣть всѣ склады и такіе запасы

забрать въ Интендантство путемъ реквизиціи. Еврей и здѣсь сказался, несмотря на увѣренія въ своей дружбѣ къ русскимъ и на оказанное ему довѣріе правительствомъ, а въ особенности Намѣстникомъ.

Пожаръ ночью даже въ обыкновенное мирное время производитъ тяжелое душевное состояніе и разстраиваетъ нервы, а при нашей обстановкѣ, такъ какъ въ это время шла орудійная стрѣльба на фортахъ, дѣлало душевное состояніе невыносимымъ. Продолжался онъ цѣлую ночь, а 13 октября, благодаря сильному порывистому вѣтру, раздулся еще сильнѣе и прекратился только утромъ 14 октября.

Около 10 часовъ утра 13 октября ко мнѣ зашелъ съ своей женой полковникъ Тыртовъ, очень взволнованный и разстроенный, разсказавъ, что въ эту ночь его квартира была пробита двумя 11″ снарядами, къ счастью неразорвавшимися; онъ уже вышелъ изъ квартиры, направляясь въ блиндажъ, какъ получилъ объ этомъ извѣстіе.

14 октября я зашелъ къ нему; оказалось, что снарядъ ударилъ въ потолокъ столовой и пробивъ каменную стѣну, влетѣлъ въ коридоръ, гдѣ пробивъ двѣ каменныхъ стѣны, вышелъ внаружу, пролетѣлъ черезъ маленькій дворикъ, разбилъ каменную стѣну сосѣдняго дома и зарылся въ землю подъ поломъ послѣдняго, неразорвавшись; другой снарядъ ударилъ въ сосѣднюю лавку, примыкавшую къ передней квартиры Тыртова, пробилъ также каменную стѣну, разрушивъ стелажъ съ ликерами, проникъ въ переднюю Тыртова черезъ каменную стѣну, разрушивъ ее до основанія и зарылся въ землю подъ поломъ гостиной, также не разорвавшись. Въ ночь на это же число японцы прекратили и изданіе нашей газетки «Новый Край»: 11″ снарядъ проникъ черезъ потолокъ въ печатню, ударилъ въ стальной валъ печатной машины и разорвался, тяжело ранивъ 7 китайцевъ и убивъ двухъ; разрывъ былъ такой силы, что зданіе совершенно разлетѣлось и образовался переулокъ.

Въ ночь на 14 октября японцы предприняли наступленіе на фортъ № 3 и укрѣпленіе № 3, но съ успѣхомъ были отбиты.

Канонада началась около часу ночи и до того разразилась какимъ-то страшнымъ грохотомъ и ревомъ, что я, несмотря на мой крѣпкій сонъ, неожиданно проснулся и съ тревогой началъ одѣваться, предположивъ, что японцы прорвались въ Артуръ.

Разозленные ночной неудачей, японцы съ злобой начали бомбардировать городъ и портъ 15 октября также залпами, произведя пожаръ въ порту: горѣли мастерскія. Пожаръ также былъ грандіозный и продолжался почти всю ночь; но бомбардировка не прекращалась и я проснулся подъ выстрѣлами. До чего японцы идеально пристрѣливались, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ восточномъ бассейнѣ стояла канонерская лодка «Забіяка», на которомъ помѣщался штабъ начальника отряда миноносокъ; перекидной стрѣльбой черезъ горы «Забіяка» на 3-мъ выстрѣлѣ пошелъ ко дну.

Транспортъ «Ангара», стоявшій въ западномъ бассейнѣ, былъ обращенъ въ лазаретъ и въ немъ помѣщалось около 200 раненыхъ; чтобы предохранить ихъ отъ снарядовъ, всѣхъ перевели въ трюмъ. На второмъ выстрѣлѣ 11″ снарядъ попалъ въ «Ангару» и пробилъ дно, почему она начала тонуть; при этомъ получилась удручающая и поучительная картина спасанія раненыхъ: между ними нѣкоторые были безрукіе, другіе безногіе; такъ какъ прислуги оказалось недостаточно, то, чтобы вынести поскорѣе всѣхъ, а спѣшить было необходимо, кто въ силахъ былъ двигаться, самъ ползъ на палубу, безногіе же обвивали шеи безрукимъ и послѣдніе выносили ихъ на своихъ плечахъ, несмотря на испытываемыя страданія отъ незаживших еще ранъ: тутъ-то вполнѣ сказалась любовь человѣка къ человѣку. Все обошлось благополучно, всѣ спаслись, а «Ангара» кормой вскорѣ затонула, приставъ къ берегу. Въ томъ же бассейнѣ погибъ и пароходъ минной роты «Новикъ», къ которому пристрѣлялись также почти съ третьяго выстрѣла.

Наступавшіе дни, однако, не предвѣщали ничего хорошаго, такъ какъ по свѣдѣніямъ китайцевъ и плѣнныхъ японцевъ къ 21-му октября, дню рожденія Микадо, предписано было *во-чтобы-то ни стало взять Артуръ.* Это извѣстіе пріобрѣло характеръ дѣй-

ствительности, такъ какъ 16 октября была открыта адская бомбардировка по городу, которая продолжалась цѣлый день и ночь на 17 октября, а съ 10-ти часовъ этого дня она пріобрѣла характеръ канонады не столько по городу, сколько по всему фронту нашихъ позицій, въ особенности же по фортамъ №№ 2, 3 и укрѣпленію № 3; все указывало на близкій штурмъ, который и наступилъ около 3-хъ часовъ дня, чуть не въ первый разъ днёмъ.

Японцы повели его такъ стремительно, что указанные форты и укрѣпленіе къ 4-мъ часамъ оказались уже въ ихъ рукахъ; предъ этимъ орудійный огонь былъ до того губительный, что на фортахъ всѣ окопы и постройки были срѣзаны и сравнены съ землей. Лишившись прикрытій, наши стрѣлки засѣдали въ ямы, вырытыя снарядами, откуда и производили ружейную стрѣльбу по наступающимъ, но съ каждой минутой слабѣли и уступали пять за пядью; увидѣвъ же водруженнымъ японскій флагъ на форту, они, какъ по мановенію, бросились въ штыки и опрокинули апонцевъ съ крутостей фортовъ. Разсказываютъ, что это былъ одинъ моментъ, пронесшійся ураганомъ и въ воздухѣ замелькали руки и ноги опрокидываемыхъ японцевъ; одному приходилось драться противъ десяти; однимъ ударомъ штыка пронизывалось по 2—3 человѣка, которые и скатывались внизъ, образуя холмы человѣческихъ тѣлъ. Этотъ ударъ былъ просто таки невѣроятный и невиданный по своей силѣ, далеко превзошедшій собою августовскіе и сентябрскіе удары.

Спустя четверть часа, форты были въ нашихъ рукахъ, окруженные грудами тѣлъ. Потери наши превышали тысячу человѣкъ; отъ морской роты въ 200 чел. осталось три. Но потери японцевъ далеко превышали наши; отъ четырехъ японскихъ ротъ, атаковавшихъ фортъ № 2,—не осталось ни одного человѣка; изъ остальныхъ же ротъ уцѣлѣли немногіе и бѣжали; резервы ихъ, двигавшіеся на помощь, но опоздавшіе, были встрѣчены такимъ страшнымъ губительнымъ огнемъ, что разбѣжались раньше прибытія на помощь.

Однако, смѣлый и рѣшительный натискъ японцевъ многихъ заставлялъ призадуматься серьезно, такъ какъ успѣхъ нашъ обусловливался только опозданіемъ прибытія ихъ резерва.

Какъ и всегда, послѣ такихъ неудачныхъ штурмовъ японцы, озлившись, съ утра 18 октября открыли адскую бомбардировку города залпами и вновь зажгли участокъ его по сосѣдству съ только что прекратившимся пожаромъ; разгораясь, огонь захватилъ громадную площадь города и вновь понесся къ небу гигантскій столбъ чернаго дыма, прорѣзываемый снизу языками пламени, а къ вечеру освѣтилъ полнебосклона заревомъ, продолжаясь всю ночь.

Въ тотъ же день генералъ Стессель отдалъ такой приказъ за № 776: «По свѣдѣніямъ, мною полученнымъ, армія генерала Куропаткина двигается съ успѣхами, причемъ одинъ японскій старшій генералъ взятъ въ плѣнъ; а здѣсь 13 или 14 числа сего мѣсяца тоже одинъ старшій японскій генералъ лишилъ себя жизни. Взятый въ плѣнъ японскій солдатъ при опросѣ почти *не отвѣчалъ*, но *все таки показалъ*, (?) что они *потому торопятся, чтобы взять форты* къ 21 числу, ко дню рожденія Микадо; намъ же извѣстно, что 21 числа сего мѣсяца день Восшествія на престолъ Нашего Великаго Царя. Я васъ знаю и не сомнѣваюсь чья возьметъ; осталось два дня».

Напряженное состояніе еще болѣе усилилось. Эти «два дня» представлялись чѣмъ-то страшнымъ, роковымъ въ нашей страдальческой жизни. День 19 октября прошелъ въ усиленной бомбардировкѣ города и порта; казалось, снаряды летали еще съ большимъ свистомъ и злостью, ломая и ниспровергая все на своемъ пути; одинъ изъ нихъ попалъ въ пожарище и разорвался, поднявъ сажень на 30 вверхъ куски обгорѣвшаго дерева и камней.

Наступило 20 число; всѣ ожидали еще болѣе жестокой бомбардировки, но несчастье пришло къ намъ съ другой стороны. По сосѣдству съ моей квартирой было зданіе минной роты, въ мастерской которой приготовлялись взрывчатыя вещества и находилась масса минъ, динамита и пироксилина. Около 10 часовъ утра раздался страшный оглушительный взрывъ, отъ котораго съ трескомъ разлетѣлись стекла въ моей и сосѣднихъ квартирахъ и задрожали каменныя зданія. Предположивъ взрывъ какого-либо изъ нашихъ фортовъ, я моментально выскочилъ изъ квартиры, но увидѣвъ зданіе минной роты въ пламени, сейчасъ же догадался о несчастьи.

Вскорѣ послѣ этого раздался второй еще болѣе страшный взрывъ, а потомъ послѣдовалъ третій и четвертый. Оказалось, что благодаря неосторожности, произошелъ первоначально разрывъ мины, а затѣмъ послѣдовательно взрывался динамитъ и пироксилинъ; погибло около 30 человѣкъ. Къ счастью, японцы молчали и видимо любовались этой интересной картиной взрывовъ. Вечеромъ того же дня они болѣе сдержанно бомбардировали старый и новый городъ, что дало поводъ предполагать подготовку штурма или бомбардировку города 21 числа, день Восшествія на Престолъ Государя Императора.

Къ ночи все утихло, но и сами японцы въ эту же ночь не уберегли себя отъ несчастья. Въ послѣднее время они усиленно тралили въ бухтѣ Тахе наши, но больше свои собственныя мины, разбросанныя ими въ разныхъ мѣстахъ, для какой цѣли выходилъ всегда японскій 4 трубный миноносецъ-истребитель въ сопровожденіи 2 номерныхъ миноносцевъ; этотъ истребитель случайно наскочилъ на мину и моментально пошелъ ко дну. Что онъ погибъ отъ собственной оплошности, а не былъ взорванъ брошенной миной съ парового катера броненосца «Ретвизана», отправившагося въ эту экскурсію съ охотниками подъ командой мичмана Дмитріева, какъ о томъ сообщалось въ «Новомъ Краѣ» на другой день, я провѣрилъ опросомъ многихъ лицъ; дѣйствительно, этотъ катеръ выходилъ тогда, но до цѣли не дошелъ.

Ночь на 21 число и утро прошли спокойно, что немало удивило каждаго изъ насъ; но около 10—11 часовъ дня, по сосѣдству съ моей квартирой у подошвы Перепелки, раздался страшный оглушительный взрывъ, отъ котораго каменное зданіе, въ которомъ я жилъ, буквально зашаталось; взрывъ этотъ произошелъ отъ залпомъ брошенныхъ японцами и разорвавшихся снарядовъ большого калибра; несмотря на то, что квартира моя находилась отъ мѣста разрыва не ближе 300 сажень, осколки полетѣли на крышу зданія и во дворъ. Всѣ снаряды попали въ частные склады, гдѣ хранилось около 1500 п. оливковаго масла, и немедленно же вспыхнулъ грандіознѣйшій пожаръ, еще не бывалый до этого времени;

пламя поднималось къ небу на высоту не менѣе 15—20 сажень, прорѣзывая громадный густой столбъ чернаго дыма, начинавшаго растилаться по всему городу и вскорости окутавшаго густой мглой весь городъ. Жутко было глядѣть на этотъ пожаръ, предоставленный самому себѣ, при невозмутимой тишинѣ въ городѣ; нигдѣ ни одной души на этой улицѣ и только изрѣдка въ боковыхъ видны были пробѣгавшіе китайцы или солдаты, спѣшившіе на позицію. Произведя пожаръ, японцы начали обстрѣливать городъ и портъ, разбрасывая снаряды въ безпорядкѣ по различнымъ частямъ города. Продолжалась бомбардиковка не менѣе 2 часовъ; пожаръ съ одинаковой силой пожиралъ имущество до вечера, но дымился еще и 22 октября.

Такимъ салютомъ японцы привѣтствовали день рожденія Микадо и день Восшествія на Престолъ Нашего Государя.

Итакъ, и на сей разъ японцевъ постигла неудача; имъ не удалось порадовать Микадо взятіемъ Артура; духъ же нашего гарнизона возросъ значительно.

Выдержали наши чудо-богатыри. Они выросли, окрѣпли и закалились въ этой гигантской героической борьбѣ; въ каждомъ изъ насъ жила теперь полная надежда, что Артуръ устоитъ, не будетъ взятъ японцами, а если и возьмутъ его, то только мертвый городъ, въ которомъ ни одного живого защитника уже не останется; каждый падетъ, вѣрный своему долгу и присягѣ.

Да и какъ не устоять Артуру, когда среди его гарнизона явилась героиней даже женщина, вторая Дурова, къ сожалѣнію, убитая 3 октября; это—Харитонъ (Харитина) Короткевичъ, дочь крестьянина Евстафія Верхозина Тобольской губерніи Купанскаго уѣзда Сычевской волости дер. Пастеревой.

Исторія этой героини, какъ это было сообщено въ газету «Новый Край», такова. Выйдя замужъ за буфетчика Китайской Восточной желѣзной дороги на ст. Барымъ Якова Короткевича, она оказалась отличной хозяйкой и вела очень хорошо торговое дѣло мужа; когда же послѣдній, какъ запасный, былъ призванъ на службу и зачисленъ въ 13-й Восточно-Сибирскій стрѣлко-

вый полкъ, расположенный въ Нангалинѣ, то, послѣ нѣкотораго раздумья, и Харитина рѣшила пріѣхать на помощь къ своему мужу. Такъ какъ изъ женщинъ никого на Квантунъ не пропускали то Харитина отрѣзала свою косу, остригла волосы, переодѣлась въ платье желѣзнодорожнаго служащаго и явилась къ мужу въ Таліенванъ, гдѣ снова переодѣлась въ женское платье. Къ этому времени японцы уже высадились въ Бидзыво и началось ихъ движеніе на Кинчжоу, куда выступилъ и 13-й полкъ.

Не желая оставлять мужа, она также двинулась съ полкомъ, переодѣвшись въ солдатскую форму съ разрѣшенія полкового начальства и получивъ ружье съ патронами, которымъ она быстро и ловко научилась владѣть; называлась она стрѣлкомъ 7-й роты Харитонъ Короткевичъ. Вскорѣ ей пришлось участвовать въ сраженіи 3 и 13 мая, потомъ на Зеленыхъ горахъ и Куинсанѣ; несла она службу наравнѣ со всѣми солдатами и бывала въ заставахъ и секретахъ. На Угловой горѣ мужъ ея былъ раненъ 6 августа и отправленъ въ госпиталь, куда и она послѣдовала за нимъ, ухаживая за больными, какъ сидѣлка. Но боевая жизнь вновь потянула ее къ себѣ и она ушла съ ротой на Высокую гору, гдѣ помогала убирать раненыхъ. Солдаты очень любили ее за ея тихій хорошій характеръ и мелкія услуги, которыя она оказывала имъ въ видѣ стирки бѣлья, починки платья; часто она дарила имъ гостинцы, которые всегда приносила изъ города. Впослѣдствіи Командующій 2-мъ баталіономъ капитанъ Сусановскій взялъ ее къ себѣ посыльнымъ; съ нимъ она была въ дѣлѣ 7 сентября на Водопроводномъ редутѣ, а когда онъ перешелъ на Китайскую стѣнку, то и она послѣдовала за нимъ, гдѣ и была убита 3 октября при разрывѣ 11″ бомбы, почти наканунѣ своихъ имянинъ, которыя она собиралась торжественно отпраздновать.

Съ 20 октября вновь начинаютъ повторяться бомбардировки города, причиняя незначительныя поврежденія зданіямъ и убивая ежедневно 2—3 человѣка. Но и для насъ насталъ истинный праздникъ, который мы испытали, прочитавъ телеграмму Государя отъ 14 августа на имя Командующаго Маньчжурской Арміей,

объявленную въ приказѣ по крѣпости 24 октября за № 69 (Неправда-ли, къ намъ быстро доходили телеграммы!). Я привожу ее дословно, какъ историческій памятникъ, объединяющій чувства Государя съ Арміей: «Сегодня, во время совершенія Таинства Св. Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Ея Величество и Я, въ душевномъ помышленіи о Нашихъ доблестныхъ войскахъ и морякахъ на Дальнемъ Востокѣ, въ сердце молитвенно призывали ихъ быть воспріемниками Новокрещаемаго Цесаревича. Да сохранится у него на всю жизнь особая духовная связь со всѣми тѣми дорогими для Насъ и для всей Россіи, отъ высшихъ начальниковъ до солдата и матроса, которые свою горячую любовь къ Родинѣ и Государю выразили самоотверженнымъ подвигомъ, полнымъ лишеній, страданій и смертельныхъ опасностей. Николай». Эта телеграмма, столь трогательная, столь душевная, сливающая воедино Царя съ Его народомъ, произвела грандіозное впечатлѣніе на гарнизонъ. Да будетъ она завѣтомъ для потомства!

Непреодолимая тоска, вслѣдствіе не полученія свѣдѣній о семьѣ уже 5-й мѣсяцъ, не покидала меня, да и работа утомляла ужасно, почему являлась просто-таки настоятельная необходимость развлечься, подѣлиться мыслями, узнать что-либо новое. Такимъ для меня лицомъ былъ нашъ выдающійся защитникъ крѣпости, Комендантъ ея Константинъ Николаевичъ Смирновъ, въ котораго я вѣрилъ какъ въ Бога и которому предсказывалъ постоянно побѣду надъ врагомъ и только побѣду. Дѣйствительно, только онъ своими разумными, умѣлыми распоряженіями, при содѣйствіи своего славнаго сподвижника генерала Кондратенко, держалъ и могъ держать защиту крѣпости до смерти послѣдняго защитника; только онъ, благодаря своей находчивости и разумной экономіи въ резервахъ и его распредѣленіи по позиціямъ, противопоставлялъ непріятелю достаточную силу днемъ и ночью на каждомъ пунктѣ. Въ бесѣдѣ съ нимъ какъ-то незамѣтно летѣло время и часто, незамѣчая, приходилось засиживаться далеко за полночь. 24 октября, около 6 часовъ вечера, я и отправился къ нему разбить свою грусть. По обыкно-

венію, я засталъ генерала въ его неизмѣнной тужуркѣ за письменнымъ столомъ, окруженнаго бумагами, картами, донесеніями, телеграммами. Видимо, онъ чрезвычайно обрадовался моему приходу, такъ какъ очень радушно привѣтствовалъ и какъ бы съ упрекомъ, что давно уже навѣщалъ его. Правда, я не былъ у него около трехъ недѣль, благодаря сильно одолѣвшей меня модной болѣзни—дизентеріи, отъ которой и въ моментъ прихода не успѣлъ еще оправиться. Такъ какъ работы были покончены и столъ былъ уже накрытъ для обѣда, то онъ любезно пригласилъ меня совмѣстно раздѣлить съ нимъ комендантскій обѣдъ. Я съ радостью принялъ это предложеніе, такъ какъ, признаюсь чистосердечно, за время болѣзни, сидя на одномъ бульонѣ, сильно отощалъ и проголодался, да и утомить голодъ почти нечѣмъ было. Хотя мнѣ и отпускали ежедневно, какъ генералу, три фунта баранины, (но все таки не конины, которой я не могъ ѣсть по состоянію своего желудка), но это буквально были одни только кости отощавшаго животнаго, отъ которыхъ поваръ собиралъ мяса едва на одну котлетку, которая и выходила въ видѣ сухаря, приготовленная на отвратительномъ бобовомъ маслѣ, за недостаткомъ коровьяго. Поэтому, комендантскій обѣдъ манилъ и разжигалъ аппетитъ и дѣйствительно я не ошибся, такъ какъ обѣдъ, несмотря на истощеніе запасовъ, былъ близокъ къ хорошему мирному времени: прежде всего на закуску были приготовлены консервированные грибки на самомъ свѣжемъ сливочномъ маслѣ, котораго и за золото въ то время нельзя было достать въ Артурѣ; супъ съ консервированной зеленью и баранье мясо съ чеснокомъ, приготовленное чрезвычайно вкусно; все это заключилось очень аппетитнымъ кофе со сливками, чуднымъ краснымъ виномъ и выдержаннымъ 20-ти лѣтнимъ коньякомъ, который можно было пить какъ вино. Я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, но несмотря на это К. Н. подкладывалъ мнѣ кусочекъ за кусочкомъ, подливая въ рюмки вина, похваливая баранину и умѣнье повара приготовить такъ вкусно мясо совершенно истощеннаго животнаго.—«Но онъ и долженъ умѣть вкусно приготовить, чтобы оправдались произведенные мною расходы на него», сказалъ

К. Н., «вѣдь я вывезъ его изъ Варшавы и одинъ провозъ его сюда обошелся мнѣ до 400 рублей. Онъ былъ помощникомъ главнаго повара въ Москвѣ на Николаевскомъ вокзалѣ и, какъ москвичъ, долженъ изъ ничего приготовить вкусное блюдо», сказалъ онъ, смѣясь.—«Недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ самый простой обѣдъ вгоняетъ въ сумму 10—15 рублей, при самой большой его стоимости въ 1—2 рубля». Мы невольно вспомнили при этомъ дорогую намъ Россію и сердце ея Москву, гдѣ такъ вкусно и аппетитно можно поѣсть, но гдѣ нравы поваровъ и поваренковъ давно уже были испорчены исторически выработанной привычкой обирать своихъ господъ и цѣнить знатность ихъ по тѣмъ шальнымъ деньгамъ, которыя бросались зря.

Перейдя на тему о злобѣ дня, К. Н. ничего опредѣленнаго не могъ разсказать о дѣйствіяхъ генерала Куропаткина, отъ котораго уже почти два мѣсяца онъ не получалъ извѣстій. Хотя въ Артуръ и прилетѣли изъ Ляояна четыре почтовыхъ голубя, но безъ телеграммъ, что всѣхъ крайне удивило; приписывали это обстоятельство или небрежности задѣлки телеграммъ, которыя были ими утеряны во время полета или—что голуби сами удрали изъ голубятни.

Настоящее положеніе К. Н. рисовалъ въ благопріятномъ смыслѣ, такъ какъ провизіи, собственно муки, должно было хватить до 1-го января, но мяса, овощей, консервовъ хватало только на двѣ—три недѣли. Болѣе всего его безпокоило сильное истощеніе солдатскаго организма вслѣдствіе плохого питанія, результатомъ чего было развитіе болѣзней—дизентеріи, разныхъ видовъ поносовъ, цынги, а вслѣдствіе этого и тифа, и малый процентъ выздоравливающихъ раненыхъ, организмъ которыхъ требовалъ усиленнаго питанія, которые при послѣднемъ условіи безусловно дали бы здоровыхъ работниковъ.

Отсутствіе распорядительности въ заготовленіи гуртовъ скота онъ безусловно ставилъ въ вину генералу Стесселю, который, по его словамъ, подарилъ весь скотъ японцамъ, отсрочивъ реквизицію его до 15 мая. Не менѣе безпокоила его также и громадная потеря въ

офицерахъ, которыхъ до конца октября выбыло изъ строя болѣе 300 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми болѣе 100 человѣкъ. Наибольшій процентъ офицеровъ относился къ артиллеріи, которая на половину выносила на своихъ плечахъ осаду. О составѣ пѣхоты К. Н. былъ не высокаго мнѣнія, приписывая это молодому составу 7-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи, сформированной только наканунѣ войны; а съ другой стороны, массѣ запасныхъ, которые не такъ смѣло и энергично шли въ бой и часто поворачивали назадъ при дѣйствіи пулеметовъ. При этомъ удивленію его не было границъ, что 3-я Вост.-Сиб. стрѣлковая бригада (нынѣ дивизія), давно расквартированная въ Артурѣ и прекрасно знакомая съ мѣстностью, была взята въ Маньчжурію на Ялу, а сюда введена новая 7-я, совершенно незнакомая съ мѣстностью. Эту ошибку онъ также всецѣло относилъ на счетъ генерала Стесселя.

При этомъ К. Н. разсказалъ мнѣ и о трагическомъ случаѣ съ нимъ, едва не окончившемся для него печально. Узнавъ о циркулировавшихъ между солдатами на форту № 2 слухахъ, что ведомыя японцами подъ этотъ фортъ мины имѣютъ цѣлью, путемъ закладки въ нихъ около 300 пудовъ пироксилину, взорвать этотъ фортъ, онъ счелъ своимъ долгомъ явиться туда немедленно и ободрить защитниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему необходимо было лично провѣрить и наши работы, которыя состояли въ рытьѣ контръ-минъ, чтобы предупредить взрывъ со стороны непріятеля; все сводилось къ тому, кто скорѣе выполнитъ эту работу.

Въ началѣ октября, прибывъ на фортъ, онъ былъ встрѣченъ начальникомъ участка генераломъ Горбатовскимъ и комендантомъ форта капитаномъ Рѣзниковымъ. Генералъ Горбатовскій предупредилъ его, что у него на форту *птички поютъ* безсмѣнно; дѣйствительно, пули свистѣли кругомъ и было не безопасно. Поздоровавшись съ людьми и ободривъ ихъ ласковымъ словомъ и шутками, К. Н. началъ выслушивать тутъ же докладъ по защитѣ форта и производству работъ. Такъ какъ пули продолжали сыпаться въ болѣе сильной степени (очевидно, японцы по привѣтствію узнали о прибытіи высшаго начальника), то одинъ изъ унтеръ-офицеровъ доложилъ,

что безопаснѣе стать за камнемъ, на который онъ и указалъ. Расположившись на указанномъ мѣстѣ, К. Н. однако почему-то нашелъ его для себя весьма неудобнымъ, почему всталъ и вышелъ на болѣе открытое мѣсто; только что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ неожиданно разорвалась шрапнель на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ тѣмъ находился К. Н. и нѣсколько осколковъ ея упало почти у ногъ его. Чувствуя себя не безопаснымъ и здѣсь, онъ спустился въ ровъ, продѣланный для сообщенія по форту въ видѣ закрытой галлереи; но не успѣлъ онъ пройти и 10-ти шаговъ, какъ въ это время съ страшнымъ шумомъ и трескомъ около него ударилъ въ стѣнку рва снарядъ 11″ мортиры, разорвавшись сзади его шагахъ въ двухъ, отбросивъ его силой разрыва дальше въ глубь рва и приваливъ камнями и землей. Въ это время раздался крикъ «убитъ»! Всѣ бросились къ нему; но крикъ этотъ относился къ солдату, слѣдовавшему за К. Н. въ трехъ шагахъ сзади, которому отнесло голову.

Только Промыслъ Божій спасъ этого единственнаго могучаго защитника крѣпости, для чести арміи и счастія Россіи. Всѣ знали, что защита крѣпости только и держится умѣлой рукой К. Н., единственно понимавшаго крѣпостную войну и ловко парировавшаго всѣ хитрости и подвохи ехиднаго противника.

Съ цѣлью убѣдиться, насколько ходы наши подошли близко къ непріятельскимъ и не пора-ли произвести взрывъ,—генералъ Смирновъ рѣшается лично проползти въ прорытой контръ-минѣ и выслушать стуки непріятеля. Спустившись въ колодецъ, генералъ поползъ подземной галлереей и, достигши конца ея, приложилъ ухо къ скалѣ, прислушиваясь къ раздавшимся стукамъ; послѣдніе указывали близость японцевъ и на своевременность взрыва, чтобы разрушить всю ихъ работу.

Дабы вполнѣ обрисовать ту опасность, которой подвергался въ тотъ моментъ генералъ Смирновъ, я долженъ оговориться. Мины и контръ-мины ведутся подъ угломъ съ двухъ сторонъ; съ цѣлью же обмануть противника, въ одной изъ галлерей производятся стуки, а въ другой происходитъ забивка заряда, черезъ 1—2 минуты мо-

жетъ быть взорванъ. Такое именно положеніе могло быть и въ то время, когда генералъ Смирновъ прислушивался къ японскимъ стукамъ; непріятель могъ ежесекундно произвести взрывъ, при которомъ генералъ былъ бы погребенъ въ контръ-минѣ.

Выйдя благополучно изъ галлереи и признавъ моментъ взрыва назрѣвшимъ, генералъ Смирновъ приказалъ произвести забивку заряда, послѣ чего, спустя два дня, явился на фортъ и приказалъ провода отъ заряда провести на послѣдній. Предъ самымъ взрывомъ, имъ было приказано производить въ сосѣдней галлереѣ ложные стуки, дабы убѣдить непріятеля, что работа по прорытію контръминъ продолжается. За минуту до взрыва, производившій эти стуки былъ удаленъ изъ галлереи и самъ генералъ Смирновъ соединилъ провода; послѣдовалъ страшный оглушительный подземный взрывъ и изъ непріятельскихъ колодцевъ и выходныхъ галлерей полетѣли камни, доски, бревна, тѣла японцевъ, дымъ и пыль. Эта катастрофа произвела на послѣднихъ удручающее впечатлѣніе и ихъ тяжелая продолжительная работа окончилась безрезультатно и печально. Впослѣдствіи я видѣлъ фотографическій снимокъ именно этого момента.

Долго я засидѣлся тогда у К. Н. Прощаясь, онъ предложилъ мнѣ утромъ слѣдующаго дня поѣхать съ нимъ верхомъ на форты, интересуясь въ то же время осмотрѣть и мои владѣнія—перевязочные пункты, которыхъ онъ вмѣстѣ со мною еще не посѣщалъ. Я съ удовольствіемъ согласился, благо погода тогда стояла совершенно лѣтняя, напоминая наши августовскіе теплые дни.

Возвратившись домой, я подъ сильнымъ впечатлѣніемъ сообщеннаго заснулъ богатырскимъ сномъ; но рано утромъ меня разбудилъ вѣстовой, доложивъ письмо отъ Коменданта, а также о присылкѣ лошади. Письмо было слѣдующаго содержанія: «Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Посылаю Вамъ верховую лошадь; пріѣзжайте сейчасъ ко мнѣ; мы, согласно вчерашнему уговору, поѣдемъ съ Вами на восточный фронтъ. Искренно Вамъ преданный К. Смирновъ. 27 октября, 7 ч. 40 м. утра». Момен-

тально одѣвшись и проглотивъ стаканъ чаю, я сѣлъ на лошадь и обливаемый теплыми лучами утренняго только что освѣтившаго землю солнца, я поскакалъ къ К. Н.

Эта поѣздка навсегда останется въ моей памяти по своей обстановкѣ. Поэзія и смерть—два совершенно діаметральныхъ полюса; но сочетаніе ихъ производитъ такія ощущенія и впечатлѣнія, которыя рѣдко кому приходится наблюдать, а тѣмъ болѣе переживать въ дѣйствительности.

Войдя къ К. Н., я засталъ его уже готовымъ. Мы сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи его адъютанта поручика Гаммера и конвоя изъ 5-ти казаковъ, поѣхали по направленію къ восточному фронту. Это была моя первая поѣздка съ К. Н. Мнѣ чрезвычайно понравилась его сердечность при встрѣчѣ съ одиночными людьми и цѣлыми командами, которыхъ онъ неизмѣнно привѣтствовалъ словами: «Здорово молодцы»!—«Здорово друзья»!—«Здорово моряки»!—«Здорово стрѣлки»! получая на свое привѣтствіе отвѣтъ радостный и громкій: «Здравія желаемъ Ваше Превосходительство»! Видимо, его очень любили солдаты. Солнце, поднимаясь все выше и выше, нагрѣвало воздухъ, чистый по своей прозрачности; дышалось такъ легко, свободно; тишина стояла необыкновенная и только быстрый ходъ лошадей производилъ движеніе воздуха. Монголъ генерала темно-гнѣдой масти шелъ весело и энергично, мотая головой и красиво подобравъ шею; мой монголъ сѣрой масти не уступалъ въ быстротѣ хода и шелъ также весело.

Выѣхавъ за ворота внутренней ограды, охранявшейся дружинниками, мы начали подниматься въ гору, направляясь къ Большой горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ на восточномъ фронтѣ, гдѣ была расположена морская батарея изъ четырехъ 74-хъ м/м орудій. Чтобы сократить путь и избѣжать проѣзда по дорогѣ, постоянно обстрѣливаемой непріятелемъ съ вершинъ Дагушаня и Сягушаня, К. Н. направилъ своего монгола по тропинкѣ на эту гору; мы двинулись за нимъ гуськомъ. Только монгольская лошадь способна взбираться по такимъ крутизнамъ, какую пришлось намъ проѣзжать. Тропинка шла зигзагами и въ иныхъ мѣстахъ лошадь буквально

становилась въ отвѣсное положеніе. Наконецъ, мы добрались до вершины горы, гдѣ въ закрытомъ помѣщеніи оставили лошадей, а сами взошли на батарею, на которой К. Н. былъ встрѣченъ командиромъ батареи и комендантомъ форта—лейтенантами Б. и В. Какая чудная очаровательная картина представилась моимъ глазамъ съ вершины этой горы! Впереди позиціи открывался восхитительный видъ на Волчьи горы, Шининзинскій перевалъ, горы Куинсанъ, Юпилазу, Зеленыя, Дагушань и Сягушань; все это ярко и весело освѣщалось солнечными лучами, въ воздухѣ стояла какая-то таинственная тишина, нарушаемая только чиканьемъ пуль и изрѣдка раздававшимися выстрѣлами непріятельскихъ батарей по нашимъ позиціямъ. Сзади открывался еще болѣе очаровательный видъ на море, рейдъ, бухту Тахе и городъ. Какъ впереди позицій, такъ и въ городѣ жизнь какъ бы совершенно застыла и замерла; изрѣдка только по дорогамъ и тропинкамъ впереди позицій шли одиночные японцы или вьючныя лошади, но и то прикрываясь на своемъ пути рытвинами или холмиками.

Тутъ только я убѣдился, до чего искусно и мастерски укрывали японцы свои батареи. Вы слышите раздающіеся выстрѣлы, видите разрывающіеся и падающіе снаряды, но откуда они несутся, гдѣ работники,—ни за что не откроете и можете судить только по догадкамъ. Примѣненіе къ мѣстности прямо таки идеальное; видно стремленіе къ экономіи и въ людяхъ, и въ матеріалахъ.

Присматриваясь къ бухтѣ Тахе, ясно видны торчащіе изъ воды трубы злополучнаго миноносца «Лейтенанта Буракова», обнажавшагося до половины во время отлива. Не успѣлъ я вполнѣ отдаться своимъ впечатлѣніямъ, какъ неожиданно раздался орудійный выстрѣлъ и сзади насъ послѣдовалъ разрывъ шрапнели; другой выстрѣлъ послѣдовалъ также вскорѣ за нимъ, но ни стрѣляющихъ, ни мѣстоположенія батареи не было видно.

— «Видите, какая теперь война», обратился ко мнѣ К. Н. «Вы противника не видите, да и не увидите; онъ не покажется Вамъ, но будетъ Васъ поражать мѣтко и пулями, и снарядами, разъ найдетъ достойнымъ этого. Станьте за прикрытіе; японцы зорко

слѣдятъ за нами въ трубы и особенно энергично охотятся на генераловъ».

Я дѣйствительно стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ, почему невольно приблизился къ щекѣ амбразуры орудія, причемъ не могъ не назвать такую войну прямо-таки «подлой войной», «войной изъ-за угла», выразивъ свою полную симпатію къ характеру старой войны, гдѣ враги сходились смѣло и открыто грудь на грудь, работая въ честномъ бою и ружьями, и кулаками, но не прибѣгая къ хитрости и подлому убійству изъ-за угла.

Разговаривая на тему о характерѣ войны, командиръ форта доложилъ К. Н., что «Севастополь», какъ сейчасъ сообщили по телефону, открываетъ огонь по непріятельской батареѣ, расположенной вблизи насъ, но прикрытой предгоріемъ. Въ это время дѣйствительно оглушилъ грохотъ съ бухты и надъ нами раздался свистъ 12″ снаряда, разорвавшагося съ громомъ за указаннымъ предгоріемъ; отвѣтомъ на это было нѣсколько орудійныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ по Заредутной батареѣ. Съ началомъ стрѣльбы, даже одиночные люди, сновавшіе въ сторонѣ непріятеля, скрылись и природа стала совершенно мертвой.

Казалось, что выстрѣлы выходили изъ земли и не были дѣломъ человѣческихъ рукъ. Въ воздухѣ стояла такая же тишина, также тихо и привѣтливо лились лучи солнца, согрѣвая и благословляя землю и ея обитателей на мирный трудъ и любовь; но этого-то и не было,—жила одна вражда, ненависть и непремѣнное желаніе умертвить жизнь.

— «Такъ все время воюютъ японцы», добавилъ К. Н., «и вы не увидите ихъ до послѣдняго момента боя, именно—до штурма, когда они полѣзутъ колоннами, подготовляя атаку на извѣстномъ пунктѣ артиллерійскимъ огнемъ. Хотите пройти на Опасную гору, тутъ же по сосѣдству? Имѣйте въ виду только, что туда прійдется итти по дорогѣ, обстрѣливаемой пулями и шрапнелью, если насъ замѣтятъ; необходимо итти другъ отъ друга на разстояніи 10—15 шаговъ. Ѣхать на лошадяхъ нельзя, такъ какъ обязательно начнутъ стрѣлять, а по одиночнымъ людямъ они стрѣляютъ рѣдко».

Я выразилъ полную готовность, и мы, распростившись съ обитателями Большой, пошли на Опасную, спускаясь съ начала по тропинкѣ въ направленіи къ Дагушаню, изъ-за котораго стрѣльба участилась. Шли, конечно, на рекомендованномъ разстояніи и невольно пробѣгала по тѣлу дрожь при мысли, что вотъ-вотъ пуля пронижетъ голову. Дойдя до памятной тропинки, по которой 5 сентября подъ градомъ пулеметныхъ пуль мнѣ приходилось итти съ секретаремъ С...., я невольно разсмѣялся, вспомнивъ тѣ удивительныя «па» и «антраша», которыя продѣлывалъ С...., разсказавъ объ этомъ К. Н. Но вотъ мы вышли на открытую дорогу, которая тянулась прямо въ направленіи къ Дагушаню и затѣмъ уже зигзагомъ поворачивала на Опасную. На ней мы совершенно открыто стояли противъ непріятеля, засѣдавшаго въ каждомъ углубленіи, за каждымъ камнемъ, почему настроеніе дѣлалось тревожнѣе и мы ускорили шаги, чтобы скорѣе пройти это разстояніе. Недоходя нѣсколькихъ шаговъ до зигзага, мы повернули по тропинкѣ, которая хотя и круто поднималась къ вершинѣ Опасной, но за то прикрывалась послѣдней со стороны непріятеля. Вслѣдствіе непривычки ходить по такой крутизнѣ, я едва переводилъ духъ и вздохнулъ свободнѣе, добравшись до вершины.

Здѣсь также была расположена батарея изъ моряковъ и насъ встрѣтилъ командиръ ея мичманъ Л...., хозяинъ двухъ орудій. Отсюда съ вершины открывался такой же очаровательный видъ, но любоваться имъ можно было только сквозь просвѣты блиндажной постройки на самой вершинѣ, благодаря близости этой горы къ Дагушаню. Мнѣ указали на двигавшіеся вьюки непріятеля, которые видны были ясно простымъ глазомъ; люди и нагруженные лошади также спѣшили пройти открытыя пространства и прикрыться возвышенностями и оврагами; одни двигались на встрѣчу другимъ и чтобы не представлять одной сплошной кучки, обыкновенно расходились другъ отъ друга на приличное разстояніе.

Наблюдая эту картину суетливаго передвиженія, я вздрогнулъ отъ неожиданно раздавшагося страшнаго грохота на Заредутной батареѣ; выскочивъ изъ блиндажа, я увидѣлъ на ней громадный

столбъ пыли и дыму, поднимавшійся къ небу и разползавшійся вѣеромъ. Всѣ мы встревожились, предположивъ взрывъ нашихъ фугасовъ или порохового погреба, а съ нимъ и невольныхъ жертвъ. Запросивъ по телефону, К. Н. узналъ, что это дѣйствительно былъ взрывъ нашего порохового погреба отъ попавшаго въ него 11″ снаряда мортиры; къ счастью, взорвался только порохъ, но снаряды засыпало землей и они оказались нетронутыми, что были кстати, такъ какъ въ это время уже ощущался большой недостатокъ снарядовъ и по необходимости приходилось экономить; приходилось даже подбирать неразорвавшіеся непріятельскіе снаряды, снаряжать ихъ и стрѣлять ими же по японцамъ. Хотя къ тому времени у насъ и производилась уже домашнимъ образомъ отливка снарядовъ изъ бронзы и чугуна, но она такъ была медленна, что поставить на всѣ батареи хотя самое незначительное количество снарядовъ было трудно; почему мы всѣ были обрадованы сообщеніемъ, что снаряды уцѣлѣли. Пострадали при взрывѣ—часовой, отъ котораго ничего не осталось и два—три стрѣлка были контужены.

Обсуждая этотъ эпизодъ, мы такъ увлеклись бесѣдой, что и не замѣтили подошедшаго къ намъ священника о. Степана Добротворскаго, который жилъ тамъ же на Опасной. Представляясь К. Н., онъ сказалъ, что еще ни разу не видѣлъ ни Коменданта, ни генерала Стесселя, почему, узнавъ о пріѣздѣ К. Н., счелъ долгомъ представиться ему. Я былъ раньше еще знакомъ съ этимъ священникомъ. На вопросы К. Н. онъ объяснилъ, что переселился на Опасную недавно и переселеніе его было вызвано массой требъ, отправляемыхъ на фортахъ и батареяхъ; онъ тутъ же на перевязочныхъ пунктахъ напутствуетъ трудно больныхъ, причащаетъ ихъ и хоронитъ, что производитъ на нижнихъ чиновъ отрадное впечатлѣніе. Правда, мнѣ приходилось лично наблюдать, какъ сильно дѣйствуетъ на солдатъ присутствіе въ ихъ средѣ священника, который своимъ добрымъ ласковымъ словомъ ободритъ ихъ и утѣшитъ въ минуты великой опасности.

Тутъ же о. Степанъ, обратившись ко мнѣ и къ К. Н., просилъ оказать ему честь—зайти въ его убогую квартиру и позавт-

ракать чѣмъ Богъ послалъ. Мы охотно согласились на такое любезное приглашеніе и спустились съ батареи нѣсколько ниже, гдѣ находился блиндажъ священника, поселившагося вмѣстѣ съ мичманомъ. Это была яма, вырытая подъ скалой тыломъ къ непріятелю и выходомъ къ морю; она была длиной и шириной не болѣе $1^1/_2$—2 сажень; внутри была выложена досками съ просвѣтомъ для окна; въ углу, около выходной двери, стояла небольшая желѣзная печка, а вдоль стѣнъ—двѣ кровати; свѣтъ проникалъ чрезъ маленькое застекленное окно, около котораго стояла скамейка и столъ, накрытый бѣлой скатертью. Занявъ мѣста, на столѣ тотчасъ же появилась бутылка водки и двѣ бутылки краснаго вина, а также коробка рыбныхъ консервовъ, что насъ удивило, такъ какъ такихъ деликатесовъ въ то время уже у насъ не было. Оказалось, что это прислано было изъ порта мичману, гдѣ нѣкоторые запасы еще сохранились. Такъ какъ было уже около 11 часовъ дня, а въ поѣздкѣ мы проголодались сильно, то я и К. Н. съ большимъ аппетитомъ выпили по чаркѣ водки и закусили давно невиданной закуской; вслѣдъ затѣмъ, вѣстовой поставилъ на столъ дымящуюся кострюлю съ рисовымъ супомъ, который оказался чрезвычайно вкуснымъ, послѣ чего поданъ былъ кофе и ликеръ. Этотъ незатѣйливый завтракъ, при боевой обстановкѣ, подъ звуки свистящихъ снарядовъ и на свѣжемъ воздухѣ оказался очень аппетитнымъ; завязалась веселая бесѣда, милыя воспоминанія и разсказы комичныхъ эпизодовъ; но это игривое и веселое настроеніе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ,—прыжкомъ съ потолка на полъ громадныхъ размѣровъ крысы, которая, посмотрѣвъ на всѣхъ пытливо, моментально юркнула подъ полъ и всѣ усилія о. Степана выгнать ее оттуда, оказались безуспѣшны. Распростившись съ добродушными и гостепріимными хозяевами, мы спустились внизъ, гдѣ уже ожидали насъ лошади, и поѣхали домой.

— «Ну, теперь заѣдемъ ко мнѣ завтракать», сказалъ К. Н. и не смотря на мой энергичный отказъ по случаю усталости, онъ настоялъ на своемъ. Стрѣльба по порту къ этому времени уси-

лилась и выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, попадая большей частью въ воду и вздувая фонтаны высотою до 20—30 саженъ.

— «Ну куда же вамъ ѣхать подъ такой бомбардировкою», сказалъ онъ; «лучше ужъ сядемъ завтракать и если помирать, то вмѣстѣ веселѣе». Правда, снаряды одинъ за другимъ неслись надъ его квартирой и наполняли столовую своимъ страшнымъ жужжаніемъ. Столъ былъ уже накрытъ и вскорѣ на немъ появились на горячей сковородкѣ грибки въ маслѣ, а потомъ баранина съ чеснокомъ; все это было приготовлено такъ вкусно, что аппетитъ, несмотря на недавній завтракъ, проявился съ новой силой. Вслѣдъ затѣмъ былъ поданъ кофе, сливки, бутылка стараго краснаго вина и выдержаннаго коньяку. Наливъ стаканы и рюмки, мы чокнулись и хотѣли выпить, но въ это время грянула 10″-ка электрическаго утеса, стѣны и стекла задрожали. Это только на минуту остановило насъ и мы, разсмѣявшись такой неожиданности, выпили залпомъ и начали поглощать вкусный кофе, разбавляя его чуднымъ коньякомъ и почти не замѣчая усилившейся канонады.— «Вотъ истинно поэтическая обстановка завтрака», сказалъ К. Н. «Кто въ Россіи повѣрилъ бы, что мы съ вами сидимъ спокойно за столомъ въ столовой и пьемъ также спокойно кофе, болтая весело въ то время, когда надъ нашей головой витаетъ смерть и мы ежесекундно рискуемъ быть раздавленными. Правда, веселая музыка услаждаетъ нашъ кофе и коньякъ»! Дѣйствительно, канонада начала пріобрѣтать болѣе интенсивный характеръ и электрическій утесъ продолжалъ ежеминутно потрясать домъ. Около 3-хъ часовъ дня, когда мы, не вставая изъ-за стола, проводили время въ милыхъ воспоминаніяхъ о дорогой Россіи, попивая дорогое красное вино, доложили о прибытіи начальника эскадры контръ-адмирала Виррена. К. Н. и я вышли къ нему въ кабинетъ, гдѣ Вирренъ повѣдалъ намъ печальную новость о «Палладѣ», которую сейчасъ только пробилъ 11″ снарядъ. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ также и начальникъ береговой обороны контръ-адмиралъ Лощинскій и въ еще болѣе печальной формѣ сообщилъ, что снарядомъ насквозь пробита канонерская лодка «Отважный», погрузившаяся въ воду; снарядъ

прошелъ чрезъ его каюту и истребилъ всѣ его вещи, благодаря чему онъ остался только въ томъ, что на немъ.

Вернулся я домой около 6 часовъ вечера утомленный, съ большимъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній.

Эта поѣздка доставила мнѣ большое наслажденіе и еще болѣе потому, что она была сопряжена съ личной опасностью. Невольно вновь тянуло на позиціи въ сферу смерти и страданій. Было-ли это желаніемъ сильныхъ ощущеній или же просто-таки развивалась тоска вслѣдствіе однообразной жизни, но дома не сидѣлось. Желанію моему суждено было исполниться вновь и вскорѣ. Около 7 часовъ утра 30 октября я былъ разбуженъ вѣстовымъ, подавшимъ мнѣ письмо; по почерку на конвертѣ я узналъ руку К. Н. Смирнова; вскрывъ, я прочиталъ записку слѣдующаго содержанія: «30 октября. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Посылаю Вамъ верховую лошадь. Если желаете, то поѣдемте на позиціи и въ штабъ Горбатовскаго. Только благоволите поторопиться. Искренно преданный Вамъ К. Смирновъ».

Одѣться было дѣломъ одной минуты и я, проглотивъ стаканъ горячаго чаю, сѣлъ на лошадь и черезъ 5 минутъ былъ уже у генерала, который предложилъ выпить еще чаю. Я не отказался, такъ какъ на столѣ былъ теплый хлѣбъ и аппетитно высматривало сливочное масло. Послѣ этого мы сѣли на лошадей и поѣхали по направленію къ 2 и 3 фортамъ, самымъ опаснымъ по своей обстановкѣ.

Я давно уже видѣлъ милѣйшаго генерала Владиміра Николаевича Горбатовскаго, одного изъ самыхъ симпатичныхъ генераловъ, котораго злополучный языкъ генерала Фока чуть не скомпрометировалъ обычнымъ его терминомъ для всѣхъ русскихъ «трусъ». Реабилитировалъ его только К. Н. Смирновъ, оцѣнивъ по достоинству работу Владиміра Николаевича на фортахъ и поручивъ ему самый отвѣтственный участокъ.

Онъ не ошибся въ этомъ генералѣ, такъ какъ только Вл. Ник. могъ поддерживать на этомъ участкѣ образцовый порядокъ, не покидая своего поста ни на одну минуту и съ успѣхомъ отражая непріятеля.

Погода была такая же теплая, но пасмурная и пахло дождемъ. К. Н. объявилъ мнѣ, что мы сначала заѣдемъ въ штабъ генерала Горбатовскаго, а потомъ объѣдемъ новую устраиваемую имъ 3 линію позицій, которую онъ заранѣе готовитъ на случай овладѣнія непріятелемъ 2-й, и что эта новая линія будетъ чисто морской, такъ какъ она будетъ исключительно занята моряками, а стрѣлковыя части отойдутъ въ резервъ.

Дорога къ штабу Горбатовскаго, расположенному почти у подножія форта № 3, между Орлинымъ гнѣздомъ и укрѣпленіемъ № 3, проходила между горъ и почти на половину своего протяженія была открыта для непріятеля. Она была еще раньше знакома мнѣ, именно—со времени выбора мною, какъ предсѣдателемъ комиссіи организаціи перевязочныхъ пунктовъ,—послѣдняго, который я настоялъ отнести отъ кирпичнаго завода на перекрестокъ дороги между Орлинымъ гнѣздомъ и укрѣпленіемъ № 3; это оказалось впослѣдствіи очень полезнымъ, такъ какъ иначе раненыхъ пришлось бы нести на перевязочный пунктъ у кирпичнаго завода на разстояніи до двухъ верстъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Но какъ съ тѣхъ поръ (съ іюня м.) измѣнились здѣсь условія жизни! Тогда вся эта мѣстность была покрыта зеленой травой и изрѣдка можно было встрѣтить только проѣзжавшаго на фудутункѣ манзу; теперь же вся дорога представляла изъ себя видъ сельской ярмарки: по дорогѣ, у подножій горъ, были расположены обозы и лошади, стояли отдѣльно двуколки, горѣли костры; люди спали прямо на землѣ у дороги въ рытвинахъ или же въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, а также между скалъ; нѣкоторые чинили одежду или аммуницію, другіе исправляли двуколки или возились съ лошадьми; нѣкоторые, болѣе ранніе, пили у костра чай, согрѣтый въ котелкахъ, другіе только кипятили его; были и запоздавшіе, только еще умывавшіеся изъ протекавшаго тутъ же параллельно дорогѣ ручейка.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ становилось опаснѣе, такъ какъ жужжанье пуль усиливалось и они съ трескомъ ударяли у

ногъ нашихъ въ камни.—«Слышите *поющихъ птичекъ*», сказалъ К. Н.; «вотъ онѣ постоянно тутъ хороводятся и знаете,—наносятъ намъ порядочный вредъ; отъ этихъ пулекъ ежедневно по всему фронту выбываетъ изъ строя не менѣе 60 человѣкъ ранеными и убитыми». Я вполнѣ сознавалъ опасность, но мнѣ какъ-то и жутко и пріятно было ѣхать въ этой сферѣ огня; мысль—«ну, хватитъ въ голову»,—невольно мелькала, но тутъ же на смѣну являлась вѣра въ свою судьбу, отъ которой не уйдешь, и на душѣ дѣлалось легче.

Анализируя свои мысли и чувства, я пришелъ къ заключенію, что опасность для жизни ужасна, когда она является неожиданно, захватываетъ человѣка врасплохъ; но мы такъ давно сидѣли подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, такъ свыклись съ этой опасностью, что пригладѣлись къ ней и это состояніе обратилось для насъ въ нормальное; мысленно я приходилъ къ выводу, что слово «нормальное» совершенно условно и имъ опредѣляется все то, что повторяется ежедневно, стало обыкновеннымъ и вошло въ привычку; а такъ какъ мы, артурцы, уже четвертый мѣсяцъ сидѣли подъ ежедневными борбардировками и штурмами, то такой порядокъ являлся для насъ *нормальнымъ* и мнѣ даже какъ-то не по себѣ было, если бы этотъ порядокъ нарушился и японцы не бомбардировали города.

Наконецъ мы прибыли къ штабу генерала Горбатовскаго, причемъ послѣдніе 200—300 шаговъ проѣхали крупной рысью, такъ какъ пули свистѣли чаще. Издали помѣщеніе штаба показалось для меня благоустроеннымъ. Оно прикрывалось высокой горой и къ нему нужно было подняться по деревянной очень чисто устроенной лѣстницѣ. Сдавъ лошадей ѣздовымъ, мы вошли въ такъ называемый «павильонъ», родъ шатра, завѣшаннаго палаточнымъ полотномъ; это была лѣтняя столовая, гдѣ обитатели блиндажа сходились на скудный обѣдъ и ужинъ. Издали этотъ павильонъ казался очень красивымъ; изъ него былъ ходъ въ блиндажъ, въ дѣйствительности оказавшійся ямой, вырытой въ горѣ и сверху приложенной пото-

лочными балками, присыпанными землей на два аршина. Въ этой ямѣ было три перегородки: первая маленькая коморка играла роль прихожей; второе отдѣленіе составляло спальню офицеровъ, гдѣ на трехъ квадратныхъ саженяхъ помѣщалось около семи человѣкъ; высота блиндажа была немного выше роста человѣка и потолокъ поддерживался рядомъ врытыхъ въ землю столбовъ; изъ этого помѣщенія былъ ходъ въ маленькое отдѣленіе—помѣщеніе генерала Горбатовскаго и начальника артиллеріи. Потолокъ блиндажа былъ выстланъ досками, сквозь щели которыхъ осыпалась земля. Въ каждомъ отдѣленіи было маленькое окошечко, чрезъ которое и проникалъ скудный свѣтъ. Печки не было, но въ помѣщеніяхъ было тепло, благодаря многочисленности жильцевъ, которые своими собственными тѣлами согрѣвали воздухъ; въ послѣднемъ слышалась сырость и затхлость. Всѣ, однако, были бодры и веселы.

Генералъ Горбатовскій при этомъ объяснилъ, что вечеромъ у нихъ устраиваются даже концерты, благодаря пѣвцу-офицеру, обладавшему чуднымъ голосомъ и знавшему лучшія аріи изъ всѣхъ почти оперъ; что, однажды, въ самомъ патетическомъ мѣстѣ аріи изъ Фауста, предъ порогомъ блиндажа грохнулся 11″ снарядъ, который своимъ разрывомъ разнесъ стекла и рамы въ блиндажѣ, но арія не прекратилась и всѣ дослушали ее до конца. Въ павильонѣ намъ предложили чаю и краснаго вина, хотя находиться въ немъ было небезопасно, такъ какъ пули щелкали ежеминутно. Вскорѣ сюда пріѣхалъ генералъ Кондратенко, узнавшій о пріѣздѣ въ штабъ Коменданта крѣпости; тутъ же при мнѣ началось обсужденіе вопроса о наилучшемъ устройствѣ и приспособленіи бойницъ. Я прямо таки поражался вѣрностью и практичностью взгляда К. Н., который ясно и кратко доказалъ всѣмъ, что утвержденный имъ раньше образецъ бойницы наиболѣе пригодный и практичный; тутъ же провѣренъ былъ и математическій разсчетъ направленія траэкторій, полета пуль, уголъ зрѣнія и уголъ обстрѣла и сбереженіе защитника отъ всевозможнаго рода случайностей. Всѣ согласились съ нимъ и признали утвержденный образецъ за наилучшій. Попрощав-

шись съ добрѣйшими хозяевами, мы уѣхали на вновь устраиваемую позицію.

Здѣсь еще немного остановлюсь на личности генерала Горбатовскаго. Это единственный бригадный генералъ въ двухъ артурскихъ дивизіяхъ 4 и 7, который своей энергіей, смѣлостью и хладнокровіемъ заслужилъ славу героя по справедливости и пріобрѣлъ всеобщія симпатіи. Вѣжливый и деликатный въ обращеніи съ подчиненными, всегда привѣтливый и жизнерадостный, чрезвычайно осторожный въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, онъ на первыхъ же порахъ моего знакомства съ нимъ пріобрѣлъ мою особенную симпатію. Отличился онъ во время августовскихъ штурмовъ, самыхъ страшныхъ по своей силѣ и стремительности, за что былъ представленъ къ награжденію Орденомъ Св. Георгія 4 ст. и уже въ началѣ октября къ награжденію тѣмъ же Орденомъ 3 ст. Ему прострѣлили фуражку и пальто, но онъ не былъ раненъ, хотя всегда находился въ сферѣ огня, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ.

Новая и послѣдняя линія позицій тянулась отъ подошвы горы Перепелки (со стороны Казачьяго плаца) черезъ Скалистый кряжъ (Каменоломни) до Большой и Опасной горъ, а дальше на Крестовыя до моря. Такъ какъ этотъ послѣдній участокъ былъ устроенъ, то оставалось приспособить только оборону его отъ Перепелки до Большой горы.

Здѣсь, при осмотрѣ инженерныхъ работъ, заключавшихся въ устройствѣ ровиковъ, насыпи и батарей, я окончательно убѣдился, насколько К. Н. обладалъ теоретическими и практическими знаніями по укрѣпленію позицій; планъ окоповъ, уже тогда рывшихся на значительномъ протяженіи, а также расположеніе батарей на позиціи не оставляли ни одной лощины, ни одного переката безъ обстрѣла; мѣткій и вѣрный взглядъ его еще издали находилъ невѣрное направленіе линіи окоповъ, вслѣдствіе отступленія отъ плана; онъ сразу опредѣлялъ малый уголъ обстрѣла и мертвыя пространства и тутъ же слѣдовали его справедливыя замѣчанія сопровождавшему его строителю инженеру. Осмотръ этотъ мы совер-

шали пѣшкомъ, почему К. Н., неудовлетворяясь общимъ взглядомъ, въ каждомъ сомнительномъ мѣстѣ присѣдалъ въ ровикахъ, практически опредѣляя видимый уголъ обстрѣла. На Каменоломной горѣ я встрѣтилъ своего милаго стараго знакомаго, старшаго офицера крейсера «Новикъ» лейтенанта Хоменко, съ которымъ познакомился еще въ Владивостокѣ, гдѣ неоднократно пользовался гостепріимствомъ каютъ-кампаніи этого крейсера и гдѣ такъ весело и чудно проводилъ время. Привыкнувъ видѣть его всегда чистенькимъ, въ безукоризненно сшитомъ платьѣ, я былъ пораженъ, увидѣвъ его теперь въ большихъ грязныхъ сапогахъ и въ такомъ же платьѣ; но въ этомъ видѣ онъ мнѣ еще больше понравился, такъ какъ былъ настоящимъ работникомъ. При видѣ его, меня сразу охватила масса воспоминаній и многое припомнилось изъ прошлой и теперешней жизни.

Съ Каменоломной горы мы спустились въ чрезвычайно глубокую лощину, названную мной *лощиной смерти,* благодаря невѣроятному количеству лежавшихъ въ ней непріятельскихъ снарядовъ, изъ которыхъ одни были въ цѣломъ видѣ, другіе—разорвавшіеся; тутъ же я съ Хоменко нашелъ маленькій снарядъ, прозванный нами «свистулькой»; это 57 м./м. снарядъ, который давно хотѣлось пріобрѣсти на память и который лейтенантъ Хоменко презентовалъ мнѣ. Распростившись съ послѣднимъ, мы сѣли на ожидавшихъ насъ въ этой лощинѣ лошадей и поѣхали черезъ Новый городъ (китайскій) завтракать къ К. Н. Подъѣзжая со стороны горы къ его квартирѣ, я былъ пораженъ устройствомъ какъ разъ передъ параднымъ ходомъ его (но черезъ дорогу) громаднаго загона для свиней, которые бродили въ изобильномъ количествѣ различныхъ возрастовъ отъ самаго нѣжнаго дѣтскаго до великовозрастныхъ; съ ними помѣщались также коровы, гуси, индюки. Зная приказъ Стесселя, что вблизи жилыхъ помѣщеній разводится вездѣ «грязь и свинство», я возмутился устройствомъ этого загона, да еще передъ параднымъ подъѣздомъ коменданта крѣпости и генерала Стесселя, въ какомъ смыслѣ и выразилъ мои мысли К. Н., сказавъ, что и генералъ Стессель, возложивъ на него обязанность искоренять безпощадно это свинство, останется недоволенъ такимъ его упущеніемъ. На

это мнѣ К. Н., смѣясь, отвѣтилъ: — «Нѣтъ, не останется, такъ какъ это личное хозяйство и собственность генерала Стесселя».

Позавтракавъ сытно и выразивъ желаніе посѣщать коменданта хотя разъ въ недѣлю предъ завтракомъ, чтобы окончательно не истощать, я ушелъ домой и хотѣлъ заснуть, но это не удалось по случаю усиленной бомбардировки, продолжавшейся и весь слѣдующей день.

Вечеромъ 1-го ноября я прочелъ приказъ генерала Стесселя по укрѣпленному раіону за № 816 слѣдующаго содержанія: «По полученнымъ свѣдѣніямъ, японцы занимаютъ Ляоянъ, но южнѣе Ляояна на западъ отъ Ташичао находится значительный отрядъ нашей кавалеріи, а на югъ отъ Ташичао, по направленію къ П.-Артуру, движется значительный нашъ отрядъ изъ пѣхоты и артиллеріи»....

Это сообщеніе, взволновало меня сильно и я, горя нетерпѣніемъ провѣрить его, на другой же день отправился къ К. Н., въ надеждѣ получить отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія. Оказалось, что это было донесеніе нашихъ лазутчиковъ-китайцевъ, къ которымъ каждый изъ насъ давно уже потерялъ вѣру. Тутъ же К. Н. далъ мнѣ прочитать протоколъ подробнаго опроса этихъ лазутчиковъ черезъ переводчика, откуда означенное сообщеніе и было взято цѣликомъ для приказа.

Ложность этого сообщенія вскорѣ подтвердилась. Въ приказѣ по укрѣпленному же раіону отъ 5 ноября за № 828 была объявлена копія слѣдующихъ телеграммъ, полученныхъ въ Артурѣ черезъ одного китайца, который умудрился провезти эти телеграммы въ двойномъ днѣ чайной коробки. Первая телеграмма. «Генералъ-адъютанту Стесселю, 16-го октября. Передавъ обязанности Главнокомандующаго генералъ-адъютанту Куропаткину и отправляясь въ Петербургъ, считаю особымъ долгомъ глубоко и сердечно благодарить доблестныхъ защитниковъ Артура, стяжавшихъ своими геройскими подвигами и самоотверженіемъ громкую боевую славу и высокую признательность Царя и Россіи. Да благословитъ и поддержитъ Всемогущій Богъ силы и здоровье Ваше, Вашихъ главныхъ сот-

рудниковъ и доблестнаго гарнизона на дальнѣйшую упорную и побѣдоносную защиту нашей твердыни на Дальнемъ Востокѣ. Намѣстникъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.»

Эта телеграмма произвела чрезвычайно отрадное впечатлѣніе на всѣхъ; всѣ вздохнули свободнѣе, въ увѣренности, что власть теперь будетъ сосредоточена въ однѣхъ рукахъ и уничтожится та двойственность между арміей и флотомъ, которая до настоящаго времени, кромѣ вреда, ничего не принесла.

Другая телеграмма подтвердила это, почему и значительно подняла духъ и настроеніе гарнизона. Она гласила: «Генералъ-адъютанту Стесселю. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Главнокомандующимъ арміями и флотомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Изъ войскъ на театрѣ войны и прибывающихъ корпусовъ формируются три арміи. Командующими арміями назначены: первой—Линевичъ, второй—Гриппенбергъ, третьей—Каульбарсъ. Балтійская эскадра прошла берега Испаніи. Манчьжурская армія, перейдя 22 сентября въ наступленіе, первоначально заставила противника отойти назадъ; но затѣмъ, встрѣтивъ съ его стороны сильное сопротивленіе и послѣ ряда упорныхъ боевъ, съ 26 сентября по 4 октября остановилась на рѣкѣ Шаохе, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Всѣ три японскія арміи передъ нами, на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Главнокомандующій *надѣется* атаковать противника и двинуться впередъ, будучи увѣренъ, что геройскія войска Артура *продержатся*. Генералъ-лейтенантъ Сахаровъ. Деревня Гауньшань. 19-го октября».

Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой телеграммы и сквозила неопредѣленность, какъ напр., что же собственно произошло съ 4-го по 19-е октября, въ столь значительный промежутокъ времени, когда каждая минута была дорога, и неужели все это время ушло на *надежду атаковать* непріятеля, а также,—сколько же предполагаетъ времени Главнокомандующій продержать еще въ пыткѣ Артурскій гарнизонъ, истощенный впродолженіе шестимѣсячной осады и людьми, и провіантомъ, и боевыми припасами. Тутъ уже

личная храбрость не причемъ, если всѣ средства къ защитѣ приходятъ къ концу и дѣло дошло до того, что артиллеристы разыскивали непріятельскіе неразорвавшіеся снаряды, чтобы восполнить ихъ недостатокъ. Тѣмъ не менѣе, при чтеніи этой телеграммы каждый невольно кричалъ «ура»! Даже моряки какъ-то пріободрились и воспрянули духомъ. Причина такого радостнаго настроенія, насколько мнѣ удалось выяснить путемъ распросовъ многихъ, заключалась въ слѣдующемъ: 1) въ дѣйствующихъ войскахъ было возстановлено единство власти, столь важное на войнѣ; всѣ видѣли, знали и понимали, что строгое объединеніе власти въ сухопутныхъ и морскихъ японскихъ силахъ дало имъ и перевѣсъ, и первые невѣроятные успѣхи; 2) всякому было очевидно, что Алексѣевъ былъ полководецъ, незнавшій и непонимавшій ни арміи, ни флота, ни администраціи; хотя de-facto онъ и не вмѣшивался въ распоряженія генерала Куропаткина, но все таки стѣснялъ его въ своихъ операціяхъ; тѣмъ не менѣе, главное руководство флотомъ сосредоточивалось въ его рукахъ и онъ, мало сознавая причиняемый имъ громадный вредъ, всѣ заслуги относилъ къ флоту даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ исключительно выпадали на долю артиллеріи и сухопутныхъ войскъ; это развивало досадливое чувство въ войскахъ, порождало нежелательный между ними антагонизмъ; 3) его желаніе во-чтобы-то ни стало возвысить флотъ, а потомъ спасти его—приказаніемъ пробиться во Владивостокъ,—погубило окончательно эскадру и послѣ 28 іюля она совершенно перестала существовать; тогда какъ, дѣйствуя совмѣстно съ сухопутными силами, она могла оказать имъ громадныя и незамѣнимыя услуги, а тѣмъ болѣе гарнизону Артура, если-бы только она была подчинена начальнику сухопутныхъ войскъ (я раньше указывалъ уже на скорбный случай во время боя 13 мая при Кинчжоо, а также на дальнѣйшее безнаказанное движеніе японской арміи по Квантуну и совершенно свободное занятіе Дальняго, около котораго могъ бы съ успѣхомъ оперировать нашъ флотъ, мѣшать доставкѣ войскъ, припасовъ, боевыхъ матеріаловъ; между тѣмъ, онъ чинился—и чинился, и только для того, чтобы 28 іюля быть совершенно разбитымъ и уничтоженнымъ), и 4) ник-

то не проститъ Алексѣеву, что онъ, окруживъ себя до войны людьми бездарными, настоящей мишурой,—не позаботился надлежащимъ образомъ укрѣпить Артуръ, вполнѣ обезпечить его продовольствіемъ, войсками, боевыми припасами, опытными начальниками; напротивъ, опьяненный своей громадной властью, незная и непонимая серьёзнаго положенія, но непомѣрно бряцая оружіемъ,—онъ съ объявленіемъ войны, окончательно растерялся, *струсилъ* и упустилъ много удобныхъ моментовъ для нанесенія вреда противнику; почему, многіе, считая его виновникомъ войны, которую онъ могъ бы предупредить, считаютъ его и виновникомъ нашего пораженія, нашихъ первыхъ неудачъ на морѣ, которыя повлекли за собою всѣ послѣдующія несчастья; многія дѣйствія его являлись просто таки необъяснимыми, двусмысленными и явно неосновательными.

Всѣ поражались также еще однимъ обстоятельствомъ и именно слѣдующимъ: генералъ Куропаткинъ въ срединѣ 1903 года былъ въ Артурѣ, видѣлъ лично его слабыя укрѣпленія, плохое вооруженіе, недостачу провіанта, боевыхъ припасовъ и зналъ немногочисленность его гарнизона (всего двѣ дивизіи противъ 100 тысячной японской арміи съ прекрасной артиллеріей и чудными пулеметами); тѣмъ не менѣе, онъ все время утѣшалъ скорой и надежной помощью, не присылая ни войскъ, ни припасовъ, ни боевыхъ матеріаловъ (еще до осады). Въ означенной телеграммѣ онъ уже только надѣется, что мы *продержимся* и это уже на 9-мъ мѣсяцѣ войны, не оказавъ намъ ровно никакой поддержки и не спѣша даже принять мѣръ къ нашему скорѣйшему освобожденію. Это наводило каждаго на мысль, что или генералъ Куропаткинъ плохо зналъ наше положеніе, или же мы отдавались прямо таки на съѣденіе японцамъ, что въ особенности просвѣчивало изъ приказанія флоту пробиться во Владивостокъ. Этимъ спасалась честь флота, но значительно ослаблялся успѣхъ обороны.

Конечно, нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что гарнизонъ будетъ держаться и скорѣе погибнетъ весь, чѣмъ допустить непріятеля въ крѣпость. Но всему-же есть мѣра и границы!

Между тѣмъ, уже къ началу ноября положеніе гарнизона становилось тяжелымъ. Защитники убывали прогрессивно и къ 1-му ноября больныхъ и раненыхъ достигло до 8 тысячъ; изъ нихъ больныхъ около 2700 человѣкъ на оставшійся гарнизонъ почти въ 26 тысячъ изъ 40.

Плохое питаніе повело за собою заболѣваніе скорбутомъ, куриной слѣпотой и тифомъ, но главное—свирѣпствовала дизентерія (кровавый поносъ) и разнаго вида и формы поносы; раненые прибывали въ госпитали ежедневно, почему послѣдніе оказались на столько переполненными, что больныхъ укладывали въ коридорахъ, такъ какъ въ палатахъ помѣстить нельзя было уже даже сверхъ нормы. Съ цѣлью сколько нибудь очистить и освободить госпитали для вновь прибывающихъ раненыхъ, приказаніемъ по раіону отъ 4 ноября за № 72, предписывалось: 1) «воинскихъ чиновъ, лишившихся послѣ раненія одной верхней или нижней конечности и съ законченнымъ хирургическимъ леченіемъ (т. е. тотчасъ послѣ операціи), выписывать въ части, въ слабосильныя команды, оставляя въ госпиталяхъ лишившихся только обѣихъ верхнихъ или нижнихъ конечностей; 2) по случаю переполненія госпиталей, скорбутныхъ нижнихъ чиновъ пользовать при частяхъ въ околодкахъ и только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ (?) отправлять въ госпитали.... 4) всѣхъ раненыхъ съ законченнымъ хурургическимъ леченіемъ (тоже самое) или нуждающихся въ маловажныхъ перевязкахъ,—выписать изъ госпиталей въ слабосильныя команды при частяхъ войскъ или въ околодки». Приказаніемъ отъ 8 ноября за № 75 вновь предписывалось: 1) «при всѣхъ околодкахъ частей войскъ открыть слабосильныя команды; 2) содержать и пользовать въ нихъ цынготныхъ, легко раненыхъ съ законченнымъ хирургическимъ леченіемъ; 3) въ виду недостатка мѣстъ въ госпиталяхъ, пользовать въ околодкахъ нижнихъ чиновъ больныхъ поносомъ, лихорадкой, бронхитомъ».

Благодаря плохому питанію и отсутствію зелени, смертность въ госпиталяхъ отъ истощенія доходила до 25%; цѣна на продукты, въ особенности мясо, достигла невѣроятныхъ пре-

дѣловъ; такъ, корова стоила 900 руб., поросенокъ 50 р., гусь 30 р., курица 15—20 р., яйцо 1 р. 1—50 к.; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ трудно было достать и по этимъ цѣнамъ, такъ какъ эту живность каждый берегъ только для себя, если у кого что нибудь изъ этого оставалось еще; масла не было совсѣмъ и его замѣняли бобовымъ, молоко цѣнилось до невѣроятности дорого и маленькая бутылочка его, едва въ два стакана, благодаря только реквизиціи, обходилась въ 50 к.; нижнимъ чинамъ мясо почти не отпускалось, оставалась только истощенная безкормицей и непосильной работой конина и мулятина. Муки было достаточно и ее могло хватить надолго.

Наступившіе холода и жизнь на позиціяхъ въ сырыхъ неотапливаемыхъ землянкахъ или же просто подъ открытымъ небомъ въ ямахъ еще болѣе усиливала заболѣваемость бронхитами, жабами, воспаленіемъ легкихъ и тифомъ. За истощеніемъ боевыхъ средствъ, прибѣгали къ выдѣлкѣ ручныхъ бомбъ и отливкѣ снарядовъ домашними средствами.

Таковово было положеніе въ началѣ ноября, когда рекомендовалась простосердечно и легко изъ арміи, обильной *медомъ и млекомъ—продержаться*. Страшно было смотрѣть не только на солдатъ, но даже на офицеровъ оборванныхъ, истощенныхъ и утомленныхъ постоянной работой, отсутствіемъ питанія и жизнью въ землянкахъ. Я сравнительно съ другими, какъ генералъ, жилъ при лучшей обстановкѣ, и то въ первыхъ числахъ ноября заболѣлъ цынгой и страдалъ поносомъ, съ августа перешедшимъ въ острую форму дизентеріи, наконецъ слегъ въ постель, захвативъ простуду легкихъ, которая грозила перейти въ воспаленіе.

Да, тяжелую и грустную картину представлялъ изъ себя несчастный, страдальческій гарнизонъ, выносившій уже на своихъ плечахъ десятый мѣсяцъ войны и седьмой мѣсяцъ самой ужасной изолированной осады. Чувства и впечатлѣнія притупились совершенно; жизнь стала невыносимо тяжелой и человѣкъ прямо таки озвѣрѣлъ, не реагируя уже на несчастья окружающихъ. Прежде погребальные марши трогали душу, вызывали участіе, состраданіе;

теперь же это чувство на столько притупилось, что даже не замѣчали этихъ печальныхъ процессій.

День моего ангела 8 ноября прошелъ печально. Отличался онъ отъ прежнихъ дней только отслуженнымъ въ моей квартирѣ молебнемъ и маленькимъ завтракомъ, который раздѣлили со мною Комендантъ крѣпости и близкіе знакомые. Этотъ моментъ любитель фотографъ запечатлѣлъ фотографической карточкой. Да некогда было и веселиться, такъ какъ непріятель еще съ 7-го ноября началъ штурмы и канонады по городу и порту, зажегши 9 ноября въ послѣднемъ масло и причинивъ грандіознѣйшій пожаръ, еще небывалый до того времени.

Эти бомбардировки продолжались непрерывно почти всю ночь и слѣдующіе дни, что предвѣщало близкій штурмъ крѣпости. Всѣ готовились къ этому ужасному моменту, такъ какъ каждый понималъ, что онъ будетъ на жизнь и смерть и можетъ быть послѣдній. Въ дѣйствительности это произошло 13 ноября: къ часу дня канонада по городу постепенно была переведена на позиціи и преимущественно сосредоточилась на центрѣ ея, у фортовъ №№ 2 и 3, Куропаткинскаго люнета и укрѣпленія № 3; къ 2-мъ часамъ развитъ былъ адскій огонь, разрушавшій и ниспровергавшій жалкіе остатки нашихъ укрѣпленій, послѣ чего наступила ружейная и пулеметная трескотня. Но то, что произошло съ наступавшими колоннами, превзошло всѣ ожиданія. Японцы наступали тремя колоннами, которыя двигались стройно, перебѣжками одна за другой; вотъ первая колонна достигла уже гласиса форта № 2, а нѣкоторые отдѣльные отряды пробирались уже на самый фортъ; но въ это время раздался страшный взрывъ: былъ взорванъ первый фугасъ. Это было такъ неожиданно, такъ поразительно эффектно, что заднія колонны невольно попятились назадъ. Взрывомъ этимъ первая колонна была уничтожена до одного человѣка. Опомнившись и придя въ себя, японцы еще стремительнѣе бросились на этотъ фортъ, но наскочили на второй фугасъ, который прикончилъ и вторую колонну такимъ же образомъ. Эти неудачи однако не остановили ихъ напора и третья колонна еще стремительнѣе пошла

впередъ, но взрывъ третьяго фугаса имѣлъ тѣ же послѣдствія. Въ какой нибудь часъ перестало существовать до 3—4 тысячъ человѣкъ. Нѣкоторымъ маленькимъ частямъ удалось однако достигнуть брустверовъ и уже на одномъ изъ нихъ былъ водруженъ японскій флагъ; но при видѣ его, защитники съ такимъ озлобленіемъ бросились на японцевъ, принявъ ихъ въ штыки, что минутъ 10—15 спустя на форту не осталось ни одного непріятеля. Этотъ рукопашный бой представлялъ собою нѣчто невѣроятное, феерическое; въ человѣкѣ ничего не осталось человѣческаго, а жилъ одинъ звѣрь; удары штыкомъ до того были сильны, что въ рану проникалъ даже до половины стволъ ружья. Разсказываютъ, что одному нижнему чину осколкомъ шрапнели оторвало часть сидѣнья, но онъ не пошелъ на перевязочный пунктъ, а продолжалъ стрѣлять съ остервененіемъ; когда же отъ потери крови онъ упалъ въ безпамятствѣ, то его отнесли на перевязочный пунктъ; послѣ перевязки, придя въ себя, онъ отказался ѣхать въ госпиталь, а вновь отправился на фортъ, но къ тому времени бой окончился и онъ былъ отправленъ въ госпиталь. Другому нижнему чину перебило осколкомъ шрапнели лѣвую руку и онъ потерялъ способность владѣть ею, но на пунктъ не пошелъ, а стрѣлялъ одной рукой черезъ бойницу. Къ 4-мъ часамъ дня бой закончился полнѣйшимъ разгромомъ японцевъ, безъ уступки имъ даже малѣйшей пяди земли. Полагаютъ, что потери японцевъ были за 13 ноября до 10 тысячъ, у насъ же выбыло изъ строя убитыми и ранеными до 1200 человѣкъ. Вечеромъ того же дня я узналъ, что со стороны японцевъ было поползновеніе прорваться въ городъ по Казачьему плацу между фортомъ № 3 и укрѣпленіемъ № 3; но и тутъ имъ не повезло. Страшную картину представлялъ изъ себя одинъ изъ наступающихъ баталіоновъ, въ которомъ всѣ до одного человѣка оказались перебитыми и перерѣзанными; по разсказамъ очевидцевъ, тѣла убитыхъ лежали холмами и между ними въ корчахъ мучились тяжело раненые, что производило потрясающее впечатлѣніе.

Мы привыкли уже къ тому, что послѣ такихъ неудачъ японцы

изливали свою злобу и ярость бомбардировкой по городу. Всѣ съ трепетомъ ожидали этого момента, который и наступилъ въ 9 часовъ вечера.

Сколько мнѣ ни приходилось переносить этихъ бомбардировокъ, но той, которая была произведена въ ночь на 14 ноября по своей силѣ и дѣйствительности, по своей ярости и злобѣ пришлось подвергнуться въ первый разъ за все время осады. Началась она залпами 6″ дюймовыхъ снарядовъ съ правой стороны города (считая съ западнаго бассейна), переходя постепенно къ лѣвой; описавъ кругъ, обстрѣливался центръ города, а потомъ стрѣльба шла по радіусамъ. За залпами 6″ снарядовъ непрерывно слѣдовала стрѣльба 11″ снарядами, которые своимъ шипѣніемъ, ревомъ и громомъ разрывовъ буквально заглушали голоса разговаривающихъ. Въ началѣ всѣми овладѣло отчаяніе, а потомъ наступило какое-то пассивное состояніе и покорность судьбѣ; казалось, не было точки въ городѣ, которая не подверглась бы обстрѣлу. Все время бомбардировки я оставался въ своей комнатѣ и наблюдалъ паденіе снарядовъ въ окно. Ночь была лунная. Несмотря на всѣ просьбы моего милѣйшаго секретаря В. К. перейти въ болѣе безопасное помѣщеніе, я остался въ комнатѣ, предавшись окончательно волѣ Бога.

Наиболѣе растрогало меня въ этотъ моментъ участіе моего вѣстового Загорнюка, который нѣсколько разъ прибѣгалъ ко мнѣ съ вопросомъ, «не нужно-ли мнѣ чего нибудь и все ли у меня благополучно», разсказывая въ то же время о сильной «пальбѣ», которая идетъ «по городу». Непреклонность моего рѣшенія—остаться въ своей комнатѣ основывалась на понятномъ чувствѣ не показать малодушія предъ нижними чинами; съ другой же стороны, во всемъ зданіи единственная моя комната оставалась еще неповрежденной снарядами, въ чемъ я видѣлъ особую милость Божію; кромѣ того, при стрѣльбѣ 11″ снарядами не было безопасныхъ мѣстъ; не спасали иногда даже самые надежные блиндажи.

Прислушиваясь къ реву снарядовъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ анализировалъ и мои чувства, и мое душевное состояніе: въ началѣ,

когда обстрѣливались дальніе пункты, я слѣдилъ за ними съ любопытствомъ; разрывы снарядовъ были прямо таки ужасны; когда же они начали ложиться ближе, то сначала проявилось чувство тревоги, а потомъ непонятнаго страха, тогда какъ, казалось бы, я былъ уже достаточно подготовленъ ко всякаго рода случайностямъ; объяснялось же это просто тѣмъ, что наступалъ тотъ моментъ ожиданія, когда вотъ-вотъ снарядъ грохнетъ въ домъ и мозги разлетятся въ стороны; этотъ моментъ представлялся самымъ ужаснымъ. Вотъ свистъ осколковъ пронесся мимо, другіе попали на желѣзную крышу и произвели непріятный, щемящій душу лязгъ; ожиданіе, что сейчасъ подойдетъ очередь, чудовище ворвется въ жилище и все разнесетъ вдребезги, довело нервы до крайне напряженнаго состоянія, но моментально, положительно неожиданно для меня, наступило чувство полнѣйшаго притупленія нервовъ и какой-то удивительной пассивности; я какъ будто преобразился и въ душѣ водворилось спокойствіе и совершенно безразличное состояніе; я несознавалъ въ тотъ моментъ, что живу, но вполнѣ чувствовалъ, что и не мертвъ. Изъ этого состоянія вывелъ меня страшный грохотъ вблизи, звонъ разбитыхъ стеколъ и сотрясеніе каменнаго зданія. Я невольно отскочилъ отъ окна и очутился среди комнаты. Вбѣжавшій Загорнюкъ, убѣдившись, что у меня все благополучно, объяснилъ, что сейчасъ 11″ снарядъ разорвался на заднемъ дворѣ нашего зданія, разбивъ каменную стѣну, но никого не ранивъ. Успокоившись, я началъ утѣшать себя, что такіе снаряды производятъ моментальную смерть и что это совсѣмъ не больно и что переходъ въ вѣчность только при такой смерти совершается безъ мученій. Думая на эту тему, я зажегъ предъ образомъ лампаду, помолился подъ грохотъ снарядовъ Богу и легъ спать, такъ какъ было уже около часу ночи и я чувствовалъ страшный упадокъ силъ. Обсужденіе состоянія перехода изъ бытія въ небытіе мало-по-малу перешло въ дремоту, а потомъ и въ глубокій сонъ. На другой день узналъ, что стрѣльба продолжалась до 3-хъ часовъ ночи.

Всего слѣдовательно 6 часовъ страшнаго мучительнаго состоянія и ослабленія нервовъ! Да, кажется, достаточно часа прожить

подъ такимъ впечатлѣніемъ, чтобы пережить то, чего человѣкъ не переживетъ и во всю свою жизнь. Результатомъ этой стрѣльбы было немало убитыхъ и раненыхъ и много разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Къ счастью, не было пожаровъ.

День 14 ноября прошелъ совершенно спокойно; даже не было обычныхъ по городу салютовъ, какими японцы встрѣчали наши высокоторжественные дни. Но вечеромъ того же дня, около 5 часовъ, вновь загремѣли выстрѣлы и японцы повели атаку на Высокую гору. Одинъ изъ ихъ баталіоновъ пошелъ такъ стремительно, что занялъ часть нашихъ окоповъ и блиндажъ; наши отступили, но какъ оказалось впослѣдствіи, умышленно, иначе были бы окружены японцами и вырѣзаны; теперь же честь эта выпала на долю японцевъ; они въ свою очередь были окружены и всѣ до одного перерѣзаны. По разсказамъ очевидцевъ, нигдѣ такого сильнаго озлобленія не было проявлено во время всей осады, какъ именно въ этомъ боѣ; тутъ не было пощады даже бросившимъ оружіе; побоище представляло страшную картину изрубленныхъ, исколотыхъ, перебитыхъ и вырѣзанныхъ японцевъ; самыя яркія краски были бы блѣдны при описаніи этого ужаснаго, чудовищнаго и звѣрскаго боя, гдѣ въ горячкѣ рубили и кололи даже мертвыхъ.

Ночь на 15 ноября прошла спокойно, но около 5 часовъ утра вновь загремѣли пушки, вновь начался бой за овладѣніе Высокой, который и продолжался до 5 часовъ вечера. Положеніе крѣпости становилось опаснымъ; люди постоянными боями были измучены до крайности, такъ какъ перемѣны не было и однимъ и тѣмъ же частямъ приходилось драться безпрерывно; резервы всѣ изсякли и люди съ одного пункта позиціи перебѣгали на другой оказать помощь товарищамъ, а полевыя орудія передвигались крупной рысью; помощь японцамъ была также оказана артиллерійскимъ огнемъ и съ моря, откуда слышна была канонада.

16 ноября бой начался съ новой силой самимъ раннимъ утромъ; наступленіе велось на фортъ № 3, но оно стремительно было отбито. Эта неудача не остановила японцевъ и они утромъ же 17 ноября вновь повели атаку на Высокую, которая про-

должалась съ небольшими перерывами всю ночь и слѣдующій день 18 ноября.

Сгорая нетерпѣніемъ узнать наше положеніе, я около часу дня этого числа отправился къ генералу Смирнову, котораго, къ счастью, засталъ дома и въ веселомъ настроеніи. Съ моимъ приходомъ, были получены свѣдѣнія, что «японцы наступаютъ на Высокую большими колоннами» со стороны Голубиной бухты; вскорѣ однако обнаружилось, что это была кавалерія.

— «Ну, это не страшно», сказалъ К. Н.; «два—три залпа и она живо уйдетъ», добавилъ онъ хладнокровно и предложилъ выпить по стакану краснаго вина. Въ разговорѣ онъ передалъ мнѣ, что съ 13 по 17 ноября у насъ выбыло изъ строя 36 офицеровъ и около 4 тысячъ нижнихъ чиновъ только ранеными, несчитая убитыхъ; что у него совершенно изсякли резервы, что всѣ войска въ боевой линіи и что положеніе можетъ быть критическимъ, если японцы ударятъ большими силами на какой-либо пунктъ.—«Но и они же пострадали сильно», добавилъ генералъ; «вѣдь у нихъ выбыло изъ строя по моему подсчету не менѣе 15 тысячъ, а неудачи положительно лишили ихъ самообладанія. Вы знаете, я хочу имъ отдать Высокую гору, такъ какъ чрезъ это сократится линія нашего фронта и у меня усилится защита на пунктахъ». На мое возраженіе, что это сильно повліяетъ на духъ нашихъ войскъ, а благодаря командованію Высокой надъ Новымъ Городомъ, бухтой и рейдомъ, нашъ флотъ совершенно погибнетъ, такъ какъ его немедленно же японцы разстрѣляютъ,—К. Н. согласился, что дѣйствительно жалкіе остатки флота совершенно будутъ уничтожены. —«Ну, будемъ пока держаться, а тамъ какъ Богъ дастъ», добавилъ онъ. Въ это время ему былъ доставленъ запечатанный пакетъ. Вскрывъ, генералъ прочиталъ приблизительно слѣдующее: «Свѣдѣнія отъ китайцевъ черезъ портъ».

«Японцы будутъ вести штурмы 17 и 18 ноября; ихъ пало уже 20 тысячъ. Гору Сампсонъ и Кинчжоо взяли русскіе, которые ведутъ усиленный бой и дерутся шашками, ружьями и кулаками. Они имѣютъ желтые погоны, ѣздятъ на лошадяхъ, но лица у нихъ не русскія. Контръ-адмиралъ Григоровичъ».

Отрадно и весело стало на душѣ; но когда я вспомнилъ, сколько уже разъ мы были обмануты отрадными вѣстями какъ изъ нашей арміи, такъ и китайцами, то невольно стало тяжело на душѣ. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили, что если эти свѣдѣнія вѣрны, то это должны быть забайкальскіе казаки отряда Ренненкампфа; однако, довѣрять особенно этимъ извѣстіямъ нельзя, чтобы потомъ не разочаровываться. Въ разговорѣ, генералъ Смирновъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай: 13 ноября съ позиціи непріятеля показался японскій офицеръ съ флагомъ Краснаго Креста въ сопровожденіи 10 безоружныхъ человѣкъ. Стрѣльбу тотчасъ пріостановили и на встрѣчу имъ вышелъ нашъ офицеръ. Долго они другъ друга не понимали, такъ какъ нашъ офицеръ не зналъ ни японскаго, ни французскаго языка, но наконецъ объяснились-таки; оказалось, что японцы просятъ позволенія подобрать раненыхъ, на что послѣдовало полнѣйшее согласіе; когда же начали осматривать, то оказалось, что всѣ раненые за ночь замерзли. Отобравъ нѣкоторыхъ мертвыхъ, они ушли, послѣ чего стрѣльба вновь была открыта, когда флагъ Краснаго Креста былъ спущенъ. Генералъ также не допускаетъ, чтобы японцы стрѣляли умышленно по нашимъ санитарамъ или Красному Кресту, выразивъ полную увѣренность, что они именно желаютъ быть рыцарями. Вскорѣ раздался звонокъ телефона и послѣдовало донесеніе контръ-адмирала Лощинскаго, что японскій броненосецъ II-го класса «Саіенъ», обстрѣливавшій наши позиціи на Высокой горѣ, затонулъ, наскочивъ на поставленную нами ночью мину, по поводу чего К. Н. выразилъ большое удовольствіе, такъ какъ этотъ броненосецъ причинялъ намъ много непріятностей. Между прочимъ, генералъ разсказалъ мнѣ о страшной тревогѣ, поднятой генераломъ Стесселемъ по поводу исчезновенія изъ Артура корреспондента Ножина. Пригласивъ къ себѣ по этому поводу Смирнова, Стессель началъ допрашивать его, въ чьихъ интересахъ было спасти Ножина, котораго онъ обвиняетъ въ государственной измѣнѣ.

На это онъ отвѣтилъ уклончиво, сказавъ что ежели Ножинъ уѣхалъ на миноносцѣ, то вѣроятно было въ чьихъ либо интересахъ

спасать его. При этомъ генералъ Стессель выдалъ себя, сказавъ, что теперь, вѣроятно, Ножинъ ругаетъ его въ Россіи во всѣхъ газетахъ, а его, генерала Смирнова, хвалитъ.—«Что можно было возразить на это»? смѣясь сказалъ К. Н.—«Видно Стессель очень боится о себѣ гласности, благодаря которой только и можетъ обнаружиться истинная правда о его бездѣятельности, о которой если бы раньше знали Царь и Россія, то невидать бы ему генералъ-адъютантства»!

«Вы знаете, кого Стессель подозрѣваетъ въ качествѣ участниковъ въ побѣгѣ Ножина», продолжалъ К. Н. «Смѣшно сказать, но онъ упорно подозрѣваетъ въ интригѣ противъ него трехъ адмираловъ—Виррена, Лощинскаго и Григоровича, объ измѣнѣ которыхъ и собирается доносить Государю, обвиняя ихъ въ томъ, что они умышленно выпустили измѣнника изъ крѣпости и тайно отправили его на миноносцѣ «Расторопномъ» въ Чифу. Неправда-ли эффектно! На это я ему отвѣтилъ, что доносить зря, не будучи въ этомъ увѣреннымъ, и доносить Государю—опасно. Но что всего лучше это разслѣдовать и выяснить». Разсказъ этотъ сильно подѣйствовалъ на меня, такъ какъ я зналъ Ножина хорошо и никогда не допущу, чтобы Ножинъ могъ обвиняться въ измѣнѣ, такъ какъ это былъ совершенно невинный младенецъ. Если онъ и былъ виноватъ въ чемъ, то именно въ томъ только, что въ своихъ корреспонденціяхъ описывалъ работу по защитѣ генерала Смирнова, что было крайне непріятно Стесселю, такъ какъ этимъ умалялось его значеніе. Въ весьма грустномъ настроеніи я ушелъ отъ генерала Смирнова по поводу разсказаннаго имъ.

Неожиданно поразилъ меня приказъ генерала Стесселя отъ 19 ноября за № 867, который привожу дословно: «Брандмейстеръ пожарной команды Вейканенъ укрывалъ у себя бывшаго корреспондента Ножина вопреки приказа Коменданта крѣпости 1903 года за № 96; давалъ для поѣздокъ Ножина по городу пожарныхъ лошадей, за что: 1) отрѣшается отъ должности; 2) предписываю полиціймейстеру привлечь его къ суду за неисполненіе приказа и 3) за незаконное пользованіе казенными лошадьми». Но во 1, Вей-

каненъ служилъ брандмейстеромъ по вольному найму и могъ быть только уволенъ отъ этой должности, но не отрѣшенъ; 2) Ножинъ ни въ чемъ еще не обвинялся, жилъ на законномъ основанiи въ Артурѣ во время осады и могъ нанять себѣ квартиру и у Вейканена; единственно, что могло быть поставлено въ вину послѣднему, это дачу Ножину казенныхъ лошадей, но за это онъ подлежалъ только административному взысканiю.

18 ноября японцы, какъ я уже указалъ выше, съ самаго ранняго утра начали обстрѣливать лѣвый флангъ и въ особенности Высокую гору; но всѣ позицiи остались за нами и непрiятель ни на шагъ не продвинулся впередъ. Тѣмъ не менѣе, японцы видимо серьезно избрали объектомъ своего дѣйствiя Высокую, такъ какъ обстрѣливанiе ея и незначительные пробные штурмы продолжались до 22 ноября, когда канонада съ самаго ранняго утра приняла грандiозный характеръ, предвѣщавшая не менѣе грандiозный штурмъ, который и наступилъ въ ночь на 23 ноября. Штурмъ былъ такъ стремителенъ и поведенъ такими большими силами, что противостоять ему—значило подвергать безполезной рѣзнѣ своихъ солдатъ; позицiя была оставлена и защитники отступили на основную позицiю въ порядкѣ, а японцы заняли Пулоньшанъ, Плоскую и Высокую горы, имѣвшiя для насъ громадное значенiе. Этимъ боемъ и занятiемъ Высокой японцы съузили линiю обороны и на западномъ фронтѣ, заперевъ насъ въ тѣсное кольцо.

Въ то же время,—съ ранняго утра открылась бомбардировка 11″ снарядами по порту; объектомъ ея, какъ я и предсказывалъ, сдѣлались наши суда, которыя всѣ видны были съ Высокой. Первой была подбита «Полтава», отъ которой виднѣлись изъ воды только мачты; въ такомъ же положенiи очутился вскорѣ и «Ретвизанъ», затонувшiй по палубу; 24 ноября была подбита «Побѣда», накренившаяся сильно на бокъ и готовая затонуть ежеминутно; оставались пока «Севастополь», «Амуръ» и «Баянъ».

Тяжело было смотрѣть на этихъ гигантовъ, безпомощно погружавшихся въ воду, сила и стоимость которыхъ не была использована въ войнѣ; невыносимо тяжело дѣлалось на душѣ, при вос-

поминаніи о боѣ 28 іюля, результаты котораго еще могли быть гадательны, но во всякомъ случаѣ непріятельскому флоту могъ быть нанесенъ большой уронъ, если бы нашъ флотъ вступилъ съ нимъ въ бой на жизнь и смерть.

Вечеромъ 23 ноября пришелъ ко мнѣ вѣстовой Загорнюкъ очень угрюмый и въ подавленномъ состояніи, разсказавъ слѣдующее: проходя по мостовой Набережной, впереди его разорвался 11″ дюймовый снарядъ; онъ невольно бросился подъ каменную стѣнку и прижался; когда дымъ отъ взрыва очистился, то оказалось, что осколками снаряда было убито три ѣхавшихъ на двуколкахъ солдата и лошади; вывалившіяся внутренности солдатъ и лошадей смѣшались; тутъ же въ сторонѣ были убиты два китайца-рикши, черепа которыхъ разлетѣлись и мозги валялись на мостовой. Видимо, это событіе произвело на него ужасное впечатлѣніе, такъ какъ онъ былъ пасмуренъ и весь слѣдующій день, постоянно вздыхая. 24 ноября былъ также раненъ въ голову пулей генералъ-маіоръ Церпицкій, исполнявшій должность инспектора госпиталей, который на другой день и умеръ.

По разсказамъ офицеровъ, предъ взятіемъ Высокой, японцы просили перемирія для уборки раненыхъ, что и было имъ разрѣшено. Наши и японскіе офицеры сошлись и дружно начали бесѣдовать о событіяхъ войны; тутъ же явились закуска и фотографія. Японцы остались очень довольны угощеніемъ, но еще болѣе снимкомъ, на которомъ они были сняты совмѣстно съ нашими офицерами. При этомъ, въ благодарность за такую любезность, обѣщали доставить намъ письма, которыя были захвачены ими и которыхъ накопилось у нихъ много; неоднократно высказывали также одобреніе нашему гарнизону за его умѣнье драться, утверждая, что только русскіе могли до сего времени удерживать Артуръ, иначе ни одни европейскія войска не устояли бы противъ нихъ. Между прочимъ, они выразили удивленіе, что мы такъ быстро укрѣпились съ суши. «Когда предъ началомъ войны», добавили они, «мы оставляли Артуръ, то знали, что у васъ есть кое-какія батареи на берегу моря (именно кое-какія), теперь же мы нашли форты и

полевыя укрѣпленія на сушѣ. Неужели это сдѣлано было во время осады»?

Да, во время осады и стоило это гарнизону не-человѣческихъ усилій.

Такъ какъ нашихъ солдатъ-героевъ около фортовъ и позицій лежало очень много убитыми, то 23 ноября былъ возбужденъ вопросъ о ихъ уборкѣ и погребеніи. Оставленіе ихъ безъ послѣдняго вызывало справедливыя нарѣканія со стороны защитниковъ и деморализующе дѣйствовало на ихъ духъ. Вслѣдствіе этого 23 ноября Комендантъ поручилъ генералу Кондратенко войти съ японцами въ переговоры, какового числа и состоялась посылка съ этой цѣлью парламентера лейтенанта Мелентьева; всего должно быть предано земли около 300 труповъ. На это изъявилъ свое согласіе также и генералъ Стессель, почему былъ назначенъ совершить обрядъ погребенія священникъ; мѣстомъ погребенія была избрана дер. Сюйшуинъ. Японцы любезно приняли нашего парламентера и дали полнѣйшее согласіе какъ на уборку труповъ, такъ и на совершеніе церковнаго обряда. Но послѣднему несуждено было совершиться, такъ какъ неожиданно послѣдовалъ отказъ генерала Стесселя, что крайне всѣхъ поразило, и трупы оставлены были безъ погребенія.

Взятіе Высокой, совершенно открытое положеніе новаго города и порта для дѣйствія японской артиллеріи, затопленіе въ бухтахъ нашихъ судовъ,—ставило крѣпость въ очень опасное положеніе.

Броненосецъ «Севастополь», къ тому времени починившійся, съ цѣлью избѣжать участи остальныхъ судовъ, вышелъ въ сопровожденіи семи миноносцевъ на рейдъ къ горѣ Бѣлому Волку. Но въ ночь на 1-е декабря противъ него былъ предпринятъ цѣлый рядъ атакъ со стороны японскихъ миноносцевъ, которыми онъ былъ поврежденъ и выбросился на берегъ.

Въ это же время въ П.-Артуръ прибылъ изъ Шанхая подъ Англійскимъ флагомъ пароходъ съ мукой (50 т. пудовъ) и капустой (5 т. пудовъ). Какъ онъ пробился черезъ непроницаемую

блокаду японскихъ судовъ,—осталось неизвѣстнымъ, но означенные продукты были крѣпостью пріобрѣтены.

Тѣмъ не менѣе, для крѣпости наступали черные дни и невольно возникалъ вопросъ, долго-ли продержится она противъ предпріимчиваго непріятеля, постоянно пополнявшаго свои ряды свѣжими силами, боевыми и съѣстными припасами, а главное орудіями, ежедневно громившими городъ, портъ и позиціи. Появленіе въ сентябрѣ 11″ мортирныхъ снарядовъ хотя и привело въ смущеніе жителей и защитниковъ крѣпости, такъ какъ никто не предвидѣлъ стрѣльбы такими чудовищами, предъ которыми всѣ наши орудія казались игрушками,—но, съ другой стороны, никто и мысли не допускалъ о сдачѣ крѣпости; напротивъ, между нижними чинами, освоившимися съ чудовищами-снарядами, наблюдался даже подъемъ духа, такъ какъ стало для всѣхъ очевиднымъ, что настала борьба на жизнь и смерть.

Благодаря близости своей къ госпиталямъ, я знаю, что многіе больные и раненые торопились выписываться изъ нихъ и даже самовольно убѣгали на позиціи, чтобы вновь сразиться съ непріятелемъ, помѣриться съ нимъ силами еще разъ, хотя для многихъ и въ послѣдній; доказать врагу, что они не пали духомъ и неособенно напуганы его «чемоданами», какимъ названіемъ, шутя, они окрестили мортирные снаряды. Мнѣ извѣстны даже случаи возвращенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ на позиціи изъ госпиталей послѣ троекратныхъ раненій.

Несмотря, однако, на такое геройское поведеніе гарнизона, на такой сильный подъемъ духа его, вопросъ о сдачѣ крѣпости поднятъ былъ совершенно неожиданно. По личному разсказу генерала Смирнова, вопросъ этотъ впервые былъ возбужденъ генераломъ Стесселемъ на общемъ совѣтѣ еще въ октябрѣ черезъ начальника его штаба полковника (нынѣ генералъ-маіора) Рейса; но предложеніе это было встрѣчено такимъ дружнымъ энергичнымъ протестомъ почти всѣхъ участниковъ совѣта, что обсужденіе его сейчасъ же было снято съ очереди; даже генералъ Фокъ, рьяный сторонникъ и приверженецъ взглядовъ генерала Стесселя, высказался публично, что

возбужденіе вопроса о сдачѣ крѣпости онъ находитъ несвоевременнымъ.

Безосновательное возбужденіе генераломъ Стесселемъ вопроса о сдачѣ крѣпости во многихъ возбудило подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ нему; въ другихъ же еще болѣе ослабило и безъ того слабый духъ. Нѣкоторые даже публично, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, сопоставляя предложеніе генерала Стесселя о сдачѣ крѣпости съ перемѣщеніемъ его изъ своей квартиры въ глухую часть города, въ виду опасности отъ мортирныхъ снарядовъ,—ядовито указывали на его февральскій приказъ по крѣпости, въ которомъ онъ, рисуя положеніе послѣдней, окруженной съ трехъ сторонъ водой и только съ одной—сушей, ставилъ гарнизону условіемъ одно изъ двухъ—смерть или побѣду; иногда же цитировали сказанную имъ въ обществѣ офицеровъ фразу, что едва-ли въ Артурѣ найдется такой п....цъ генералъ, который подписалъ бы капитуляцію о сдачѣ крѣпости. Теперь же, придавая приказу этому видъ рекламы, какъ это доказала и исторія съ корреспондентомъ Ножинымъ, большинство справедливо приходило къ заключенію, что Стессель храбръ на словахъ и только до тѣхъ поръ, пока опасность очень далека. Вообще, возбужденіемъ вопроса о сдачѣ крѣпости и переѣздомъ изъ своей квартиры генералъ Стессель много повредилъ своему авторитету между подчиненными. Неудовольствіе росло еще болѣе и потому, что малодушные, признавая *разумность рѣшенія* генерала Стесселя, не желающаго дальнѣйшаго пролитія крови, также пропагандировали безполезность дальнѣйшаго сопротивленія. Къ сожалѣнію, къ этому взгляду примкнули также два—три командира полковъ, которые, поддерживая предпринятое рѣшеніе въ Стесселѣ, вліяли въ этомъ смыслѣ и на своихъ подчиненныхъ. Словомъ, возбужденіе вопроса о сдачѣ крѣпости произвело нежелательный въ гарнизонѣ расколъ и разъединеніе.

Полагаю, что это обстоятельство, въ виду возможной рѣзни между участниками обороны, отмѣнило арестованіе генерала Стесселя, какъ это раньше предполагалось, если бы онъ вздумалъ рѣшительно сдать крѣпость. Тѣмъ не менѣе, повторяю, громаднымъ большинст-

вомъ вопросъ о сдачѣ былъ встрѣченъ враждебно; находили, что крѣпость должна быть защищаема до послѣдней крайности, такъ какъ слишкомъ много пролито за нее русской крови, а еще болѣе затрачено трудовъ и силъ; да и помимо этого, признавали, что крѣпость выполняетъ цѣль отвлеченія силъ непріятеля отъ Маньчжуріи.

Несмотря на такое воодушевленіе гарнизона, на твердую рѣшимость его отстаивать крѣпость «во-чтобы-то ни стало», судьба судила иначе, пославъ ему первое и самое чувствительное испытаніе въ смерти любимѣйшаго начальника генерала Кондратенко, послѣдовавшей въ ночь на 3 декабря.

Какъ громовымъ ударомъ поражены были защитники крѣпости смертью этого героя. Убитъ онъ былъ на форту № 2, куда пріѣхалъ въ сопровожденіи своего штаба около 10—11 часовъ ночи на означенное число, съ цѣлью провѣрить боевую готовность этого форта, на половину находившагося уже въ рукахъ японцевъ. Маленькое совѣщаніе состоялось въ единственно уцѣлѣвшемъ блиндажѣ, куда уже однажды попалъ 11″ снарядъ; но мѣсто это было задѣлано мѣшками съ землей, бревнами и камнями. По разсказамъ, генералъ Кондратенко и его бывшій начальникъ штаба подполковникъ Науменко сѣли за столомъ спиной къ ранѣе поврежденному мѣсту; остальные стояли вокругъ стола. Японцы очевидно видѣли его пріѣздъ (къ сожалѣнію, генерала окружала всегда большая свита, что и обратило вниманіе японцевъ). Вскорѣ по пріѣздѣ генерала Кондратенко, одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ упалъ по срединѣ форта; другой вслѣдъ за нимъ попалъ въ блиндажъ, въ поврежденное уже мѣсто. Газами разорвавшагося снаряда были разрушены затылочныя кости череповъ Кондратенко и Науменко, отъ какихъ поврежденій и послѣдовала ихъ смерть. Тогда же были убиты лучшій и добросовѣстнѣйшій изъ инженеровъ подполковникъ Рашевскій и еще шесть офицеровъ.

По пріѣздѣ моемъ на панихиду 3 декабря утромъ въ квартиру Кондратенко, тѣло его лежало рядомъ съ тѣломъ Науменко; головы обоихъ были обвязаны бѣлыми платками, завязанными на лбу, съ цѣлью предупредить выпаданіе костей и мозга; это же

одноименное поврежденіе затылочныхъ костей у обоихъ, сидѣвшихъ въ одномъ и томъ же положеніи, свидѣтельствовало о дѣйствительномъ разрушеніи ихъ пороховыми газами. Погребеніе состоялось 4 декабря.

Лишившись самаго надежнаго помощника, генералъ Смирновъ еще на панихидѣ сообщилъ мнѣ, что къ своимъ обязанностямъ Коменданта онъ присоединяетъ и обязанности начальника сухопутной обороны, съ какой цѣлью послѣ панихиды сейчасъ же ѣдетъ переговорить къ генералу Стесселю. Я зналъ о нерасположеніи К. Н. къ генералу Фоку, возникшемъ на чисто служебной почвѣ, именно: въ бытность генерала Фока начальникомъ общаго резерва, онъ позволялъ себѣ критиковать публично дѣйствія генерала Смирнова и прежде исполненія каждаго изъ его приказаній,—первоначально докладывалъ генералу Стесселю и добивался отмѣны его, что ему однако удавалось рѣдко, благодаря болѣе сильному вліянію генерала Кондратенко; когда же Фокомъ не было исполнено приказаніе генерала Смирнова о неотложномъ передвиженіи резерва въ опасный пунктъ, то послѣдній отрѣшилъ его отъ командованія резервомъ, послѣ чего ґенералъ Фокъ сталъ въ явную оппозицію къ генералу Смирнову, сблизившись окончательно съ генераломъ Стесселемъ. Все это стало мнѣ извѣстнымъ лично отъ К. Н. Зная объ этомъ, я объяснилъ рѣшеніе послѣдняго принять на себя обязанности начальника сухопутной обороны нежеланіемъ назначенія на этотъ отвѣтственный постъ генерала Фока.

Въ тотъ же день, заѣхавъ ко мнѣ, К. Н. съ грустью объявилъ о своей неудачѣ, такъ какъ генералъ Стессель на его предложеніе отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, объяснивъ, что на должность начальника сухопутной обороны онъ назначилъ уже приказомъ генерала Фока; когда же генералъ Смирновъ замѣтилъ, что приказъ можно и отмѣнить, генералъ Стессель грубо отвѣтилъ: «Своихъ приказовъ я никогда не отмѣняю», на чемъ и окончился разговоръ. Разсказывая объ этомъ, генералъ Смирновъ закончилъ такъ: «Въ скоромъ времени вы будете свидѣтелемъ быстрой сдачи фортовъ генераломъ Фокомъ».

Къ несчастью, предсказаніе его не замедлило сбыться. Но не одинъ генералъ Смирновъ боялся этого назначенія; этому не сочувствовали и лучшіе представители гарнизона, такъ какъ были увѣрены, что быстро пойдемъ отступать и уступать то, что добыто пóтомъ и кровью и что удерживалось съ такимъ непосильнымъ трудомъ. Всѣмъ еще памятенъ былъ генералъ Фокъ своимъ быстрымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ отступленіемъ передъ передовыми частями японской арміи отъ Саншилипу до Кинчжоо и отсюда до фортовъ Артура; никто не оправдывалъ его въ томъ, что бой подъ Кинчжоо выдержалъ одинъ только многострадальный боевой 5-й полкъ (подъ командою полковника Третьякова, нынѣ генералъ-маіоръ), который не только не получилъ «спасибо» за свою службу, но не былъ впущенъ даже въ крѣпость изъ-за какихъ-то *страховъ* отъ *болтовни* солдатъ и все время оставался въ аріергадѣ, до вступленія дивизіи въ крѣпость.

Я никогда не забуду того гомерическаго хохота среди офицеровъ, которымъ было встрѣчено сообщеніе, помнится, на страницахъ «Манчжурскаго Вѣстника», прочитанное уже на пароходѣ «Австралія», при возвращеніи нашемъ въ Россію, что генералъ Фокъ былъ уведенъ съ позиціи Кинчжоо послѣднимъ и въ слезахъ. Кто написалъ такое ложное, неправдивое сообщеніе,—положительно непонятно; но если кто либо изъ сторонниковъ генерала Фока, то онъ этимъ оказалъ ему плохую, медвѣжью услугу.

3 декабря неожиданно разнеслась по городу вѣсть, что генералъ Стессель приготовляетъ свои вещи къ отправкѣ, для чего заказалъ уже ящики. Извѣстіе это, въ связи съ назначеніемъ генерала Фока начальникомъ сухопутной обороны, усилило тревогу гарнизона, опасенія котораго вскорѣ дѣйствительно оправдались, такъ какъ 5 декабря послѣдовала сдача форта № 2, о чемъ не былъ увѣдомленъ даже Комендантъ крѣпости. По личному разсказу К. Н., генералъ Фокъ, на вопросъ ему о томъ, почему онъ не доложилъ своевременно о сдачѣ форта, отвѣтилъ, что онъ искалъ квартиру К. Н., но не могъ ее найти въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему указали; искалъ же онъ ее по сосѣдству съ новой квартирой генерала Стесселя.

Тогда же генералъ Смирновъ сообщилъ мнѣ, что генералъ Стессель категорически воспретилъ ему дальнѣйшее устройство 2-й (морской) линіи укрѣпленій, изъ чего я положительно заключилъ, что генералъ Стессель еще 3 декабря задумалъ сдать крѣпость.

15 Декабря взятъ былъ фортъ № 3, а 18—укрѣпленіе № 3. Всѣ эти несчастья приписывали генералу Фоку, который, вопреки приказаніямъ генерала Смирнова, никогда неимѣлъ въ нужномъ мѣстѣ достаточнаго резерва, сберегая его для какой-то особой цѣли. Съ потерей фортовъ явилась и невѣроятная поспѣшность въ постановкѣ на очередь вопроса о сдачѣ крѣпости; но Совѣтъ, собранный 16 декабря, также рѣшительно и энергично отвергъ предложеніе генерала Стесселя; въ особенности рѣшительный отпоръ былъ данъ со стороны трехъ адмираловъ и генерала Смирнова, закончившаго свою рѣчь словами, что пока у него есть солдаты, провіантъ и боевые припасы, онъ не допуститъ крѣпость до сдачи.

Однако, съ паденіемъ 18 числа укрѣпленія № 3, а 19—Орлинаго гнѣзда, городъ оказался совершенно открытымъ для непріятеля и онъ могъ обстрѣливать любую точку его. Около полудня того же числа, безъ всякаго новаго совѣта и вопреки рѣшенію послѣдняго 16 декабря, генералъ Стессель самостоятельно, подъ своей личной отвѣтственностью, поспѣшилъ выслать парламентера для переговоровъ о сдачѣ крѣпости.

Словомъ, событія послѣ смерти Кондратенко такъ слѣдовали стремительно одно за другимъ, выражаясь въ сдачѣ Фокомъ фортовъ и укрѣпленій, что гарнизонъ не успѣлъ *оглянуться*, какъ увидѣлъ себя раскрытымъ со всѣхъ сторонъ для непріятеля.

Вѣсть о сдачѣ крѣпости электрической искрой облетѣла городъ и позиціи и для многихъ была громовымъ ударомъ. Въ началѣ никто не хотѣлъ вѣрить этому, такъ какъ послѣднее постановленіе совѣта отъ 16 декабря каждому было извѣстно; новаго же совѣта не собиралось.

Не допуская и мысли о томъ, чтобы посылка парламентера могла совершиться безъ вѣдома Коменданта, я, не выходившій

тогда изъ квартиры по случаю тяжкой болѣзни, обратился за свѣдѣніями къ К. Н. письменно; въ скоромъ времени получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ положительно ничего незнаетъ о переговорахъ и если они ведутся о сдачѣ крѣпости, то помимо него. Въ другомъ своемъ письмѣ отъ 20 декабря онъ пишетъ мнѣ, что «по дѣламъ о сдачѣ крѣпости я ничего не знаю; теперь работаютъ субкомиссіи русско-японскія и результаты ихъ работъ не объявлены. Во всякомъ случаѣ будьте готовы къ послѣзавтрашнему дню съ багажемъ, который для генераловъ ограниченъ 5 п. 10 ф. Самъ я думаю ѣхать въ Японію въ качествѣ военноплѣннаго. У меня есть условія капитуляціи; если хотите ихъ прочесть, заѣзжайте на минутку ко мнѣ; я пришлю экипажъ, если Вы съ посыльнымъ сообщите, что желаете проѣхаться». Увѣдомивъ К. Н., что я лежу въ постелѣ и не въ состояніи подняться, я просилъ его сообщить мнѣ объ условіяхъ письменно; почему, въ письмѣ своемъ отъ 21 декабря онъ пишетъ: «По заявленнымъ условіямъ, японцы оставляютъ всѣмъ офицерамъ оружіе, освобождаютъ изъ плѣна съ подпиской, что не будутъ воевать и отвозятъ на своихъ пароходахъ во Владивостокъ».

Всѣ эти данныя указываютъ, что не только не было спрошено мнѣнія К. Н. о посылкѣ парламентера, но что до 21 декабря включительно онъ не былъ даже посвященъ въ подробныя условія сдачи крѣпости. Въ такомъ же положеніи, по личному разсказу К. Н., подтвержденному контръ-адмираломъ Вирреномъ, оказался и послѣдній, экстренно пріѣхавшій 19 декабря къ К. Н., съ просьбой разъяснить поразившія его какъ громомъ обстоятельства, изложенныя въ письмѣ начальника штаба укрѣпленнаго раіона отъ 19 декабря за № 2546. Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь Робертъ Николаевичъ! Сейчасъ отправлено съ парламентеромъ письмо генерала Стесселя къ барону Ноги съ предложеніемъ начать переговоры о капитуляціи, почему только сегодняшняя ночь остается для того, чтобы сдѣлать съ кораблями то, что Вы найдете нужнымъ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. В. Рейсъ». По

словамъ К. Н., онъ только изъ этого письма узналъ о рѣшеніи генерала Стесселя самостоятельно начать переговоры о сдачѣ крѣпости. Такъ какъ онъ лично не былъ извѣщенъ о сдачѣ и ничего не зналъ, то посовѣтовалъ адмиралу переговорить по этому поводу лично же съ генераломъ Стесселемъ, къ которому адмиралъ Вирренъ и отправился сейчасъ же.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось прочитать подлинныхъ условій капитуляціи; извѣстно было только, что всѣ нижніе чины будутъ обезоружены, а офицерамъ сохраняется оружіе и что всѣ будутъ отправлены плѣнными въ Японію, за исключеніемъ тѣхъ офицеровъ, которые обяжутся подпиской не воевать и которые поэтому будутъ отпущены на родину; но какова участь семействъ военнослужащихъ, жителей крѣпости и ихъ имущества, объ этомъ ничего не было извѣстно.

Условія относительно военнослужащихъ привели многихъ въ недоумѣніе, такъ какъ кто же изъ офицеровъ, а тѣмъ болѣе начальниковъ частей могъ оставить свою часть и отправиться спокойно отдыхать въ Россію, бросивъ своихъ вѣрныхъ и такъ терпѣливо переносившихъ всѣ ужасы осады подчиненныхъ. Для многихъ представлялъ громадной важности вопросъ, пойдетъ-ли въ плѣнъ добровольно главный виновникъ сдачи крѣпости—генералъ Стессель или также спокойно уѣдетъ въ Россію, какъ не дрогнувши подписалъ капитуляцію о сдачѣ крѣпости. Возбужденіе и нервное настроеніе еще болѣе усилилось начавшими циркулировать слухами, что эвакуація гарнизона изъ крѣпости совершится *немедленно*, что указывало на стремленіе японцевъ скорѣе освободить часть своихъ войскъ для дѣйствій противъ генерала Куропаткина. На дѣлѣ, такимъ образомъ, оказывалось, что мы своей поспѣшностью какъ-бы помогали японцамъ противъ нашихъ силъ на сѣверѣ.

Стремленіе японцевъ поскорѣе занять крѣпость, эвакуировавъ изъ нее наши войска, подтвердилось для меня лично 20 декабря: около полудня этого дня генералъ Стессель словесно черезъ офицера спросилъ меня, не буду-ли я имѣть чего-либо противъ немедленнаго занятія японцами отведенной въ мое распоряженіе залы въ воен-

номъ собраніи, на что, при наступившихъ обстоятельствахъ, я только и могъ отвѣтить утвердительно. Вечеромъ того же дня у меня уже были сосѣди,—японскіе офицеры. Въ тотъ же день японцами была занята часть войсковыхъ помѣщеній и начался пріемъ казеннаго имущества.

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, интендантствомъ было сдано около 100 т. пудовъ муки, не считая крупичатой, за двѣ недѣли предъ тѣмъ купленной крѣпостью, о чемъ я говорилъ выше; кромѣ того, сдано до 60 т. пудовъ консервовъ, 2 т. лошадей и нѣсколько штукъ рогатаго скота. Въ какомъ порядкѣ и гдѣ именно долженъ былъ совершиться пріемъ гарнизона, семействъ военно-служащихъ и жителей,—никто не зналъ; неизвѣстнымъ оставалось также, будутъ-ли вознаграждены и кѣмъ именно пожелавшіе выѣхать изъ крѣпости жители за то имущество, которое будетъ ими оставлено, за невозможностью взять его съ собою.

Въ ночь на 20 декабря, согласно извѣщенію укрѣпленнаго раіона за № 2546, приведенному выше, начались взрывы на бухтѣ.

Матросы, со слезами на глазахъ и съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ,—разбивали на судахъ и въ портовыхъ зданіяхъ мраморныя и зеркальныя вещи, топили снаряды (всего въ крѣпости оставалось ихъ до 60 т.), провіантъ, части орудій и производили взрывы броненосцевъ и крейсѐровъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ; въ ту же ночь былъ подорванъ и «чудо-богатырь» русскаго флота броненосецъ «Ретвизанъ», такъ старательно оберегавшійся долгое время. Что касается фортовъ, то они не были взорваны или хотя бы повреждены; не поврежденныхъ годныхъ орудій было сдано до 600, а въ складахъ оставалось до 4 мил. патроновъ.

На другой день, съ самаго ранняго утра, начались пожары и разграбленія магазиновъ, къ защитѣ которыхъ никѣмъ не были приняты мѣры; изъ послѣднихъ прежде всего пострадали самые богатые—именно Кунста и Альберса, Чурина, Соловья, имѣвшіе наибольшій запасъ водокъ и винъ. Остановить все это не было средствъ; притомъ, нижніе чины и матросы, какъ это лично сооб-

щили мнѣ нѣкоторые изъ офицеровъ, приняли по отношенію къ нимъ угрожающее положеніе и, по поводу замѣчаній, осыпали ихъ непристойными шутками и остротами, называя измѣнниками. Въ тотъ же день подверглись разгрому и опечатанные склады офицерскихъ чиновъ частей войскъ, ушедшихъ на Ялу. Грабили только бѣлье; остальныя же вещи ломали и разбивали, чтобы не достались японцамъ.

Въ приказѣ по укрѣпленному раіону вечеромъ 21 декабря была объявлена телеграмма Государя Императора, которой желающимъ разрѣшалось возвратиться въ Россію на предложенныхъ японцами условіяхъ; не пожелавшіе же воспользоваться этимъ, должны были раздѣлить участь гарнизона. Благодаря этой телеграммѣ, рѣшеніе многихъ уѣхать въ Россію измѣнилось на добровольный плѣнъ.

Всѣ были убѣждены, что, при наличныхъ условіяхъ, крѣпость могла держаться еще 2—3 мѣсяца; въ крайнемъ же случаѣ представлялась возможность выговорить хотя большія права для гарнизона, примѣромъ чему служила крѣпость Бельфоръ, сданная въ 1870 г. французами нѣмцамъ.

Утромъ 22 декабря былъ полученъ приказъ по тому же раіону, которымъ предписывалось всему гарнизону собраться къ 8 часамъ утра 23 декабря къ укрѣпленію № 5, около Голубиной бухты, для пріема его, откуда всѣ будутъ отправлены въ Дальній; при этомъ, согласно увѣдомленію японскаго начальства, каждому предлагалось озаботиться запасомъ дневнаго пропитанія и разрѣшалось взять съ собою багажа—генераламъ 5 п. 20 ф., штабъ-офицерамъ 2 п. 20 ф. и оберъ-офицерамъ 1 п. 20 ф. Какъ должны были слѣдовать семьи офицеровъ, жители, а также, что они могутъ взять съ собою, въ приказѣ не указывалось; очевидно, права ихъ совершенно игнорировались, что впослѣдствіи и подтвердилось.

Такимъ образомъ, каждому изъ чиновъ гарнизона предлагалось ликвидировать свои имущественныя дѣла въ найкратчайшій срокъ. Въ дѣйствительности ликвидація эта состояла въ томъ,

что всѣ мы, за исключеніемъ генерала Стесселя, взяли съ собою только ручной багажъ, установленный японцами; къ этой мѣркѣ приспособлялись и жители; все остальное имущество брошено было на произволъ судьбы.

Невыносимо тяжелое впечатлѣніе производила процессія движенія гарнизона утромъ 23 декабря, когда войска, управленія и учрежденія, женщины, дѣти военно-служащихъ и жители Артура потянулись къ Голубиной бухтѣ изъ стараго черезъ новый городъ, нагруженные ручнымъ багажемъ, но большинство дѣтьми. Особенно тяжело было смотрѣть на офицеровъ, стрѣлковъ и матросовъ, этихъ беззавѣтно храбрыхъ и мужественныхъ защитниковъ крѣпости, шедшихъ угрюмо безоружными къ мѣсту позорной сдачи въ плѣнъ; многіе изъ нихъ, а также женщины плакали, проходя мимо кучи оружія, лежавшаго въ безпорядкѣ на площади, которое наканунѣ было сдано японцамъ и охранялось японскими часовыми; нѣкоторые изъ складовъ съ патронами были подожжены, пылали яркимъ пламенемъ и въ нихъ раздавались взрывы.

Не менѣе тяжелый характеръ носилъ и самый пріемъ. Въ разстояніи 7—8 верстъ отъ стараго города, у укрѣпленія № 5, японцами была устроена рогатка, за которой разбито нѣсколько палатокъ. Съ началомъ прибытія войскъ, у входа ея появился начальникъ японской дивизіи, окруженный офицерами своего штаба, а также гвардіи и другихъ частей. Прибывшія къ рогаткѣ ранѣе меня части войскъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, остановились на полѣ въ безпорядкѣ кучами, смѣшавшись съ городскими обывателями. Распоряженій этихъ долго не получалось; казалось, что японцы хотѣли первоначально усладить себя видомъ нашего позора и переживаемаго униженія.

Каждаго офицера, проходившаго черезъ рогатку узнать часъ пріема, японскіе офицеры безцеремонно осматривали и провожали усмѣшками и видимо ядовитыми замѣчаніями. Несмотря на прибытіе всѣхъ частей войскъ къ 8 часамъ утра, пріемъ начался только около 12-ти, причемъ каждый изъ нижнихъ чиновъ осматривался обстоятельно со стороны его здоровья; на принятыхъ составлялись подробные списки, а больные возвращались въ госпитали.

Узнавъ, что пріемъ не будетъ оконченъ въ этотъ день, я лично отправился въ одну изъ палатокъ, съ цѣлью узнать о времени новой явки; въ послѣдней я засталъ нашего уполномоченнаго по сдачѣ крѣпости генералъ-маіора Горбатовскаго. Оказалось, что онъ также ничего опредѣленнаго не зналъ и даже приблизительно не могъ опредѣлить окончанія пріема частей войскъ; почему посовѣтовалъ мнѣ ѣхать обратно въ городъ, обѣщая увѣдомить о времени новой явки къ пріему. По дорогѣ къ рогаткѣ, я узналъ, что въ одной изъ палатокъ каждый изъ офицеровъ теперь же долженъ дать подписку о томъ, желаетъ-ли онъ возвратиться на родину.

Зайдя въ эту палатку, я дѣйствительно увидѣлъ тамъ нашихъ офицеровъ, расписывающихся на листѣ, въ заголовкѣ котораго стояло: «Мы, нижеподписавшіеся, даемъ клятвенное обѣщаніе не участвовать въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ японскаго правительства» и т. далѣе. Расписавшись, я рѣшилъ возвратиться обратно въ городъ и тамъ ожидать извѣщенія о днѣ отправки въ Дальній. На обратномъ пути, вблизи рогатки, я встрѣтилъ ѣхавшаго на пріемъ генерала Смирнова, которому и разсказалъ о видѣнномъ мною. Со словами «поѣдемте обратно, я двину дѣло это скорѣй»,—онъ поѣхалъ къ рогаткѣ, я же, какъ больной, поспѣшилъ въ городъ. Не успѣлъ я отъѣхать и 100 шаговъ, пробираясь между лежавшими и стоявшими на дорогѣ солдатами и жителями крѣпости, какъ ко мнѣ подошла группа изъ 7—8 человѣкъ стрѣлковъ; одинъ изъ нихъ, принявшій, видимо, меня за коменданта и немного подвыпившій, обратился съ слѣдующими словами: «Ваше Превосходительство, неужели мы сдаемъ крѣпость; неужели мы плохо защищали ее; за что же такъ обижаютъ насъ!.... Посмотрите на меня и товарищей: я дважды раненъ и дважды возвращался въ строй. Теперь я боленъ цынгой. Посмотрите на мои распухшія ноги и руки. Но я все таки остаюсь въ строю и теперь еще въ силахъ посадить на штыкъ 5—6 японцевъ. «За что же все это несчастье на насъ»!

Благодаря неожиданной остановкѣ лошадей лежавшими на дорогѣ людьми, мнѣ весь этотъ горькій упрекъ пришлось выслушать

до конца. На глазахъ бывшихъ со мною въ двуколкѣ священника Рождественскаго и секретаря С.... показались слезы; я самъ былъ близокъ къ тому; но что я могъ отвѣтить этой истерзанной страданіями русской душѣ; чѣмъ могъ успокоить его и сопровождавшихъ его товарищей, которые тутъ же искали основательнаго отвѣта въ выраженіи моего лица! Сказавъ имъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ утѣшеній, я посовѣтовалъ имъ обратиться за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ генералу Стесселю, которому должны быть вполнѣ извѣстны мотивы сдачи, о которыхъ никто, кромѣ лично его, въ гарнизонѣ не зналъ.

Подъѣзжая къ новому городу, я отъ встрѣченныхъ офицеровъ къ ужасу моему узналъ, что японцы заняли старый городъ и никого не пропускаютъ туда, за исключеніемъ служащихъ въ госпиталяхъ, имѣющихъ на рукавѣ знакъ Краснаго Креста. Положеніе мое дѣлалось трагическимъ, такъ какъ въ новомъ городѣ были только госпитали, но ни квартиръ, ни гостиницъ не было. Оставалось одно,—возвратиться къ укрѣпленію № 5 и въ полѣ около рогатки подъ открытымъ небомъ ожидать времени отправленія въ Дальній. Изъ этого состоянія вывелъ меня священникъ, который, видя мои страшныя физическія страданія, предложилъ помѣститься съ нимъ въ его миніатюрной комнаткѣ въ новомъ городѣ; въ ней я и оставался до 29 декабря, когда въ 7 часовъ утра всѣ мы, согласно приказанію, отправились на 19-ю версту къ желѣзнодорожной станціи.

До отъѣзда на послѣднюю, я узналъ, что задержка въ пріемѣ 23 декабря произошла вслѣдствіе того, что генераломъ Стесселемъ объявлено было къ сдачѣ 8 тысячъ нижнихъ чиновъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ явилось 23 тысячи. Какимъ образомъ могла произойти подобная грубая ошибка,—непонятно. Генералъ Стессель объяснялъ это неправильными свѣдѣніями крѣпостнаго штаба, присылаемыми въ укрѣпленный раіонъ. Но это неправда, такъ какъ такой ошибки не могло произойти, а почти наканунѣ сдачи К. Н. лично мнѣ передавалъ, что защитниковъ у него болѣе 18 тысячъ, да еще можетъ быть прибавка отъ выздоровѣвшихъ больныхъ и раненыхъ. Другое же объясненіе генерала Стесселя было то, что

здоровыхъ защитниковъ на позиціяхъ числилось 8 тысячъ, остальные же состояли въ числѣ больныхъ и бѣглыхъ, которые и явились къ сдачѣ. Но гдѣ же эти бѣглые могли укрываться въ крѣпости? Очевидно и это неправда.

По мѣрѣ пріема, войска по частямъ отправлялись въ Дальній, для посадки на пароходы. Пріемъ городскихъ обывателей, женщинъ и дѣтей совершился только въ послѣдній день. Многіе изъ этихъ несчастныхъ хотѣли также возвратиться въ городъ, но не были впущены, да и квартиры ихъ были уже заняты японцами; почему, по неволѣ оказались вынужденными провести подъ открытымъ небомъ шесть дней и шесть ночей, холодныхъ и морозныхъ; въ особенности въ ужасное положеніе были поставлены женщины и дѣти, которыхъ не было возможности согрѣть хотя бы чаемъ; для предохраненія же малолѣтнихъ ночью отъ холода, приходилось взрослымъ закутывать ихъ въ свою верхнюю теплую одежду, подвергая себя холоду; запасовъ также не хватило и приходилось испытывать голодъ. Тогда же я узналъ, что генералъ Стессель не выѣхалъ даже проститься съ гарнизономъ и поблагодарить его за вѣрную, геройскую службу; со времени посылки парламентера онъ рѣшительно нигдѣ не показывался и квартиру его охраняли парные японскіе часовые.

Ровно въ 7-мъ часовъ утра 29 декабря, простившись со слезами на глазахъ съ милѣйшимъ о. Николаемъ Рождественскимъ, который съ госпиталями оставался еще въ Артурѣ, я выѣхалъ изъ своей временной квартирки къ мосту, соединявшему старый городъ съ новымъ. Этотъ мостъ былъ назначенъ мѣстомъ сбора. Вскорѣ къ нему подъѣхали еще два экипажа съ дамами, одна изъ которыхъ оказалась моей знакомой. Она сообщила мнѣ, что наняла извозчика для проѣзда до 19-й версты за 75 рублей и что это еще дешево,—такъ какъ многіе платили по 100 руб.; другіе же не нашли и за эту цѣну, такъ какъ она быстро возросла до 150 и дороже. Выѣхавъ за околицу, я былъ пораженъ предупредительностью японцевъ, уже поставившихъ густую цѣпь солдатъ по обѣ стороны дороги до самой 19-й версты. Люди были вооружены ружьями, а

у деревень по дорогѣ толпами стояли китайцы, встрѣчавшіе и провожавшіе насъ съ усмѣшками. Впослѣдствіи я узналъ, что войска были разставлены съ цѣлью предупредить уклоненіе въ сторону отдѣльныхъ лицъ, для осмотра производившихся уже работъ по укрѣпленію позицій; но по-моему, вѣрнѣе—дать возможность не только всѣмъ японскимъ войскамъ, но и китайцамъ видѣть нашъ позоръ.

Такимъ образомъ, съ этого момента мы дѣйствительно оказались военно-плѣнными и пропускались сквозь строй. По дорогѣ мнѣ пришлось обогнать массу шедшихъ пѣшкомъ офицеровъ, городскихъ обывателей, женщинъ и дѣтей; одни несли ручной багажъ, другіе дѣтей; нѣкоторые вели подъ руку донельзя изнуренныхъ и уставшихъ дамъ, преимущественно офицерскихъ женъ. Многіе совершенно справедливо посылали упрекъ генералу Стесселю, что онъ не обусловилъ права доставки на вокзалъ хотя бы женщинъ и дѣтей на нашихъ же перевозочныхъ средствахъ (обозъ частей войскъ), переданныхъ японцамъ въ большомъ количествѣ еще 23 декабря.

Тяжело было смотрѣть на встрѣчавшіяся намъ наши подводы съ японскимъ грузомъ и на защитниковъ крѣпости, идущихъ пѣшкомъ съ своими женами и дѣтьми 19-ть верстъ на вокзалъ.

На послѣдній я пріѣхалъ около 12-ти часовъ, страшно измученный дорогою и голодомъ. Около вокзала стояла уже густая толпа прибывшихъ ранѣе меня. Тутъ же я встрѣтилъ и своего товарища по службѣ полковника Тыртова блѣднаго, продрогшаго, который передалъ мнѣ, что всѣ шесть дней и ночей онъ провелъ подъ открытомъ небомъ; взятый имъ дневной запасъ скоро истощился и онъ два дня ничего почти не ѣлъ и только послѣ этого японцами были выданы ему консервы, спать же приходилось буквально на голой землѣ; несмотря на морозныя ночи, согрѣться ничѣмъ нельзя было, такъ какъ на костры не имѣлось дровъ, а на приготовленіе чаю не было ни припасовъ, ни посуды; при этихъ условіяхъ въ особенности трагическимъ являлось положеніе женщинъ и дѣтей; на вокзалъ партія ихъ шла двѣ ночи подъ конвоемъ японцевъ, которые поло-

жительно измучили ихъ движеніемъ то впередъ, то назадъ, для обхода укрѣпленій.

Къ 2-мъ часамъ дня на вокзалъ прибылъ съ женой и ея четырмя маленькими воспитанницами генералъ Стессель въ сопровожденіи почетнаго японскаго конвоя. Комендантъ крѣпости прибылъ на станцію около часу дня безъ всякихъ почестей. Любопытство японцевъ было всецѣло поглощено указанными дѣвочками, изъ которыхъ каждая держала на рукахъ маленькую собачку, любимицъ г-жи Стессель.

Ровно въ $2^1/_2$ часа поѣздъ отошелъ на Дальній; въ одномъ изъ вагоновъ его помѣстился генералъ Стессель съ семьей и чинами своего штаба, а другіе размѣстились по другимъ вагонамъ, гдѣ кому было удобнѣе. При остановкѣ у ст. Нангалинъ, каждому изъ насъ пришлось наблюдать массу японскихъ войскъ, двигавшихся на сѣверъ, которыхъ защитою крѣпости мы приковывали къ себѣ, а теперь идущихъ избивать нашихъ братьевъ. Въ Дальній поѣздъ прибылъ въ 5 часовъ вечера; причемъ, только вагонъ генерала Стесселя былъ прямо отправленъ къ пароходной пристани; пассажиры же остальныхъ вагоновъ были высажены на платформѣ станціи, въ томъ числѣ и Комендантъ крѣпости, до дальнѣйшихъ распоряженій японскихъ властей.

Долго насъ держали на этой платформѣ, также въ виду массы японскихъ войскъ и китайцевъ, безцеремонно осматривавшихъ каждаго; и здѣсь имъ какъ бы давалась возможность насладиться нашимъ позоромъ. На наши вопросы,—скоро-ли укажутъ намъ квартиры, намъ или не отвѣчали, или же награждали стереотипнымъ отвѣтомъ—«скоро»; но это «скоро» продолжалось около часу, послѣ чего было объявлено, что можемъ итти за провожатыми, взявъ предварительно свои вещи. Пока шла разборка послѣднихъ, прошло не менѣе получаса; я и другіе слабые здоровьемъ совершенно выбились изъ силъ, такъ какъ, за неимѣніемъ сидѣній, пришлось все время стоять на ногахъ. Наконецъ, уже въ темнотѣ, мы гуськомъ двинулись въ нашъ злополучный Дальній. Первоначально насъ проводили черезъ карантинъ, гдѣ докторъ осматривалъ

каждаго. По дорогѣ было объявлено, что для генераловъ отведенъ особый домъ, который и указали мнѣ. По прибытіи моемъ, оказалось, что домъ этотъ уже былъ переполненъ адъютантами штабовъ и управленій, жандармскими офицерами и служащими русско-китайскаго банка, прибывшими ранѣе меня. Такъ какъ свободной комнаты не было, то я и генералъ Горбатовскій помѣстились съ этими офицерами и чиновниками въ маленькой комнаткѣ, гдѣ насъ оказалось 11 человѣкъ. Привиллегія наша, какъ генераловъ, выразилась въ томъ, что мы вдвоемъ только спали на кроватяхъ; остальные, за неимѣніемъ послѣднихъ, расположились на полу. Одна изъ сосѣднихъ комнатъ была занята Комендантомъ крѣпости, а другая—тремя адмиралами—Вирреномъ, Лощинскимъ и Григоровичемъ. Каждый изъ насъ страшно усталъ и готовился отдохнуть ночью; но японскій контроль изъ трехъ офицеровъ будилъ насъ черезъ каждые два часа для провѣрки, кто именно помѣщается въ комнатѣ. Утромъ я узналъ, что домъ нашъ окруженъ часовыми, которые никого не пропускали въ городъ; подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ насъ продержали два дня, до отправки на пароходъ. Впослѣдствіи оказалось, что помѣщеніе наше и размѣщеніе было однимъ изъ самыхъ завидныхъ, такъ какъ для остальныхъ офицеровъ были отведены холодные сараи, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщено было до 30-ти человѣкъ.

31-го декабря, въ 8 часовъ утра, всѣ мы были отправлены пѣшкомъ на пароходную пристань,—также окруженные вооруженными японскими солдатами,—распростившись предварительно съ отправлявшимися въ плѣнъ, которые уѣхали позже насъ. Трогательно было прощанье и тяжело было разставаться съ дорогими товарищами пережитыхъ тяжелыхъ минутъ впродолженіе такого долгаго періода времени. Здѣсь же всѣ мы простились и съ нашимъ Комендантомъ К. Н. Смирновымъ, отправлявшимся въ плѣнъ.

По прибытіи на пристань, мы были размѣщены на пароходахъ, вскорѣ снявшихся съ якоря и доставившихъ насъ 2 января въ Нагасаки. Отсюда 4-го числа насъ принялъ па свой бортъ французскій пароходъ «Австралія», на которомъ, объѣхавъ Азію,

мы были доставлены въ Портъ-Сандъ, гдѣ насъ принялъ пароходъ «Св. Николай», доставившій 7 февраля въ Ѳеодосію.

При такихъ грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ произошла сдача крѣпости П.-Артуръ, прославившей себя геройской защитой. Такому позору и лишеніямъ были подвергнуты защитники ея, готовые ежеминутно умереть за свое дорогое Отечество.

Но извѣстны-ли хотя кому нибудь изъ защитниковъ истинные мотивы къ такой поспѣшной сдачѣ крѣпости? Ни одинъ изъ спрошенныхъ мною не далъ мнѣ основательнаго отвѣта; самъ же генералъ Стессель при различныхъ положеніяхъ различно объяснялъ и мотивы сдачи; именно: по выѣздѣ изъ Нагасаки, онъ говорилъ, что японцы, взявши крѣпость, могли обезчестить нашихъ женщинъ; позже добавлялъ, что при взятіи крѣпости могла произойти рѣзня, какъ это было при взятіи ея у китайцевъ; въ третій, въ рѣчи своей въ Сайгонѣ—на пикникѣ, устроенномъ французскими офицерами въ честь артурскаго гарнизона, генералъ Стессель сказалъ, что сдать крѣпость его побудили слѣдующія обстоятельства: у него было всего *восемь тысячъ защитниковъ* (?) на линію фронта въ 25 верстъ; такъ какъ при этихъ условіяхъ японцы могли прорваться въ крѣпость и овладѣть ею, то являлась опасность, что они вырѣжутъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ; «во избѣжаніе этой рѣзни», такъ закончилъ рѣчь свою генералъ, «я и рѣшился сдать крѣпость».

Заключеніе.

Такъ началась, продолжалась и закончилась славная, геройская защита собственно крѣпости П.-Артуръ, но не укрѣпленнаго раіона, обнимавшаго собою мѣстность только до фортовъ крѣпости.

Эта защита должна составить самую блестящую страницу въ исторіи русско-японской войны. Въ этой гигантской борьбѣ вполнѣ отразились историческія свойства русскаго офицера и солдата—ихъ энергія, отвага, стойкость и храбрость; они снискали себѣ достойную похвалу даже со стороны своего противника, выразившуюся въ словахъ: «только русскій солдатъ могъ такъ долго и упорно держаться въ крѣпости». Были случаи побѣга съ позицій солдатъ, но они были такъ незначительны, единичны, что не могли вліять на общій ходъ защиты и вызывались въ иныхъ случаяхъ крайнимъ неустройствомъ самой позиціи (Дагушань, Сягушань, Длинная, Угловая и Высокая горы и т. д.).

Безпристрастный судъ исторіи детально выяснитъ все величіе души русскаго солдата, дравшагося за честь своего Отечества, на разстояніи десяти тысячъ верстъ отъ него. Я же, заканчивая мои тяжелыя впечатлѣнія, не могу не задаться вопросомъ,—гдѣ причина постигшихъ насъ страшныхъ неудачъ, несмотря на нашу храбрость и отвагу?

Оправдываться тѣмъ, что насъ «застали врасплохъ», едва-ли разумно и основательно въ наше время, въ вѣкъ систематическихъ насильственныхъ захватовъ; къ тому же, исторія учитъ, что захваченное насильно тогда только бываетъ прочнымъ, когда оно прочно и основательно укрѣплено и такъ же прочно и цѣлесообразно организована защита. Было-ли сдѣлано это съ нашей стороны?

Отвѣчаю: нѣтъ и нѣтъ! Если бы это было сдѣлано, то потребовалось бы гораздо меньше жертвъ и «жизнями человѣческими и казной золотою».

Итакъ, первая и основная ошибка нашихъ государственныхъ дѣятелей состояла въ полнѣйшемъ непониманіи той обстановки, среди которой пришлось дѣйствовать; они задавались широкими культурными цѣлями на удивленіе всего свѣта вмѣсто того, чтобы лить пушки, ковать штыки, сабли и укрѣплять захваченное.

Занявъ Квантунъ и Маньчжурію, наша дипломатія успокоилась, усыпленная восточнымъ опіумомъ и прозѣвавъ дѣятельныя приготовленія Японіи. Мы незнали даже численности японской арміи, считая ее въ 500—600 тысячъ, въ дѣйствительности оказавшейся болѣе милліона; мы незнали ея пѣхотнаго и артиллерійскаго вооруженія и, страшно подумать, мы защищались частью такихъ пушекъ, которыхъ, по словамъ генерала Стесселя, не жаль было и отдать непріятелю (китайскіе); вслѣдствіе же недостачи послѣднихъ, разоружили даже нашъ флотъ, по приведеніи его въ негодность.

Наша высшая власть на Дальнемъ Востокѣ положительно оказалась не на высотѣ своего положенія. За все время своего пребыванія въ Артурѣ, Намѣстникъ Алексѣевъ не совершилъ ни одного полезнаго акта въ интересахъ Родины, и незная ни флота, ни арміи, сердито только бряцалъ оружіемъ, вызывая искусственно на смертный бой.

Министръ Финансовъ Витте положительно не обладалъ качествами государственнаго ума. Устраивая маньчжурскую дорогу и Дальній (скорѣе Лишній), а статсъ-секретарь Безобразовъ образуя лѣсную концессію на Ялу, они не могли не знать, что вызываютъ Японію и Англію на смертный бой съ нами; отказывая же въ кредитахъ на вооруженіе Артура, на заготовленіе въ немъ боевыхъ припасовъ, укрѣпленіе фортовъ и усиленіе гарнизона, Витте велъ Россію на пораженіе; тѣмъ болѣе это было ужасно, что рядомъ съ этимъ не обращалось никакого вниманія на колоссальное расхищеніе казенныхъ денегъ по устройству дороги и Дальняго.

Тотъ же Витте допустилъ обнищаніе родного Уссурійскаго

края, полный упадокъ Владивостока и гибель торговыхъ русскихъ интересовъ, создавъ подъ сердцемъ крѣпости Артура г. Дальній и бухту, такъ прекрасно использованную японцами во время войны. Военный Министръ Куропаткинъ не только не оградилъ интересовъ арміи въ смыслѣ ея боевой подготовки, правильнаго комплектованія арміи и количества войскъ, своевременнаго перевооруженія арміи скорострѣльной артиллеріей, но не далъ и контингента хорошихъ дѣятельныхъ начальниковъ, выдвинувъ на видныя мѣста однѣ бездарности и рутину. О флотѣ и говорить нечего, такъ какъ кромѣ неудовлетворительной матеріальной части его, онъ былъ совершенно лишенъ опытныхъ руководителей и начальниковъ.

Таковы были всѣ эти лица, не оправдавшія довѣрія Государя; таковы были главныя причины нашихъ неудачъ, вслѣдствіе чего, по моему, получились и плачевные результаты.

М. И. Костенко.

